

Михаил Талалай
Русская церковная жизнь
и храмостроительство
в Италии

Русская церковная жизнь
и храмостроительство
в Италии

М. Г. Талалай

РУССКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ
И ХРАМОСТРОИТЕЛЬСТВО
В ИТАЛИИ

Издательский дом «Коло»
Санкт-Петербург · 2011

ББК 86.372
УДК 271.2
Т16

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Талалай, Михаил Григорьевич.
Т16 Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии / М. Г. Талалай. — Санкт-Петербург : Коло, 2011. — 400 с. : ил.
ISBN 978-5-901844-64-8
«Каталогизация перед публикацией», РНБ

Книга историка М. Г. Талалая — итог его пятнадцатилетней работы в архивах и библиотеках Италии и России. Она представляет собой уникальную «энциклопедию» русской церковной жизни на Апеннингах во всех ее аспектах — историческом, политическом, художественном, биографическом, бытовом. Церковное присутствие России представлено с его истоков, с учреждения посольских и миссийных храмов в конце XVIII в., через инициативы оседлых представителей дореволюционной элиты, а также курортников и паломников, и до деятельности эмигрантов, включая их самую последнюю «волну» на рубеже XX–XXI веков.

В Приложениях впервые публикуется ряд архивных материалов — в первую очередь, подробнейший «Журнал» строителя посольской церкви во Флоренции, маститого протоиерея Владимира Левицкого.

ББК 86.372
УДК 271.2

В издании использованы фотографии из архивов приходов в Сан-Ремо, Флоренции, Рима, Мерано, Бари, Ассоциации «Русь» (Южный Тироль) и ряда частных архивов

© М. Г. Талалай, текст, 2011
© Оформление. «Издательский дом „Коло“», 2011
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2011.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Я. Н. Шапов. О книге Михаила Талалая	7
Вступление	10
I. Вечный Город	
1. У истоков	13
2. Мисси́нная церковь в Папском государстве	15
3. Посольская церковь в столице Итальянского королевства	25
4. Приход св. Николая в палаццо Чернышефф	31
5. Паломничество к римским святыням	37
II. В «колыбели» Ренессанса	
1. Мисси́нная церковь в Великом герцогстве Тосканском	45
2. Домовые «капеллы» российских аристократов	49
3. Посольская императорская церковь	61
4. «Самый красивый в епархии храм»	73
5. «У нас, не имеющих родины, осталась лишь церковь»	79
III. На Юге	
1. Посольская церковь в Неаполе	87
2. Домовая церковь в Палермо	92
IV. На Севере	
1. Посольская и приходская церкви в Пьемонтском королевстве	97
2. Посольская церковь в Венецианской республике	102
V. В тирольском краю	
1. Курортники из Империи	105
2. Церковная жизнь	113
3. Годы забвения	116
VI. На Итальянской Ривьере	
1. Храмовоздание в Сан-Ремо	125
2. Приход на «Ривьере цветов»	131
3. Черногорский мемориал	137
VII. К Николе Чудотворцу	
1. Православное паломничество в Бари	141
2. Строительство странноприимного дома	145
3. Тяжбы вокруг подворья	151
VIII. Эмигрантские инициативы	
1. Милан	157
2. Генуя	161
3. Лагеря Ди-Пи	163
4. Торре-Пеличе	167

Оглавление

IX. В современной Италии	
1. Русская Православная Церковь (Московский Патриархат)	
Ставропигиальные храмы	
Рим	176
Бари	177
Корсунская епархия. Итальяское благочиние	
Болонья	177
Венеция	179
Генуя	180
Мальяно-Альфьери (провинция Кунео)	181
Милан	181
Модена	184
Неаполь	184
Равенна	185
Турин	185
Франкавилла-Фонтана	186
2. Архиепископия Православных Русских Церквей Западной Европы (Константинопольский Патриархат). Итальяское благочиние	
Сан-Ремо	187
Флоренция	187
Рим	187
Брешия	187
Виджевано (Ломбардия)	188
Бусто-Арсизио (Ломбардия)	188
Заключение	189
<i>Приложение 1. Протоиерей Владимир Левицкий. Журнал сооружения русской православной церкви во Флоренции. 1897–1912</i>	<i>193</i>
<i>Приложение 2. Адриан Харкевич. Дневник регента хора. 1903–1954</i>	<i>288</i>
<i>Приложение 3. Анна Суханина. Постройка русской церкви в Сан-Ремо в Италии. 1910–1954</i>	<i>313</i>
<i>Приложение 4. Князь Николай Жевахов. Письма из Бари. 1920-е гг.</i>	<i>329</i>
<i>Приложение 5. Православные кладбища в Италии</i>	<i>334</i>
Список сокращений	351
Хронология	352
Топография	354
Примечания	355
Указатель имен	385

О КНИГЕ МИХАИЛА ТАЛАЛАЯ

Современная отечественная историческая наука при исследовании фактической новейшей истории особое внимание уделяет изучению русских за рубежом. Это связано прежде всего с тем, что указанная тема в течение многих десятилетий для историков в самой России была закрыта и разрабатывалась только эмигрантами.

Современные открытые границы способствуют успешному знакомству специалистов и более широкого круга интересующихся с достоянием русской культуры за рубежом и с ее деятелями и дают возможность подготовки квалифицированных трудов, с одним из которых мы сейчас имеем дело.

Новая книга представляет исследование, значительно расширяющее наши знания о русских в Италии в XVIII–XX вв. Ее тема, история русского церковного присутствия в Италии, соприкасается с дипломатической историей взаимоотношений России и итальянских государств, точнее, она включает и ту, и другую проблематику. Это заставило М. Г. Талалая применить соответствующую методику работы, объединяющую конкретное изучение культурно-исторического и религиозного факта на историко-дипломатическом и политическом фоне.

В плане историографии автором собрана и проанализирована не столько многочисленная, сколько разнотипная и многоязычная литература о русских православных храмах в Италии — работы на русском, итальянском, французском, немецком, польском, английском и греческом языках, начиная с научных статей и монографий и кончая путеводителями по святыням и обзорами памятников.

Несомненное достижение М. Г. Талалая — это выявление и использование архивных источников по теме, ранее почти не привлекавшихся. Особую ценность имеют итальянские церковные архивы во Флоренции, Риме, Сан-Ремо и Мерано, а также материалы Св. Синода в РГИА в Санкт-Петербурге и документы Архива внешней политики Российской империи в Москве.

В этой работе ему пришлось преодолеть не только объективные трудности поиска и использования архивного материала, но и сложности, связанные с собственностью на некоторые из этих материалов различных и даже не признававших друг друга церковных организаций. Не меньшее значение имело привлечение в качестве источника многочисленных местных итальянских изданий, посвященных описанию православных церквей в различных городах Италии.

Рассмотрев вначале деятельность посольских и миссионерских русских храмов, а также частных домовых храмов русских аристократов, М. Г. Талалай показал, как их

существование порой выражало внешнеполитические интересы России. При этом они духовно окормляли не только дипломатические представительства в соответствующих итальянских государствах, но и существовавшие в них русские общины. Нужно отметить также, что русский храм за рубежом позволял прихожанам не только осуществлять свою религиозную потребность в привычных и признанных каноническими православных формах, но и ощущать себя в своей национальной среде, утверждать свою идентичность с великой страной.

Отношение России, ее Министерства и Св. Синода к посольским и мисси́йным церквям в зарубежье, прослеженное автором, не было исключительным, характерным только для Италии. Ценные дары русских царей и императоров хранятся в афонских монастырях и в обители св. Екатерины на Синае; русский храм в Иерусалиме и подворья Православного Палестинского общества тоже несли не только религиозные, но и дипломатические и политические функции. Однако, как убедительно показал М. Г. Талай, деятельность русского духовенства в Италии была особенно сложна и ответственна.

В связи с созданием единого Итальянского государства и утверждением его столицы в Риме произошли важные изменения, сведения о которых новы и актуальны для истории русской культуры. Это, в первую очередь, — уникальное российское храмо-строительство в Италии: на основании местных церковных архивов автор установил имена его участников, архитекторов, мастеров, художников. Кроме того, выявлены имена настоятелей и причетников русских храмов, что дает материал для полного перечня служившего в Италии духовенства. Таких полных списков, аналогичных спискам иерархов и настоятелей монастырей, еще нет...

Особая и интересная тема, затронутая автором, — существование в Риме с 1907 г. Кронштадтской викариной епископии Русской Православной Церкви: к освещению ее привлечен новый источник — уникальный журнал настоятеля флорентийской церкви о. Владимира Левицкого.

Что касается главы, посвященной паломничеству из России, то наиболее важной представляется ее часть, посвященная почитанию святителя Николая Мирликийского в Бари. Для возрождающегося бари́йского подворья, недавно возвращенного России, его реконструированная история представляет несомненный интерес, даже практический.

В целом можно сказать, что автор решает важную задачу — показать роль русских храмов в Италии, созданных и поддерживаемых как Российским государством, так и частными лицами, в стремлении сохранить и утвердить православие в католической стране; в окормлении соотечественников, в особенности, эмигрантов; в сохранении и развитии русской культуры в Западной Европе.

Я. Н. Щанов,

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, председатель Императорского Православного Палестинского общества

*Светлой памяти
научного руководителя
моей диссертационной работы
Нелли Павловны Комоловой*

ВСТУПЛЕНИЕ

Присутствие Русской Церкви на территории Италии отражает важные явления: возникновение на Апеннинах русских колоний, общин и землячеств; самосознание русских, проживающих в зарубежье и в «католическом окружении»; массовое движение русских паломников (в Рим и Бари) и курортников (на Ривьеру и в Южный Тироль); развитие дипломатических отношений России с итальянскими государствами, а после завершения Рисорджименто — с объединенной страной.

Вне сомнения, большинство русских в зарубежье ощущают православие «родной верой», глубоко связанной с отечественной культурой и историей. Ностальгия сопровождала многих церковным начинаниям, хотя бывало, что патриотизм иногда заслонял истинное религиозное чувство.

В то же время католический фон страны не мог не поставить вопрос о причинах разделения Церквей и об их различиях. В ходе религиозных исканий случались переходы россиян в католицизм, что в прошлом Российской империей каралось. Это, однако, не останавливало — в особенности тех, кто навсегда оседал в Италии, как, к примеру, графы Бутурлины или князя Волконские.

Италия, начиная с середины XIX в., увидела и политическую эмиграцию (назовем самые яркие имена: Герцен, Бакунин, Кулишова, Горький). Однако это была совсем иная Россия, не имевшая ничего общего с прихожанами храмов: русское православие в Италии отражала присутствующая за границей традиционная, официальная, консервативная Россия. Очень часто возникновению той или иной церковной инициативы предшествовал визит августейших особ, высочайшие указы, верноподданнические устремления аристократов: вне сомнения, русские храмы за границей до 1917 г. строились и обустроивались преимущественно представителями высших слоев общества.

На развитие православной жизни в Италии сильное влияние оказала католическая специфика этой страны. Нельзя не сомневаться в первоначальном сильном противодействии со стороны католического духовенства в распространении здесь «схизматической» Церкви (немало предубеждений против восточного христианства существовало и в народной среде). Это оказало влияние на первоначальный этап появления православных русских храмов — они могли существовать либо при посольствах, пользующихся правом экстерриториальности, либо при частных домах российских подданных, осевших в Италии. Интересна реакция итальянцев на возникновение на их территории очагов другой веры, спектр которой весьма широк — от доброжелательной и заинтересованной, до отрицательной (как у флорентийца Т. Дандоло, назвавшего в середине XIX в.

Россию «империей зла» — в результате посещения православной «капеллы» Демидовых князей Сан-Донато, показавшейся ему выражением фальши «московской религии»).

Однако в целом роль русских церквей в Италии в деле знакомства католицизма с православием велика: их часто посещали и посещают заинтересованные итальянцы. При этом миссионерство или прозелитизм всегда были чужды Русской Церкви в Италии: следует говорить лишь о свидетельстве православия перед лицом «другого» христианства.

В прошлом противостояние католицизма и православия было весьма ощутимо, и обе стороны обвиняли противника в отступничестве и расколе (лишь на Втором Ватиканском соборе с православных сняли ярлык «схизматиков»). Кроме того, православие, как вероисповедание, вообще было мало известно итальянцам — православной литературы на итальянском языке прежде не существовало. Поэтому, если в XIX в., в особенности после Рисорджименто, в Италии крепили и развивались национальные протестантские Церкви, в частности, Вальденская, то случаи перехода из католицизма в православие благодаря присутствию православных общин в то время не известны¹.

Иначе обстояло дело с жителями Италии, православными («по происхождению», греками, сербами, румынами, болгарами и т. д. Здесь Русская Церковь считала прямой обязанностью, поощряемой государством, их опекать и окормлять. Известно, что российское правительство полагало себя защитником православных на угнетенном мусульманами Востоке. Подобный «протекторат» переносился и на православных (весьма малочисленных) на Западе. В первую очередь это касалось греков, давно обитавших на Апеннинах. В XVIII — начале XIX вв. многие из них ждали освобождения Элады именно от России. Русское правительство пыталось даже рассматривать греческие церкви в Италии (в Анконе, Триесте, Ливорно) как подчиненные российскому священноначалию. В тех городах, где греческих церквей не было, итальянские греки, естественно, становились прихожанами русских храмов.

Знаменательна в католическом контексте близость и сотрудничество православных общин с протестантскими, несмотря на то, что с догматической точки зрения они много дальше от православных, чем католики. В Италии, однако, протестанты и православные попадают в один общий разряд «acattolico», что сближало их исторические судьбы: например, россиянам приходится пользоваться протестантскими кладбищами в Риме, Неаполе, Флоренции, Мерано.

История религиозной жизни ярко проявлялась в сюжетах, связанных с православными погребениями. Именно в момент смерти и обряда погребения проявляется наиболее ярко «кредо» как покойных, так и их родных и близких. Похороны православных, и вообще некатоликов, в Папском государстве проходили зачастую в драматической обстановке — поздним вечером, при эскорте жандармов, а специальная папская комиссия искореняла из эпитафий и убранства могил «схизматиков» христианские мотивы (в 1870 г., после вхождения Рима в состав объединенной Италии, всё это было отменено).

Необычна история храмов при дипломатических структурах. В «географии» посольских храмов в Италии можно уследить влияние внешней политики России. Появление

Вступление

церкви со штатом — это явный признак хорошо развитых отношений с тем или иным государством. В этом смысле характерно существование посольского храма в Неаполитанском королевстве, с которым Россию связывали традиционные дружественные отношения — храм был упразднен лишь с упразднением самого королевства. Напротив, Пьемонт, на чрезмерно активную деятельность в европейском концерте которого Россия смотрела неодобрительно (в Крымскую войну государства оказались даже в станах врагов), так никогда и не увидел посольского храма, хотя указ об его учреждении отнесен еще к 1791 г.

Интерес представляют и данные об убранстве русских храмов в Италии, впервые собранные во всей полноте. Этот аспект жизни общин особенно достоин внимания в связи с тем, что храмостроительство осуществлялось вдали от родины и от отечественных школ. Тем самым любой художественный акт, с одной стороны, становился более значимым и символичным, а с другой, он опосредовался в итальянской среде — русские прихожане не могли не учитывать католическую культуру, к тому же, им пришлось сотрудничать с местными мастерами и строителями.

В основу настоящей книги легли неопубликованные материалы, преимущественно из архивов русских церквей в Италии (в Риме, Флоренции, Сан-Ремо, Мерано, Бари). Работа в данных архивах представляла определенную сложность, так как они не систематизированы, представляя собою скопления всевозможных документов разной степени важности. Сложен был и сам доступ к архивам, являющимся собственностью отдельных приходов — поэтому для работы в них требовалось особое благословение настоятелей, помощь старост общин и прихожан.

Приношу глубокую благодарность отцам протоиереям Иоанну Янкину, Михаилу Осоргину, Георгию Блатинскому, Владимиру Кучумову, игумену Филиппу (Васильцеву), иереям Андрею Бойцову и Алексею Ястребову а также прихожанам Н.А. Харкевич, А.Г. Воронцовой-Вельяминовой, Г.С. Дозмаровой-Харкевич, Роберто Нобиле и итальянским друзьям о. Джерардо Чоффари, Наде Фраккиа, Бьянке Марабини-Цёггелер, Анне Марии Канепа-Мордаччи, Паоло Пьери-Нерли.

Даты событий, имевших местом действия Россию до 1 февраля 1918 г., даны по старому стилю. В квадратных скобках приведены уточнения и переводы, сделанные автором.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» и гранта РГНФ «Русское Православие в мире до 1917 г.» (проект № 10-01-00450а).

І. ВЕЧНЫЙ ГОРОД

1. У истоков

С конца XVIII в. российско-итальянские отношения приобретают всё более развитый характер. Это вызывалось как активной внешней политикой России, искавшей европейских партнеров, так и всё возрастающим объемом торговли с итальянскими государствами ². Сильный импульс сближению с Италией дала русско-турецкая война 1768–1774 гг. и средиземноморская экспедиция русского флота под командованием А. Г. Орлова. Европейские события рубежа XVIII–XIX вв. — Французская революция и наполеоновские войны — активизировали многие политические процессы на Апеннинском полуострове; в них стала принимать участие в той или иной степени и Россия, установившая к тому моменту двусторонние дипломатические отношения с большинством итальянских государств ³.

Важнейшие из российских дипломатических представительств в Италии (как и в других странах) должны были по статусу обзавестись православными церквями ⁴. И действительно, на рубеже XVIII–XIX вв. Св. Синод, по представлениям Коллегии иностранных дел, принимает серию решений об открытиях православных храмов в разных итальянских городах. Очередность их появления косвенно свидетельствует о том значении, которое российское правительство придавало тем или иным итальянским государствам в своей внешней политике.

Первые указы об открытии на Апеннинях православных храмов были приняты в 1791 г. (для Пьемонта), в 1799 г. (для Неаполитанского королевства) и в 1803 г. (для Папского государства) ⁵. Особняком в этом ряду стоит храм в Венеции, освященный еще в 1784 г. — однако он был устроен исключительно за счет хлопот и средств посланника графа С. Р. Воронцова и по сути дела являлся его домовою церковью.

Очередность подобных решений соответствует общему направлению русской дипломатии в XVIII–XIX столетиях. Россия вплоть до объединения Италии, действительно, всегда выделяла Пьемонт и Неаполитанское королевство и рассматривала их как союзников в европейском концерте. Отношения же России с Папским государством имели противоречивый, зачастую конфликтный характер, однако, уходя вглубь веков, они также нуждались в дипломатическом оформлении.

Ни одно из вышеперечисленных синодальных постановлений об учреждении храмов в тот момент не было исполнено на практике — из-за драматических политических событий на Апеннинах в частности и в Европе в целом. Однако по окончании наполеоновских войн Империя (и Св. Синод) вновь вернулись к церковным проектам.

Храмы при российских дипломатических представительствах, порожденные государственным характером православия, несли на себе печать этой государственности. Часто их учреждение не было связано с религиозными потребностями местных православных общин, а задумывалось в высших эшелонах власти и отражало преимущественно внешнеполитические интересы России. В итоге их деятельность являлась смешением политики и религии, что усугублялось материальной зависимостью этих церквей от Министерства иностранных дел, которое выплачивало жалование священникам и брало на себя другие расходы. МИД зачастую рассматривал зарубежных иереев чуть ли не как своих подчиненных, помогая их церковной карьере, поручая им, по заданию правительственных учреждений, дела, не имевшие отношения к пастырским обязанностям: священники за рубежом составляли рефераты о религиозно-политическом состоянии той или иной страны⁶; проводили допросы⁷, помогали искать дезертиров⁸ и девиц, сбежавших из родительского дома и т.п. С другой стороны, и дипломаты, за отсутствием поначалу развитых колоний россиян, активно участвовали в церковной жизни, выступая крестными родителями младенцев, поручителями венчаемых и т.д. Особенно часто сотрудникам дипломатических представительств приходилось вмешиваться в религиозные сферы в случаях смерти российских подданных за рубежом⁹.

Наряду с «государственными» храмами на территории Италии с 1820-х гг. стали возникать «частные» — церкви российских подданных, обосновавшихся за границей. К числу таких храмов, помимо уже упомянутого венецианского, принадлежали домовые церкви — в Италии их называют капеллами — княгини Терци, урожденной княжны Голицыной (в Бергамо), графов Бутурлиных и Демидовых князей Сан-Донатто (во Флоренции). Это явление отражало как привязанность русских людей к православию, усиливавшуюся в католическом окружении, так и верноподданнические настроения представителей высших слоев общества.

Специфика римской жизни препятствовала устройству домовых православных церквей, и русское православие тут находило изначально государственную поддержку.

2. Миссийная церковь в Папском государстве

Учреждение Русской Православной Церкви в Риме, столице западно-христианства, непосредственным образом увязалось с установлением дипломатических отношений России с Папским государством на рубеже XVIII-XIX вв. Этому предшествовала многовековая конфликтная ситуация, отягощенная как догматическим и институциональным разделением Западной и Восточной Церквей, так и частым вмешательством понтификов в дела молодого славянского государства ¹⁰.

Кроме исторических событий разного калибра, превращавших Россию и папство в политических противников, на дипломатические отношения отрицательно влияли их прямо противоположные государственные концепции. Папы римские, согласно собственной экклесиологии, считали себя главами (и не только духовными) всех католиков, включая подданных иностранных держав, что являлось результатом исходного дуализма папства, совмещающего в себе и Церковь, и государственность.

Одновременно и русская монархия полагала себя единоличным, самодержавным правителем всего населения страны, вне зависимости от его вероисповедания. Поэтому она считала себя вправе распоряжаться и духовными делами российских католиков, не желая ни прямых отношений между Святейшим престолом и российскими католиками, ни присутствия полномочного папского нунция на территории империи ¹¹. Это противоречие между двумя государствами, приводившее к обоюдному непониманию, оставалось в своей основе неизменным вплоть до отделения Русской Церкви от государства в 1917 г.

Российское правительство при этом не возражало против восприятия понтификов как глав одного из европейских государств, принципиально не отличающегося от других второразрядных держав континента и не имеющего никаких прав, даже духовных, на российских подданных. Подобная внешнеполитическая концепция России приобрела более-менее отчетливые очертания в эпоху Павла I. Этот монарх, озабоченный охраной принципов легитимизма в Европе, потрясаемой в те годы Французской революцией, установил развитые связи с Папским государством, понадобившиеся ему, в частности, и для более действенного протектората над Мальтийским орденом. Сближение того периода стало первым этапом в серии российско-ватиканских контактов XVIII-XIX вв., когда многовековые недруги искали взаимной поддержки при угрозе возникновения европейских революций ¹².

Краткий период «потепления» при Павле I резко закончился: царю стало известно об интригах Святейшего престола вокруг Мальтийского ордена, и папский нунций Лоренцо Литта в 1799 г. был выслан из Петербурга ¹³.

После смерти Павла ватиканская дипломатия возобновила попытку установления дипломатических отношений с новым российским правительством, на что то смотрело, по вышеизложенным причинам, весьма неодобрительно. Тем не менее, в 1802 г. было принято решение об обмене дипломатическими миссиями, и в 1803 г. в Петербург прибыл посланник Святейшего престола монсеньор Томмазо Ареццо. Чуть позже в русской столице аккредитовался туринский посланник, знаменитый Жозеф де Местр, по сути дела взявший на себя неофициальные полномочия проводника папской политики.

В 1803 г. и Россия назначила своего посланника в Рим, известного московского библиофила и эрудита графа Д. П. Бутурлина¹⁴. В том же году, 6 октября, по представлению Коллегии иностранных дел Александр I подписал указ об учреждении «греко-российской церкви» при римской миссии. Был утвержден штат с одним священником и двумя церковниками (т. е. псаломщиками), а Синоду поручили к весне 1804 г. «приготовить церковь со всею к оной потребностью»¹⁵. Эти приготовления недвусмысленно указывают на то значение, которое российское правительство придавало вновь учреждаемому дипломатическому представительству. Обычно практика была несколько иной: церкви учреждались по прошествии определенного времени, необходимого для обустройства представительства. В данном случае это задумывалось актом единовременным: ведь посольство открывалось в таком особом городе, как Рим, и в таком особом государстве, как Папское.

Церковь изначально предполагалось освятить во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Это являлось весьма символическим актом: ведь папа римский декларативно объявлял себя непосредственным преемником апостола Петра, трактуя с XI в. православную Церковь как схизматическую, раскольническую, безблагодатную. Таким образом, русский храм с посвящением св. Петру¹⁶ напоминал бы католичеству в его столице, что именно православие сохраняет апостолическую преемственность. Кроме того, Синод, посвящая будущий храм двум первоверховным апостолам, выказывал уважение месту, где хранились их мощи: это лежало в русле древнехристианской традиции.

Однако в 1803 г. в Риме не появился ни Петропавловский храм, ни российский посланник Бутурлин: в тот момент разразился громкий дипломатический скандал. Он был вызван выдачей папским правительством во Францию, по требованию Наполеона, французского эмигранта-монархиста Вернега, поступившего на дипломатическую службу России и принявшего ее подданство. Весьма вероятно, что петербургский кабинет использовал это возмутительное обстоятельство, как повод к разрыву дипломатических отношений, в которых не испытывал особой необходимости.

2. Миссийная церковь в Папском государстве

На протяжении последующих лет никаких попыток с обеих сторон к возобновлению отношений не происходило — вплоть до Венского конгресса 1815 г., где в стане легитимных государств-победителей было представлено и Папское. Во время конгресса ватиканский статс-секретарь, кардинал Эрколе Консальви, встретился с Александром I, предложив ему наладить двусторонние отношения, и даже пригласил царя в Рим. Однако российское правительство по-прежнему не желало видеть папского нунция у себя дома и проводило политику «односторонней» дипломатии, назначая в Рим своих посланников и не позволяя понтификам аккредитовать ответные миссии.

Так, в 1815 г., сразу после Венского конгресса, в Папское государство прибыл первый российский посланник, протестант-голландец барон Теодор Тейль ван Сероскеркен¹⁷. В соответствии с позицией империи он осуществлял чисто светское представительство, имея главной задачей пересылку в Петербург папских актов, касавшихся российских католиков (а в Петербурге уже решали передавать их по адресу или «класть под сукно»). Представительство, таким образом, играло роль «канала», соединявшего Святейший престол с империей и исключавшего какую-либо прямую связь Рима с российскими католиками. Такой тактике неукоснительно придерживались и все последующие посланники России при Святейшем престоле в XIX в. Представительство имело к тому же пониженный статус — миссии, а не посольства.

Ван Сероскеркен прослужил в Риме около двух лет, ничем особым не отметив свое пребывание. Сменивший его в 1817 г. А. Я. Италинский¹⁸, напротив, оставил яркий след в истории дипломатии. Италия ему была хорошо знакома: свою карьеру он начал в 1781 г. как секретарь посольства в столице Неаполитанского королевства. Опытный политик, Италинский блокировал (в соответствии с установкой российской дипломатии) любые попытки кардинала Консальви к установлению двухсторонних отношений. С учреждением же православной церкви в Риме, Италинский, которого папа Лев XII охарактеризовал как «схизматика [т. е. православного] по этикету, философа по убеждению»¹⁹, видимо, не спешил, несмотря на существовавшую синодальную резолюцию 1803 г. Вероятно, он учитывал, что устройство «схизматического», согласно католицизму, храма могло бы вызвать негативную реакцию в среде ультрапапистов и усложнить и без того непростые и отнюдь не добросердечные отношения между двумя государствами.

Спустя пять лет после назначения Италинского в Рим, в 1823 г., храм все-таки был освящен, в здании самой миссии, в палаццо Рондинини на Корсо, 518. Когда дипломаты в 1828 г. переехали в палаццо Одескальки на piazza Santi Apostoli, с ними переехала и церковь: по этому случаю ее декорировали заново, при заинтересованном участии российского посланника князя

Г. И. Гагарина²⁰. Тем временем в 1830–1831 гг. дипломатические отношения подверглись очередному испытанию из-за польского восстания: национально-освободительное по содержанию, оно имело и сильную религиозную составляющую, так как все инсургенты были католиками. Русским священникам пришлось покинуть Рим, перевели из Италии и князя Гагарина...

Вновь церковь в Вечном Городе открыли в 1836 г. Знаменательно, что ее посвящение было изменено: вместо изначально Петропавловской теперь учредили церковь с титулованием «верноподданнического» оттенка — во имя св. Николая Чудотворца, небесного покровителя царствовавшего правителя.

Именно с 1836 г. началась регулярная деятельность русского храма в Вечном Городе. Она продолжалась непрерывно тридцать лет, по 1866 г., и хорошо прослеживается по клировым ведомостям, которые Синод ежегодно получал из Рима²¹.

Возможно, учреждение храма, повышавшее статус представительства, являлось косвенным свидетельством тогдашнего сближения Рима и Петербурга. Его причиной было общее желание найти союзников в противостоянии назревавшей европейской революции. Сближению, возможно, способствовал и визит в 1838 г. в Рим наследника престола, цесаревича Александра Николаевича, послуживший преддверием к посещению столицы Папского государства самим царем (в 1846 г.).

Конец 1830-х гг. ознаменовался, впрочем, очередным кризисом российско-ватиканских отношений: в 1839 г. была торжественно объявлена ликвидация Брестской унии 1596 г. и присоединение к Русской Православной Церкви полутора миллионов украинцев-униатов. Папа, однако, не предпринял каких-либо резких дипломатических шагов и межгосударственные отношения, пережив серьезный кризис, сохранились.

При учреждении новой церкви в Риме для вящей практичности министерство иностранных дел упразднило посольский храм в столице Великого герцогства Тосканского (необходимость в нем ввиду снижения общего интереса России к Тоскане значительно снизилась) — таким образом, появление нового храма было представлено МИДом как акт переноса церкви из одного итальянского города в другой. Непосредственным «перемещением» храма занимался российский посланник в Тоскане Н. А. Кокошкин²², предпочитавший жить в Риме, а не во Флоренции (возможно, идея переноса церкви в Рим принадлежала лично ему). Новый храм разместили в палаццо Дория Памфили на piazza Navona, в наемном помещении, аренду за которое выплачивало МИД.

Как и все другие заграничные русские церкви, римская была номинально включена в состав С.-Петербургской (тогда столичной) епархии и управлялась петербургской консисторией, однако во многом, прежде

Неизвестный
художник.
Интерьер церкви
свят. Николая
в палаццо
Джустиниани
в Риме

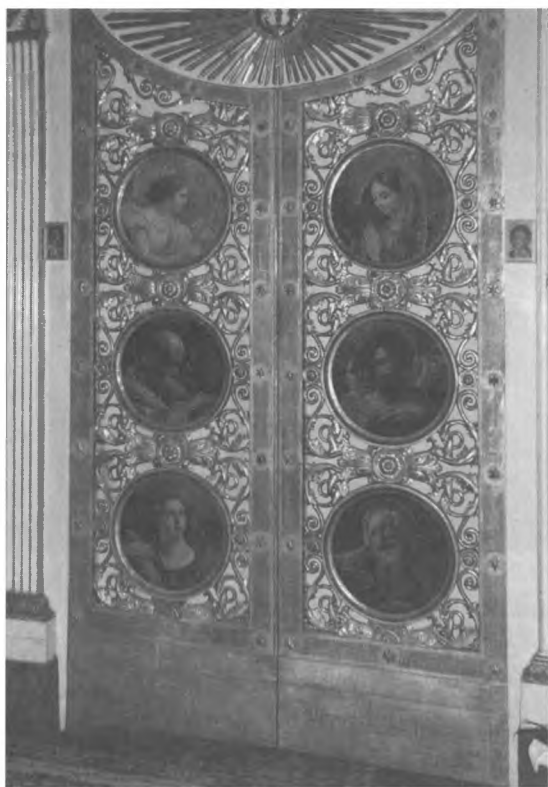

всего — материально, зависела от Министерства иностранных дел, именуясь «посольской».

Первым постоянным русским священником в Риме стал в 1836 г. иеромонах Герасим, которого перевели туда из упраздненной церкви во Флоренции (вместе с самой церковью). Именно о. Герасим занялся устройством нового храма при активном участии тогдашнего посланника Н. Д. Гурьева²³, который выделял на это даже собственные средства.

К церковному делу российская миссия привлекла пенсионеров Академии художеств, находившихся в Италии. В письме от 27 сентября 1838 г. Карл Брюллов так писал в Общество поощрения художников: «Теперь все русские художники, находящиеся в Риме, взяли на себя согласие Господина посланника [И. А. Потемкина]²⁴ пожертвовать для украшения оной своими трудами; мне досталось написать Царские двери» (художник написал шесть медальонов на меди, диаметром около 35 см каждый)²⁵. Наиболее удачны образа евангелистов, выполненные Брюлловым очень выразительно, хотя и не по иконописным канонам.

Изучение архива русской церкви в Риме позволило выявить имена привлеченных мастеров, прежде неизвестные. Композиция иконостаса принадлежит К. А. Тону, знаменитому впоследствии строителю московского собора Христа Спасителя. Однорядный и высокий, в классическом стиле, иконостас напоминает работу этого мастера для Казанского собора в Петербурге. На фризе иконостаса — надпись: «Благословен Грядый во Имя Господне».

Царские врата работы К. Брюллова в церкви свят. Николая на виа Палестро в Риме

Кроме Брюллова в написании образов участвовали другие молодые художники, учившиеся в Риме и вошедшие позднее в когорту мастеров академической школы. Ф. А. Бруни украсил правые двери иконостаса храмовым образом св. Николая Чудотворца, образ св. Александра Невского для левых дверей создан А. Т. Марковым²⁶. Эти иконы имеют программный смысл, представляя небесных покровителей Николая I, при котором церковь сооружалась, и Александра I, при котором была основана.

Местные образы Спасителя и Божией Матери написаны художником Гофманом, причем в изображении Богородицы видно влияние (по крайней мере, композиционное) «Сикстинской Мадонны» Рафаэля. Над Царскими вратами, по канону, водрузили изображение Тайной вечери (художник И. И. Габерцетель), ныне помещенное перед алтарным сводом. На Горнем месте прежде находилось живописное изображе-

ние Распятия (художник Я. Ф. Яненко²⁷), ныне оно — в церковной ризнице.

Несмотря на многочисленные переезды посольской (с 1921 г. — приходской) церкви из одного римского палаццо в другой, иконостас, исполненный русскими мастерами в 1830-х гг., прекрасно сохранился и донныне.

Для высоких лиц империи посольская церковь, очевидно, стояла в списке мест, обязательных для посещения. Оказала ей внимание и великая княгиня Елена Павловна, побывавшая в Риме в 1840-х гг. Она подарила храму два больших образа, написанных художниками-академистами И. С. Ксенофоновым и П. Ф. Плешановым²⁸ (иконы св. царицы Елены, своей небесной покровительницы, и св. великомученицы Екатерины).

В 1844 г. в Венеции, в греческом соборе св. Георгия, настоятеля храма о. Герасима посвятили в сан архимандрита. Этот почетный сан, присущий обычно игуменам монастырей, был необходим о. Герасиму как настоятелю

«престижной» церкви. Очень возможно, что подобному «возвышению» настоятеля способствовал намечавшийся на 1845–1846 г. визит царя в Италию: Русская Церковь в Риме должна была быть представлена на этой встрече достойным образом.

С этого момента Св. Синод назначал в Рим иереев исключительно из состава «черного» духовенства и в сане архимандрита. Назначение в Рим монашествовавших, возможно, являлось проявлением и дипломатического этикета — дабы не противопоставлять celibатному католическому клиру семейных русских батюшек. Может быть, учитывался и менталитет населения, которое, несомненно, было бы шокировано священниками, окруженными своими законными детьми.

В 1845 г. посольский храм поменял адрес, въехав в новое помещение в палаццо Джустиниани, близ Пантеона. Очень возможно, что и этот факт был связан с предстоящим высоким визитом (помещения для храма подыскивали российские дипломатические работники; оплату за их наем производил МИД²⁹).

Николай I приехал в Рим в начале 1846 г. и остановился в самом палаццо Джустиниани: вне сомнения, что он посетил и располагавшуюся там Никольскую церковь. Его встреча с папой Григорием XVI внешне прошла успешно, закончившись подписанием в следующем, 1847 г., двустороннего соглашения, где, однако, папскому представителю в России опять-таки не предоставлялось никаких прав по части сношений с католическими подданными империи (из-за этого договор 1847 г. ватиканская дипломатия справедливо назвала не «конкордатом», а «урегулированием», «ассоциamento»)⁵⁰. Формулировкой двустороннего соглашения с понтификами, первого в истории обеих держав, занялся специально посланный в 1846 г. в Рим опытный государственный деятель граф Д. Н. Блудов³¹, добросовестно выполнивший поставленную перед ним задачу по ограничению папского влияния в России.

В 1849 г. архимандрит Герасим скончался в Неаполе, где и был погребен на несохранившемся Английском кладбище³². После него настоятелем церкви в 1851 г. назначили ученого монаха, профессора кафедры философии Киевской духовной академии, архимандрита Феофана (в миру Петр Семенович Авсенеv; 1812–1852)³³. Полиглот, духовный писатель, тонкий знаток музыки, один из самых образованных клириков своего времени, он спустя всего лишь год после назначения в Рим скончался (похоронен на не-католическом кладбище Тестаччо в Риме).

После смерти о. Феофана, в 1852–1855 гг. здесь служил архимандрит Иаков (Василий Поспелов; 1818–1896), прежде бывший преподавателем Орловской, а затем Харьковской духовной семинарии. Уже в 1853 г. он

опубликовал в России две брошюры «Краткие заметки о римской Церкви» и «Путешествие в Бар-град»³⁴.

Служение о. Иакова пришлось на один из самых острых моментов в российско-ватиканских отношениях: разразился так называемый Восточный кризис, закончившийся Крымской войной. Политическому конфликту, вызванному борьбой за влияние в Средиземноморье, обе стороны придавали религиозный характер³⁵. Папа Пий IX всё же проводил достаточно сдержанную политику (в отличие от французского духовенства, представлявшего Крымскую войну как новый крестовый поход). Знаменательно, что в самый разгар Крымской войны он вполне доброжелательно встретил в Риме известного впоследствии церковного историка, преосв. Порфирия (Успенского), официально в тот момент — паломника, а в действительности имевшего церковно-дипломатические поручения по укреплению позиций России.

Незадолго до окончания Крымской войны, в 1855 г., архимандрита Иакова отозвали в Россию, где он стал игуменом знаменитого Кирилло-Белозерского монастыря, оставаясь в этом сане 30 лет. Перед возвращением он отреставрировал на свои средства иконостас храма.

С 1855 г., после отъезда о. Иакова, и по 1860 г. в Риме настоятельством архимандрит Софония (в миру Степан Сокольский; 1800–1877). До этого назначения он служил ректором ряда духовных семинарий, а с 1848 г. — настоятелем посольского храма в Константинополе. Интересуясь инославием, он опубликовал пространный очерк «Папская месса в Петропавловском соборе в день Рождества Христова». По поручению Синода он дважды имел аудиенцию у папы Пия IX, вел с ним и его курией щекотливые переговоры о польском духовенстве. Его духовной дочерью была великая княгиня Мария Николаевна, подолгу жившая в Риме. 22 января 1860 года архимандрит Софония подал прошение МИД об увольнении его от службы, где, в частности, писал: «Состоя на службе за границую 12 лет, а всего на службе Церкви и Отечеству уже 33 года, и чувствуя возрастающий со дня на день упадок всех сил, особенно слабость в зрении, нахожу для себя вовсе невозможным продолжать служение где бы то ни было, а тем более за границею, вне Церкви и Отечества»³⁶. По возвращении в Россию, он занял кафедру епископа Ново-Миргородского, а затем Туркестанского и Ташкентского. Его перу принадлежат глубокие исследования о Несторианской и Армянской Церквях.

Архимандрита Софонию сменил архимандрит Палладий (Петр Иванович Кафаров; 1817–1878), остававшийся в Риме до 1864 г. До Рима — начальник православной миссии в Китае, священник вошел в историю русской культуры как блестящий востоковед, первый переводчик «Сокровенного сказания монголов». В Папском государстве, накануне его падения, архимандрит Палладий занялся изучением христианских древностей, а его результаты

публиковал в «Духовных беседах». Как только вновь открылась возможность вернуться в Китай, он покинул Рим.

Сменил в 1864 г. о. Палладия архимандрит Порфирий (в миру Георгий Иванович Попов). До назначения в Рим он читал патристику в Московской духовной академии⁵⁷ и был известен как церковный писатель — его перу принадлежат исследования о свв. Киприане, епископе Карфагенском, Василии Великом, Григории Богослове, Григории Нисском и проч. Архимандрит Порфирий скончался в Риме в 1866 г. и похоронен на некатолическом кладбище Тестаччо.

Итак, в XIX в. для большинства настоятелей православной церкви в Риме назначение в Папское государство (а позднее — в столицу объединенной Италии), сопровождавшееся посвящением в сан архимандрита, было важной ступенькой в их церковной карьере.

Сравнительно частая смена настоятелей еще раз говорит о том, что жизнь римской церкви подвергалась сильному влиянию политических обстоятельств и разного рода проектов МИДа, причем порою это наносило явный вред пастырскому служению: православная община тут нуждалась в постоянном священнике, а не во временно «командированном».

Необходимость в пастырях действительно существовала, так как в Риме к середине XIX в. сложилась крупная русская община. В приход она официальным образом не оформилась, потому что по статусу посольские церкви были бесприходными. Однако, как и другие посольские храмы в Западной Европе, церковь в Риме *de facto* играла роль приходской. Священники при посольстве крестили, венчали, отпевали, и метрические книги с их соответствующими записями являются ценным источником сведений о жизни русской колонии на берегах Тибра.

Опасалась ли римская курия влияния православного клира? Думается, что особых тревог русские священники в Риме у католической власти не вызывали, ибо занимали в Вечном Городе весьма скромное положение, обслуживая колонию дипломатов и иных россиян. О «пропаганде» православия в Риме в ту эпоху упоминаний нет.

И все-таки для кое-каких опасений основания были. В середине XIX в. разразился скандал, связанный с переходом в православие (т. е. согласно католической точке зрения той поры — уходом в раскол, к «схизматикам») французского священника Рене-Франсуа Гетте [Guette], принявшего новое крестильное имя Владимир. Это отступничество (еще раз подчеркнем, для Католической Церкви) было совершено благодаря деятельности русской посольской церкви в Париже, которую посещал падре до обращения. Приняв православие, о. Владимир Гетте, как это бывает с неопитами, принялся обличать папство, выпустив ряд полемических памфлетов⁵⁸.

В те годы отношения России с понтификами постоянно ухудшались. После смерти Николая I и окончания Крымской войны у римской курии, в очередной раз, возникли иллюзии, что новый российский самодержец будет более благожелателен по отношению к Риму и к его стремлению непосредственно руководить религиозной жизнью российских католиков, через нунциев.

Однако предпринятая с этой целью специальная папская миссия в 1856 г. (ее официальным поводом было принесение поздравлений Александру II с его восхождением на трон) провалилась.

В 1859 г. Пий IX направил Александру II протестующее письмо, где заявлял, что договор 1847 г. остался мертвым. В целом понтифик был формально прав: жесткая политика России по отношению к Риму своего содержания не изменила. Однако и это письмо не возымело действия.

В начале 1860-х гг. вспыхнуло очередное восстание поляков, горячо поддержанное как итальянской общественностью, ощущавшей «польское дело» сродни собственному Рисорджименто, так и папством, вновь заговорившим о преследовании католиков в российской империи. Со своей стороны, Россия стала поддерживать, исходя из собственных внешнеполитических интересов, объединительную политику Виктора-Эммануила II, принципиально направленную против политических прерогатив папства. Ухудшение межгосударственных отношений до поры до времени не препятствовало существованию в Риме дипломатического представительства России и его православной церкви.

Последнему настоятелю храма при посольстве в Папском государстве, архимандриту Гурию (в миру Григорий Платонович Карпов; 1814–1882), прибывшему на берега Тибра в начале 1866 г., тут же пришлось пережить апогей российско-ватиканского кризиса. Раздражение ватиканской курии, вероятно, подогревал радушный прием, оказанный в Петербурге ранее, в 1865 г., «рenegату» о. Владимиру Гетте. После выхода книги о «схизматическом папстве» он получил высокую государственную награду из рук царя (конечно, по инициативе МИДа). Однако истинную тревогу у пап вызывало политическое положение Рима и возрастающая его изоляция в Европе. В 1866 г. правительство Виктора-Эммануила II заключило антипапский и антиавстрийский военный альянс. Первоочередной целью союза для короля-объединителя являлась область Венеции, и в ближайшей перспективе — Папское государство.

Весной 1866 г. король Виктор-Эммануил II объявил войну Австрии, в которой Россия заняла проитальянскую позицию. В результате Пий IX разорвал дипломатические отношения с Петербургом, и дипломатический корпус вместе с православным клиром был вынужден покинуть Рим...

3. Посольская церковь в столице Итальянского королевства

Разрыв произошел накануне Пасхи, и русское духовенство, дабы не пропустить праздника, вынужденно уехало в Неаполь, где всё еще действовала (правда, последние дни) православная церковь. В письме российского вице-консула в Неаполе Николаоса Мутояни (грека по национальности) от 15 (3) мая 1866 г. к о. Михаилу Орлову, ее настоятелю, находившемуся в тот момент во Флоренции, подробно описывается пребывание в Неаполе всего римского клира — архимандрита Гурия, диаконов и певцов³⁹. Вскоре о. Гурий отбыл в Россию, где с 1867 г. управлял Таврической епархией. Его пастырские труды оставили глубокий след: в 2008 г. Украинская Православная Церковь причислила его к лику святых.

Святитель Гурий стал свидетелем драматического конца двусторонних дипломатических связей между Папским государством и Россией. Они просуществовали менее двух десятилетий, и, будучи крайне ограниченными, по сути никогда не приобрели характер истинных межгосударственных отношений.

3. Посольская церковь в столице Итальянского королевства

Существование папского Рима, «земные» прерогативы папы были главным препятствием на пути к окончательному объединению Италии. «Римский вопрос» вырос в одну из главных проблем рубежа 1860-х — 1870-х гг. Российская внешняя политика в принципе поддерживала Рисорджименто, подтвердив это признанием объединенного королевства уже в 1862 г.

Вероятно, в середине 1860-х гг. в Петербурге полагали, что падение папской власти над Римом предрешено — об этом косвенно свидетельствует указ 1867 г. об утверждении штата православной церкви в Риме (в составе архимандрита-настоятеля, диакона и двух псаломщиков), подписанный Александром II. Знаменательно, что указ появился в момент, когда российско-ватиканские отношения были прерваны — значит, речь шла не о русской церкви в столице Папского государства, а о грядущей столице объединенного Итальянского королевства. Тем не менее в течение нескольких лет это решение оставалось только на бумаге — Россия, как и вся Европа, ждала окончательного разрешения «римского вопроса».

В 1870 г. сопротивление папы объединительному движению было окончательно сломлено, а Рим провозглашен столицей Итальянского королевства, со всеми вытекающими для внешней политики России последствиями⁴⁰. В период решительных боев пьемонтских войск с папскими, в июле-сентябре 1870 г., Россия придерживалась нейтралитета, однако

нейтралитета благожелательного по отношению к пьемонтскому (теперь — общепитальянскому) королю.

В целом, как российское правительство, так и Церковь могли быть только довольны подобным исходом дела. Правительство надеялось на союзничество с новой Италией в деле восстановления позиций России в Европе и пересмотре унижительного Парижского договора 1856 г. Церковь же откровенно выражала удовлетворение по поводу присоединения Рима к Италии, справедливо полагая, что это обстоятельство значительно уменьшит могущество папства и, следовательно, урежет его претензии в отношении восточных христиан. Позицию Русской Православной Церкви в отношении «римского вопроса» подробно осветил протоиерей Стефан Никольский, выразивший откровенную радость по случаю падения земной власти пап, которая, по мнению автора, противоречила принципам христианства⁴¹. При этом он подчеркивал различие между низшим католическим клиром, сумевшим соединить свою преданность Ватикану с патриотизмом, и их политиканствующими «начальниками» — понтификами.

В 1871 г., почти сразу после переезда короля Виктора-Эммануила II из временной столицы Италии, Флоренции, в Вечный Город и аккредитации там российских дипломатов посольская церковь в Риме возобновила свою деятельность⁴².

Первым римскими настоятелем, после шестилетнего перерыва, был назначен архимандрит Александр (в миру Андрей Яковлевич Кульчицкий; 1823–1888)⁴³, остававшийся на этой должности до 1877 г. — Церковь и МИД продолжили курс, выработанный с первых лет существования в Риме «дипломатического» храма. Сюда по-прежнему назначались исключительно монашествующие священники в почетном сане архимандрита, ожидавшие епископской кафедры. Архимандрит Александр, отозванный в Россию, к примеру, был хиронитосан во епископа Туркестанского.

Затем в 1878–1880 гг. тут настоятельствовал архимандрит Николай; в 1880–1881 гг. архимандрит Митрофан; в 1881–1884 гг. архимандрит Никон (Филипп Егорович Богоявленский; 1831–1897)⁴⁴, в 1884–1897 гг. архимандрит Пимен (Дмитрий Дмитриевич Благово; 1827–1897).

Почему настоятели менялись так часто? Ведь по сути такая практика противоречила принципам пастырства: настоятель храма должен был знать своих прихожан, руководить их духовной жизнью и проч. Прибывавший же в Рим священник чаще всего через несколько лет сменялся другим, не успевая освоиться ни с Италией, ни с римской колонией россиян. Вероятно, это обстоятельство явилось результатом «внешнеполитического» происхождения храма, его подверженности администрированию. В самом деле, священники назначались по выбору МИДа, и смена послов могла вызывать

и смену настоятелей. Св. Синод рассматривал назначение в Рим, как весьма почетную «командировку»: для священников-иеромонахов она, за редким исключением, служила важной ступенькой в их дальнейшей карьере. Для сравнения заметим, что о. Владимир Левицкий, имевший семью, настоятельствовавал бессменно во Флоренции в течение почти полувека — за это время в столичном Риме сменилось около десятка настоятелей.

О пребывавшем в Риме в конце XIX в. архимандрите Пимене (Благово) стоит упомянуть особо, поскольку он занимает видное место в истории русской культуры. Высокообразованный, из старинного дворянского рода, он принял в 1880 г. монашеский постриг и затем подвизался в Толгской и Николо-Угрешской обителях. Его главный литературный труд, «Рассказы бабушки, собранные ее внуком Д. Д. Благово», стал своеобразным памятником целой эпохи. В Риме архимандрит Пимен вместе с послом А. Г. Влангали устроил российский странноприимный дом св. Станислава на *via delle Botteghe Oscure*, собрал ценную библиотеку, написал воспоминания о своей московской жизни. Скончался он в 1897 г. и похоронен на римском кладбище Тестаччо⁴⁵. Сменившему его архимандриту Клименту (Константин Александрович Верниковский; 1863–1909)⁴⁶ принадлежит почин строительства русского храма.

Идея сооружения церкви в «римско-католическом престольном граде», как называли иногда русские иереи Вечный Город, обсуждалась давно. Начало было положено вдовой надворного советника, Елизаветой Ковальской, которая в 1880 г. обратилась в Св. Синод с просьбой разрешить соорудить за ее счет храм на кладбище св. Лаврентия (иначе Верано)⁴⁷ — дабы «почтить память супруга, служившего в Риме»⁴⁸ (Ковальский служил при российском посольстве).

Церковные власти по заведенному обычаю решили навести справки о ней и о ее инициативе в Риме. Российский посол, барон К. П. Икскуль фон Гилленбандт⁴⁹, на запрос Синода ответил так: «Храм во всемирном центре римско-католической веры должен соответствовать высокому значению православия и, по крайней мере, не уступать в размерах и изящности некатолическим храмам, которые с 1870 г. строятся в Италии. (...) Средства Ковальской не достаточны»⁵⁰. В результате вдова разрешения не получила...

Почему благочестивая инициатива вдовы получила отрицательный ответ от церковных властей? Вероятно, в подобном исходе был заинтересован прежде всего посол, принадлежавший к лютеранской конфессии и посему равнодушный, если даже не враждебный к идее хлопотного православного храмостроительства (ему же в течение многих лет удавалось тормозить дело возведения посольского храма во Флоренции). Таким образом, посольская церковь оставалась пребывать внутри наемного помещения.

На рубеже XIX-XX вв. ее староста Н. А. Протопопов за свой счет снабдил храм богатой ризницей, утварью, иконами. Он же хотел устроить за правым клиросом придел во имя святителя Алексия Московского в память о рождении наследника-цесаревича. Эта идея носила явный верноподданнический характер, но Синод и ее осторожно отклонил⁵¹. Точные мотивы такого решения неясны. Как всегда в жизни церковного зарубежья, Синод опирался на мнение дипломатов, которые в те годы готовились к сооружению в Риме «настоящей» церкви и, вероятно, не желали распыления средств и усилий.

Архимандрит Климент с самого начала настоятельства, в 1897 г., заявил о «потребности иметь православный храм, отвечающий достоинству православия и величию отечества»⁵².

Впервые Россия сооружала собственный православный храм в многовековой столице католицизма. Уже в 1898 г. начался сбор средств, который в 1900 г. был официально разрешен Николаем II, внесшим «царскую лепту» в 10 тыс. рублей. Для сбора средств архимандрит Климент выезжал даже в Москву, где ему удалось получить деньги от великих князей Сергея Александровича и Михаила Николаевича, от московских фабрикантов и сибирских золотопромышленников — всего собрали 265 тыс. итальянских лир. Житель Рима, граф А. А. Бобринский, пообещал подарить для строительства храма свой дом Villa Malta и сад в самом центре города. Тем самым проект приобретал нужный размах и резонанс.

К сожалению, новый настоятель, назначенный в 1902 г. архимандрит Владимир (в миру Всеволод Путята), поставил под сомнение ценность участка Бобринского из-за его якобы труднодоступности (Villa Malta отошла наследникам Бобринского, скончавшегося в 1915 г., а затем — ордену иезуитов, владеющему ею и сейчас) и предложил искать другое место. Архимандрит отверг первоначальную кандидатуру архитектора М. Т. Преображенского, опытного строителя русских церквей за границей, и стал продвигать собственного кандидата А. Ю. Ягна⁵³.

Споры разделили участников церковного строительства, но дело все-таки двигалось: в 1906 г. был образован Строительный комитет, куда вошли дипломаты, члены русской колонии в Риме и, конечно, сам архимандрит Владимир. Учреждение комитета с участием дипломатов стало уже отработанным приемом в практике возведения зарубежных храмов при участии МИДа: таким образом осуществлялся государственный контроль за ведением дела и за расходами средств.

Проявившееся в начале XX в. повышение интереса итальянского правительства к России, несомненно, способствовало различного рода русским инициативам в Риме. Известно, что Виктор-Эммануил III сразу после восшествия на престол в 1900 г. отправился в Петербург, давая тем самым по-

3. Посольская церковь в столице Итальянского королевства

нять, что сближение между странами возможно (Россия этим шагом воспользовалась мало). Немаловажным обстоятельством являлся брак короля с принцессой Еленой Черногорской, русофилкой (она училась в петербургском Смольном институте) и первоначально православной по вероисповеданию. Несмотря на обязательный переход в католичество перед браком с итальянским принцем (в 1896 г.), она продолжала оказывать покровительство православным жителям королевства.

В 1909 г. в Раккониджи состоялась давно подготавливавшаяся встреча между двумя монархами, закончившаяся подписанием тайного договора. Это был крупный успех внешней политики Италии, которой петербургский кабинет по разным причинам длительное время не уделял подобающего внимания.

Тогда же в жизни русского зарубежья произошло важное событие: впервые за всю историю Русской Православной Церкви появилось заграничное епископство, названное Кронштадтским. Оно было инициировано МИДом и согласно изначальной идее должно было служить нуждам российского духовенства и его православной паствы, пребывавшей за рубежом (и, конечно, эффективному административному контролю). Это важнейшее предприятие закончилось фиаско — не из-за порочности идеи, а из-за ошибочных действий архимандрита Владимира, ставшего викарным епископом Кронштадтским (с резиденцией в Риме). В 1911 г. после многочисленных нареканий владыку Владимира отозвали в Россию: епископство прекратило свое существование.

Бесславно отбывшего на родину преосвященного Владимира сменил архимандрит Дионисий (Константин Николаевич Валедицкий; 1876–1960), служивший в Риме в 1912–1913 гг. Одним из первых его дел стала подготовка и издание «Спутника русского православного богомольца в Риме» (Рим, 1912) — книги, сыгравшей большую роль в поддержке русского паломничества в Италии.

При о. Дионисии строительство храма продвигалось: осенью 1913 г., по представлению Синода Николай II разрешил сбор пожертвований по всей России, а летом 1914 г. в Петербурге был открыт особый банковский счет⁵⁴.

Строительный комитет составил обращение с патетическими словами: «...Престол Божий поставлен в наемной квартире»⁵⁵. Но и о. Дионисию не довелось завершить строительство: в 1913 г. он был отозван в Россию, где по установившейся практике «пошел на повышение» и был поставлен во епископа Кременецкого — впоследствии он стал одной из важнейших фигур русского зарубежья, возглавив автокефальную Церковь в Польше⁵⁶.

О государственном интересе к сооружению храма в столице католического мира свидетельствует и привлечение к проектированию В. А. Покровского⁵⁷.

Архим. Симеон (Нарбеков). Фотография 1941 г.

Этот зодчий в те годы выполнял самые ответственные заказы петербургского двора и был вхож в самые высокие сферы. Он строил, в частности, летнюю резиденцию царя в Царском Селе. То, что спроектировал он для Рима, соответствовало идее торжества православия, вкладывавшейся организаторами в храмостроительство. Архитектор задумал огромный, высотой почти 70 метров, собор, увенчанный могучей башней. Купол должен был быть покрыт золотой мозаикой, с тем чтобы русский храм был виден из дальних пригородов Рима.

В 1914–1916 гг. в Риме настоятельством воевал архимандрит Филипп (Сергей Николаевич Гумилевский; 1877–1936⁵⁸). В 1915 г. он сформировал новый состав Строительного комитета, возглавленный теперь князем С. С. Абамяком-Лазаревым, владельцем гигантской виллы у подножья Яникульского холма. Князь навязал комитету друго-

го, уже четвертого по счету, архитектора — Винченцо Моральди. Проект итальянца был подвергнут экспертизе и серьезной критике архитектором Вс. А. Субботиным, надзиравшим тогда за строительством русской церкви в Бари. Комитет всё же принял проект Моральди и при его содействии приобрел на имя императорского посольства участок на набережной Тибра, близ Понте Маргерита (Lungotevere Arnaldo da Brescia). В 1915 г. совершилось важнейшее событие: в присутствии дипломатического корпуса и важнейших лиц Рима храм был наконец-то заложен...

Новый этап в истории римской общины связан с назначением в Италию в 1916 г. архимандрита Симеона (Сергей Григорьевич Нарбеков). По словам митрополита Евлогия, основателя эмигрантской епархии в Западной Европе, «хороший, вдумчивый монах»⁵⁹; архимандрит Симеон служил здесь почти полвека († 1969 г.; похоронен на кладбище Тестаччо).

4. Приход св. Николая в палаццо Чернышефф

Храмостроительство пришлось на важный момент сближения двух стран — вступление Италии в первую мировую войну на стороне Антанты. Этому предшествовал медленный отход Италии от альянса с Германией и Австрией и переориентация на новых союзников. Второго августа 1914 г. Италия объявляет о нейтралитете, который ей был нужен для пересмотра внешней политики, в частности, ее русского сектора. Одновременно из Петербурга в Рим поступали разного рода сигналы, приглашавшие итальянское правительство к военному союзу.

Итальянская политика в отношении России, впрочем, в начале XX в. имела характер двусмысленный: заинтересованная в сдерживании Австро-Венгрии на Балканах, Италия опасалась там славянской экспансии, а также превращения России в средиземноморскую державу. Тем не менее в марте 1915 г. при посредничестве лондонского кабинета Италия вступила в формальные переговоры о вступлении в Антанту, а в 1916 г. объявила войну Германии.

В том же году скончался князь Абамелек-Лазарев, самый активный участник дела храмоздания в Риме. Увядавшее из-за войны и его смерти строительство вовсе оборвалось после революции 1917 г.

В 1924 г. земельный участок, где начали было строить церковь, советское посольство сначала захватило как государственную собственность, а впоследствии продало⁶⁰.

Теперь по месту у набережной, где должны были выситься купола и восьмиконечные кресты, проложена широкая автодорога.

4. Приход св. Николая в палаццо Чернышефф

После революции 1917 г. сотрудники бывшего императорского посольства, предвидя, что у посольской (по статусу) церкви могут возникнуть имущественные и иные споры с новым представительством, произвели формальное отчуждение общины от посольства. Так в Риме произошло «отделение Церкви от государства».

Основной заботой новой приходской церкви стали поиски постоянного ее местопребывания. Главную надежду возлагали на завещанный еще в 1897 г. светлейшей княжной Марией Александровной Чернышевой, внучкой декабриста Захара Григорьевича Чернышева, особняк на via Palestro. Однако после ее кончины в 1919 г. возникли разного рода препятствия — в первую очередь, отсутствие у прихода статуса юридического лица. Были и другие затруднения, о которых сообщает племянник Чернышевой, князь А. П. Щербатов:

...Расскажу о судьбе дома моей тетушки. Этот чудный особняк с садом на *via Palestro* был куплен старенькой уже княгиней, дочерью фельдмаршала Чернышова. По завещанию дом переходил двум богатым племянницам: моей тете и ее сестре, графине Бетси Шуваловой. В документе было примечание: на случай, если родственницы откажутся, передать особняк Православной Церкви. Тетя жила там довольно долго, пока кому-то из религиозных служителей не стало известно о завещании. Бесконечные посещения ее дома с жалобами о нуждах Церкви стали настолько утомительными, что она, в конце концов, согласилась передать здание и переехала в Канны. (...) Фактически этот дом принадлежит мне, имеющиеся у меня документы в силе и теперь, но в мои годы это кажется бессмысленным, да и бороться с Церковью как-то неэтично⁶¹.

В 1929 г. члены общины образовали официальный независимый приход, получивший статус юридически ответственного лица, *Ente morale*, существующего до сих пор. Именно статус *Ente morale* позволил приходу войти во владение особняком светлейшей княжны М. А. Чернышевой на *via Palestro*.

*Рим. Портал церкви свят. Николая
на *виа Палестро**

При устройстве церкви трехэтажное палаццо значительно переделали. Под храм была отведена левая половина первого этажа. Строительный проект составили инженер Ф. Поджи и архитектор князь В. А. Волконский. Первоначально был выработан крестообразный план церкви, но, к сожалению, близость соседнего участка не позволила устроить левую ветвь креста. Со стороны двора сделали особую пристройку с полукруглой апсидой для передней части церкви (начиная с солеи). Были убраны внутренние перегородки и сооружены арки, придавшие храму уютный вид. Алтарь и предалтарные арки

Иконостас, выполненный по проекту К. А. Тона, в церкви свят. Николая на виа Палестро

выложены золотой мозаикой и зеленым мрамором, сообщающими залу, особенно при дополнительном освещении, чрезвычайную красоту и торжественность.

К числу достопримечательностей храма на *via Palestro* кроме описанного выше иконостаса также относятся: чтимая Иверская икона Божией Матери (у клироса), написанная в 1901 г. насельниками Афона в память императора Александра III, со словами тропаря и следующей надписью на обратной стороне: «Сия икона Пресвятой Богородицы Иверская или Вратарница писана и освящена на Афоне и посылается в безвозмездный дар от русских и других святогорских пустынножителей всем русским и православным в Риме и по всей Италии в благословение от святых горы Афонския. Святая Афонская гора 1901 года января 10 дня»; четыре иконы из мастерской художника И. Мальшева, писанные в 1893 г. в Сергиевом Посаде: две — свв. Николая Чудотворца и Александра Невского, в киотах (прежде стояли на клиросах, теперь — в правой боковой части), и два больших образа

Церковь свят. Николая на *via Palestro*.
Престол

Спасителя и Божией Матери (у левой стены); запрестольный крест, стоящий у поминального столика; мощи (кисть) св. Нифонта, которые выносятся в день праздника Святого, 24 (11) августа; парсуна (портрет на холсте) святителя Иоасафа Белгородского, написанная еще до прославления Святого (над свечным ящиком); крест-мощевик, дар греческого королевича Христофора Георгиевича (в алтаре); малая икона св. княгини Ольги, дар ее автора, королевны Марии, в память ее матери королевы элинов Ольги Константиновны; большой образ Божией Матери «Вратарницы», или «Портаитиссы», работа афонского монаха Виктора Каравогеоргаса (на задней стене); 18 малых икон Киевских Святых, в двух общих рамах, в васнецовском стиле, из мастерской Плахова (в боковом отделении); 14 малых икон-«праздников» в трех общих

крестообразных рамах; икона Покрова Пресвятой Богородицы, работа П. Софронова; икона св. Варвары в серебряном окладе; два витража: слева — Спаса Вседержителя, справа — Божией Матери (по краям соли); большой образ святителя Саввы Сербского, работа Лидии Родионовой, дар братьев-сербов Саввы и Спира Расковичей (слева, близ поминального столика); образ Божией Матери «Знамение», работа В. Зайцева-Лукомского (в правой боковой части); резной аналой греческой работы с иконой Божией Матери (у левой стены); икона св. Пантелеимона и его мощи; икона св. Георгия Победоносца.

Позднее на парадной лестнице, при входе в церковь, установили мраморные памятные доски с выражением молитвенной благодарности строителям Свято-Никольского храма: архимандриту Симеону, княжне М. А. Чернышевой и княгине С. Н. Барятинской.

Постоянные богослужения на *via Palestro* начались в 1932 г. В адресе, направленном прихожанами архимандриту Симеону, говорилось:

День 25-го апреля 1932 года был самым знаменательным, радостным и светлым днем в жизни русского православного прихода в Риме и всех проживающих здесь верующих православных людей. Ваши неустанные труды, увенчавшиеся полным успехом, привели к созданию этого нашего православного храма, и в этот день он был торжественно освящен и под этими сводами была впервые отслужена Вами Божественная литургия. Создание каждого православного храма — большого или малого — всегда является радостным, светлым событием в церковной жизни, но создание нашего храма было особенно значительным и радостным событием ввиду того, что он был создан в одном из главных центров христианства, в Риме, неразрывно связанном с воспоминаниями о первых веках христианства, с мыслью о первоапостолах Петре и Павле и стольких святых мучениках за Христа, распространивших свет Христова учения по всему миру. Уже давно каждый православный чувствовал необходимость иметь в Риме свой православный храм. Еще царское правительство озаботилось с этой целью покупкой земли, но разразившаяся над нашей родиной сокрушительная буря беспощадной революции помешала исполнению этого намерения. Но вот, в годы великих страданий России, в годы нашего рассеяния было всё же суждено осуществиться этому нашему законному стремлению.

Архимандрит Симеон (Нарбеков) оставил о себе светлую память в сердцах прихожан римского Никольского храма. В 1943 году здесь был издан ряд проповедей этого «златоуста Русской Зарубежной Церкви», как назвал его позднейший публикатор неизданных проповедей в мюнхенском альманахе «Вече»⁶². Лидия Иванова, дочь известного поэта Вячеслава Иванова, так пишет о нем: «Настоятель римского прихода архимандрит Симеон был человеком высокой культуры и духовности. Товарищ по Духовной академии будущего патриарха Алексия (Симанского), о. Симеон прожил почти всю жизнь в Риме. Он охотно общался с Вячеславом, с которым имел много общих друзей»⁶³. Тепло вспоминает о священнике и княгиня Ирина Голицына: «Наш батюшка, Симеон, совершенно необыкновенный человек, раз в неделю давал мне и другим детям уроки Закона

*Церковь свят. Николая на виа Палестро.
Кисть св. Нифонта*

Божьего»⁶⁴. Она же воссоздает атмосферу церковной жизни 1920-х годов, созданную этим батюшкой: «Среди русских, собиравшихся в церкви, существовала огромная объединяющая сила: они дышали воздухом настоящего братства»⁶⁵.

Юрисдикционно о. Симеон ввел приход в лоно РПЦз, и был назначен благочинным приходов. После окончания войны многие прихожане убеждали его перевести церковь под омофор патриарха Московского, но он решительно воспротивился, отказавшись одновременно и от предложения РПЦз хиротонисать его во епископа в таких выражениях:

Благодарю и за предложение просить высшего звания. Но, как и прежде, принять этого предложения не могу. Основной мотив моего отказа — всё тот же: для моего церковного сознания владыки зарубежного поставления — епископы лишь харизматически, но не иерархически-юрисдикционно. (...) Мои ближайшие и давнишние сотрудники по Прих. Совету уговаривают меня перейти в Патриаршую юрисдикцию, но я категорически противлюсь этому. Против Советской Церкви я имею сказать еще больше, чем против Эмигрантской⁶⁶.

Преемником о. Симеона с середины 1950-х годов стал архимандрит Каллист (Подзолов), бывший в 1935–1945 гг. настоятелем прихода в Сан-Ремо. Когда в конце 1940-х гг. архимандрит Симеон ушел на покой, о. Каллист фактически исполнял обязанности настоятеля прихода в Риме. С 1946 по 1961 г. он — благочинный русских приходов РПЦз и вице-председатель римского комитета Красного Креста. Игумен Каллист регулярно совершал богослужения в лагерях перемещенных лиц (Ди-Пи), в Триесте, Латине, под Неаполем и под Турином (Торре-Пеличе), распределяя среди интернированных соотечественников пособия и пожертвования.

В 1960-х гг. община состояла в подчинении архиепископу Женевскому Антонию (Бартошевичу). После смерти в 1963 г. о. Каллиста на Свято-Никольский приход был назначен протоиерей Виктор Ильенко. Он происходил из простой крестьянской семьи, родился в Приморье и получил первоначальное духовное образование в Иркутской семинарии, затем поступил в Московскую духовную академию. В годы Гражданской войны воевал в рядах Добровольческой армии. После поражения Белого движения покинул Россию и в 1921 г. в течение трех месяцев нес послушание псаломщика и регента при русской церкви св. Николая в Риме, затем переехал во Францию и Америку, став видным духовным писателем и замечательным проповедником. До 1984 г. включительно о. Виктор служил настоятелем Николь-

5. Паломничество к римским святыням

ского прихода в Риме, а затем вышел за штат по старости и вернулся в США (скончался в Лос-Анджелесе в 1989 г.).

В 1984 г. на приход был назначен настоятелем иерей Михаил Маклаков. Он с самого начала занял жесткую антиэкуменическую позицию, в том числе по отношению к католическому окружению. В силу этого, а также из-за некоторых других причин о. Маклаков вошел в конфликт с приходом и вынужден был покинуть Рим.

В 1985 г. Никольский приход перешел под омофор Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе, и в 1987 г. его настоятелем стал протоиерей Михаил Осоргин. Отец Михаил происходит из старинного дворянского рода Осоргиных, к которому принадлежала св. праведная Иулиания Лазаревская. Рожденный в 1929 г. в Москве, он в 1931 году вместе со своей матерью Александрой, урожд. княжной Голицыной, эмигрировал в Париж. Его отец Георгий Михайлович Осоргин, императорский кавалергард, в 1929 г. был расстрелян на Соловках. Воспитанный в среде русской эмиграции, о. Михаил воспринял лучшие духовные традиции Парижской архиепископии. На его формирование в детские годы большое влияние оказал его дедушка, также протоиерей Михаил Осоргин, бывший императорский губернатор в Калуге и Гродно. Затем были годы учебы в Свято-Сергиевском Богословском институте, где судьба свела его с лучшими представителями парижской богословской школы. Его однокурсниками были будущий патриарх Антиохийский Игнатий, протопресвитер Александр Шмеман, протопресвитер Иоанн Мейендорф. С именем о. Михаила связана новая эпоха в жизни русского прихода в Риме. Если к началу 1980-х гг. русская община в Риме в основном состояла из старой эмиграции, то к середине 1980-х численность прихожан стала быстро возрастать. Особенно значительно приход стал увеличиваться с середины 1990-х гг., когда Рим стал одним из центров новой эмиграции; в 2000 г. община вошла в состав Московской Патриархии.

5. Паломничество к римским святыням

В Италии, и в первую очередь, в Риме существовал и существует еще один фактор русского православного присутствия — паломничество. Оно имеет свои яркие отличительные особенности, не совпадающие с «оседлым» церковным присутствием, вызванным жизнедеятельностью дипломатов, италофильской знати и состоятельных курортников. Паломничество развивалось по собственным законам, не подчиняющимся ни перипетиям русско-итальянских отношений, ни моде культурной элиты на Италию. Оно определялось чисто религиозными побуждениями — стремлением посетить

святые места, поклониться мощам угодников, чудотворным иконам и иным святыням в надежде очиститься от грехов, преодолеть земные невзгоды, содействовать спасению души.

Встреча русского паломника с Римом необыкновенно интересна, так как представляет собой общение православного сознания в его чистой и сконцентрированной форме с иной (во всех религиозных, культурных и политических аспектах) христианской реальностью.

Церковные структуры, обслуживающие паломников, также отличны от учреждений, созданных оседлыми православными жителями зарубежья. Их зарождение и бурное развитие на рубеже XIX–XX вв. — результат, и не в последней степени, переплетения религиозных устремлений россиян с проектами правительства.

Русское паломничество приобретает государственную окраску в 1880-х гг., с созданием в 1882 г. Императорского православного палестинского общества (ИППО), взявшего на себя официальную опеку (и соответствующий контроль) над пилигримами. Единичные странники и богомольцы начиная с этого периода организуются в хорошо подготовленные группы, направлявшиеся в первую очередь в Палестину и на Афон. Нет сомнения, что правительство, помимо желания способствовать нуждам своих подданных, использовало активную массу паломников в качестве проводников русского влияния на Востоке.

Италия, страна, изобилующая христианскими святынями, всегда была вожделенной целью богомольцев-католиков из Западной Европы, особенно после учреждения папством в 1300 г. института Юбилейных лет. Иначе относились к Италии не католики. Если протестанты в результате Реформации вообще утратили культ святых, икон и мощей, то православные, имея его в полной и даже в более развитой форме, нежели католики, долгое время посещали Италию мало. Палестина, Афон, Константинополь — вот дорогие сердцам православных пилигримов места (хотя они и находились в руках мусульман), в то время как Рим, пусть и обладатель великих раннехристианских святынь, сильной тяги у них не вызывал. Частое вмешательство римских пап во внутренние дела молодого Московского государства и обширная антикатолическая полемическая литература — произведения еще учителей-византийцев, создавали атмосферу недоверия в православных кругах, поэтому паломничества на Запад были единичны и выбивались из общего русла благочестивых путешествий россиян. Христианский Восток воспринимался своим, единоверным (с рядом оговорок), чего нельзя было сказать о католическом и тем более о протестантском Западе. Даже путешественники по святым местам Европы появились только на рубеже XIX–XX вв., причем их составителям приходилось проделывать кропотливый труд по выявлению истинно «православных» святынь. Однако к началу XX в. есте-

ственное влечение православных христиан к множеству святынь, находящихся на итальянской земле, вылилось в массовое паломничество.

Самое первое документированное упоминание русскими об итальянских святынях принадлежит членам московской церковной делегации на объединительный Собор 1438-1439 гг., происходивший сначала в Ферраре, а затем во Флоренции. Казалось бы, это посещение не следовало называть паломничеством, так как его задачи были преимущественно политическими, но в силу своих религиозных интересов русские участники Собора оставили подробное описание увиденных ими храмов, мощей, икон. Всего сохранилось четыре документа, являющихся к тому же самыми первыми русскими описаниями Западной Европы⁶⁷. Самый значительный из них принадлежит перу иеромонаха Симеона Суздальского, секретаря архиепископа Авраамия, подписавшего церковную унию с католичеством, но впоследствии отказавшегося от собственной подписи и резко осудившего униональный Собор. Это произведение лежит в русле традиционной антикатолической полемики, в то время как три остальных текста, авторство которых не установлено, предвосхищают жанр паломнической литературы, бурно расцветшей впоследствии. Путешественники, в частности, подробно описали свой визит в Венецию, где они остановились для поклонения части мощей св. Николая Чудотворца, хранящейся на острове Лидо.

Падение Константинополя на Руси было воспринято как божественная кара за отступничество от православия на ферраро-флорентийском Соборе, и это убеждение, конечно, еще более ограничивало стремление богомольцев к итальянским святыням.

Из ранних паломничеств наиболее ярким и известным стало предпринятое Василием Григоровичем-Барским в 1740-х гг. Его описания святых мест на долгое время стали своеобразным путеводителем и образцом для подражания⁶⁸.

Стольника П. А. Толстого, конечно, нельзя назвать паломником, однако, судя по его дневнику, он был человеком набожным и поэтому уделял большое внимание увиденным храмам и святыням⁶⁹. Его подход к религиозной жизни Италии характерен и для последующих описаний православных авторов: сдержанно, без излишней полемики, Толстой всё же всегда отчетливо сознает, что посещает иноверные храмы (где хранятся общехристианские святыни). Этот конфликт между «чужим» и «своим» останется основополагающим для русской паломнической литературы по Италии.

Важнейшим этапом в формировании русского паломничества в Италию стал визит и последующее его описание А. Н. Муравьева. Муравьев собственно и вошел в русскую культуру благодаря возрождению им паломнических традиций. В Риме он появился, впрочем, не как простой пилигрим:

его влияние в русском обществе было настолько велико, что в определенном смысле его можно считать посланником от Церкви. Он и сам осознавал себя таковым, именуясь ни много ни мало как «наблюдательным оком православия»⁷⁰. Писатель был хорошо подготовлен к диспуту с «латинянами»: накануне своей поездки он выпустил основательный антикатолический труд, подводивший итоги долгой полемики между Восточной и Западными Церквями⁷¹. Его стержнем служило богословское обоснование вселенского характера православия и его кафоличности. Особенно важным становился труд Муравьева, как и сам его визит в Рим, в свете грядущего посещения Папского государства Николаем I в 1845 г.

Подход Муравьева к католицизму лежал в русле традиционной полемики, им хорошо изученной. По его мнению, русский богомолец в Риме ради основных целей паломничества должен «на время заглушить (...) самое чувство православия»⁷². Много внимания в своих описаниях, как и присущее жанру, он уделил святыням, в первую очередь мощам, причем и здесь он не жалел красок на критику католических обычаев, в частности, отсутствия возможности прикладываться к мощам — ритуал столь важный для православных. В базилике Сан Пьетро, например, он был огорчен тем, что не мог приложиться к мощам апостола Петра. Муравьев задавался и вопросом, откуда в Италии столь необыкновенное множество святынь христианского Востока, и сам на него отвечал: они попали сюда в результате лукавства и хищений. Из восемнадцати «Римских писем» собственно Риму автор посвятил пятнадцать (с первое по четырнадцатое и последнее). Легким для чтения слогом и не без стилистического мастерства Муравьев описал свыше сорока римских храмов, три катакомбы, Пантеон, Колизей и Мамертинскую темницу. Вне сомнения, он предполагал, что эта его книга, как впрочем, и предыдущие, будет служить путеводителем, и подробно изложил сведения о святынях, включая легендарные и исторические, не оставляя, однако, критического подхода и предостерегая будущего паломника от увлечения внешним блеском католичества. Писатель не мог умолчать о тревожившем Церковь (и правительство) обстоятельстве: переходе из православия в католичество, не без влияния общей итальянской атмосферы, нескольких видных представителей высшего общества: Г. Шувалова, З. Волконской, Ф. Голицына, И. Гагарина и др. Уход из государственной религии карался в России, но несмотря на это такие случаи все-таки происходили. По мнению Муравьева, виною тому было порочное образование, с детских лет искоренявшее («у некоторых») любовь к родине и к вере предков.

Чуть позднее Муравьева в Рим приехал другой культурный богомолец, граф В. Ф. Адлерберг, ознакомившийся с описанием предшественника и высоко его оценивший: «Муравьев одарил нашу духовную литературу свои-

ми „Римскими письмами“»⁷⁵. И он вторит Муравьеву в собственной критике: «Пасхальная служба [в соборе св. Петра] была не столь благоговейной, а пышною. (...) Пение и молитвы пролетали мимо моих ушей без отголоска в сердце»⁷⁴.

В тон предшественникам звучат утверждения другого духовного писателя той эпохи, преосвященного Софонии (Сокольского), начинавшего церковный путь как настоятель римского храма: собор св. Петра «так мало соответствует идее храма, что я рассеянно остановился, не доверяя себе»⁷⁵. Папа, по мнению епископа, был чересчур «величественный»; всё происходило с необыкновенной помпой, однако и без должного благоговения: паломника особенно неприятно поразило поведение национальной гвардии и горожан, заходивших в собор даже с собаками. В целом, критика избыточной роскоши Католической Церкви, не соответствующей принципам христианства, стала на долгие годы одним из общих мест в русской паломнической литературе.

Важнейшие свидетельства о католической Италии оставил епископ Порфирий (Успенский), побывавший тут в 1854 г. и даже встретившийся с папой Пием IX. Официально он отправился в обычное паломничество, хотя в действительности должен был собрать сведения религиозно-политического характера для правительства: свои корреспонденции из Италии он отправлял российскому посольству в Константинополе, бывшему «форпостом» России во время Восточного кризиса. Епископ принадлежал к когорте священников, давно служивших в зарубежье: он был настоятелем посольской церкви в Вене, возглавлял русскую духовную миссию в Иерусалиме. Его взгляды отличались определенным либерализмом, и его суждения о католицизме стояли несколько особняком по отношению к клише, установившимся после «Римских писем» Муравьева. Культурного пилигрима интересовало и светское искусство Италии, которому он уделил много внимания. Епископ не оставил в стороне и судьбы православия на Апеннинах, особенно значительным показался ему, как византинисту, феномен Элладской Церкви в Венеции: ей посвящена отдельная глава, основанная на переведенных им на русский язык греческих источниках. О современных ему русских церквях в Италии он практически ничего не рассказывает (хотя он и посещал храм в Риме, но упоминает об этом вскользь); очевидно, на общем фоне это явление ему показалось настолько маргинальным, что не заслуживало особого описания⁷⁶.

Первым русским автором, систематически исследовавшим римские святыни, стал В. В. Мордвинов, побывавший в Италии в 1880-е гг. и составивший подробный путеводитель для богомольцев⁷⁷. Его книга содержит в себе описание свыше 80 римских храмов, а также крепости Св. Ангела, Колизея,

Мамертинской темницы и почти всех известных к тому времени катакомб. Мордвинова отличал сдержанный стиль, без впадения в полемику. Этот первый опыт описания Рима непосредственно для православных богомольцев стал удачным, и пилигримы на рубеже XIX–XX вв. им охотно пользовались.

Инициатива Мордвинова родилась весьма вовремя: как уже говорилось, именно в 1880-е годы началось организованное массовое паломничество в Италию. Как и прежде, эта страна не входила в число самых популярных на русских маршрутах, но, тем не менее, многие богомольцы, плывшие морем из Одессы в Палестину, на обратном пути посещали Бари (о чем ниже) и Рим.

Организацию паломничеств взяло на себя Палестинское общество. В состав его руководства вошли представители Дома Романовых и наиболее влиятельные священники Петербурга и Москвы, таким образом, оно изначально приобрело полугосударственный характер. Наибольшее внимание Общество уделяло, «по определению», Палестине, и долгое время нужды паломничества в Италии не попадали в сферу его интересов. Однако всё возрастающий поток богомольцев в Рим поставил перед руководством новые задачи.

Для их разрешения в 1890-х гг. были призваны дипломатические силы в Риме, а именно посол А. Г. Влангали⁷⁸. Для паломников в Риме, как это везде практиковало ИППО, в первую очередь, был нужен странноприимный дом и помощь в осмотре римских святынь. Влангали, которому помогал настоятель посольской церкви архимандрит Пимен (Благово), нашел остроумный выход, но не без «подводных камней». В Вечном Городе, начиная с XVII в., существовала резиденция польских кардиналов, так называемый Дом св. Станислава. Под предлогом того, что Польша является частью Российской империи, Влангали вынудил хозяев-католиков безвозмездно предоставлять гостеприимство православным богомольцам. Наличие приюта в Риме позволило Палестинскому обществу официальным образом включить столицу Италии в маршруты российского паломничества: в 1896 г. членам Общества выдавалась книжка (III класса) именно для желающих посетить Рим (и Бари). В Доме св. Станислава принимали на постой не всех русских посетителей Рима, а лишь тех, кто попадал за рубеж по каналам Палестинского общества и мог это доказать, предъявляя такую книжку.

Пребывание в Доме св. Станислава, однако, имело свои неудобства, и немалые, так как его официальными хозяевами оставались поляки-католики; действовала тут и каплица во имя св. Станислава. На рубеже XIX–XX вв. приютом заведовал иезуит, родом из Киева, иеромонах Иулиан (Остромов). Паломники, большинство которых воспитывалось в лоне антикатолической полемики, с удивлением узнавали, что их богомольем в Риме заведу-

ет соотечественник-иезуит. Вне сомнения, на этой почве возникало немало богословских споров, в которых, весьма возможно, побеждал просвещенный о. Иулиан. Известно, что в ИППО были недовольны такой ситуацией, вызывавшей «соблазн» у богомольцев, вплоть «до совращения в униатство»⁷⁹. Тем не менее паломники оценили новую возможность и охотно ею пользовались: свои положительные впечатления о визите в Рим изложил анонимный русский богомалец, путешествовавший в зарубежье с книжкой ИППО⁸⁰.

Следующую после В. В. Мордвинова попытку систематически изложить маршруты пилигримов в Италии (и вообще в зарубежье) предпринял П. Петрушевский⁸¹. Он базировал свое описание римских святынь почти целиком на книге Мордвинова, повторяя и его неточности и ошибки. Лишь составленная им справка о базилике св. Климента и вводная статья «Исторические замечания о судьбе православия в Италии» были им позаимствованы из других источников (вводная статья повторяла идеи Муравьева, высказанные полувеком ранее). Одновременно с книгой Петрушевского, вероятно, как следствие всё возрастающего потока богомольцев в Италию, вышла анонимная публикация «Рим и его святыни» (Москва, 1903). Это был откровенно компилятивный труд, повторявший описания Муравьева и Мордвинова, с прибавлением сведений, почерпнутых из английских текстов.

Вершиной паломнической литературы следует считать «Спутник русского православного богомольца в Риме», вышедший из-под пера настоятеля посольского храма, архимандрита Дионисия (Валединского). Его автор, на практике изучив нужды паломников, а также всю предшествовавшую русскую традицию, создал образцовый труд, где всевозможные полезные сведения о маршрутах в Вечном Городе были соединены с агиологическими рассказами и с информацией исторического характера. В «Спутник» о. Дионисия вошли справки более чем о сорока храмах и других святых местах Рима⁸².

Автору, вслед за предшественниками и самими пилигримами, пришлось проделать кропотливую работу по отделению вселенских святынь от чисто католических. Выполняя пастырский долг, о. Дионисий предостерегал своих читателей: «нельзя не упомянуть о том, что все описанные священные места и святыни находятся в руках неправославных христиан-латинян. Посему русским богомольцам, при хождении по церквям Рима, невозможно освящаться в них ни латинскими молитвами, ни благословением, ни таинствами, а приходится довольствоваться молчаливым поклонением». Предостерег он и от католической живописи и скульптуры: «Чужды православным христианам и те позднейшие живописные изображения и скульптурные изваяния, „обаяющие зрение, растлевающие ум и производящие воспламенение нечистых удовольствий“, которые вопреки 100-му правилу 6-го Вселенского

Собора, находятся во многих римских церквях». Однако произведение ждала несчастливая судьба: через два года после его выхода в свет вспыхнула Первая мировая война, за ней последовала революция, и «Спутник» попал в руки лишь считанных паломников.

О настроении и составе пилигримов из России оставила интересное свидетельство Маргарита Волошина (Сабашникова):

В середине Великого поста перед Пасхой [1908 г.] я пошла в русскую церковь и, к своему удивлению, увидела, что она полна крестьян и крестьянок в национальных одеждах — со всех концов России. (...) Они приехали из Палестины, были в Бари — поклониться мощам св. Николая, теперь приехали в Рим ко гробу апостола Петра и других святых. (...) Я ходила с ними по Риму. Они шагали по римским улицам так же уверенно, как в своей деревне, и, покупая у итальянцев открытки с видами Рима, разговаривали с ними так, как будто те понимали по-русски, и все шло отлично! «Какая здесь чистота! Дай Бог за это здоровья нашему императору» — крестилась старушка богомолка, никогда не видевшая большого города и, по-видимому, не очень ясно понимавшая, что она находится в чужой стране. «И кипяточек здесь дают бесплатно!»⁸³

Как курьез, но одновременно и как свидетельство о конфликте православной культуры с западной светской культурой звучит рассказ об одной монашенке: «ей особенно хотелось увидеть Тиберия Августа, (...) и она одна пробралась в Ватиканский музей. „И что же, милочка, — с ужасом говорила она, с каждым словом втягивая в себя воздух, — что ж ты думаешь, ведь он стоит там совсем голый!“»⁸⁴ Так что предупреждения архимандрита Дионисия о пагубности «скульптурных изваяний» звучали не напрасно.

Среди паломников прибывали не только простые крестьяне и горожане. Вероятно, самым культурным и образованным в ту эпоху являлся Владимир Эрн, выдающийся представитель философского «крыла» русского Серебряного века. И ему были свойственны переживания предшественников: «Чувству православного, привыкшего к святой трезвости и простоте родного благочестия, ничто так не чуждо в Риме, как эти позирующие фигуры святых с воздетыми руками и закатившимися глазами»⁸⁵. Исследования Эрна касались в первую очередь раннего христианства, в том числе — катакомб, где он находил аргументы в пользу православной, а не католической традиции.

Свидетельства Эрна о христианском Риме принадлежат к числу последних в этом жанре. В 1914 г., с началом Первой мировой войны, поток русских паломников надолго пресекся, возобновившись уже только в начал 1990-х гг.

II. В «КОЛЫБЕЛИ» РЕНЕССАНСА

1. Миссийная церковь в Великом герцогстве Тосканском

В противоположность теократическому Папскому государству соседнее Великое герцогство Тосканское отличалось относительной веротерпимостью.

Причина этого кроется в просвещенно-прагматическом подходе тосканских правителей из рода Медичи к вопросам религии. Например, герцогство нуждалось в развитии морской торговли и экономике малонаселенного лигурийского побережья, и для подъема главного порта государства, Ливорно, в 1592 и в 1593 гг. Фердинанд I Медичи издал два указа, получившие общее название «Ливорнийское законодательство». В соответствии с новым законодательством, ливорнийцам-коммерсантам, принадлежавшим к некаатолическим религиям, гарантировалась свобода культа⁸⁶.

В начале XVIII в. в Ливорно стала складываться православная община греческих торговцев, которым указом Великого герцога Франциска II в 1757 г. разрешалось сооружение собственного храма, освященного через три года во имя Св. Троицы (для сравнения: в Папском государстве строительство «схизматических молелен» было запрещено; дозволялись лишь домовые капеллы). Характерно, что, несмотря на либерализм тосканского правительства, указ Франциска, явно под влиянием католического клира, все-таки ставил православной общине ряд ограничений: в частности, запрещалось использование колокольного звона и строительство колокольни вообще⁸⁷.

О существовании греческого прихода в Ливорно стало известно российскому правительству, начинавшему в ту эпоху претендовать на роль покровителя православных христиан, живущих в инославных и нехристианских странах⁸⁸. Особое значение в развитии отношений с Тосканой сыграло то обстоятельство, что ее главный порт, Ливорно, служил базой русского флота в 1770–1771 гг. Вне сомнения, русское правительство рассматривало единовременных ливорнийцев, т. е. местных греков, как естественных союзников, заинтересованных в помощи России, тем более, что сама Россия в те годы сражалась с общим врагом, Турцией⁸⁹. Екатерина II продемонстрировала личное участие в судьбе греческого храма, пожертвовав его общине ценные Евангелия, серебряный крест, чаши и другие предметы утвари⁹⁰.

Подобное внимание императорского правительства не оставалось безответным со стороны греков: в конце XVIII в. настоятель ливорнийской общины

иеромонах Серафим пытался даже ввести свой храм в лоно российской Церкви, но этой попытке воспрепятствовал патриарх Константинопольский, в юрисдикцию которого входили (и входят сейчас) греческие приходы на Апеннинском полуострове⁹¹.

Ливорнийский порт, вне сомнения, интересовал Россию не только как стратегическая база в Средиземноморье⁹², но и как коммерческая. На рубеже XVIII–XIX вв. из прибалтийских городов империи в Тоскану через Ливорно в больших количествах поступали лен, пенька, зерно, икра и другие продукты⁹³. О важности товарооборота свидетельствует учреждение здесь консульства уже в 1783 г. (консулом назначили одного местного купца). При этом русская колония в Ливорно, в отличие от столицы государства, Флоренции, так и не сложилась: об этом свидетельствует российский консул Энгельбах в письме к греческой общине (декабрь 1826), определяя себя как «единственного русского жителя в Ливорно»⁹⁴.

Во Флоренции на рубеже XVIII–XIX вв. православного храма еще не существовало, и религиозным нуждам русских тосканцев служил греческий храм в Ливорно. О популярности Троицкой церкви сообщал в своих мемуарах флорентийский житель с 1817 г., граф М. Д. Бутурлин⁹⁵. В притворе храма были погребены и российские подданные, в том числе отец мемуариста, знаменитый московский библиофил граф Д. П. Бутурлин, которого некогда Коллегия иностранных дел прочила в посланники при папском престоле.

Большое значение для русской колонии в Центральной Италии имело православное греческое кладбище в Ливорно, и поныне остающееся уникальным некрополем для итальянской территории. Оно было учреждено в 1778 г. и пользовалось покровительством российских властей: на гравюре конца XVIII в., изображающей ливорнийское кладбище, стоит: «Sotto l'alta protezione di S. M. Paolo l'Imperatore di tutte le Russia» [Под высочайшим покровительством Его Величества Павла, императора всея Руси]⁹⁶. Среди погребенных на кладбище в Ливорно были подданные Российской империи, скончавшиеся во Флоренции, Риме, Пизе, Неаполе и других городах⁹⁷, а погребения осуществлялись через общину церкви Св. Троицы⁹⁸.

Тесная связь российских подданных и ливорнийской греческой общины, а также ее финансовая поддержка со стороны России осмыслялась Церковью как принятие ливорнийских греков в свою юрисдикцию. Красноречивое тому свидетельство — указ С.-Петербургской консистории 1874 г. о включении в клировые ведомости и церкви в Ливорно, поскольку ее греческие «священники получали такое же жалование, как и русские»⁹⁹.

Однако единоверные греки обычно не считали себя подлежащими юрисдикции Русской Церкви и рассматривали подобный протекторат не всегда

благожелательно. В 1853 г. в Афинах, к примеру, был опубликован памфлет на французском языке, где анонимный автор жестко критиковал позицию русского правительства и Церкви в отношении православных греков, усматривая в этом проявление панславизма и политической экспансии России в Средиземноморье. Высказывалось мнение, не лишенное канонических оснований, что священноначалием рассеянных по миру греков должен являться Вселенский (Константинопольский) Патриархат¹⁰⁰.

Развитие дипломатических отношений России и Великого герцогства Тосканского в период после окончания Наполеоновских войн и до объединения Италии имело перспективное начало, не получившее, однако, соответствующего оформления.

Русская миссия в Тоскане была учреждена в 1815 г., сразу после окончания Венского конгресса; поверенным в делах назначили Н. Ф. Хитрово¹⁰¹. На самых первых порах у российской миссии серьезных занятий было немного: дипломаты преимущественно занимались опекой путешественников и курортников из России¹⁰².

Активный период в отношениях между Россией и Тосканой наступил в начале 1820-х гг. и длился примерно десятилетие. Косвенным свидетельством этого является и устройство в 1823 г. церкви при российской дипломатической миссии. Ее появление было вызвано более соображениями престижности миссии, нежели действительными нуждами православных подданных империи, ибо к тому моменту на берегах Арно действовало уже две домовые русские церкви — графов Бутурлиных и Демидовых.

Новый храм имел ярко выраженный официальный характер — его иконостас был передан во Флоренцию из походной мемориальной церкви Александра I и всегда расценивался в Тоскане как важнейшая историческая святыня, как свидетель российской военной славы. Этот иконостас-складень, написанный в 1790-х гг. видным художником-академиком В. К. Шебуевым, являлся составной частью полотняной церкви, передвигавшейся во время Наполеоновских войн по Европе вместе с русской армией и штабом императора. Кульминационным моментом его маршрута следует считать Пасху 1813 г. в Париже, когда спустя несколько дней после вступления русских войск в столицу Франции иконостас водрузили для праздничного богослужения на специальном помосте на площади Согласия, — там, где была прежде казнена королевская чета¹⁰³. Во время знаменитого Венского конгресса 1815 г. походная церковь, находившаяся тогда в австрийской столице, была посвящена Рождеству Христову — вероятно, в память изгнания наполеоновских войск из России, пришедшегося на рождественские дни 1812 г.: Русская Церковь в прошлом официально праздновала совместно Рождество и «изгнание двенадцати языков» (посвящение

Ф. С. Рокотов. Граф Д. П. Бутурлин. Ок. 1793.
Тамбовская картинная галерея

Рождеству Христову флорентийский храм сохранил и доныне).

Таким образом, иконостас, как и сама миссионерская церковь, всегда считался особым образом связанным с памятью Александра I. Когда в 1825 г. император скончался, на стенах флорентийской церкви были установлены специальные мемориальные доски в его память (в тот момент она занимала помещение в палаццо Гвиччардини, где находилась и сама дипломатическая миссия).

О первых порах миссионерской церкви во Флоренции ценнейшие воспоминания оставил граф М. Д. Бутурлин, часто упоминавший ее настоятеля, о. Иринарха (Попова). Он же описал торжественную панихиду по случаю смерти Александра I, когда в церкви собрались все присутствовавшие в городе российские подданные (во время церемонии, по свидетельству мемуариста, из алтаря «неожиданно вышел» аббат Себастьяно Чампи и стал раздавать присутствующим

составленную им элегию на смерть царя)¹⁰⁴.

В 1831 г. о. Иринарх (Попов) был переведен в Афины, став у истоков жизни первого русского храма в Греции (действующего и сейчас)¹⁰⁵, а закончил свою долгую церковную карьеру в Риге, на посту викарного епископа псковского архиерея¹⁰⁶. На его место во Флоренции консистория назначила иеромонаха Герасима, послав в Италию и двух псаломщиков, Гавриила Смирнова и Александра Левицкого. Делами храма занимался российский поверенный в делах князь А. М. Горчаков, впоследствии виднейший государственный деятель, пребывавший во Флоренции с 1828 г.

Однако к середине 1830-х гг. интерес к Тоскане со стороны России стал падать. Горчаков был отозван, а храм вместе с настоятелем и двумя причетниками в 1836 г. перевели в Папское государство.

Назначенный на место Горчакова Н. А. Кокошкин (отосланный впоследствии из Тосканы в Пьемонт, а из Пьемонта в королевство Обеих Сицилий) уделял мало внимания развитию дипломатических и иных отношений с Тосканой, предпочитая жить в Риме; вероятно, он и осуществил перемещение «мидовской» флорентийской церкви из одного государства в другое.

2. Домовые «капеллы» российских аристократов

Заместивший его в 1837 г. И. А. Потемкин, вероятно, полагая, что упразднение храма понизило статус миссии, исхлопотал вновь разрешение на открытие церкви. Это стало одной из первых инициатив дипломата, позднее переведенного в Рим: 15 ноября 1837 г. он послал местным властям официальную просьбу о разрешении открытия православного храма при русской миссии в доме некоего Лоренцо Мариотти. Ответ тосканского правительства был положительным, однако при этом оговаривалось, что «капелла» может служить исключительно для служащих миссии: таким образом ограничивалась деятельность «схизматиков»¹⁰⁷.

О возобновленном мисси́йном храме сообщает и Бутурлин, указавший, что в 1837–1838 гг. во Флоренции действовала временная русская церковь на площади Питти, в доме Мариотти, прозванного «пожирателем русских»: он ссужал российским подданным деньги под большие проценты. Бутурлин тут наблюдал, как «старый князь Репнин, заказавши заупокойную службу по императору Александру I, горько плакал во время богослужения»¹⁰⁸ (следовательно, память о царе по-прежнему увязывалась с мисси́йной церковью).

Однако в начале 1840-х гг. храм опять был упразднен. Тоскана, в глазах российского правительства, становилась всё более маргинальным государством и российский МИД, вероятно, считал расходы на содержание там храма нецелесообразными, тем более, что в те же годы под Флоренцией, в имени А. Н. Демидова князя Сан-Донато действовала постоянная церковь и жил русский священник, обеспечиваемый тем же Демидовым.

Убранство и утварь мисси́йного храма, в частности, мемориальный «иконостас Александра Благословенного», были отправлены в церковь в Неаполь.

2. Домовые «капеллы» российских аристократов

Наряду с мисси́йной, т. е. «государственной», церковью в столице Великого герцогства Тосканского существовали и домовые храмы российских подданных.

Зарубежное существование и возникавшая зачастую ностальгия усиливала привязанность русских к православию: воспоминания о далекой родине трансформировались в любовь к привычным с детства обрядам, так не похожим на католические. Многолетнему флорентийскому жителю, графу М. Д. Бутурлину, принадлежит описание чувств своих родных при первых звуках славянской литургии: «Живо помню, как все мы были глубоко тронуты, когда после трех лет почти слышали возглас: „Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа“ и прочее. Глаза у всех налились слезами»¹⁰⁹.

Семейству Бутурлиных и принадлежит устройство в 1818 г. первой постоянной церкви во Флоренции, ставшей первой не католической церковью вообще в этом городе. Она имела статус домового храма и обслуживалась греческим священником из Ливорно, поэтому литургия первоначально шла на греческом языке. Как писал М. Бутурлин, во вновь «устроенную и довольно просторную домовую церковь приезжал для служения всё тот же ливорнийский греческой церкви иеромонах Иоахим Валламонте, теперь уже служивший без запинки литургию на славянском языке»¹¹⁰.

Бутурлины стали вообще первой русской семьей, переехавшей в Тоскану (и в Италию вообще) на постоянное место жительства, так как Дмитрий Петрович, отец мемуариста, страдал болезнью легких (так звучала официальная причина эмиграции), а кроме того, будучи либералом и масоном, тяжело переносил консервативную политическую обстановку в России после войны 1812 года. Он желал выписать за собственный счет в Италию священника из России, но в этом ему было отказано — возможно, из-за того, что его жена перешла в католичество, или же из-за его масонства.

Первого русского священника во Флоренции иеромонаха Иринарха (Попова), — именно его литургию в 1820 г. вспоминал М. Д. Бутурлин — пригласила в 1818 г. в Италию представительница другого видного аристократического семейства, Елизавета Михайловна Голицына (1790–1861), жившая с 1814 г. со своим мужем, маркизом Джулиано Терци, в Бергамо¹¹¹.

Долгое время о. Иринарх являлся единственным русским иереем на Апеннинском полуострове. Его приглашали в разные города, как в частные храмы, так и в посольские церкви. С 1823 г. он стал, как уже говорилось, настоятелем церкви при российской миссии в Тоскане; периодически служил и в Риме.

Церковь Бутурлиных сперва помещалась в наемном помещении в палаццо Гвиччардини-Строцци (близ великогерцогской резиденции, дворца Питти), а в 1824 г. она переместилась в купленное ими ренессансное палаццо Никколини на *via dei Servi*¹¹². Храм часто посещали жившие в Италии россияне и путешественники. Известно, например, что в нем в 1819 г. на литургии присутствовал брат императора Александра, великий князь Михаил Павлович, в память о чем появилась мраморная доска с надписью на латыни. Мемуарист так написал об этом: «в январе или феврале [1819 г.] прибыл великий князь Михаил Павлович, путешествовавший по Италии. (...) Великий князь посетил нас несколько раз, присутствовал однажды при обедне в нашей домово́й церкви. (...) В ознаменование того, что русский человек царской крови удостоил нашу церковь своим присутствием, наш маэстро-диказа [управляющий] Джулиани (...) сочинил латинскую надпись (немного напыщенную, без чего итальянцы не могут обойтись), которая была выре-

зана на мраморной доске и вставлена в стену самой церкви»¹⁴³. К сожалению, от убранства этого храма следов не сохранилось: потомки графа Дмитрия Петровича, скончавшегося в 1829 г.¹⁴⁴, приняли католичество, а само Palazzo Boutourline в 1918 г. было ими продано.

История православия во Флоренции самым непосредственным образом увязана с переездом в Италию и семейства Николая Никитича Демидова. Обосновавшись с 1818 г. в Риме, а затем, с 1822 г., в Тоскане, он по обычаю русской знати решил устроить и домовый храм. Православный храм стал третьим по счету на берегах Арно: к тому времени здесь уже существовала церковь Бутурлиных, приехавших в Италию в 1817 г., годом раньше Демидовых, а также церковь при дипломатической миссии. В отличающихся подробностью воспоминаниях М. Д. Бутурлина, всегда внимательно относившегося к религиозным материям (верный православию, он был уязвлен переходом в католичество матери, старшего брата и всех сестер), лишь кратко упомянуто о возникновении демидовского храма¹⁴⁵. Весьма иронично отзываясь о Демидове, который, по его мнению, зажил в Италии «владельческим князьком второй руки», он пишет следующее: «была тогда во Флоренции и третья временная русская церковь у Демидовых в отдельном маленьком каменном строении, вроде павильона или католической капеллы на мосту делье Грацие, (...) в ней служил проживавший во Флоренции без места греческий священник, (...) на клиросе певала русская прислуга и конторщики Николая Никитича»¹⁴⁶. Мост делье Грацие в прошлом напоминал знаменитый Понте Веккио: по обеим сторонам его проезжей части располагались лавки и другие помещения, одно из которых Николай Никитич и снял для православных богослужений. Во время Второй мировой войны этот мост взорвали нацисты, и от первоначальных его строений в настоящее время ничего не сохранилось.

В конце 1820-х гг. Н. Н. Демидов покинул палаццо Серристоры (площадь близ особняка впоследствии назвали его

*Герб Павла Демидова на фасаде
флорентийского собора
Санта Мария Маджоре*

К. Брюллов. Портрет А. Н. Демидова. 1831.

именем и на ней поставили ему памятник) ради новой пригородной усадьбы в Сан-Донато, которую он купил у обитавших там монахов в два приема (в 1825 и 1827 гг.) и где скончался в 1828 г. В новом родовом гнезде его сыновья, Павел и Анатолий, также устроили домовый храм¹¹⁷. Первые упоминания о нем относятся к 1830-м гг.; известно, что в 1840 г. князь Анатолий тут венчался по православному обряду с принцессой Матильдой Бонапарт¹¹⁸.

Сохранилась акварель корсиканского художника Жана-Батиста Фортунэ-Фурнье, исполненная в 1841 г. и проданная на аукционе 1969 г., изображающая демидовский храм. Вероятно, она представляет именно первоначальную церковь на вилле Сан-Донато, до ее нового оформления резчиками и художниками в 1850-х гг.¹¹⁹

В 1858 г. вышло первое описание демидовского храма в Сан-Донато:

Справа от атриума — дверь, ведущая в греческую капеллу¹²⁰, восхитительную по богатству и по красоте произведений искусства. Внимание ее посетителя в первую очередь приковывают великолепные резные работы по дереву в византийском стиле Анджоло Барбетти. (...) Хороши своей исключительной работой плафон и стены (...) однако талант художника наиболее ярко проявляется в так называемом иконостасе, стене, отделяющей церковь от трибуны [т. е. алтаря], а также в барельефах, расположенных по полукругу трибуны и на своде над ней¹²¹.

Об убранстве той поры существует и другое упоминание современника: «князь [Анатолий Николаевич] Демидов заказал все столярные работы для православной капеллы на сандонатской вилле Анджоло Барбетти, который поручил сыновьям: Эджисто — конструктивную часть, Оттавио и Рафаэло — орнаменты, Ринальдо — дверь»¹²². Большой известностью стали пользоваться именно двери, композицией и сюжетами вторившие знаменитым «Вратам рая» Лоренцо Гиберти на флорентийском Баптистерии¹²³. В 1861 г. двери Барбетти вызвали всеобщее восхищение, будучи выставленными на национальной выставке во Флоренции, которая, заметим, сыграла и важное

политическое значение, став первой промышленно-художественной экспозицией объединенной Италии¹²⁴.

Еще одно описание церкви оставил граф Туллио Дандоло, сообщивший о «греческой капелле (...) с деревянными дверями Барбетти, которыми уже довелось восхититься на Выставке», и о «величественной галерее бородачей в митрах»¹²⁵. Однако при осмотре православного храма граф пришел к неожиданным умозаключениям: «ослепительная выставка золота, красок, света мне стала неприятна, дав ощущение шарлатанства, фальши этой религии (...). Дух мой взбунтовался против подобного насилия (...). Сей великий народ предал настоящую религиозность»¹²⁶. Увлечшись обличением, Дандоло дал определение православию (по его выражению, «московской религии») как «схизме схизм», а всей России — как «империи зла» (*Impero del male*)¹²⁷. Отметим, что Туллио писал эти строки в момент польского кризиса начала 1860-х гг., когда итальянцы резко осуждали репрессивные действия российского правительства: не накладывались ли политические пристрастия графа-либерала на оценку храма в частности и православия в целом?

При посещении соседней католической капеллы Дандоло духовно воспринял: «роскошь русского храма меня раздражала — обилие золота для маскировки обилия грязи (...). Здесь же я задышал воздухом скромности и веры (...) без батальона парадных святых»¹²⁸.

Несколько позднее, и тоже с оттенком неприязни, о демидовской церкви писал Чезаре Да Прато, назвавший православный и католический храмы соответственно «русским» и «христианским»: «Слева от входа находится русская часовня, имеющая форму параллелограмма. Двери часовни, работы Барбетти, удостоенные премии на выставке во Флоренции в 1861 г., превосходно имитируют бронзовые двери нашего Баптистерия, отлитые Гиберти, с двадцатью четырьмя барельефными панно с теми же сценами из Ветхого и Нового Завета¹²⁹ и двумя полосами орнамента вокруг. Пол часовни блестит инкрустированным деревом, кессонированный потолок — также из дерева, с богатой резьбой. На стенах картины московских художников; многие святые изображены стоящими, в основном это епископы в святительских облачениях¹³⁰. Две трети часовни отгорожены позолоченной преградой, сплошной и высокой, посреди которой — дверь в святая святых с алтарем, где проходит месса и другие обряды и куда падает свет из окна с цветными витражами»¹³¹. В заключение литератор сообщает, что после смерти князя Павла вся эта обстановка была пожертвована наследниками для «греческой церкви русской колонии»¹³².

В архиве православной флорентийской церкви отложилась переписка Демидовых с духовной властью в России, касающаяся их домового храма в Сан-Донато; она относится к 1850–1870 гг. Корреспонденция, в основном

с С.-Петербургской духовной консисторией, велась официальным образом, через посольство, находившееся в Риме¹⁵³. Из этой переписки видно, какое большое внимание российское священноначалие уделяло храмам в зарубежье. Как и другим заграничным церквям, в сандонатскую была передана (в 1857 г.) особая печать; сюда же регулярно высылались указы об отправлении благодарственных молебнов, прибавления к табелям высокочужественных и викториальных дней, новые формулы возношения на ектиниях высочайших имен членов августейшей фамилии и т. п.

Храм в Сан-Дonato был посвящен св. Николаю Чудотворцу — вне сомнения, в память основателя итальянской линии семейства¹⁵⁴. В его убранстве, попавшем в конце концов в существующую флорентийскую церковь, явно прочитывается мемориальный характер постройки: помимо нескольких икон святителя Доната, небесного покровителя поместья Сан-Дonato, символическое значение имеет программа иконостаса, соорудившегося, безусловно, под личным наблюдением князя Анатолия. Атрибуция его сюжетов привела к интересным результатам: оказалось, что весь верхний ряд малых («пядных», т. е. размером в пядь) икон посвящен покровителям Демидовых. Это (слева направо) — преподобный Анувий Египетский¹⁵⁵, покровитель легендарного родоначальника Антуфия; св. Мария Магдалина, возможно, покровительница Матильды Бонапарт-Демидовой; св. царица Александра — мученица, покровительница Александры Николаевны, сестры князя Анатолия; св. мученик Иакинф, покровитель Акинфия Демидова, основателя семейного дела в Сибири. На так называемых местных иконах нижнего ряда изображен св. Анатолий-мученик, покровитель князя Анатолия, и св. Николай Чудотворец, покровитель Николая Никитича¹⁵⁶. Таким образом, весь иконостас можно назвать религиозным памятником дому Демидовых. Имена его создателей остаются пока неизвестными, причем, если пядные иконы писал, несомненно, русский иконописец, то четыре иконы нижнего ряда (архангелы Михаил и Гавриил, Спаситель и Божия Матерь), весьма отличающиеся по стилю, возможно, принадлежат кисти тосканского художника.

Домовая церковь российского подданного, проживавшего за границей, находилась под опекой и дипломатических структур Империи: в посланиях дипломатов из Рима она именовалась даже «церковью при миссии нашей». Долгое время единственный православный храм в Великом герцогстве Тосканском (не считая греческого в Ливорно), действительно, играл важную роль в русско-итальянских отношениях. Он стал центром духовной жизни многих россиян, живших в Италии: сохранились обширные списки причастников, а также крестимых, венчавшихся и отпеваемых. В 1857 г. в Сан-Дonato, например, отпевали С. Г. Ломоносова, соученика Пушкина по Царскосельскому лицей, затем тайного советника и чрезвычайного посланника

Резные двери из «Демидовской церкви» во Флоренции

при Нидерландском дворе; в 1858 г. — А. А. Столыпина, друга М. Ю. Лермонтова (Ломоносов и Столыпин погребены на греческом кладбище в Ливорно; могила последнего не сохранилась)¹³⁷.

Первый постоянный священник в Сан-Донато, магистр богословия, о. Платон Травлинский, приехал сюда в 1857 г. по назначению Св. Синода. Вместе с иереем в Тоскану прибыл певчий — Вонифатий Кашперский, прежде служивший пономарем Варшавского кафедрального собора и удержавшийся в Сан-Донато более других клириков, почти двадцать лет. По соглашению со Св. Синодом князь Анатолий выплачивал о. Платону и певчему жалование «от своих щедрот». Кроме них, при храме служил церковник Дионисий Михайлович Клапас, грек по происхождению.

Отец Платон обосновался в Сан-Донато вместе с женой Александрой Михайловной. В Италии его семейство разрослось: в год приезда родился сын Анатолий, названный, конечно, в честь князя Анатолия, бывшего и восприемником при крещении; в 1859 г. — сын Евгений, крестной матерью которого (заочно) стала великая княгиня Мария Николаевна, жившая на флорентийской вилле Кварто, проданной ей Демидовыми; в 1860 г. — дочь Анна.

В 1862 г. о. Платон покинул Тоскану, богослужения в церкви прервались, а антиминос забрал архимандрит Палладий, настоятель посольской церкви в Риме. В 1865 г. антиминос по ходатайству князя Анатолия был передан священнику неаполитанской общины о. Михаилу Орлову для совершения возможных служб в Сан-Донато, но с наказом антиминос там не оставлять, так как церковь состоит под присмотром «одних лишь иноверцев»¹³⁸.

Более при князе Анатолии регулярных богослужений не проводилось. Причиной тому стал его переезд на рубеже 1850-х — 1860-х гг. во Францию и утрата интереса к тосканскому имению (в начале 1860-х гг. он даже принялся распродавать сандонатское имущество и коллекции). Известно, что князь, почитатель Лотарингской династии, не поддерживал вхождение Великого герцогства Тосканского в состав объединенного итальянского королевства и принадлежал к партии так называемых «грандукистов»: переездом в Париж он демонстрировал и свой политический протест. Таким образом, закрытие домового храма Демидовых связано с исчезновением с европейской политической карты Великого герцогства Тосканского¹³⁹.

В 1870 г. князь Анатолий скончался в Париже — его титул князя Сан-Донато и состояние унаследовал племянник Павел¹⁴⁰, на первых порах пытавшийся возродить жизнь в пригородном поместье. Одним из свидетельств тому было назначение в 1874 г. в Сан-Донато по его ходатайству иеромонаха Владимира (Терлецкого).

Деятельность о. Владимира хорошо прослеживается в документах сандонатской церкви, что позволяет реконструировать его необычную био-

2. Домовые «капеллы» российских аристократов

графию. Родившийся в Кременце в 1809 г., в дворянской униатской семье Вольнского уезда, о. Владимир (в миру Ипполит), закончив лицей, уехал в Польшу, где получил диплом доктора медицины Краковского университета. Почувствовав призвание к священству, он прибыл в Рим, где в 1842 г. стал ксендзом, удостоившись в 1843 г. степени доктора богословия. В 1858 г. о. Владимир поступил в базилианский монастырь города Мукачева, находившегося тогда на территории Австро-Венгрии. Религиозный кризис привел его к крутому решению — переходу в православие, и в 1872 г. он стал послушником киевского Св.-Михайловского монастыря¹⁴¹.

Вероятно, на выбор кандидатуры о. Владимира для Сан-Донато повлияло его хорошее знакомство с Италией, а также стойкость православного неофита, небесполезная при католическом окружении. Вместе с иеромонахом к Демидовым прибыл певчий Иван Михайлович Ясинский.

Записи о. Владимира о причащавшихся дают возможность узнать состав тогдашних обитателей Сан-Донато. В середине 1870-х гг. у Демидовых

Монастырский храм в Шевтоне (Бельгия). Прежний интерьер с иконостасом из домово́й церкви Новицких во Флоренции. Фотография 1950-х гг.

служили: секретарь И. К. Гехт, наездник П. А. Полянский, учитель Э. И. Грабарь, камердинер Г. П. Фарапанов, лакей Г. Н. Николаев, служанка при детях Е. Ф. Пустоткина¹⁴². Из тех же списков можно узнать имена гостей демидовского имения, среди которых были Трубецкие, Урусовы, Щербатовы, Уваровы, Черкасские, Засецкие.

Флоренция. Памятник Н. Н. Демидову
на пьядце Демидофф. Скульптор
Л. Бартолини. 1870

Иеромонах Владимир крестил двух детей князя Павла — в 1874 г. Анатолия (имя, вне сомнения, дано в честь князя Анатолия Николаевича), крестным отцом которого стал граф Г. И. Строганов, а крестной матерью «княгиня Матильда Иеронимовна Бонопарте [sic], вдова князя Анатолия»¹⁴³, а в 1876 г. — княжну Марию, заочным крестным отцом которой считался Александр II, а крестной матерью — княгиня Е. П. Кочубей.

В конце 1870-х гг. Павел Павлович решил покинуть Сан-Дonato. В 1879 г. домовая церковь была упразднена, а ее убранство — иконы, киоты, двери, иконостас, утварь и прочее, в целом оцененное в 300 тыс. лир, пожертвовано для вновь строившегося флорентийского храма, первоначального имевшего статус посольского¹⁴⁴. Этот дар о. Владимир Левицкий, настоятель прихода во Флоренции, оценил как судьбоносный: «Действительное же начало делу положено было в 1879 г., когда Павел Павлович Демидов князь Сан-Дonato пожертвовал здешней посольской церкви все принадлежности своей домовая церкви в Сан-Дonato»¹⁴⁵.

Закрытие храма Демидовых оформилось указом С.-Петербургской духовной консистории № 2440 от 1879 г. — «по случаю предполагаемого Павлом Павловичем Демидовым, князем Сан-Дonato, переезда на постоянное местожительство в Россию»¹⁴⁶. Петербургский митрополит Исидор, окормлявший в качестве иерарха столичной епархии почти все заграничные русские приходы, повелел передать антиминс и миро для хранения о. Владимиру Левицкому, во временную флорентийскую церковь, тогда размещавшуюся в

наемном помещении на набережной Арно. Сан-Дonato, блестящая резиденция, называемая флорентийцами «вторым королевским дворцом», пришла в упадок, остальное ее убранство пошло с молотка. От знаменитого имения ныне остались лишь деградировавшие фрагменты¹⁴⁷.

В 1885 г. князь Павел неожиданно скончался (о. Владимир Терлецкий сопровождал гроб с его телом во время 15-дневного путешествия из Прато-лино, нового тосканского имения Демидовых, в Нижний Тагил), и его вдова Елена Петровна выделила на строительство нового церковного здания во Флоренции 75 тыс. лир — четверть всей необходимой суммы. Вдова при этом просила назвать вновь сооружаемый посольский храм во имя апостола Павла, в память о почившем муже, но в итоге решено было сохранить существовавшее посвящение, в честь Рождества Христова, а для демидовского дарения устроить особую крипту.

Память о князе Павле олицетворена мозаичной иконой тезоименитого апостола на наружной стене храма (на противоположной стене водружена парная икона апостола Петра). Кроме того, супруги Павел и Елена, князя Сан-Дonato, записаны во флорентийской церкви на вечное поминовение, а вход в крипту украшен иконой св. царицы Елены, небесной покровительницы княгини, и мемориальными досками, на русском и итальянском, со следующим текстом: «Храм сей своим благолепием обязан щедрым жертвователям: Павлу Павловичу Демидову князю Сан-Дonato, род. 9/21 октября 1839 г., ум. 14/26 января 1885 г. и его супруге Елене Петровне Демидовой, княгине Сан-Дonato, урожденной княжне Трубецкой, род. 25 сентября / 7 октября 1853 года, ум. 28 июля / 10 августа 1917 года».

Нижний храм освятили 8 октября 1902 г. (ст. ст.) во имя святителя Николая Чудотворца, продолжив тем самым традицию Сан-Дonato. Сама необычная для местных краев структура двухэтажного здания с «летней» верхней и «нижней» зимней церквями, оправданная в суровом климате России, здесь, в Тоскане, была осуществлена с целью воплотить память о Демидовых и достойно разместить их дарение¹⁴⁸.

Новый храм принял убранство Демидовых не только в нижнюю Никольскую церковь, но и в верхнюю, Христорождественскую, освященную осенью 1903 г. Прежде всего, это уже упомянутые двери резца Барбетти. Идея водрузить их на главном входе возникла еще в ходе строительства: 17 августа 1899 г. (ст. ст.) о. Левицкий отправил зодчему Преображенскому¹⁴⁹, автору утвержденного проекта, письмо «о необходимости употребить входную дверь церкви Демидовской в главном входе церкви, на крыльце, а не в ходе в церковь нижнюю, где она поместиться не могла бы и не была бы видна»¹⁵⁰.

Слева и справа от главного входа, в проемах, водружены высокие резные киоты из упраздненной сандонатской церкви с серией русских икон

середине XIX в. В правом помещении (крестильне) хранится большой образ Св. Троицы кисти иконописца В. Васильева, с датой 1856 г., тоже из Сан-Дonato. О Демидовых напоминает и мемориальная доска в алтаре верхней церкви: «В сем храме записаны на вечное поминовение (...) кн. П. П. Демидов Сан-Дonato и кн. Е. П. Демидова Сан-Дonato».

Их дочь, княжна Мария Павловна, в замужестве княгиня Абамелек-Лазарева, прожила долгую жизнь, пришедшую на другую, эмигрантскую эпоху «русской Италии». Она по-христиански щедро помогала обездоленным беженцам во всей Европе, выплачивала жалование флорентийским священникам, выстроила в церковном саду для них домик и в течение десятилетий служила бессменным старостой общины¹⁵¹. С ее смертью в 1955 г. прямая линия рода Демидовых князей Сан-Дonato пресеклась. Однако «погост» во Флоренции хранит память о жившей тут некогда блестящей русской семье...

Не все русские православные тосканцы получали дозволение на устройство домовых храмов — даже за свой счет. Любопытен случай с князем Д. В. Друцким-Соколинским, пожелавшим открыть церковь в собственной усадьбе в Гальчетто, близ Прато. После долгой переписки со Св. Синодом князю было решительно отказано, так как духовные власти не признали семейную жизнь князя законной: его жена, графиня Лидия Нессельроде, урожденная Закревская, не получила официального развода с первым супругом. В состав усадьбы князя входила старинная католическая капелла: русский владелец намеревался придать ей вид византийского храма¹⁵². Не получив разрешения на открытие православной церкви, Друцкой-Соколинский использовал капеллу как фамильный склеп: тут были погребены родители его жены, Арсений и Аграфена Закревские, знаменитый московский генерал-губернатор и не менее знаменитая в свое время светская красавица, которой посвящены несколько стихотворений Пушкина; сейчас бывшая усадебная часовня служит приходским храмом местечка Баньолю¹⁵³.

В самом конце XIX в., в 1889–1899 гг., существовала еще одна православная домовая церковь, во имя Сретения Господня, в доме Анны Новицкой, урожденной графини Адлерберг. Ее муж, генерал-лейтенант в отставке, испросил на устройство храма разрешение у высших церковных властей, ссылаясь на болезнь жены. Предусмотрительный Синод испросил мнение флорентийского священника, о. Владимира Левицкого, который, вероятно, будучи подготовлен к такому запросу, отписал в Петербург, что действительно «Новицкая раз в год является в посольской церкви, так как страдает крайним утомлением»¹⁵⁴. Требуемое разрешение дали, но с одним условием: в случае закрытия церкви (т. е. после смерти владелицы) всё церковное имущество должно было перейти в посольский храм. Вероятно, подобное условие Синод поставил не без подсказки о. Владимира Левицкого.

3. Посольская императорская церковь

Так впоследствии и произошло: убранство, в первую очередь, великолепный иконостас, стало достоянием русской общины. Иконостас Новицкой использовался в период строительства церковного здания: в 1901 г. именно его водрузили во временной церкви (в 1924 г. флорентийской общиной он был продан и сейчас находится в Бельгии, в Шевтонском католическом монастыре восточного обряда).

Итак, в XIX в. по числу русских церквей — Бутурлиных, Демидовых, Новицких — Флоренция первенствовала не только в Италии, но и во всей Европе, ибо в то время Тоскана привлекала значительное число богатых аристократов, желавших и имевших возможность их содержать.

3. Посольская императорская церковь

В марте 1860 г. плебисцит, проведенный в Великом герцогстве Тосканском, узаконил его присоединение к савойской короне. Еще одно минигосударство навсегда исчезло с политической сцены, войдя в состав новой объединенной страны.

Российское правительство к тому времени уже утратило интерес к Тоскане¹⁵⁵ и, с рядом оговорок, но поддержало Рисорджименто (его либерально-умеренную, так называемую модератную составляющую, но не демократическую, гарибальдийскую линию), видя в будущем итальянском королевстве противовес Австрии. Уже в 1862 г. Россия установила дипломатические отношения с новым королевством (в то время как Австрия совершила это четыре годами позднее, в 1866 г.).

Весной 1865 г. двор и правительство Виктора-Эммануила II покинули Турин ради Флоренции, объявленной королевской столицей. Всей Европе было ясно, что это лишь временная мера — до разрешения «римского вопроса» и переезда короля в естественную столицу Италии — Рим.

Россия, как и другие страны, тем не менее, должна была адекватным образом воспринять новый статус тосканского города, и с 1865 г. здесь основалось императорское посольство. Высокому представительству был нужен свой посольский храм. Идею «проработали» в Министерстве иностранных дел, которое из соображений экономии совершило уже отлаженную акцию — перенесение посольского храма на новое место, с учетом текущей дипломатической необходимости.

Какой храм мог бы послужить для этой цели? В Риме он был закрыт в результате разрыва ватикано-русских отношений и к тому моменту не возобновлен. Существовал бывший посольский храм в Неаполе, ставший неким анахронизмом, ибо самого посольства не существовало с 1860 г., момента

исчезновения в бурбонского королевства Обеих Сицилий. Логика межгосударственных отношений диктовала МИДу перемещение из Неаполя как храма, так и его священника на новое место, к новому посольству — во Флоренцию.

Возможно, подобные переговоры начались с настоятелем неаполитанской церкви, о. Михаилом Орловым (1831–1878), почти сразу после падения Бурбонов и признания объединенной Италии. Известно, что в начале 1860-х гг. он всё чаще и чаще бывал на берегах Арно, где опекал полузакрытую домовую церковь А. Н. Демидова князя Сан-Донатато, а с 1863 г. получил важнейшую должность — духовника великой княгини Марии Николаевны¹⁵⁶, жившей в 1863–1874 гг. на вилле Кварто.

Решением Синода в 1866 г. русский храм в Неаполе был упразднен, а его иконостас и утварь переведены во вновь открытую церковь во Флоренции. Именно с 1866 г. и начинается постоянная жизнь русской православной общины на берегах Арно. Этим же годом отмечено начало регулярных поступлений в духовную консисторию клировых ведомостей¹⁵⁷.

Протоиерей Михаил Орлов появился в Тоскане в апреле 1866 г., сразу после Пасхи, которую он отпраздновал в Неаполе вместе с изгнанным из Рима клиром посольской церкви в Папском государстве, и остался тут вплоть до своей смерти в 1878 г. (похоронен на кладбище Аллори), обслуживая небольшую, но элитарную русскую колонию.

Почему же с перемещением столицы Италии из Флоренции в Рим в 1870 г., и соответствующего перевода туда российского посольства, приписанный к посольству храм не последовал за ним? МИД, всегда склонный к экономии, в особенности за счет собственных религиозных учреждений, смог бы легко добиться упразднения штата и пойти проторенным и логичным путем — перевести посольскую церковь в Вечный Город. Однако этого не произошло, и думается, потому, что жившая на флорентийской вилле великая княгиня Мария Николаевна не желала лишиться своего духовника и церковных обрядов.

В любом случае, церковь во Флоренции осталась — более того, несмотря на преобразование посольства в консульство, она сохранила высокий титул «посольской», обеспечивавший ей почетный статус и ряд привилегий как учреждения дипломатического в глазах итальянского закона. Священник Михаил Орлов, действительно, много помогал дипломатическим службам, и в 1877 г., за год до смерти по ходатайству МИДа был награжден орденом св. Владимира IV степени (еще одно свидетельство о тогдашней «смычке» дипломатии и религии). Русский храм тогда размещался в арендованном консульством помещении на Lungarno Nuovo (совр. Lungarno Vespucci), № 50.

3. Посольская императорская церковь

В беседах великой княгини с ее духовником впервые была высказана мысль о строительстве «настоящей» русской церкви, т. е. отдельного церковного здания. В Синодальных фондах отложилось дело об этом неосуществленном проекте о. Михаила Орлова. В нем участвовала великая княгиня Мария Николаевна и вероятно, близкая к ней флорентийская жительница В. М. Засецкая, выступившая как главный зачинатель храмостроительства. Храм предполагалось освятить в честь архангела Михаила (небесного покровителя и священника Орлова, и отца Засецкой). В послании в Синод Засецкая указывала, что сама «императрица Мария Александровна соизволила изъявить свое Высочайшее внимание»¹⁵⁸. По неизвестным обстоятельствам инициатива Засецкой не реализовалась — возможно, из-за преждевременной кончины о. Михаила Орлова (1878 г.).

После его смерти в Тоскану из Ниццы перевели молодого и деятельного о. Владимира Левицкого. Именно он смог убедить членов русской колонии во Флоренции и посольство в Риме в необходимости строительства православного храма, который и стал первым русским церковным строением на территории Италии¹⁵⁹.

Стремясь привлечь к делу внимание высоких лиц, о. Владимир сумел придать ему должную историческую перспективу. В письмах в разные церковные и государственные инстанции священник писал о Флоренции как о месте (по его выражению, «седалище»), где была заключена знаменитая Уния с папой римским (1439) и православные представители, в том числе московский митрополит Исидор (его о. Владимир необоснованно титуловал «лжемитрополитом») подписали соглашение об объединении с католиками¹⁶⁰. Таким образом, постройке храма в столице Тосканы о. Владимир придавал преимущественно не практический, а символический смысл: «Православие здесь, во Флоренции, потерпело великий ущерб посредством пресловутой Флорентийской унии. (...) Благолепный русский храм был бы наилучшим искуплением невольного греха, претерпленного в этом городе»¹⁶¹.

В результате этих посланий было получено необходимое благословение от петербургского митрополита Исидора, а также помощь и посредничество Министерства иностранных дел¹⁶². Отец Владимир Левицкий не преминул напомнить здравствующему митрополиту, что «лжемитрополит», подписавший Унию, был ему тезкой, следовательно, ответственность за «униональный грех» у него как бы повышалась.

Осветим подробнее личность о. Владимира Левицкого, которому город на Арно обязаны появлением столь выдающегося памятника русской культуры. Это был высокообразованный, не без литературного таланта, священник, закончивший Петербургскую духовную академию со степенью магистра богословия и философии. Во Флоренции он прожил вместе со своей семьей

сорок пять лет — до смерти в 1923 г. Отец Владимир оставил подробный «Журнал сооружения русской православной церкви во Флоренции»¹⁶⁵. С его страниц возникает образ целеустремленного, энергичного человека, умевшего преодолевать многочисленные трудности, вникавшего во все мельчайшие подробности дела и, зачастую, весьма ироничного, даже желчного. Он регулярно писал статьи для российской периодики, преимущественно для петербургского «Церковного Вестника», впоследствии собранные в книге «Современные стремления папства» (СПб., 1908). Не были чужды ему и исторические интересы: так, он описал могилы русских на кладбище в Ливорно. Ему же принадлежит и первый очерк о русской церкви на *via Leone Decimo*, помещенный в путеводителе Е. Долговой по Флоренции¹⁶⁴. Этот очерк священника лег также в основу позднейшей брошюры о церкви, подготовленной на итальянском языке многолетней старостой общины М. В. Олсуфьевой¹⁶⁵.

Изучение «Журнала» дало уникальную возможность реконструировать все перипетии строительства русской церкви на берегах Арно. Отец Левицкий подробно документировал рождение церковной инициативы и ее реализацию, не утаивая всех препон, встречавшихся на его пути.

Книга для сбора средств, что считалось первым официальным шагом в деле храмостроительства, была прислана о. Владимиру из Петербургской духовной консистории в 1880 г., т. е. спустя два года после его назначения в Тоскану. Это стало его первым крупным успехом. В числе первых жертвователей в книге стоят имена великих князей Сергея и Павла Александровичей (по тысяче лир), находившихся в то время во Флоренции¹⁶⁶, и русских флорентийцев А. А. Зубова и Е. П. Демидовой, княгини Сан-Дonato. Церковное начинание тем самым изначально приобрело аристократическую окраску.

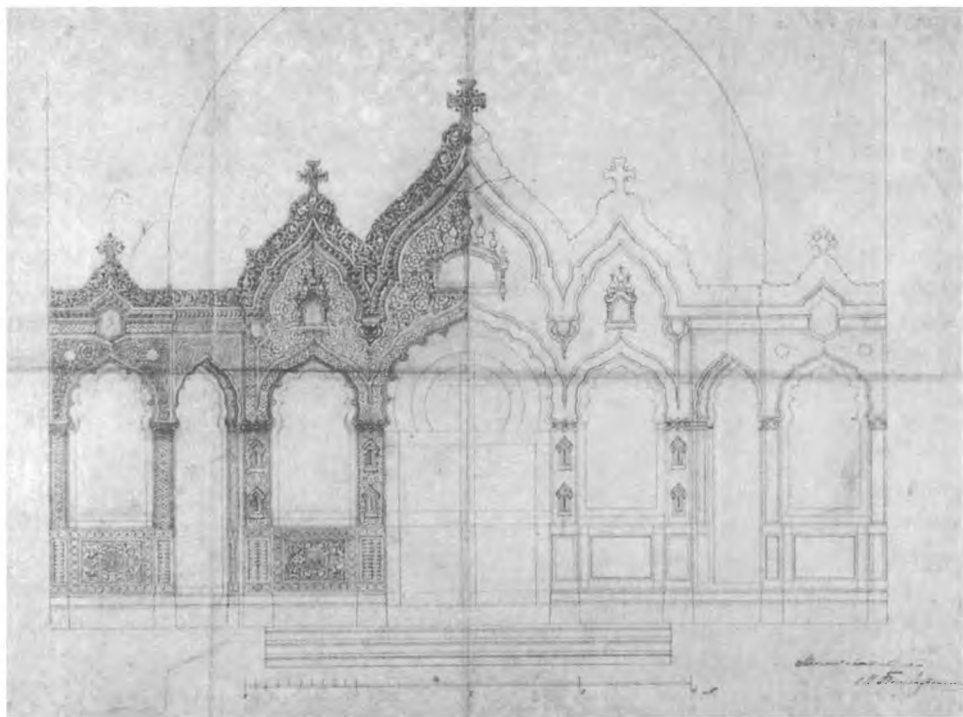
В том же 1880 г. по настоянию посольства в Риме, курировавшего строительство, был сформирован Строительный комитет в составе старосты Г. Кушникова, графа М. Платова, Н. Протасова и А. Хитрово¹⁶⁷. Эта акция симптоматична: посольство не желало единоличного руководства делом со стороны священника и пыталось поставить сооружение здания (а главное — траты средств) под свой контроль, чему и был призван служить Строительный комитет. Впоследствии дипломаты предпринимали другие попытки ограничить власть настоятеля (учредили, например, должность старосты), что вызывало немалое раздражение о. Левицкого.

Летом 1882 г. была куплена земля на виале ин Курва (*viale in Curva*), «с разрешения императорского посольства и на его имя»¹⁶⁸, однако члены комитета опротестовали такой выбор и подали в отставку. Это был первый, но не последний конфликт настоятеля со своими строптивыми прихожанами. Официальной причиной столь резкой конфронтации явилась неблаго-

3. Посольская императорская церковь

звучность топонима (по иронии судьбы улица была впоследствии переименована, получив весьма «пристойное» имя — *viale Belfiore*), но основой недовольства послужил авторитарный стиль ведения дел о. Левицкого, не считавшегося с мнением членов комитета и даже не посвящавшего их в собственные замыслы и предприятия.

Огромное внимание иерей уделил архитектурному проекту: ведь речь, в действительности, шла о первом русском церковном здании на территории Италии. Сначала священник повел переговоры с местными зодчими, но все они закончились бесплодно. В. М. Засецкая порекомендовала местного инженера-строителя Джузеппе Боччини¹⁶⁹, который составил проект, совершенно непригодный, по мнению о. Владимира. Он повел было переговоры с петербургскими архитекторами о возможности организации конкурса на лучший проект, но затем, из-за дороговизны подобного мероприятия, решил поручить заказ молодому зодчему М. Т. Преображенскому, с которым свел знакомство во время его пенсионерской поездки по Италии.

М. Т. Преображенский. Иконостас для церкви во Флоренции. Эскиз. 1890-е гг.

3. Посольская императорская церковь

При покупке нового участка пришлось преодолеть ряд препятствий: рядом с ним находился участок О. Н. Базилевской, застраиваемый А. Ю. Ягном. Этот архитектор по рекомендации другой видной русской флорентийки, Е. С. Рахмановой¹⁷⁰, его гражданской жены, тоже надеялся получить заказ, а когда настоятель предпочел-таки Преображенского, стал интриговать. Базилевской внушили мысль об опасности возникновения рядом с ее домом церкви, где будут и обряды отпевания. («Она так суеверна! Она так боится покойников! Она везде подозревает опасности от микробов!» — иронично писал в «Журнале» о. Владимир.) Базилевская, в результате, перекупила присмотренный настоятелем участок и разбила на нем сад¹⁷¹.

Окончательный проект со сметой, составленный автором прежде отвергнутого проекта Джузеппе Боччини, был представлен в 1885 г. в Синод с просьбой о пособии, которую проситель усилил в соответствии с выработанной им программой: «предпринимаемо строение православного храма (...) впервые в Италии, и притом в городе, ознаменованном печальной памяти Флорентийской унией, как бы в искупление позора, нанесенного ею Русской Церкви через измену православия тогдашнего митрополита Московского Исидора».

Экономный Синод не дал ни средств, ни даже разрешения на начало работ, а попросил МИД взять на себя ответственность на это разрешение. Министерство же поручило заняться данным вопросом посольству в Риме, а то, в свою очередь, в 1887 г. распорядилось учредить новый Строительный комитет. Тем самым была предпринята очередная попытка поставить дело под контроль посольства. Комитет, возглавленный теперь генерал-адъютантом Н. А. Краснокутским¹⁷², нашел, что собранных средств недостаточно и предложил Преображенскому упростить проект, что он и сделал в том же году. Упрощение, по просьбе комитета, произошло «без нарушения достоинства и правил русского церковного зодчества».

«Сократили» и запроектированную было колокольню, в результате чего позднее в православной флорентийской среде родилась легенда о том, что ее якобы запретили католические власти. Однако конфликт между католиками и православными в данном случае не имел места. В действительности о. Левицкий мечтал, при избытке капитала, поставить «колокольню с наборм звона до ста или 150 пудов», нигде не упоминая о запрете католиков.

За первооснову выработанного проекта было принято московско-ярославское зодчество XVII в., по мнению Преображенского, наиболее цветущего периода русского церковного искусства. По древнему православному

М. Т. Преображенский. Колокольня русской церкви во Флоренции. Неосуществленный проект. 1880-е гг.

обычаю храм сориентировали с запада на восток (с небольшим отклонением).

В архиве церкви во Флоренции его чертежей почти не сохранилось, но они отложились в архиве Научно-исследовательского музея архитектуры в Москве. Ценная коллекция эскизов, планов, разрезов, чертежей принадлежала самому архитектору, а после его смерти была передана в государственный архив вдовой¹⁷³. Анализ фонда Преображенского убедительно показывает, что, несмотря на некоторое раздражение заказчика, сквозящее на страницах «Журнала» (в первую очередь о. Владимир возмущался медлительностью), архитектор с особым вниманием подошел к проектированию, справедливо полагая флорентийский заказ важным этапом своей карьеры. Так впоследствии и случилось — развитие контактов с Синодом позволило М. Т. Преображенскому получить в начале XX в. ряд престижных заказов: он стал специализироваться на заграничном церковном зодчестве, уловив стремление Церкви к презентации в инославном мире «чисторусского» стиля, а именно всё того же московско-ярославского стиля XVII в. Таким образом, архитектор стал автором осуществленных проектов храмов в Ревеле (Таллине), Буэнос-Айресе, Бухаресте, Никшиче (Черногория), Ницце.

Дело, однако, замедлилось, так как комитет прекратил существование «за выбытием из Флоренции председателя и двух выборных членов». С другой стороны, волокитой процесс был обязан лично послу России, барону К. П. Искулю фон Гилленбандту, который, будучи лютеранином, совершенно безразлично (если не враждебно) относился к идее строительства православного храма. Это интересный нюанс в теме «дипломатия — Церковь»: несмотря на государственный характер православия возникали ситуации, когда состоящее на государственной службе лицо неправославного исповедания было в состоянии тормозить несимпатичные ему церковные проекты.

К явному огорчению о. Владимира, его знатные прихожане стали сомневаться в необходимости нового строительства, предпочитая «сохранить временную церковь навсегда» и лишь благоукрасить ее снаружи; начались споры о стиле: «одни были за стиль чисто русский, другие требовали держиваться стиля чисто византийского».

В 1890 г. встревоженный иерей выехал в Петербург и лично представил новый проект Преображенского обер-прокурору Синода. В итоге Синод 18 мая 1891 г. выпустил указ № 2030, разрешавший постройку, но с характерной оговоркой: если таковая будет «признана необходимой и возможной» со стороны Министерства иностранных дел.

Разрешение дали... через семь лет. Одна из причин тому — петиция оппозировавших священнику русских флорентийцев (князя С. Голицына¹⁷⁴,

3. Посольская императорская церковь

Флоренция. Чин основания русской церкви. 28 октября 1899 г.

Г. Шпигельберга, А. Зубова), требовавших обратить временную церковь в постоянную. Посол тоже решил «выжидать более благоприятных обстоятельств, большего накопления сумм».

В начале 1899 г. наконец-то разрешение было получено — от нового посла А. И. Нелидова¹⁷⁵, который на своем предыдущем посту, в Константинополе, активно участвовал в делах подопечных афонских монахов и российских паломников.

Одиннадцатого июня (29 мая ст. ст.) 1899 г. работы начались «формальным и официальным образом», в присутствии посла Нелидова и с соответствующим молебствием и крестным ходом, а «окропление по всей окружности будущей церкви совершено было не только святою водою, но и слезами...». Двадцать восьмого (12) октября 1899 г., когда уже возвели части нижних сводов, был торжественно произведен чин основания церкви. Обряду предшествовала долгая подготовка. Отец Владимир лично обошел представителей инославных церквей: в церемонии приняли участие местные протестантские пасторы. Викарий католического архиепископа приглашение вежливо отклонил, разъяснив, «что по церковным римско-католическим правилам ни сам он, ни кто-либо другой из священников, ни

даже из мирян католиков не могут принять подобного приглашения». Этот отрицательный ответ целиком соответствовал прежней позиции Католической Церкви, считавшей (до Второго Ватиканского собора) православных христиан «схизматиками», раскольниками.

На сводах был водружен шатер, украшенный флагами российскими, итальянскими, греческими, румынскими и черногорскими — по формуле «Россия и Италия плюс православные страны».

В конце 1900 г., 31 (18) декабря, неожиданно умер строитель Боччини, производитель работ. Эта смерть нанесла серьезный удар по храмостроительству, так как вдова Боччини представила некоего Альфонса Фави преемником покойного мужа, а этот новый архитектор проявил некомпетентность и строптивость и, отказавшись от дела, присвоил себе рисунки и документы, находившиеся у покойного Боччини. Вдова Боччини и Фави стали шантажировать настоятеля, требуя от него деньги, и написали жалобу послу. Последний их урезонил, заявив, что постройка церкви находится «под контролем правительства» и что им придется отвечать за убытки от задержки строительства. Еще раз дипломатия пришла на помощь Церкви. Тогда же посол назначил нового производителя работ, инженера Пачиарелли. Спор с вдовой окончился всё же выплатой ей определенного отступного.

Для росписи храма о. Левицкий пригласил группу художников из Петербурга, скомплектованную по рекомендации Преображенского. В убранстве приняли участие и местные художники — Ф. Рейман, русского происхождения¹⁷⁶, и Дж. Лолли, флорентиец¹⁷⁷.

Работы затянулись, и нижнюю церковь освятили лишь 21 (8) октября 1902 г. — намного позже, чем предполагали о. Владимир Левицкий и А. И. Нелидов. Торжеству предшествовало печальное событие: 11 июля (28 июня) на 30-м году жизни и на 6-м году священства скончался сын о. Владимира, священник о. Иоанн. Он жил вместе с родителями во Флоренции и, будучи иереем, получал жалование лишь псаломщика, потому что второй священник в Тоскане не был положен по штату. Вне сомнения, о. Владимир прочил сыну будущее настоятеля храма: о. Иоанн сослужил отцу во временной церкви, участвовал во всех важных совещаниях и перипетиях строительства. Но надежда на служение «под золотыми куполами», как тот писал в своем последнем письме, не сбылась...

В то время Италия ждала визита царя, и о. Владимир мечтал о «высочайшем» присутствии, а также о присутствии на освящении архиерея из России. Однако и этим мечтаниям не суждено было сбыться. Несмотря на отсутствие архиерея, чин освящения прошел 26 октября ст. ст. 1903 г. торжественно.

➤ Флоренция. Церемония освящения церкви. 8 ноября 1903 г.

4. «Самый красивый в епархии храм»

Флоренция. Ворота перед русской церковью. Фотография А. А. Китаева. 1997

На освящении присутствовал, конечно, и посол Нелидов, так много сил вложивший в храмостроительство. С профессиональной выдержкой он скрыл трудное положение: посол уже знал о своем грядущем отзыве из Рима. В преддверии ожидавшегося высокого визита по Италии прокатилась волна манифестаций против консервативной политики Николая II, и объявленное было посещение императора отменили, а «козлом отпущения» за крах поездки избрали посла. Через два дня после освящения Нелидов покинул Италию; впрочем, МИД не собирался жертвовать опытным дипломатом, и тяжелым наказанием отзыв из Рима нельзя было считать — Нелидова назначили послом в Париж¹⁷⁸.

4. «Самый красивый в епархии храм»

Перед флорентийцами предстал невиданный прежде в Италии, великолепно исполненный памятник русского искусства. По полному праву его можно считать плодом творческого содружества русских и итальянских мастеров¹⁷⁹.

☛ *Флоренция. Русская церковь. Фотография 1906 г.*

Двухэтажный — по предложению о. Владимира — храм воплощал типологию русских северных храмов, с верхней (холодной, или летней) и нижней (теплой, или зимней) церквями, а кроме того создавалась возможность достойно разместить большие иконы и иконостас, пожертвованные Демидовыми.

Интерьер церкви созвучен общей идее памятника — достойно выразить художественные и духовные ценности русского православия. Схема росписей верхнего храма, разработанная архитектором М. Т. Преображенским и о. Владимиром Левицким совместно с группой художников, была представлена видному знатоку православного искусства Н. В. Покровскому, который высоко оценил проект¹⁸⁰. Действительно, авторы убранства стремились следовать византийской концепции храма, воплощавшего «небо на земле»

Русская церковь во Флоренции. Западная часть нижнего храма

4. «Самый красивый в епархии храм»

и в зримых формах передававшего христианские представления о человеческой истории, о ее начале и конце. Вместе с тем, учли особое положение флорентийской церкви, ставшей представительницей православия в католической стране: в росписи внесли символы из древнеримских катакомб и изображения римских пап, чтимых Православной Церковью, а также изображения св. патриарха Фотия, противника католической добавки *filioque* к Символу веры, и святителя Марка Эфесского, единственного из восточных иерархов, не подписавшего Флорентийскую унию 1439 г.

Преображенский изначально собирался выдержать стиль живописи, соответствующий архитектуре, т. е. XVII веку. Этому решительно воспрепятствовал о. Левицкий, нашедший такой стиль «архаическим», «невыносимым

Русская церковь во Флоренции. Иконостас главного храма

для современного вкуса». Так был принят стиль, близкий к тому, что получил название васнецовского: из-за этого, собственно, и пришлось срочно вызывать из России бригаду художников, так как первоначальные эскизы, по которым должны были работать итальянцы, о. Левицкий категорически отверг. На стилистику орнаментов оказал влияние и господствовавший на рубеже XIX-XX вв. стиль модерн.

Иначе выглядит убранство нижнего храма, происходящее по большей части из домово́й церкви Демидовых (см. стр. 52-53) и относящееся преимущественно к середине XIX в.

Мраморный иконостас верхнего помещения впечатляет посетителей своими прекрасными формами. Он заменил исторический иконостас из походной церкви Александра I, который принадлежал посольской церкви,

Русская церковь во Флоренции. Интерьер верхней церкви

4. «Самый красивый в епархии храм»

но в октябре 1899 г. был увезен в Россию великим князем Георгием Михайловичем, к явному неудовольствию русских флорентийцев¹⁸¹. Отец Левицкий, однако, сумел и эту потерю обратить на пользу храма: через великого князя и российского посла он походатайствовал перед государем о пособии «от щедрот царских» (заметим, что священник иконостасом Александра I не пользовался: с 1879 г. тот лежал заколоченным в ящике). В мае 1900 г. посол Нелидов лично представил царю план и смету иконостаса. Нужную сумму ассигновали, и новый иконостас стал в русской Флоренции предметом особой гордости, именуясь «государевым даром».

Как и весь храм, новый иконостас должен был соответствовать традициям древнерусского искусства, и поэтому Преображенский, создавая его проект, опирался на собранный им в исследовательских поездках материал. Конечно, в России иконостасы резали из дерева, но еще на первых порах во Флоренции решили использовать мрамор. Все работы по белому каррарскому мрамору произвел резчик из Генуи Джузеппе Нови¹⁸². Своды храма расписаны по картонам М. Васильева, Д. Киплика и А. Блазнова. Орнаментальные работы, также по их картонам, созданы итальянскими художниками, за исключением ликов херувимов, которые по настоянию Преображенского были поручены русскому мастеру, Е. Чепцову. Храм расписали за один зимний сезон с октября 1902 по весну 1903 г.

Из бригады русских художников наибольшая задача выпала на долю П. Шарварока: Васильев приехал во Флоренцию всего на два дня, а Блазнов и Киплик с помощником Кузьминским отбыли в Петербург в начале января 1903 г., предоставив Шарвароку с помощником Чепцовым доделывать работу. Зимой художник простудился, а в конце марта слег окончательно. За ним приехала супруга, увезшая его на родину, где он 21 июля скончался, в возрасте 33 лет. «Имя его поминается в церкви наряду с благотворителями храма, потому что работы его лучшие из всей росписи, орнаментальная

*Протоиерей Владимир Левицкий.
Фотография 1890-х гг.*

часть принадлежит ему всецело, и во всё дело он вложил столько усердия и старания, что можно сказать — душу свою положил за дело», — вспоминал в «Журнале» о. Владимир.

С левой стороны от здания, на том месте, где находилась временная церковь, был установлен памятный знак в память о. Иоанна Левицкого — так его отец отметил трагическую преждевременную смерть священника, который надеялся в будущем стать настоятелем флорентийского храма.

Усилиями о. Владимира и регента А. К. Харкевича при церкви был образован прекрасный хор, состоявший преимущественно из итальянских певчих: для них Харкевичу пришлось расписать славянские партитуры латинскими буквами.

Долгое время храм по-прежнему носил почетный титул «посольского», хотя российское посольство из Флоренции переехало в Рим, где с 1872 г. была учреждена еще одна посольская церковь. Такой статус, помимо престижа, давал и практические преимущества: приют, например, избегал

*Монастырский храм в Шевтоне. Интерьер с иконостасом Новицких.
Современная фотография*

5. «У нас, не имеющих родины, осталась лишь церковь»

итальянского налогообложения. Но еще в 1898 г. директор Департамента личного состава Министерства иностранных дел барон К. К. Буксгевден потребовал снять титулование как незаконное — чему, однако, воспротивился посол Нелидов. При настоятельстве в Риме преосвященного Владимира (Путяты), который, кстати, пунктуально вычеркивал титул «посольская» на всех докладах из Флоренции, вновь возбужденное дело решилось в январе 1911 г. не в пользу флорентийского храма: по представлению тогдашнего посла новый министр иностранных дел С. Д. Сазонов испросил «Высочайшего повеления о переименовании флорентийской церкви из „Посольской“ в „Русскую Православную“ (...) Вслед за сим г. Сазонов заболел и проболел почти год» (из «Журнала» о. Левицкого).

С Первой мировой войной для флорентийской церкви начался период тяжелых испытаний. Община пыталась осуществлять патриотический долг, что облегчалось военным союзом Италии и России. Она занималась благотворительностью, собирала средства в пользу армии и раненых, помогала военнопленным в Австрии и интернированным на территории Швейцарии. При поддержке прихода во Флоренции действовал Русский благотворительный комитет.

Сразу после революции 1917 г. церковь, по примеру римской, объявила о полном отделении от дипломатических структур и сформировала автономную общину.

Бывшая посольская церковь украшает Флоренцию до сих пор, являясь предметом законной гордости флорентийцев. Многолетние усилия о. Левицкого не пропали втуне. Итоговые слова принадлежат митрополиту Евлогию: «Во Флоренции у нас чудный храм, самый красивый из храмов моей епархии. Двухэтажное здание в русском стиле, много прекрасных икон, живопись лучших живописцев»¹⁸³.

5. «У нас, не имеющих родины, осталась лишь церковь»

Годы революции стали переломным в жизни общины. В Западную Европу хлынули тысячи беженцев. Храм заполнился не состоятельными путешественниками и не аристократами, а обездоленными эмигрантами. Их настроение хорошо определяют слова одной прихожанки (Ольги Евреиновой), занесенные тогда в книгу протоколов собраний: «У нас, не имеющих родины, осталась лишь церковь»¹⁸⁴.

Община стала переживать трудные дни: все средства, с трудом собранные, а затем помещенные в, казалось бы, такие надежные российские банки, были национализированы; какая-либо поддержка от посольства

прекратилась. Может, оставалось хвалить Бога за то, что здесь, в Италии, приход не пострадал от гонений, которым подверглись христиане на Родине, за то, что уцелело убранство и церковные стены вообще...

В 1921 г. был юридически оформлен самостоятельный приход, отделившийся от дипломатических структур, ставших советскими. Прихожане — их тогда насчитывалось всего 24 человека — серьезно опасались судебных имущественных споров с СССР. На флорентийскую постройку советская сторона, действительно, заявила в 1924 г. претензию, но эту попытку удалось отринуть с помощью нанятого адвоката (в качестве основного аргумента против притязаний большевиков на храм использовался декрет Временного правительства об отделении Церкви от государства).

В те годы Апеннин достигла эмигрантская волна и численный состав прихода возрос: в 1925 г. он достиг максимума — 75 человек. Однако найти работу в Италии изгнанникам было нелегко, и многие быстро покинули Флоренцию ради Парижа, Белграда и других крупных центров диаспоры: к 1931 г., например, прихожан стало всего 37. Таким образом, Флоренция, как и вся Италия, в период «великого исхода» из России, не становилась для большинства эмигрантов новой родиной, а служила неким перевалочным пунктом: из-за подобной «текучки» оседлые русские флорентийцы прозывали временных прихожан «прохожанами» — об этом пишет в публикуемом в разделе «Приложения» дневнике А. Харкевич.

В 1923 г., после смерти о. Владимира Левицкого, на место настоятеля пригласили о. Михаила Стельмашенко, выпускника Киевской духовной академии, после революции эмигрировавшего в Прагу. Он принадлежал к той категории беженцев, которые верили в скорое возвращение в Россию, и, по мнению прихожан, смотрел на положение дел с чрезмерным оптимизмом. У священника начались трения с русскими флорентийцами, чему, конечно, способствовало их печальное эмигрантское существование. В 1925 г. после двух лет настоятельства о. Михаил покинул Италию и умер в том же году в Париже.

В 1924 г. русские храмы в Италии объехал митрополит Евлогий (Георгиевский), устроитель Западно-Европейской епархии, введший ее в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, так как связи с родиной оборвались. Именно тогда владыка и назвал храм самым красивым в епархии — а его епархией была почти вся Западная Европа...

Однако не все православные эмигранты признали духовную власть и действия митрополита Евлогия: группа епископов, живших в тот момент в Югославии, основали автономную юрисдикцию — Русскую Православную Церковь за границей (РПЦз, иначе Зарубежная Церковь). Этот раскол внес смуту в диаспоре: ряд флорентийских прихожан отказался признать епар-

5. «У нас, не имеющих родины, осталась лишь церковь»

хиальную власть в Париже и демонстративно покинули общину — на праздники они ездили в Рим, к архимандриту Симеону.

В 1924 г. после поездки преосвященного Евлогия в Италию произошел небольшой скандал, вызванной продажей иконостаса Новицкой русским католикам. Вот как описывает этот случай сам владыка:

В бытность о. Стельмашенко настоятелем во Флоренции со мной случилось весьма неприятное приключение. В нижней церкви нашего флорентийского храма мне показали чудный иконостас, который попал сюда из домово́й церкви фон Дервиз, владельца прекрасной виллы под Флоренцией¹⁸⁵. Иконостас лежал без употребления. Мелькнула мысль: вот бы его купить для Сергиевского Подворья! И тут же надежда, что какой-нибудь благотворитель его для нас выкупит. Что же? Не успел я вернуться из Италии в Париж, является ко мне молодой человек, скромного, смиренного вида¹⁸⁶. (...) Молодой человек сказал, что до него дошли слухи о моем желании купить иконостас, и заявил, что он хочет его выкупить и пожертвовать. (...) Он попросил меня дать ему письмо на имя о. Стельмашенко, в котором я бы рекомендовал его как покупателя. Я согласился. (...). Ради благотворительной цели продажа иконостаса состоялась по очень низкой цене (7000 франков), а прихожане прибавили еще к иконостасу иконы и лампы... — на доброе дело! Упаковку и отправку имущества молодой человек произвел через транспортную контору с необычайной быстротой и ловкостью в отсутствие о. Стельмашенко, и лишь только все из церкви было вывезено — пропало... О. настоятель тщетно ждал его возвращения, наконец пошел справиться в транспортную контору — и что же? Оказывается, все ящики направлены в Париж, но не нам... Я получил отчаянную телеграмму от о. Стельмашенко. Иконостаса мы так никогда больше и не видали¹⁸⁷.

Владыка Евлогий в феврале 1926 г. на место о. Михаила Стельмашенко назначил нового настоятеля, о. Иоанна Лелюхина. Этот священник пережил тяжелую личную драму: его семья (жена и дочери) приняла советскую власть и осталась в СССР. Во Флоренции он пробыл десять лет, однако его здоровье пошатнулось, и священник уехал из Тосканы на лечение: сначала в Мерано, а затем во Францию, где и скончался в 1945 г.

Именно ко времени его настоятельства относится любопытный отчет о русской колонии — его составил в 1930 г. префект Флоренции на основе сообщений своих информаторов для Министерства внутренних дел (Генеральной дирекции Общественной безопасности). Автор меморандума постарался дать социально-политическую характеристику существовавшим в русской среде группировкам. Таковых он выделил шесть:

1) обеспеченные люди, сохранившие состояние и держащиеся особняком (...); 2) бывшие военные, возглавляемые бывшим полковником императорской армии Александром Джулиани, представителем Воинского Союза; 3) замкнутая группа коммерсантов; 4) группа пожилых дам, объединяющаяся при настоятеле русской церкви протоиерее Иоанне Лелюхине («евлогийцы»), то есть последователи архиепископа Евлогия, живущего в Париже; будучи искренними противниками большевизма, пошли на компромисс с Советами и коллективно признали Советское правительство ради спасения от преследования в России своих единоверцев¹⁸⁸); 5) дезорганизованная масса, из которой иногда возникают маленькие кружки, как, например, кружок Александра Фомина, представителя легитимистов (т. е. монархистов. — М. Т.); 6) евреи, живущие очень замкнуто, за исключением поэтессы Натальи Русской (Коган), ярой монархистки и в качестве журналистки и писательницы пользующейся успехом в парижских антибольшевистских кругах; евреи не заинтересованы в движении освобождения (т. е. свержения советского строя. — М. Т.) и в общем расположены к сохранению сложившейся ситуации; среди них — господа Абрамович, Бунимович, Гиршфельд, Лопато, Груляков и другие¹⁸⁹.

С 1925 по 1936 г., православная община получала неожиданную финансовую поддержку от Греческого королевского дома, решившего использовать одно из помещений крипты в качестве усыпальницы для монархов-изгнанников. В 1925 г. сюда поместили гроб с телом короля Константина, в 1926 — королевы Ольги, урожденной Романовой, а в 1932 — королевы Софии. Интересно, что когда в 1934 г. в муссолиниевской Италии вышел популистский закон об обязательном снижении квартирной платы, Греческий Королевский Дом тоже попытался было уменьшить платежи, но русской общине удалось доказать, что помещение с гробами это «не комната, а могила». В 1936 г. политическое положение монархии в Греции временно стабилизировалось и прах венценосцев перенесли в усыпальницу под Афинами.

Главную же поддержку в послереволюционный период оказывала княгиня М. П. Абамелек-Лазарева, урожд. Демидова, княжна Сан-Донато. Она, в отличие от большинства русских флорентийцев, своего состояния не утратила и, движимая альтруизмом, тратила большие средства на поддержку как церкви, так и отдельных прихожан. Многим людям она платила ежемесячное пособие, содержала настоятеля и церковный хор. Управляющий княгини, Ф. Галка, долгое время служил старостой церкви, и через него княгиня входила в мельчайшие подробности жизни прихода. Когда же в

1930 г. Галка перешел в католицизм (его родителями были украинские униаты), Абаменек-Лазарева сама стала старостой. В 1951 г. на средства княгини (и графини Родоконяки) в церковном саду построили домик в три комнаты, предназначенный для жилья настоятеля. После смерти княгини в 1955 г. ее наследник князь Павел Югославский в память о ее церковно-общественной деятельности пожертвовал общине крупную сумму.

В 1936 г. настоятелем прихода был назначен о. Иоанн Куракин. Из старинного княжеского рода, высокообразованный и деятельный, член Государственной Думы, в эмиграции он стал настолько глубоко церковным человеком, что митрополит Евлогий посвятил его в сан священника, хотя князь не имел богословского образования. Отец Иоанн целиком отдал себя делу служения, помогая русским приходам и в других городах Италии. Он скончался в 1950 г. в Париже, где за несколько дней перед смертью был интронизирован в сан епископа.

Культурное лицо общины в 1920-х — 1950-х гг. во многом определяла деятельность регента хора А. К. Харкевича (его Дневник публикуется в Приложении). Выпускник С.-Петербургской духовной академии, он в 1903 г. был назначен псаломщиком посольской церкви. Во Флоренции он обрел свою судьбу в лице дочери о. Владимира Левицкого, Анны, ставшей его женою. После революции Харкевич, для поддержки общины, организовывал в разных городах Италии концерты православной музыки, имевшие большой успех у итальянской публики. Он часто публиковал в местной прессе статьи о русской литературе: о Лермонтове, Гоголе, Чехове. Главным же его занятием оставалась духовная музыка, причем регент достиг высокого профессионализма не только в ее исполнении, но и в сочинении: его произведения исполнялись в русских храмах в самых различных странах (за исключением его родины). Общественно-патриотическую линию Харкевича продолжила его дочь Нина, которая будучи врачом, проявила себя как талантливый художник и поэт.

*Протоиерей Иоанн Куракин.
Фотография 1940-х гг.*

М. П. Абамелек-Лазарева, урожд. Демидова.
Фотография 1900-х гг.

К церковной жизни той поры были близки два русских художника, живших во Флоренции: Н. Лохов (1872-1948) и Ф. Соколов (1900-1956). Оба они работали как копиисты в Уффици, а также исполняли копии с монастырских фресок. Лохов обосновался во Флоренции в 1914 г.: от родины его отрезала революция. Свою жизнь он мечтал посвятить созданию в России, при обещанной ему поддержке И. В. Цветаева, галереи копий фресок и картин мастеров итальянского Ренессанса, и с этой целью он непременно повторял проданные копии, заботясь о целостности коллекции (сейчас эта коллекция находится в Америке). Его жена М. Лохова одно время была старостой общины. Художник Соколов был учеником Лохова и, помимо копирования, писал иконы и миниатюры. Его кисти принадлежат несколько портретов настоятелей флорентийской церкви.

Вторая мировая война причинила новые беды маленькой общине. Некоторые прихожане, как граф А. Олсуфьев, погибли во время боевых действий. Другие, как староста общины князь С. Кочубей, навсегда покинули Италию.

После освобождения Флоренции от нацистов в жизни церкви наступило временное оживление: в рядах союзных войск было немало православных. Однако с конца 1940-х гг. численность прихода и его активность стали снова неуклонно снижаться.

Настоятелями храма в тот период служили: с 1950 по 1955 г. — о. Андрей Насальский, с 1955 по 1965 г. — о. архимандрит Савва (Шимкевич), с 1965 по 1969 г. — о. Феодор Бокач, с 1969 по 1996 г. — о. Иоанн Янкин, с 1997 по настоящее время — о. Георгий Блатинский.

В 1950-е — 1980-е гг. приходскую жизнь во многом поддержали усилия М. В. Олсуфьевой, ставшей старостой в 1956 г. Талантливая переводчица, она познакомила итальянскую публику с книгами современных русских авторов: Булгакова, Пастернака, Шкловского и др. А. И. Солженицын, выбирая переводчика для итальянского издания «Архипелага Гулага», указал именно на

5. «У нас, не имеющих родины, осталась лишь церковь»

Олсуфьеву. Когда же она выступила в защиту советских диссидентов, в первую очередь А. Д. Сахарова, бывшего ее личным другом, Олсуфьева стала для своей родины *persona non grata*.

Благодаря ей в 1970-е гг. община начала широкую поддержку «третьей волны» эмиграции из России¹⁹⁰. Через флорентийскую церковь прошло около трехсот семей, а в местной прессе *via Leone Decimo* окрестили «эмигрантской тропой».

В середине 1980-х гг. храм посещал А. А. Тарковский, изгнанный из СССР. Муниципалитет предоставил во Флоренции жилье семье режиссера, увековечившего в одном из своих лучших фильмов, «Ностальгия», красоту тосканского края. Прихожанкой церкви была и его вдова, скончавшаяся в 1997 г.

В последние годы, сохраняя русскую основу, община приняла в свое лоно многих православных тосканцев нерусского происхождения: греков, эртрейцев, итальянцев и, до открытия во Флоренции румынской церкви, — румын, в том числе королеву в изгнании Елену и ее сестру Ирину. В знак

А. К. Харкевич, регент хора в русской церкви. Фотография 1910-х гг.

*Архимандрит Савва (Шимкевич), настоятель церкви во Флоренции.
Фотография конца 1950-х гг.*

этого во время славянского богослужения некоторые части читаются по-итальянски и по-гречески.

Вместе с тем флорентийская община кровно связана с далекой Россией, и чутко откликается на перемены, там происходящие. Падение советского строя восстановило нормальные связи между Западом и Востоком. В Италию опять стало прибывать множество русских туристов, во Флоренции поселились выходцы из бывшего СССР — не политические беженцы, а люди, получившие право свободного передвижения по миру и право выбора местожительства.

III. НА ЮГЕ

1. Посольская церковь в Неаполе

Российская внешняя политика, начиная с периода установления постоянных дипломатических отношений с итальянскими государствами, т. е. с 1760-х гг., всегда отводила Неаполитанскому королевству особое место. Это было обусловлено, в первую очередь, частичным совпадением политических интересов обеих стран, направленных против гегемонии Турции в восточном Средиземноморье. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. заставила петербургский кабинет особенно активно искать военноморских союзников, в числе которых он хотел бы видеть и неаполитанских Бурбонов. На первых порах неаполитанский двор неохотно шел на сближение с далекой империей, как из-за опасения возмездия со стороны турок, так и из-за отсутствия традиционных связей.

Установлению прямых дипломатических отношений способствовала инициированная Екатериной II миссия французского просветителя Ф.-М. Гримма (1776 г.). Уже в 1777 году было принято двустороннее решение об обмене посланниками, что и осуществилось в 1778 г.¹⁹¹ С тех пор дипломатические отношения между двумя державами не прерывались вплоть до 1860 г., когда Неаполитанское королевство сошло со сцены мировой истории.

Взаимоотношения между Российской империей и Неаполитанским королевством развивались вполне успешно: из всех итальянских государств царский двор стал выделять именно Бурбонское. Этому способствовала долгая и успешная миссия в России в конце XVIII в. неаполитанского посланника герцога Серракаприоли¹⁹², а также всё нараставшее политическое сближение и, позднее, экономическое сотрудничество. Русские посланники в Неаполе — А. К. Разумовский¹⁹³, П. М. Скавронский¹⁹⁴, Ф. Г. Головкин¹⁹⁵ — занимали заметное место при дворе Бурбонов. Явным признаком высокого статуса посольства было учреждение при нем православной церкви вскоре после установления дипломатических отношений.

Двадцать восьмого января 1799 г. Св. Синод утвердил штат посольской церкви в Неаполе: с одним священником и двумя псаломщиками¹⁹⁶. Этому акту предшествовало формирование военного антифранцузского союза, так называемой Первой коалиции, куда наряду с Австрией, Англией, Пьемонтом и Россией вошло в 1798 г., после периода колебаний и вооруженного

нейтралитета и Неаполитанское королевство. Вступление королевства в коалицию оформилось и подписанием двухстороннего союзного договора с Россией. Однако в Синоде не было известно, что за несколько дней до утверждения им штата в Неаполе провозгласили Партенопейскую республику якобинского характера и королю Фердинанду IV пришлось бежать из собственной столицы на Сицилию, под прикрытием английского флота. Естественно, что при таких обстоятельствах решение об учреждении церкви осталось только на бумаге.

Опыт Первой коалиции стал фундаментальным для установления в первой половине XIX в. дружественных отношений между Неаполем и Петербургом (с оттенком покровительства со стороны России). Фердинанд IV крайне заинтересованно следил за успехами войск Суворова в северной Италии, предполагая, что после разгрома французов русские войска придут на помощь и его короне. Тем временем из Петербурга посланник Серракаприола подталкивал короля к еще более тесному сближению с Россией (чему противодействовали королева Мария-Каролина, австрийка по происхождению, и первый министр Актон, англичанин).

С первой реставрацией Бурбонов в 1799 г. российское посольство вернулось в Неаполь. После насильственной смерти Павла I в 1801 г., политика империи в отношении итальянских государств претерпела некоторые изменения, благодаря новому курсу на сближение с Англией. Однако при этом сохранялась традиционная поддержка Пьемонтского и Неаполитанского королевств.

В Неаполь в 1802 г. на краткий срок, до 1804 г., была переведена «церковь Турина»¹⁹⁷. Вероятнее всего, как это порой бывало в практике зарубежных церквей, в Неаполь попало лишь церковное убранство, необходимое для совершения богослужений — в первую очередь, антиминос. Но из-за отсутствия постоянного священника существование подобного храма было исключительно номинальным, да и в ту эпоху иначе быть не могло, учитывая крайнюю политическую нестабильность на Апеннингах и в целом в Европе.

В самом деле, в 1806 г. Бурбонам опять пришлось покинуть свой дворец в Неаполе, уступив его французам. Российские дипломаты были вынуждены оставить континент и опять последовать за бурбонским двором на Сицилию. В дипломатическом присутствии России в Неаполе опять наступил перерыв, продолжавшийся до окончательного разгрома узурпатора неаполитанского престола Иоахима Мюрата в 1815 г. и полного восстановления легитимности на юге Италии.

Перипетии начала XIX в., естественно, не способствовали церковно-государственным проектам России на территории Италии. Однако, когда с реставрацией старого режима посольский храм в Неаполе был наконец

утвержден, в Папском государстве и в Великом герцогстве Тосканском такие храмы уже давно функционировали.

Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, посольские церкви служили только косвенными признаками важности данного посольства. Их возникновение зачастую зависело от случайных обстоятельств, особенно от настойчивости того или иного дипломата или духовного лица. Во-вторых, содержание церквей ложилось определенным бременем на Министерство иностранных дел, старавшееся по возможности сокращать издержки. (Вероятно, МИД тогда полагал, что наличие в Риме и во Флоренции церквей уже достаточно выражает престиж православия в Италии.) В-третьих, в отличие от Рима и Флоренции, где в 1820-х — 1830-х гг. сложились немногочисленные, но элитарные аристократические русские колонии, составлявшие приходы посольских храмов, в Неаполе таковой не было.

При Николае I развитие политических отношений России и Неаполитанского королевства достигло апогея. Прочному положению русской дипломатической миссии в Неаполе способствовал заключенный в 1848 г. брак между дочерью русского посланника Анной Ивановной Логиновой и видным представителем местной аристократии маркизом Камилло Карачоло ди Белла (по правилам того времени Логиновой накануне замужества пришлось принять религию мужа, католичество). Впоследствии, после вхождения Неаполитанского королевства в объединенную Италию, маркиз Карачоло ди Белла был в 1867 г. назначен посланником в Россию: именно ему пришлось заниматься согласованием позиций стран в двух крайне щекотливых вопросах — «римском» и «польском».

Деятельность церкви при посольстве отразилась в ее небольшом и несистематизированном архиве, который после упразднения храма (и посольства), вошел в состав архива русской церкви во Флоренции. Архив состоит из метрических книг, переписки со священноначалием в Петербурге и с российскими дипломатическими структурами. Изучение этого архива позволило детально реконструировать историю храма.

В 1844 г. Николай I учредил новый штат посольской церкви, с повышением жалования (первый штат был утвержден еще в 1799 г. — понадобилось почти полвека для его реализации). В убранство вновь устроенного храма включили иконостас походной церкви Александра I, прежде находившийся во Флоренции. Очень вероятно, что решение об открытии церкви входило в план подготовки визита царя в королевство Обеих Сицилий.

Фигура первого настоятеля посольского храма свидетельствует о внимании МИДа к неаполитанским делам: им стал ученый священник, бакалавр Священного Писания при С.-Петербургской духовной академии, протоиерей Петр Сперанский. Отец Сперанский прибыл в Неаполь накануне царского

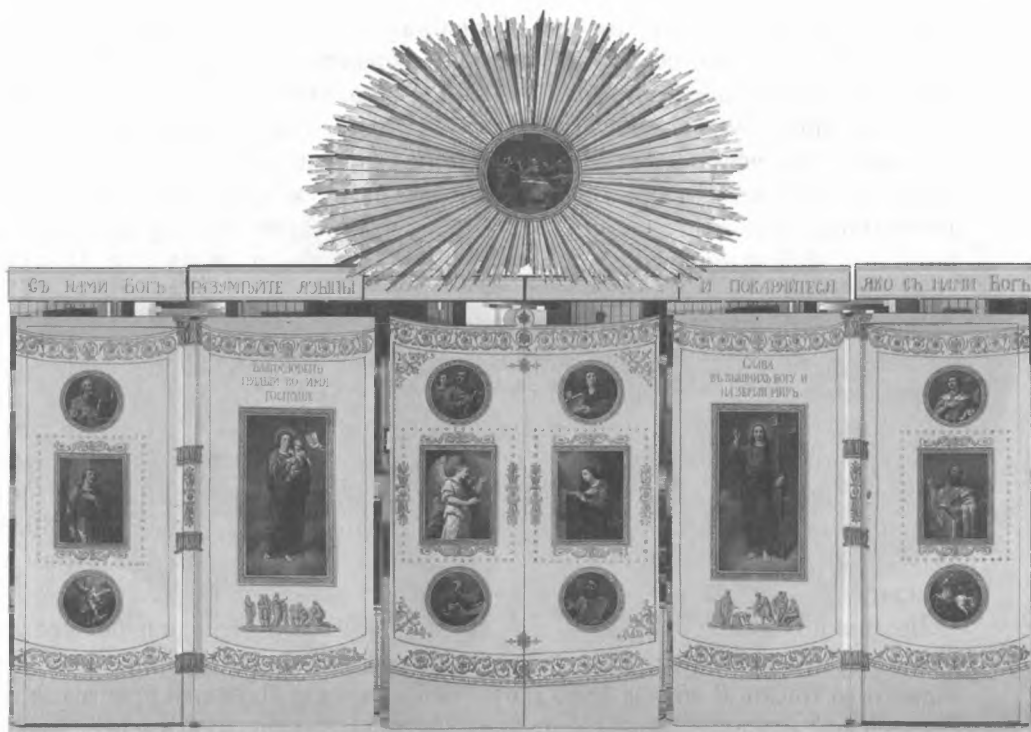
визита и проводил богослужения в присутствии царской семьи там и в Палермо, куда возил исторический иконостас Александра I¹⁹⁸. Результатом знакомства с императорской четой стало приглашение его на место настоятеля придворной церкви в петергофском дворце, а затем в петербургском Зимнем († в 1867 г.). Таким образом, о. Сперанский прослужил в Италии всего около полутора лет.

В 1846 г. его сменил магистр богословия о. Тарасий Серединский (1822–1897), прежде преподаватель греческого языка в С.-Петербургской духовной академии. Если знание культуры Эллады и не было одним из факторов выбора о. Тарасия на должность в Неаполе, то в любом случае оно сыграло важную роль в налаживании связей с местным греческим населением, которое Россия традиционно рассматривала как свое подопечное.

О крайней ограниченности непосредственных пастырских обязанностей о. Тарасия, т. е. об отсутствии местной русской колонии, свидетельствуют метрики неаполитанской церкви, где в графу «о родившихся» настоятель записывал преимущественно собственных детей, появившихся у него почти ежегодно. В 1850 г. в графу «об умерших» священник, по положенной форме меланхолично записал собственную скончавшуюся дочь: «итого умершая — одна (1)». Клировые ведомости, т. е. все сведения о штате, а также метрики о. Тарасий регулярно отправлял в Петербург, в духовную консисторию (сохранились все клировые ведомости, начиная с 1847 г., т. е. с первого года служения о. Тарасия в королевстве Обеих Сицилий, по 1866 г. — год упразднения храма)¹⁹⁹.

За отсутствием русских о. Тарасию приходилось окормлять неаполитанских греков, собственная (Петропавловская) церковь которых под давлением местных ультракатоликов была переведена в униатство²⁰⁰. В 1860 г. по ходатайству настоятеля С.-Петербургская консистория разрешила отправлять богослужения в Неаполе и на греческом языке, «для ограждения греков от враждебного Православию влияния греков-униатов и римско-католической пропаганды»²⁰¹. Греки, таким образом, становились, как и в Ливорно, одной из опор русской политики в Италии. Некоторые из них (Н. Г. Мутояни, Н. С. Зерво) настолько сближались с российскими дипломатическими учреждениями (в том числе и через церковь), что поступали к ним на службу. И впоследствии, после закрытия русской церкви в королевстве Обеих Сицилий, российская дипломатия продолжала покровительствовать неаполитанским грекам²⁰².

Помимо естественного сотрудничества с единоверными греками, русским иереям пришлось взаимодействовать с некаатолическими священниками — в первую очередь с англиканскими. Это было вызвано практическими нуждами, касающимися преимущественно погребений в Неаполе российских

*«Иконостас Александра Благословенного» работы В. К. Шебуева. 1790-е гг.
Государственный Эрмитаж. Фотографы А. М. Кокиаров, Л. Г. Хейфец*

подданных — моряков, дипломатов, путешественников. После упразднения русской посольской церкви погребением православных занимались непосредственно англиканские священники (как и до ее учреждения).

Ограниченные пастырские обязанности о. Тарасия Серединского позволили ему сосредоточиться на исследовательской деятельности. Имея возможность изучить во всех подробностях обычаи Католической Церкви, он поставил себе задачей ознакомить отечественную публику с ее порядками и дисциплиной и опубликовал ряд трудов: «О богослужении Западной Церкви» (1849–1856), «О богослужебном благочинии Западной Церкви» (1859), «Об индульгенциях» (1860), «О причинах разногласия между восточными и западными христианами во времени празднования святой Пасхи» (1863) и проч. Из Неаполя о. Серединского перевели в Берлин, где он так же плодотворно изучал протестантизм.

Посольская церковь в Неаполе просуществовала до 1866 г., «пережив» всего на несколько лет российское посольство, закрытое после изгнания Бурбонов.

Последним ее настоятелем стал священник Михаил Орлов (1831–1878)²⁰⁵, переведенный затем, со всем церковным убранством, с берегов Неаполитанского залива на берега Арно, во Флоренцию, ставшую в тот момент, до решения «римского вопроса», столицей Италии. Неаполитанский настоятель еще и до официального упразднения своей церкви немало времени проводил в Тоскане, окормляя осевшую там русскую аристократию (почти отсутствовавшую в Кампании). Характерно, что именно ему передали антиминс домовый флорентийской церкви А. Н. Демидова князя Сан-Донато, которого тот прекратил пользоваться.

Весной 1866 г. в Неаполе в последний раз совершилось русское пасхальное богослужение. В мае того же года о. Орлов уже служил во Флоренции — в письме к нему в Тоскану от 15 (3) мая 1866 г. Н. Г. Мутояни, неаполитанский грек, бывший в то время российским вице-консулом и имевший чин титулярного советника (судя по тексту письма, он был и активным деятелем православной общины в Неаполе) всячески утешает священника, встревоженного тем, что великая княгиня Мария Николаевна, жившая в 1863–1874 гг. на флорентийской вилле Кварто, была недовольна его опозданием в Тоскану, так как она ждала приезда личного духовника на Пасху.

Возможно, о. Орлов оставил свою августейшую духовную дочь без праздничного богослужения из-за необыкновенного события, случившегося незадолго до Пасхи. В начале 1866 г. отношения между Папским престолом и Российской империей были разорваны и дипломатический корпус, включая священника посольской церкви, архимандрита Гурия, срочно покинул Вечный Город. Отцу Орлову пришлось оказывать в Неаполе гостеприимство всему римскому клиру: настоятелю, диакону и певчему.

2. Домовая церковь в Палермо

Вторая русская церковь в Неаполитанском королевстве, домовый храм в Палермо, — своеобразный свидетель апогея российско-неаполитанских отношений, пришедшего на 1845–1846 гг., во время визита Николая I в Италию.

К тому моменту отношения между двумя странами претерпели серьезные изменения: из защитника, пусть и заинтересованного, итальянских интересов николаевское правительство превратилось в проводника проавстрийских интересов: царь рассматривал Австрию как надежный кордон от революции и к тому же надеялся, что, если она будет занята итальянскими делами, то это развяжет России руки на Востоке. Однако при этом Николай I и Фердинанд II испытывали истинную симпатию друг к другу, результатом которой позднее стал отказ неаполитанского правительства вступить в

2. Домовая церковь в Палермо

Неизвестный художник. Вилла Оливуцца в окрестностях Палермо

Крымскую войну против России, несмотря на сильное давление Англии и Франции. В Европе царский визит официально преподносился как некое частное путешествие, предпринятое ради поправки здоровья Александры Федоровны: в Рим, например, царь прибыл в качестве дворянина Романова. В действительности Николай I преследовал такие внешнеполитические задачи, как сближение России с королевством Обеих Сицилий и с Папским престолом²⁰¹.

Николай и Александра приплыли в Палермо на пароходе «Камчатка» 23 октября 1845 г. Царь прожил на пригородной вилле, принадлежавшей княгине В. П. Бутера, урожд. Шаховской, до 5 декабря, Александра Федоровна осталась там на всю зиму²⁰⁵. Именно тогда из Неаполя в Палермо и командировали о. Сперанского, вместе с историческим иконостасом.

Церковь, так же как и временная резиденция императорской четы, размещалась на вилле в окрестностях Палермо, называемой Оливуцца (Villa Olivuzza) и ныне вошедшей в черту современного города. Роскошная вилла обычно именуется местными историками как Villa Wilding, по имени одного из ее владельцев, англичанина Джорджа Уилдинга²⁰⁶. Загородный

Памятная доска на вилле Оливуцца в честь посещения Палермо императором Николаем I в 1845 г.

особняк, перестроенный в начале XIX в. в классическом вкусе, принадлежал одно время княгине Катерине Бранчифорти-Бутера, вышедшей во втором браке за Уилдинга. Последний, овдовев, сохранил титул князь Бутера. Будучи неаполитанским посланником в Петербурге, он женился там на вдовой графине Варваре Петровне Шуваловой-Полье, урожд. княжне Шаховской (1797-1870). Палермитанская вилла перешла в «русские руки» и подверглась русификации — ее перестраивал Г. Боссе, много строивший для Шуваловых. Домовая церковь была освящена во имя св. Варвары Великомученицы, небесной покровительницы хозяйки. Иконостас соорудили по эскизам придворного архитектора Р. И. Кузьмина, а образа написал в Петербурге академик М. И. Скотти. Храм украшали также мозаики, что, возможно, было навеяно знаменитыми палермитанскими и монреальскими мозаичными циклами. Первоначально он считался приписанным к неаполитанской посольской церкви, а за ее ликвидацией, как бы «по наследству», перешел к флорентийскому. Ее настоятель, о. Владимир Левицкий, включал

2. Домовая церковь в Палермо

палермитанскую церковь как действующую в свои отчеты, но после смерти княгини Варвары в 1870 г. и после полного прекращения там богослужений, в конце XIX в. она прекратила существование.

Вместе с императрицей в Палермо отдыхала ее дочь, Ольга Николаевна, оставившая воспоминания и о церкви:

Наше посольство в Неаполе делало все для того, чтобы Мамá (Александра Федоровна. — М. Т.) чувствовала себя в Палермо как дома. Из России выписали печи и печников, которые их ставили, русские пекари выпекали наш хлеб, ничто не должно было напоминать Мамá, что она вдалеке от России. У нас были православная часовня и священник (о. Петр Сперанский. — М. Т.), дьякон и певчие с Родины. Если бы не солнце и то неопишное чувство счастья, которое охватывает нас, людей севера, при виде моря, света и синевы, можно было бы думать, что мы дома²⁰⁷.

Курьезный случай произошел с царевной во время посещения католической общины восточного обряда в местечке Пьяно-дельи-Албанези:

Во время одной из наших поездок по окрестностям нас провели в униатскую церковь. Внутри все было такое, как у нас, даже ризы священников; но эти последние подчинялись папе римскому и не смели жениться. Рядом, в семинарии, воспитывались обращенные из православия молодые люди. Я разговорилась с ними на духовные темы и должна была сдерживать смех, видя, как ловко они старались парировать мои вопросы. По-видимому, я произвела на них большое впечатление, потому что на следующий день несколько семинаристов появились в саду нашей виллы, куда они перелезли через стену, и когда я сошла на утреннюю прогулку, они бросились к моим ногам, загородили дорогу и кричали наперебой, что они непременно хотят стать русскими подданными и что я должна им помочь попасть на русские суда. Я была так напугана этим неожиданным вторжением, что позвала на помощь. Лейб-казаки Мамá прибежали ко мне и отвели их в семинарию. Их разочарование было велико, но благодаря нашему заступничеству они избежали наказания²⁰⁸.

В память о счастливом пребывании на Сицилии один из островков в Петергофском парке получил название Оливуцца. Сложилась даже легенда, что его павильон, по проекту А. И. Штакеншайдера, сделан в подражание Villa Olivuzza.

Русская церковь в Вевэ. Интерьер с иконостасом из церкви в Палермо

Иконостас и утварь палермитанской церкви, после разных перемещений, попали в Вевэ (Швейцария). Путь следования был таков: княгиня Бутера-Шувалова-Полье-Шаховская уехала с Сицилии в Париж, увезя туда всё храмовое убранство. Ее сын-наследник, граф П. П. Шувалов, после ранней смерти в Швейцарии дочери Варвары, в замужестве графини Орловой, решил увековечить память дочери храмом — во имя св. Варвары. Так в 1873–1878 гг. в Вевэ появилась церковь с «палермитанским» иконостасом и даже с прежним «палермитанским» посвящением ²⁰⁹.

IV. НА СЕВЕРЕ

1. Посольская и приходская церкви в Пьемонтском королевстве

На заре установления постоянных дипломатических отношений с итальянскими государствами, т. е. с 1760-х гг., Россия видела в Пьемонтском королевстве одного из своих важнейших европейских партнеров, а также главное (наряду с королевством Обеих Сицилий) союзное государство на Апеннинах.

Установлению на долгие десятилетия дружеских связей с Савойским двором способствовал визит в Турин в 1782 г. наследника престола Павла Петровича, путешествовавшего по Европе под именем графа Северного. Дипломатические отношения с Пьемонтом установились уже в 1783 году и развивались весьма успешно, особенно при втором российском посланнике, князе А. М. Белосельском²¹⁰. Пьемонт, которому постоянно угрожали два могучих соседа, Франция и Австрия, настойчиво искал поддержки у российской державы. Кульминацией такого сближения стала военная экспедиция Суворова в 1799 г. в помощь савойской короне²¹¹.

Это сближение держав в конце XVIII в. и высокий статус российского представительства в Турине привели к решению Св. Синода еще в 1791 г. об учреждении там русской православной церкви.

Посольский храм в Турине должен был стать самым первым русским храмом на итальянской земле. Но этот период являлся для Пьемонта крайне критическим: сардинский трон шатался под ударами французской республиканской армии и собственных якобинцев, так что королю пришлось покинуть свою столицу и укрыться на Сардинии. Суворовские победы 1799 г. в Северной Италии не принесли стабилизации Пьемонтскому королевству, втянутому в вихрь наполеоновских войн.

Церковью, собранной в Петербурге и приготовленной было для отправки в Турин, воспользовались на несколько лет в Неаполе, а затем ее вернули на берега Невы.

Важнейшим посредником в российско-пьемонтских отношениях той эпохи стал посланник в Петербурге Жозеф де Местр. Убежденный папист и проводник католичества в России, он, вне сомнения, не мог симпатизировать идее открытия в Турине православной церкви. Сдержанную позицию по этому вопросу занимал и русский посланник в Пьемонте, П. Б. Козловский²¹². Друг де Местра, имевший самые добрые отношения

с представителями Савойского дома, он был назначен в Турин сразу после Венского конгресса. В 1810-х—1820-х гг. характерной чертой российской внешней политики была активизация дипломатического присутствия в Европе (и соответствующего устройства посольских и миссийных храмов). Козловский, однако, тайно исповедовал католичество...

В эпоху Николая I роль Пьемонта в европейской политике значительно снизилась, а петербургский кабинет последовал курсу кабинета венского, позволяя тому диктовать свою волю на всем севере Италии. Пьемонтская дипломатия, впрочем, не утрачивала надежд на переориентацию России — против Австрии, в особенности в период борьбы с нею в 1840-е гг.

Направить Россию против Австрии Турину, впрочем, не удалось: кабинет Нессельроде, враждебно относившийся к нараставшему либеральному движению в Европе, изменил традиционной дружбе с Савойским двором и во вспыхнувшем военном конфликте 1848 г. поддержал Вену, разорвав при этом дипломатические отношения с Пьемонтом (они были возобновлены лишь после Крымской войны). Николая I особенно раздражала позиция короля Карла-Альберта, который, как казалось императору, предал идеи легитимизма и переметнулся на сторону либералов. Предложение Виктора-Эммануила II в 1849 г. возобновить дипломатические отношения было отвергнуто Петербургом (синодальный указ 1791 г. об открытии храма весь этот период так и оставался неисполненным).

Вступление Пьемонтского королевства в Крымскую войну стало серьезным испытанием в русско-итальянских отношениях. Кавур втянул свое правительство в совершенно далекую от интересов страны войну исключительно ради повышения престижа дела объединения нации. И в самом деле, он умело воспользовался победой союзников, получив немалые дивиденды. При этом туринский кабинет вовсе не собирался надолго ссориться с петербургским: почти сразу же после окончания Крымской войны, в 1856 г., дипломатические отношения между Российской империей и Сардинским королевством были-таки восстановлены.

Первым посланником в Турине после окончания войны стал граф Э. Г. Штакельберг, сын профессионального дипломата, хорошо знавшего Италию²¹³. Штакельбергу князь Горчаков поручил восстановление «добрых отношений»²¹⁴: ему пришлось работать в один из самых интересных периодов истории Пьемонта, когда Савойская династия возглавила «сверху» объединение Италии.

Во время Рисорджименто ловкий Кавур всячески старался заручиться поддержкой Российской империи — имея в перспективе неизбежное столкновение с папским Римом и с неаполитанскими Бурбонами. Это ему удалось во многом благодаря тому, что сама Россия была заинтересована

в создании объединенной Италии — в противовес Австрии. Особые связи Кавур развивал с министром иностранных дел Горчаковым, получившим в 1859 г. от Виктора-Эммануила II пьемонтский орден Аннунциаты²¹⁵.

В Пьемонтском королевстве Штакельбергу довелось заниматься строительством православной приходской церкви — в тот период, когда в Риме, например, такая уступка «схизматикам» была бы еще совершенно невозможной. Вероятно, эта инициатива успешно воплотилась благодаря новому прорусскому курсу Кавура и, соответственно, привилегированному положению российского посланника в Пьемонте.

Посольский храм в самом Турине к тому моменту так и не возник. Выше уже говорилось о сложностях российско-сардинских дипломатических отношений в 1820-х — 1840-х гг. и длительном их перерыве (с 1848 по 1857 г.). К тому же тут не было крепкого русского землячества. Зато оно возникло на западной окраине Сардинского королевства, на Итальянской Ривьере. В тот период, сразу после окончания Крымской войны, в Ницце, главном городе Ривьеры, постоянно проводили зимние сезоны множество русских семей; к примеру, зимой 1857–1858 гг. тут насчитывалось около 150 состоятельных русских семей. К их числу прибавлялось немало туберкулезных больных.

Строительству церкви в Ницце способствовал визит туда в сезон 1856–1857 гг. вдовствовавшей императрицы Александры Федоровны: на одном из городских приемов она открыла подписку на храмостроительство и первой внесла 8 тыс. франков. Таким образом, частной инициативе курортников был придан полугосударственный характер. Александру Федоровну с ее походной императорской церковью сопровождал хорошо знавший Италию придворный протоиерей Петр Сперанский, тот самый, который в 1840-е гг. служил при миссии в Неаполе, а затем в Палермо, где он и свел знакомство с императрицей.

Разрешение на строительство в Ницце «схизматического» храма необходимо было получать в Турине, в Министерстве внутренних дел. Штакельберг исхлопотал его в апреле 1857 г.

Российский посол не жалел усилий на продвижение инициативы своих подопечных. Даже участок земли в Ницце был приобретен (2 мая того же года) на его имя. Для общины он испросил специальный королевский патент, выданный 4 декабря 1858 г., декларирующий ее «общественную пользу» (*utilità pubblica*) и соответственно облегчавший многие аспекты ее существования. К сожалению, условия покупки возлагали на строителей ряд ограничений, а именно: строить здание исключительно на крайней северной стороне участка и шириной не более 15 метров; не помещать колоколов; оставшуюся землю отвести под сад. Участок вдобавок оказался болотистым, и здание позднее страдало от сырости. В том же 1858 г. петербургский

Ницца. «Старая» Никольская церковь. Главный фасад

архитектор А. С. Кудинов²¹⁶, протеже императрицы Александры Федоровны, составил проект церковного здания на 200 человек. Его нельзя было назвать удачным: по сути дела Кудинов прислал чертеж низкого и узкого дома, с обыкновенной черепичной крышей, без всякого декора. Однако во время постройки план был значительно изменен и обогащен местным зодчим Барайя: он увеличил объем здания, снабдив его орнаментальной отделкой и куполом²¹⁷. Строительный комитет возглавил А. Я. Скарятин²²⁸.

Торжественную закладку на *via Campo Longo* (совр. франц. вариант: *ue Longchamp*) совершил 2 декабря 1858 г. клир при русских военных кораблях, стоявших на рейде в соседнем порте Виллафранко, в присутствии генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича (он заложил первый камень) и великих княгинь Александры Иосифовны и Екатерины Михайловны.

Церковь в Ницце, тогда еще итальянской, была освящена 12 января 1860 г. (31 декабря 1859 г. ст. ст.) протоиереем Петром Сперанским в присутствии великой княжны Марии Николаевны; тяжело больная императрица Александра Федоровна не смогла прибыть на торжество. Официально церковь титуловалась в честь святых Николая и Александры, небесных покровителей Николая I и его супруги, однако впоследствии ее стали именовать просто Никольской. Главным ее украшением стал резной деревянный иконостас по эскизу И. И. Горностаева²¹⁹ и с иконами В. В. Васильева²²⁰ —

Ницца. «Старая» Никольская церковь. Иконостас

подарок императрицы, доставленный в Италию морем из Петербурга. Для его создания Горностаев специально ездил в Псковскую и Новгородскую губернию в поисках прототипов; Васильев следовал «византийскому канону» с академическим уклоном — он же по просьбе императрицы специально написал для храма Грузинский образ Божией Матери, особо почитавшийся Николаем I.

Таким образом, итальянская земля могла бы стать «обладательницей» первого в Европе *приходского* русского храма, то есть первой церкви, построенной осевшими за рубежом русскими подданными, осознавшими необходимость совместной конфессиональной жизни и организовавшими ее в общину. Кроме того, Никольский храм стал вообще первым русским церковным строением на итальянской земле — все предыдущие церкви (не считая домовой Демидовской) представляли собой переоборудованные внутренние помещения и, будучи формально церквями, в глазах православных не являлись вполне таковыми, в то время как итальянцы вообще титуловали их капеллами²²¹.

Однако уже в 1860 г., спустя несколько месяцев после открытия храма, Ницца отошла к Франции, оказавшей в тот момент поддержку Савойскому дому в его усилиях по объединению Италии, и этот приоритет утратился... Уступка такого замечательного уголка вызвала у многих потрясение — в первую очередь, у Джузеппе Гарибальди, уроженца Ниццы. Так итальянская история первого приходского храма в Западной Европе завершилась, преобразовавшись в историю французскую. Впоследствии приоритет первой «настоящей» русской церкви в Италии перешел к флорентийскому храму, что неоднократно подчеркивалось его строителями.

2. Посольская церковь в Венецианской республике

Официальные отношения с Венецианской республикой установились в 1782 г.: посланником туда назначили видного государственного деятеля граф Семена Романовича Воронцова. Благочестивый посол испросил и учреждения при дипломатической миссии православной церкви «за свой кошт». Его пожелание было исполнено: 7 июня 1783 г. Екатерина II издала Высочайший указ об открытии в республике «Серениссима» русского посольского храма.

Утварь, Евангелия и облачения в Венецию были присланы из походных церквей, прежде бывших в немецких землях, в Кенигсберге и Пиллау, где они окормляли российские гарнизоны. В начале 1784 г. прибыл клир: иеромонах Иустин (Федоров) и двое певчих, брат настоятеля Тимофей Федоров,

изучавший позднее в Италии вокальное искусство, и двоюродный брат Демида (Диомид) Федоров. Как и сама церковь, так и квартира клира располагались в особняке, который снимал российский посланник.

Посольский храм освятили во имя первоверховных апостолов Петра и Павла — возможно, увязав это посвящение с именинами наследника престола, цесаревича Павла. Религиозность графа Воронцова усилилась после семейной трагедии: 25 августа 1784 г. в Венеции умерла его супруга Екатерина Алексеевна Воронцова, урожденная Синявина (иначе Сенявина), необыкновенно одаренная женщина. Она похоронена в греческом соборе св. Георгия, у левого клироса.

Когда в 1799 г. Венецианская республика, захваченная Наполеоном, утратила независимость, российское посольство отозвали на родину. Закрылась и Петропавловская церковь. Отец Иустин, получив сан архимандрита, стал настоятелем знаменитого Иосифо-Волоколамского монастыря, а певчий Тимофей был определен в Синодальный хор в Москве.

Сохранившееся здание российского посольства в наши дни занимает пансион-гостиница «Академия» [адрес: Dorsoduro, 1058].

После закрытия русской церкви опеку над православными россиянами взял на себя клир греческого собора св. Георгия. В первую очередь это касалось погребений на кладбище Сан-Микеле (см. приложение 5.1).

Вне сомнения, русско-венецианские связи, в том числе и в религиозной сфере, стали завязываться задолго до дипломатической миссии графа Воронцова. Так, на рубеже XVI-XVII вв. связь Русской Церкви с греческой общиной деятельно поддерживал святитель Арсений, архиепископ Суздальский, грек родом. Он прибыл в Москву в 1589 г. вместе с патриархом Константинопольским Иеремией II, поставившим тогда первого патриарха Всея Руси, святителя Иова. Будучи приближен к царям Федору Иоанновичу и Борису Годунову, святитель Арсений помогал угнетенным грекам, приезжавшим за помощью в Москву. В 1593 г. он отправил послание первому православному епископу Венеции, митрополиту Гавриилу (Севиру), передав в дар греческому собору несколько икон, а также позолоченную серебряную панагию, которая ныне хранится в Греческом музее (в экспозиции и запасниках этого музея имеется целый ряд русских икон, на протяжении нескольких веков жертвовавшихся греческому приходу).

При царе Алексее Михайловиче русско-венецианские отношения продолжали развиваться. В 1656 г. в Венецию был отправлен переславский наместник Иван Чемоданов в качестве посла на переговорах о денежных кредитах. Известно, что посол был тепло встречен и в греческой церкви. Известно также, что имена царя Алексея и его отца (царя Михаила) и деда (патриарха Филарета), вошли в специальный синодик, «паррисию», с именами

благодетелей православного храма св. Георгия, неукоснительно поминавшимися за литургией. Дипломатическая же миссия Чемоданова не была успешна — кредит москвиты не получили.

Существует легенда, что якобы в июле 1698 г. Венецию инкогнито посетил юный царь Петр I, находившийся тогда в Европе в составе Великого посольства. Целью его предполагавшегося посещения был осмотр знаменитого венецианского арсенала, но из-за стрелецкого восстания планы пришлось изменить, и Петр срочно вернулся в Москву. Царь интересовался не только кораблестроением, но и положением православной общины республики: в 1710 г. венецианские греки обратились к нему как к православному монарху — защитнику веры, с просьбой о помощи в тяжбе с вероотступником, митрополитом Мелетием (Типальдосом), который, пользуясь покровительством местных духовных и светских властей, перешел в католичество и узурпировал власть в греческом храме св. Георгия. Царь выразил протест по поводу захвата православной церкви в своем послании от 1710 г., сохранившемся в виде копии на латинском языке в Греческом институте.

Контакты Российского государства с Венецией поддерживались в течение всего XVIII в. В 1768–1774 гг., накануне миссии Воронцова, советником-посланником России тут стал грек Панос Маруцис. А в 1782 г. с неофициальным визитом под именем графа Северного тут находился цесаревич и будущий император Павел Петрович с супругой Марией Федоровной, оставивший щедрые пожертвования греческому собору. Доныне здесь бережно сохраняются подаренное матерью Павла, императрицей Екатериной II, напрестольное Евангелие, а также набор евхаристических сосудов и напрестольный крест из червленого золота.

Впоследствии Венецию посещали цари Александр I (в 1822 г.) и Александр II (в 1838 г.), последний будучи еще великим князем. Оба государя оказывали материальную помощь местной православной общине. Помогали храму св. Георгия и проживавшие в Венеции русские или путешественники из России. Среди благодетелей в архиве Греческого института сохранились имена М. Калошиной, Л. Слуцкой, обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, настоятеля посольской церкви в Риме архимандрита Пимена (Благово)²²².

V. В ТИРОЛЬСКОМ КРАЮ

1. Курортники из Империи

Православная церковь в Южном Тироле (итальянское название — Альто-Адидже, т. е. верховья реки Адидже) возникла в конце XIX в., когда эти земли еще входили в пределы Австро-Венгерской империи: Италия получила их в качестве трофея в 1918 г., когда в Европе по окончании Первой мировой войны перекраивали политическую карту.

Возникновение этого храма — характерный пример самоорганизации православных россиян за границей, без какого-либо инициирования и прямой поддержки со стороны государства. «География» русского православия

Мерано. Русский Дом с Никольской церковью. Фотография начала XX в.

в зарубежье прямым образом зависела от наличия в том или ином месте не только важных дипломатических представительств, но и колоний, т. е. мест компактного проживания российских подданных. В Италии это, в первую очередь, — Рим и Флоренция, где уже с первой половины XIX в. селилась русская знать. Однако, в отношении устройства храма инициатива «снизу», проявляемая потенциальными прихожанами, была упреждена инициативой «сверху», проявляемой государством согласно планам МИДа.

Существовал одновременно другой феномен русского присутствия на Апеннингах, связанный с функционированием ряда итальянских городов в качестве курортов. Можно утверждать, что Италия, наряду с немецкими минеральными водами и французским Лазурным берегом, начиная с середины XIX в. стала местом *массового* присутствия русских курортников. Большинство таких мест на рубеже XIX-XX вв. обзавелись церквями, получившими в С.-Петербургской консистории ясное именование «курортные». Как и храмы посольские, они номинально включались в состав С.-Петербургской епархии, духовно подчиняясь митрополиту С.-Петербургскому, а административно — С.-Петербургской консистории.

Самая первая курортная церковь возникла в 1860 г. в еще итальянской Ницце. Однако настоящий бум курортного храмостроительства пришелся на рубеж XIX-XX вв. Но и здесь курортная приходская самоорганизация «запаздывала» по отношению к дипломатическим инициативам, которые имели преимущество в виде государственной поддержки. Вместе с тем очевидно, что к концу XIX в. число российских курортников возросло настолько, что это позволило им предпринимать дорогостоящие и хлопотливые проекты.

Россиян, как и жителей других стран Европы, Тироль, и в особенности город Мерано, привлекал мягким климатом, красотой окружающего пейзажа, величием Альп. Начиная с середины XIX в. город стал пользоваться устойчивой славой фешенебельного курорта — здесь отдыхали именитые гости: короли Пруссии и Бельгии, другие царственные особы. Австрийская императрица Елизавета, знаменитая «Сисси», провела здесь две зимы подряд в обществе своей дочери и сотни слуг. Сложилась даже местная легенда о визите сюда русского царя, не подтверждаемая никакими историческими источниками. Естественно, известия о поездках венценосных особ проникали в европейские дворы и салоны, привлекая к Мерано внимание элитарного общества²²³.

В 1867 г. тут открыли железную дорогу «Бреннер», а в 1881 г. — линию Больцано-Мерано, связавшую Мерано с важнейшими европейскими городами. Это способствовало развитию туризма: количество курортников резко возросло.

Стали приезжать в Мерано и многие россияне. Начиная с зимнего сезона 1884-1885 гг. по количеству отдыхающих они вышли на третье место — было зарегистрировано 1023 российских подданных (австрийцев 2600, немцев 3413). В числе именитых курортников из России можно назвать великую княгиню Александру Иосифовну, супругу великого князя Константина Николаевича, которая в 1896 г. жила в Мерано на Villa Imperiale.

Курортное дело в Мерано поставили с германской аккуратностью: муниципалитет вел особые книги для регистрации приезжих. В настоящее время они хранятся в Курортном бюро, служа важным источником по исследованию русского присутствия в этом краю.

В 1875 г. возникло частное Благотворительное общество русских жителей Мерано («Русский Комитет»), которое существовало на пожертвования его членов, преимущественно врачей, тут практиковавших. Этот факт свидетельствует о хорошо сложившейся к тому моменту местной русской колонии, а также о пробуждавшейся в эпоху Александра II общественной деятельности разночинцев. Целью общества стала помощь больным и нуждающимся соотечественникам, желавшим пройти курс лечения в Южном Тироле. Одновременно предполагалось и строительство для них пансионата.

Россияне, приезжавшие лечиться в Мерано, испытывали нужду не только в экономичном пансионате, но и в православных богослужениях: можно предположить, что у многих туберкулезных больных религиозное чувство обострялось сознанием хрупкости их земного существования. К приверженности к православию, за границей, в чужом по культуре и вере окружении, возможно, примешивалась и ностальгия. Весь этот комплекс причин побудил Комитет начать хлопоты по устройству церкви.

В 1884 г. Комитет, с нижегородским врачом Михаилом фон Мессингом во главе, обратился за благословением к петербургскому митрополиту Исидору (Никольскому). Это был необходимый первый формальный акт: разрешение духовных властей позволяло предпринимать все дальнейшие шаги — учреждать приход, собирать средства, заключать договора и т. д.

В обращении к митрополиту говорилось: «число русских, прибывающих на лечение, всё увеличивается и достигло 400»²²⁴, а также сообщалось, что на учреждение православного храма уже получено дозволение от австрийского правительства — обстоятельство немаловажное, ибо строительство православного храма могло вызвать смущение в традиционно католическом крае.

Св. Синод, куда пришла просьба русских жителей Мерано, как обычно, действовал осмотрительно и, прежде чем представить дело митрополиту, обратился к российскому послу в Вене, князю А. Б. Лобанову-Ростовскому. Такой была обычная синодальная практика: до начала какого-либо зарубежного

дела, зондировалась, с помощью МИДа, почва и определялась разумность и полезность того или иного проекта.

Императорского посла беспокоила прежде всего экономическая сторона дела. Он справедливо опасался, что меранцы начнут просить средств у МИДа, пытаясь представить их частный проект как государственно важное дело. Этого в Вене старались всячески избежать, тем более, что в столице Австрии уже существовал посольский храм, требовавший со стороны МИДа больших расходов²²⁵.

В результате Лобанов-Ростовский, одоблив проект в целом, посоветовал отнести «все издержки за счет православных в Меране»²²⁶: тем самым он обезопасил свой департамент на будущее. Средства на новый храм собирались по подписке еще раньше, с 1880 г., и поэтому Комитет сумел убедить дипломатов-соотечественников в собственной экономической независимости.

Вероятно, что устройству церкви помог — по крайней мере, авторитетом — св. Иоанн Кронштадтский: знаменитый «батюшка всея Руси» входил

в состав Комитета общества. Каких-либо конкретных документов, касающихся его участия в меранском проекте, обнаружить не удалось. Можно предположить, что членство прославленного протоиерея в Комитете скорее явилось номинативным, престижа ради.

Благословение митрополита Исидора было получено, и 21 (9) декабря 1884 г. в Мерано открылась церковь во имя св. Николая Чудотворца, разместившаяся первоначально в наемном помещении, на вилле Стефани²²⁷.

Можно предположить, что на выбор небесного патрона меранской общины повлиял и тот факт, что кафедральный (католический) собор Мерано также посвящен св. Николаю: святой считался покровителем всего города. Таким образом русская община могла выразить свое желание войти в местный религиозно-культурный контекст, одновременно демонстрируя католическому окружению, что православная вера

*Мерано. Вилла фон Мессингов.
Фотография 1930-х гг.*

имеет много общего с католической, не являясь некой экзотической восточной «схизмой».

Почетной попечительницей новоосвященной церкви стала великая княгиня Екатерина Михайловна, пожертвовавшая на нее 500 гульденов: всего к 1884 г. собрали 2000 гульденов. Участие Дома Романовых в церковных проектах в целом было характерным явлением русского дореволюционного зарубежья: тем самым инициативам «снизу» придавался необходимый престиж и известность в столице.

Русские меранцы искали православного священника, который мог бы стать их пастырем. Это было нелегким делом: устранившийся МИД не собирался содержать клир, как в случае «дипломатических» храмов. Следовало самостоятельно найти священника и договориться с ним об условиях его пребывания в Мерано.

В результате община связалась с о. Феофилом Кардасевичем. Тот служил в Ирёме, иначе Урём (старое написание — Иром), в 10 километрах от Будапешта, в императорской «надгробной» церкви во имя св. Александры-царицы: храм был построен в 1802 г. над могилой великой княгини Александры, дочери Павла I, вышедшей замуж за венгерского палатина Иосифа Габсбургского. Привлечение о. Феофила облегчалось, видимо, тем, что, проживая на территории Австро-Венгерской империи, он был хорошо знаком с местной обстановкой. Вместе с тем, обязанности священника в Ирёме носили характер чисто представительский: тут не было и не могло быть русской колонии, и его служба при гробнице великой княгини носила характер исключительно представительско-мемориальный. Конечно же, о. Феофилу представлялось много интереснее служить в общине с несколькими сотнями прихожан, чем в одиночестве в церкви-мавзолее.

В итоге именно о. Феофил освятил церковь в Мерано и привез в нее из Ирёма необходимые для богослужения предметы. Вместе с о. Феофилом русские меранцы разработали устав церкви, одобренный на общем собрании меранской общины, состоявшемся 22 (10) января 1885 г. В уставе

Доктор М. фон Мессинг.
Фотография 1910-х гг.

указывалось, что «церковь создавалась и содержится на добровольные пожертвования православных без различия национальностей, временно проживающих в Мерано, и других радетелей Православия в России и за границей»²²⁸, а также, что «она поручена ведению и наблюдению причта императорского „надгробного“ храма в Ироме, в Венгрии»²²⁹.

Русские в Мерано проживали преимущественно зимой, и о. Феофил приезжал сюда к Рождеству и возвращался обратно ко дню кончины великой

*Архитектор Т. Бреннер.
Фотография 1890-х гг.*

княгини Александры Павловны, у гроба которой обязан был служить заупокойную обедню. Семнадцатого июня ст. ст. 1885 г. Святейший Синод выпустил указ № 2098 о дозволении причту ирёмской церкви совершать богослужения в Мерано, тем самым узаконив уже сложившуюся практику.

Небольшая наемная комната на вилле Стефани не вмещала всех меранских прихожан, и о. Феофил вместе с фон Мессингом стали хлопотать об устройстве «настоящего храма». Возник особый церковный комитет под председательством старосты, того же фон Мессинга.

Огромную роль в дальнейшем развитии событий сыграла Надежда Ивановна Бородина, дочь надворного советника, вместе со своей матерью приехавшая в Мерано в 1880-х гг. лечиться от чахотки. Пребывание в Мерано помогло ей мало, и Бородина по предписанию врачей вынуждена была отправиться далее, в Ниццу. Однако и Лазурный берег ее не спас:

она скончалась там 16 апреля 1889 г., в возрасте 37 лет (прах дочери мать увезла в Москву). По завещанию Бородина оставила меранскому Русскому Комитету крупную сумму — на завершение строительства пансионата для больных из России.

С целью реализации ее завещания было учреждено особое Благотворительное общество для помощи больным, признанное юридическим лицом (в соответствии с 6 и 9 статьями австрийского закона об Обществах от 1867 г.). Четвертого июля 1895 г., на основании устава Общества, одобренного 7 октя-

бря 1894 г. властями в Инсбруке (столице Тироля), капитал, оставленный Бородиной, был передан Обществу через душеприказчика И. С. Белавина.

Восьмого апреля 1896 г. состоялось собрание Общества, где присутствовали доктор М. фон Мессинг, Ч.-Дж. Тортон (англичанин родом из Петербурга), А. Баумгартен, Фаина фон Мессинг (сестра медика), П. фон Багговут и президент Курортного общества В. фон Пернверт. На собрании поставили точную цель — строительство Русского Дома, вместе с православной церковью. После ряда заседаний решено было приобрести у муниципалитета свободный участок земли в 974 квадратных «клафтера» (старая тирольская мера длины, соответствующая 1,62 м).

Здесь уже началось сооружение двух вилл, и поэтому Обществу нужно было достроить виллы, возвести храм и разбить сад. Исполнение технических работ поручили инженеру Хуберу, а общее руководство — местному архитектору Тобиасу Бреннеру. Убранством Русского Дома занялись местные ремесленники, а некоторые картины, иконы, часть церковной утвари заказали в Москве.

Сооружение Русского Дома им. Бородиной началось в 1895 г. и закончилось в 1897 г. Никольскую церковь разместили в верхнем этаже двухэтажного флигеля, увенчав ее куполом русской формы и «русским» крестом.

По окончании строительства храма меранскую общину отделили от ирёмского причта и от иерея-основателя о. Феофила. Остается неясным, почему священник, отдавший столько сил храмостроительству и стоявший у его истоков, был «отлучен» от Мерано (о. Феофил стал тогда служить в другой курортной церкви в Италии — в Сан-Ремо).

Новый митрополит С.-Петербургский Палладий поручил освящение вновь построенного храма священнику из Вены, протоиерею Александру Николаевскому, настоятелю посольского храма. Так меранцы получили новую «матерь-церковь», как они ее называли, — посольскую церковь в австрийской столице (она тоже была посвящена св. Николаю Чудотворцу). Двадцать девятого июня 1898 г. Св. Синод выпустил указ № 4059 — отчислить меранскую церковь от ирёмского причта и причислить к венскому.

Торжественное освящение нового русского храма состоялось 15 (3) декабря 1897 г., накануне престольного праздника, дня св. Николая. Ко дню освящения в Мерано съехались русские со всех соседних курортов Тироля. Уже с утра новый храм был переполнен посетителями. Кроме православных, было немало иноверцев, в том числе представители местных властей: начальник округа, управитель курорта, бургомистр, командующий местным гарнизоном и другие. Протоиерей Александр Николаевский привез из Вены прекрасный квартет; присутствовало также местное англиканское и лютеранское духовенство. Римско-католическое духовенство отказалось

от участия в церемонии, как это происходило при закладке русских храмов во Флоренции, в Бари, в Сан-Ремо.

Сразу после чина освящения престола и церкви началась божественная литургия, по окончании которой о. Александр Николаевский произнес проповедь, поблагодарив благодетелей храма, особенно отметив имя покойной Надежды Бородиной. По освящении церкви митрополиту Палладию Петербургскому была отправлена телеграмма. Сохранился ответ владыки: «Душевно радуюсь освящению нового храма, молитвенно призываю Божие благословение русской общине»²³⁰.

Местный историк так писал о празднике: «1897 год, 15 декабря. Во время большого празднества произошло освящение церкви виллы им. Бородиной в [предместье Мерано] Майя-Басса. Особенно замечательным было славное литургическое пение псаломщика. Русская церковь появилась в результате нужды, давно ощущаемой местной русской общиной. Это обогреваемое помещение вмещает до 200 человек. По завещанию Бородиной оставлено

Курортники — гости Русского Дома. Фотография 1890-х гг.

2. Церковная жизнь

*Жильцы Русского Дома в Мерано. В центре о. Вениамин и Фаина фон Мессини.
Фотография начала XX в.*

140 тыс. флоринов на приют для российских подданных по соседству с церковью»²⁵¹.

2. Церковная жизнь

Храм в Мерано получил ценное убранство. По сути дела, это единственный памятник православного искусства в Тироле (включая и Тироль северный, входящий, по-прежнему, в состав Австрии).

В его притворе вывешено большое полотно неизвестного московского художника «Проповедь Христа перед народом» (1880-е гг.). Здесь же, в притворе, — два прекрасных витража местных тирольских мастеров, изображающие евангелистов. Над дверью, ведущей из притвора, помещена картина необычной треугольной формы «Тайная вечеря» того же московского художника. Зал хорошо освещен боковыми окнами, а окно-дверь справа выводит

на террасу. Над залом доминирует орнаментальный плафон, не имеющий обычно принятых священных изображений. Из центра плафона спускается пышное паникадило московской работы, гармонирующее своими формами с орнаментами иконостаса.

На правом клиросе — высокий киот с образом св. Николая Чудотворца, которому посвящен и храм. Левый клирос оформлен киотом св. Пантелеимона (в круглой иконе сверху образ повторен). Этот святой почитается как покровитель больных, и меранские курортники молитвенно обращались ко св. Пантелеимону особенно часто: на иконе он изображен именно как врач, вынимающий из ларца лекарственные снадобья.

Как и киоты клироса, иконостас мастерски вырезан из дуба, в подражание архитектонике древнерусских резных иконостасов, а отдельные его части вызолочены. Он — однорядный, хотя круглые иконы сверху, по сути дела,

Мерано. Интерьер Никольской церкви. Фотография 1990-х гг.

*Русские курортники с настоятелем церкви при Русском Доме иеромонахом
Венямином. Фотография рубежа XIX–XX вв.*

играют роль второго, «праздничного» ряда. В иконостасе меранской церкви есть определенное отступление от канона — на правой двери вместо традиционного сюжета (св. архидиаконов или архангелов) помещен образ св. благоверного князя Александра Невского. Это, вне сомнения, — патриотический жест курортников: благоверный князь помещен в иконостас в качестве небесного патрона Александра III, в царствование которого строился Русский Дом в Альпах.

В новый пансионат принимались «русские подданные обоюга пола христианского вероисповедания, страдающие грудными болезнями, без различия чина и звания». Это был некий уголок России: здесь получали русские газеты и журналы, готовили русскую пищу, в общей столовой подавали самовар.

Комитету требовалось найти постоянных священников для Мерано — после переговоров с Синодом было решено приглашать на зимний сезон иеромонахов из петербургской Александро-Невской лавры: конечно, меранской общине было проще содержать монахов, чем многодетных семейных батюшек. Жалование причту выплачивалось из процентов с капиталов

Бородиной. Новый статус требовал и соответствующего оформления, и в 1898 г. Св. Синод утвердил «при Никольской православной русской церкви в Меране должности священника и псаломщика»²³².

Первым из Петербурга в 1899 г. в Мерано прибыл иеромонах Вениамин. В середине XIX в. он служил певчим у святителя Игнатия (Брянчанинова). Иеромонах привез с собой и псаломщика, и эта отлаженная система — приезд священника с псаломщиком — сохранялась до начала Первой мировой войны. Менялись только приезжающие духовные лица, особенно часто псаломщики, реже иеромонахи, выполнявшие пастырские обязанности и, естественно, нуждающиеся в знакомстве с паствой. Всего за предвоенный период в Мерано сменилось три настоятеля — все трое были из Александро-Невской лавры (после о. Вениамина, с 1907 г. иеромонах Антоний, а с 1912 г. иеромонах Алексей).

Всё шло отлаженным чередом: из управления С.-Петербургской епархии, к которой приписали церковь, ежегодно высылались метрические книги. В них священники аккуратно заносили сведения о крещениях и венчаниях (их было мало) и о смертях (их было много); велись записи о том, кто получил святое причастие. Русский Комитет раз в год публиковал — на немецком языке — отчеты о полученных и потраченных средствах: несмотря на различные перипетии Русского Дома в Мерано эти отчеты и метрические книги полностью сохранились в его архиве.

3. Годы забвения

Регулярная жизнь меранских курортников раз и навсегда оборвалась в 1914 г. Весной того года иеромонах Алексей, по установившимся правилам, уехал в родную Александро-Невскую лавру — с тем, чтобы вернуться осенью. Но этого не произошло: вспыхнула война, и Австро-Венгрия и Россия оказались во вражеских станах. Война началась в тот момент, когда Русский Дом был закрыт на летний сезон, иначе его постояльцам, как подданным вражеской державы грозила участь интернированных.

Спокойная и размеренная жизнь Русского Дома, когда он был полон курортниками из России, аккуратно платившими умеренную плату за покой, когда церковные власти присылали из Санкт-Петербурга в Мерано на полгода священников и псаломщиков, навсегда закончилась. Зимний сезон 1913-1914 гг. стал последним подобного рода: осенью 1914 г. Мерано для России уже был закрыт. Русский Дом опустел — с тем чтобы в начале 1920-х гг. заполниться новой категорией россиян — не курортниками, а беженцами.

Изменилось и его «подданство»: после окончания Первой мировой войны он, вместе с Мерано и всем Южным Тиролем, оказался на территории Итальянского королевства.

После Гражданской войны в Италию, в том числе в Мерано, хлынуло множество беженцев. Это были люди разных убеждений — от монархистов до левых эсеров, — по большей части потерявшие состояние и поэтому не имевшие возможности платить за проживание. Фон Мессинги и помогавшие им супруги-тирольцы Баумгартены пытались привлечь внимание к Русскому Дому и в 1922 г. разослали по центрам русской диаспоры в Европе воззвание следующего содержания:

Русское общество, рассеянное в разных странах Западной Европы, за редким исключением, почти ничего не знает о Меране, как о прекрасной климатической станции и как о русском уголке, в котором можно устроиться значительно дешевле, чем во всех городах Зап. Европы. Окруженный живописными горами, покрытыми снегами, и расположенный в чудной долине, Меран представляет собой культурный европейский городок с прекрасными магазинами, роскошными гостиницами и с электрическим трамваем. В Меране имеется «Русский Дом Бородиной», в котором отдается внаем до двадцати прекрасно меблированных комнат по весьма скромной цене, от 90 до 250 лир в месяц (с бельем, освещением). При «Русском Доме» имеются русский православный храм и библиотека. За стол (утренний кофе, обед из трех блюд, ужин и чай) установлена суточная плата — 14 лир²³³.

Однако попытки привлечь новых жильцов успеха не имели — эмигранты не могли платить и «скромную» цену. Русский Дом опустел...

В 1924 г. митрополит Евлогий (Георгиевский) решил объехать свои итальянские храмы, посетив и Мерано. Он вкратце, но емко описал состояние местной Русской колонии:

Наша церковь в Меране, маленькая, уютная, помещается в Русском Доме, построенном купчихой Бородиной для приезжающих из России больных туберкулезом. Теперь достоянием покойной благотворительницы заведовала 90-летняя старуха Фаина Ивановна Мессинг, бывшая ее приближенная. Она сдавала комнаты приезжающим русским и хранила имущество, но бесконтрольно²³⁴.

Делами Меранского благотворительного общества в 1922–1925 гг. занимался и о. Михаил Стельмашенко, священник из Флоренции. Человек ловкий

*Мерано. Пансион им. Н. И. Бородиной (Русский Дом).
Открытие 1930-х гг.*

и энергичный, он реорганизовал Русский комитет в Мерано, во время войны почти утративший собственную «русскость». К сожалению, о. Михаил попытался внедрить в комитет своих родственников, что вызвало острую реакцию в общине, и ему пришлось покинуть Мерано.

В 1924 г. Комитет, опасаясь претензий советского правительства на Дом, составил новый устав. На Мерано, однако, СССР притязания не распространил.

Русская жизнь в Мерано деградировала. Как это часто бывает в эмиграции, люди, оторванные от привычного существования и лишенные благосостояния, вымещали свои чувства на соседях. Всё таящую колонию разрывали противоречия, имевшие под собой различные основания. Разделению способствовала, как ни парадоксально, первоначальная установка Дома им. Бородиной: помогать русским православным. Некоторых членов колонии стали обвинять в «нерусскости» — к примеру, нижегородцев фон Мессингов. Еще большие волнения вызывали религиозные аспекты: подозревался прозелитизм со стороны католиков и протестантов. Племянник фон Мес-

сингов, Дмитрий фон Мессинг, участвовавший в делах Дома действительно стал активным католиком, да и сам Михаил фон Мессинг, основатель Благотворительного русского общества, под конец жизни перешел в католицизм. Кассиром Дома в те годы служил честный и аккуратный, по отзывам большинства, лютеранский пастор Грезе, и многим это тоже казалось нарушением правил. Кроме того, и в среде самих православных возникали трения из-за существования в диаспоре двух юрисдикционных лагерей — «евлогинцев» и «соборян».

Работы в Южном Тироле для эмигрантов было мало, беженцы жили бедно и в начале 1930-х гг. их осталось в «Бородино» — так прозвали эмигранты Дом им. Бородиной — всего 5-6 человек. Брат и сестра фон Мессинги старели, Русский комитет практически прекратил свое существование, жильцы жаловались друг на друга в органы власти, и поэтому администрация города в 1935 г. приняла радикальное решение: назначила комиссара префектуры для «временного управления» Домом, изъяла Дом из-под управления Русского комитета, передав его местному благотворительному обществу. Саму виллу сдали на пять лет в аренду некоей Веронике Аблер. При этом материальная сторона даже улучшилась: Дом стал приносить доход, однако были аннулированы все прежние льготы для русских жильцов.

В 1920-1930-х гг., в течение десяти лет, церковную жизнь в Мерано курировал священник из Флоренции о. Иоанн Лелюхин. В октябре 1926 г. он отпел на кладбище Гриез в Больцано дочь Ф. М. Достоевского, Любовь, прихожанку Никольской церкви, жившую последние годы жизни в Италии²³⁵. Добрый и отзывчивый священник, любимый прихожанами, к сожалению, часто болел. Жалование ему платила княгиня М. П. Абамелек-Лазарева (урожд. Демидова княжна Сан-Донато). В 1935 г. он был отправлен из Флоренции на постоянное лечение в Мерано, откуда так писал княгине: «в общем, здесь жить хорошо, но дорого. Пансион без чаю, сахару, прачки, ванны, доктора, лекарств и прочего стоит 650 лир в месяц, и всё же это один из самых дешевых пансионов

Больцано. Надгробие Л. Ф. Достоевской

в Мерано. Еще одно неудобство: почти все жильцы больные, (...) на курортах можно жить только людям богатым»²³⁶. Все-таки лечение в Мерано ему пошло на пользу: большое участие в судьбе священника приняла Фаина фон Мессинг (отчитываясь княгине, она писала, что «батюшка поправился на 19 килограмм»²³⁷). Однако все желания о. Лелюхина сводились к одной мысли — «как можно скорее вырваться отсюда и перебраться во Францию»²³⁸. Желание сбылось, и о. Иоанн уехал в русскую богадельню в Ментоне.

Следующий эпизод церковной жизни связан с деятельностью князя Куракина, ставшего в эмиграции священником. Бывший член Государственной думы, из аристократического рода, высокообразованный и деятельный, он был назначен во Флоренцию, однако находил время часто приезжать в Мерано. Отец Куракин пытался упорядочить запущенное дело и, первым делом вывести Русский Дом из-под эгиды итальянцев, вернув его, как он писал, в «русские руки». Это ему временно удалось, прежде всего, с помощью княгини Абамелек-Лазаревой. Митрополит Евлогий, по представлению о. Иоанна Куракина, благодарил княгиню — она предоставила для меранского дела своего опытного адвоката — в таких выражениях: «Ваша забота и любовь совершили дело, добрые плоды которого будут жить не только сейчас, но останутся и для будущих поколений русских людей, которым придется пользоваться Русским Домом и тогда, когда нас уже не будет. Это — редкий луч радости в окружающей нас мрачной обстановки горя и потерь»²³⁹.

Усилиями о. Куракина обновили статус исчезнувшего было Русского комитета, преобразованного теперь в «Общество Дома имени Бородиной». В статусе провозглашалось: «Общество имеет целью заботиться бесплатно, по мере своих средств, о помещении, содержании, о помощи, также и медицинской, русских православного вероисповедания, нуждающихся и туберкулезных, живущих в Италии. В Доме могут также призреваться русские туберкулезные больные небедные, за известную скромную плату». В параграфе 5 указывалось: «членами Общества может быть любой русский безукоризненной нравственности...»²⁴⁰.

Каждый приезд о. Куракина в Мерано становился событием. Настоятеля обычно сопровождали опытные флорентийские певчие А. Харкевич или В. Ярцев. После богослужения устраивались совместные трапезы, приготовлением которых занималась Меланья Яковлева, одна из последних жилищек «Бородино».

8 апреля 1938 г. в возрасте 90 лет скончалась Фаина фон Мессинг, уже не управлявшая Домом, однако служившая старостой церкви. В последние годы она склонялась к идее возродить Дом Бородиной с помощью СССР: «Россия ведь существует и уже признана как держава. (...) надо связаться с советским послом, чтобы получать без пошлины продукты из России»²⁴¹.

Бескорыстная труженица Фаина фон Мессинг использовала все доступные ей средства для поддержки Дома: так, она заручилась даже патронажем бельгийской королевы Елизаветы, мать которой жила в 1930-х гг. в Мерано. До последних лет она хлопотала в большом хозяйстве Дома, составляла отчеты, писала письма, прошения...

В 1950-х гг. русскую общинку в Мерано возглавил протоиерей Аполлон Сморжевский, настоятель русской церкви в Милане. После его смерти в 1962 г. церковь стояла закрытой, пока в 1967 г. указом «парижского» архиепископа Георгия (Вагнера) не была вверена о. Иоанну Янкину, жившему в Ницце. Отец Иоанн вошел и в комитет Общества.

Однако в 1972 г. комитет Общества был неожиданно распущен. Согласно довоенному уставу, он состоял из пяти членов, причем русскими были двое (отец-настоятель и миланский адвокат Кира Антонова), еще двое делегировались муниципалитетом и один — администрацией провинции. Вместо адвоката назначили уполномоченного г. Мерано, а вместо настоятеля предложили иеромонаха Евлогия (Хесслера) из Милана, что, впрочем, не было принято, так как этот священник тогда входил в юрисдикцию Московской

*Протоиерей Иоанн Янкин, настоятель церкви в Мерано, с прихожанкой.
Фотография 1980-х гг. (Флоренция)*

Патриархии. Стали раздаваться голоса, что все строения следует продать, а на вырученные деньги выстроить новый домик для русских жильцов.

8 августа 1973 г. в одной из гостиных Виллы Москва чрезвычайный уполномоченный Общества, доктор Карл-Хайнц Эркерт, созвал собрание, где присутствовали все постояльцы Русского Дома. Уполномоченный заявил о продолжающейся деградации Дома и об отсутствии средств для его существования, предложив заменить комплекс на новое здание, где можно было бы устроить церковь и пансионат. Некий господин Тайнер тут же сделал предложение: в обмен на бородинский ансамбль он выделил сумму денег (не очень значительную) и небольшую Виллу Хельцль, стоящую на соседней *via Schaffer*.

Отец Иоанн Янкин, узнав о намеченной продаже, выразил свое несогласие и предложил спасти, по крайней мере, часть икон и церковной утвари, поместив их в банк. Его предложению последовали, хотя он был уже отстранен от общины, а на его место предложили священника из Рима Виктора Ильенко, входившего в другую юрисдикцию — в РПЦз.

Владение комплексом перешло, таким образом, к дельцу Тайнеру²⁴², а затем — к акционерному обществу *Jurgends*, им управляемым. Начались работы по реконструкции. Бородинская вилла и Вилла Москва были переименованы в Виллу Санкт-Петербург и Виллу Катерина, а весь ансамбль бывшего Русского Дома, названный теперь *Zarenbrunn* (Царский источник), превратился в пансионат для пожилых богачей. В местных журналах той поры выходили статьи под названиями вроде: «Как жалко быть моложе пятидесяти лет» или «Где хорошо жить после пятидесяти лет?». В пансионате появилось всё необходимое для приятного отдыха: бассейн, гимнастический зал, комнаты для массажа...

В церкви, где изредка служил иеромонах Марк (Давитти), входивший тогда в юрисдикцию РПЦз, новые хозяева вели себя бесцеремонно: не смущаясь существованием православной общины, здесь служили католические мессы.

Разочарование общины, удрученной таким положением дел и ущербом, причиняемым наследию Русского Дома, привело к возбуждению судебного дела в 1975 г. Русские, жившие теперь на Вилле Хельцль, надеялись аннулировать сделку, но решением суда от 5 апреля 1978 г. их иск отвергли.

Впрочем, и шикарный санаторий Тайнера просуществовал недолго, прогорев в 1984 г. Да и ранее дела в *Zarenbrunn* шли неважно, и на большую часть движимого имущества, некогда принадлежавшего Русскому Дому, в том числе на весьма ценные вещи, был наложен арест.

После банкротства Тайнера весь комплекс пошел с молотка, и, за отсутствием частных претендентов, его приобрел муниципалитет, в итоге устроивший тут дом престарелых.

Наступил долгий период забвения; оставалась закрытой и церковь. В 1991 г., однако, в Больцано возникла Культурная ассоциация «Русь», откликнувшаяся на просьбы последних русских меранцев и пригласившая из Ниццы в Мерано о. Иоанна Янкина, который 9 июня того же года возобновил православные богослужения в Никольском храме. С той поры и до своей кончины о. Иоанн приезжал сюда раз в год, вместе с прекрасным вокальным квартетом из Ниццы. В переполненной Никольской церкви, как в старые времена, зазвучали торжественные русско-византийские песнопения.

Несмотря на присущий ему иератический облик, о. Иоанн был скромным, симпатичным и остроумным человеком. Он родился в 1926 г. в белорусской крестьянской семье, участвовал во Второй мировой войне в рядах Красной армии, попал в плен, затем оказался во Франции, где трудился рабочим-металлургом. В 1957 г. он окончил Богословский институт в Париже и был послан священствовать в Ниццу. Ему также поручили окормление приходов в Италии — в Милане, Флоренции, Сан-Ремо, Бари и Мерано. В 1990-х гг., после долгого перерыва, о. Иоанн стал приезжать в Мерано, где возродил русское богослужение, способствуя и делам культуры. Он так писал к прихожанам: «Культура не претендует на исключительность. Она появляется и совершенствуется для того, чтобы людей возвышать. В конечном итоге — культура способствует появлению осознания красоты и гармонии мира. Из-за культуры, мне кажется, войны не возникают. Бывают раздоры из-за религий и власти. (...) Продолжайте быть идеалистами. Идеализм неотъемлем от жертвенности»²⁴³. Его преждевременная смерть (18 сентября 1996 г.) опять лишила меранскую общинку своего пастыря.

Один за другим уходили в иной мир последние члены Русской колонии: композитор Н. М. Правосудович²⁴⁴, член комитета Общества П. С. Мельников, беженец И. С. Спиров, попавший в Мерано после смерти жены и детей.

Последней, в мае 1995 г., скончалась эмигрантка Вера фон Стуре, всю жизнь борováвшаяся за права Общества и за его историческую резиденцию.

От прошлого Русского Дома остались только зыбкие воспоминания и экзотическое для Тироля очарование этого места. (В 2009 г. вместо упраздненного Русского комитета в Мерано был учрежден новый Русский центр имени Н. И. Бородиной, деятельно занявшийся возрождением российского наследия.)

VI. НА ИТАЛЬЯНСКОЙ РИВЬЕРЕ

1. Храмовоздание в Сан-Ремо

История санремской церкви схожа с историей меранской и других «курортных» церквей в Западной Европе. Ее особенность, в первую очередь, — аристократический состав колонии, в то время как в альпийском Мерано, к примеру, лечились преимущественно разночинцы.

С середины XIX в. Сан-Ремо²⁴⁵ стал славиться как прекрасный курорт с теплым и ровным климатом, особенно полезный для страдавших легочными заболеваниями. «Открыл» курорт барон Борис Яковлевич Иксуль (приятель Лермонтова и его переводчик на немецкий), в 1858 г. здесь обосновавшийся и затем, на посту императорского вице-консула, распространивший в высших сферах свое высокое мнение о Сан-Ремо как о курортной местности. Несколько годами ранее в Сан-Ремо побывал А. И. Герцен, но суждения опального литератора остались лишь в его записках, опубликованных посмертно: «...яркое утреннее солнце освещало маленький городок, померанцевую рощу и море; пригорок был покрыт лесом маслин. Какое счастье, что есть на свете полоса земли, где природа так удивительно хороша и где можно еще жить до поры до времени свободному человеку»²⁴⁶.

На Итальянской Ривьере зиму 1874–1875 гг. провела императрица Мария Александровна, супруга Александра II, в знак благодарности подарившая городу пальмы для нового приморского бульвара. Городские власти назвали этот променад проспектом Императрицы (*Corso Imperatrice*); название сохранилось донныне. Тогда же при дворе Марии Александровны в Сан-Ремо провел последнюю в жизни зиму писатель А. К. Толстой, обрисовавший в своих письмах пребывание русских на Итальянской Ривьере. Здесь также провел зиму 1877–1878 гг. П. И. Чайковский, а в начале XX в. вела параллельную с аристократической колонией жизнь деятельная община «левой» интеллигенции, группировавшаяся вокруг четы Плехановых, державших в Сан-Ремо семейный пансион²⁴⁷.

Вслед за императрицей в Сан-Ремо на зимние месяцы стала приезжать русская знать, в том числе и другие представители Дома Романовых. В 1895 г. здесь на вилле «Глория» безуспешно лечился и умер от туберкулеза 20-летний великий князь Алексей Михайлович²⁴⁸. В 1890-х гг. на вилле «Флора» не раз отдыхал его старший брат, великий князь Сергей Михайлович, которому, наряду с императрицей Марией Александровной, позднее

приписывалась первоначальная мысль о создании храма. Многие аристократы — Олсуфьевы, Шереметевы, Багратион-Мухранские, Демидовы князя Сан-Донато, Оболенские, Апраксины, Абамелек-Лазаревы и другие — завели на курорте постоянные зимние дачи. Ряд россиян навсегда поселился в Сан-Ремо, где для них, как и для сезонных курортников, появились русские баня, пекарня и аптека²⁴⁹.

К концу XIX в. идея о постройке церкви окончательно утвердилась среди русских жителей (действительно, инициативу поддержал великий князь Сергей Михайлович), но дело откладывалось из-за отсутствия средств и организующего начала.

Первая здесь возникшая церковь была скромной, домовою, и находилась на вилле «Глория», принадлежавшей прежде Екатерине Алексеевне Челищевой, из старинного дворянского рода. Ее освятили в 1898 г. с использованием антиминса Никольской походной церкви из французского Ментона²⁵⁰. Два года спустя пришло разрешение устроить постоянный престол во имя св. Екатерины Великомученицы, как того хотела фрейлина Анна Михайловна Стрекалова, дочь покойной Екатерины Челищевой. Окармливать церковь приезжал священник из надгробной церкви в Ирёме (под Будапештом) — тот самый о. Феофил Кардасевич, «отлученный» от курортной церкви в Мерано, но настойчиво искавший место служения более населенное, чем глухой Ирём.

Домовая церковь, не имевшая причта и прихода, по канонам должна была быть приписана к более «регулярной» церкви, и храм Стрекаловой отнесли к нищкому приходу²⁵¹.

В 1900 г. владелица продала виллу «Глория» за 100 тыс. франков монахине Вере (Гуриной), которая устроила на ней благотворительный приют-санаторий для взрослых и детей, слабых и выздоравливающих после тяжелых болезней, под попечительством русских сестер милосердия. Выкупить виллу для приюта помог великий князь Михаил Николаевич в память об умершем на ней сыне Алексее.

Лишь спустя десять лет, в 1910 г., образовался по инициативе четы А. М. и В. В. Суханиных²⁵² Попечительный (позднее — Строительный) комитет, возглавленный сенатором В. К. Саблером, который в 1882 г. сам по болезни полгода провел в Сан-Ремо. По его словам, «он лично видел, насколько необходима церковь в городе, посещаемом многими тысячами православных больных»²⁵³. Одновременно в Синод поступали просьбы: «крайне тягостным является отсутствие возможности иметь... духовное утешение в церковных службах»²⁵⁴.

Сан-Ремо. Русская церковь. Фотография 1980-х гг.

В 1911 г. Саблер стал обер-прокурором Синода и санремское дело пошло много быстрее. Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладожский, снесся с епархиальным начальством и доложил, что с его «стороны препятствий не встречается»²⁵⁵. Высочайшим указом от 1 марта 1912 г. Николай II утвердил комитет, разрешив «производить в России повсеместный сбор пожертвований» и выделив на храм из личной казны 2 тыс. руб. В состав комитета вошли преимущественно дипломаты и настоятели зарубежных церквей: о. Николай Аквилонов (Ментон), о. Николай Остроумов (Копенгаген), о. Владимир Левицкий (Флоренция), посол в Риме А. Н. Крупенский, консул в Генуе князь А. А. Гагарин, нештатный вице-консул в Сан-Ремо Г. Э. Тилло. Такой состав, из «мидовских» чиновников и духовных лиц, был весьма показательным для заграничных церковных инициатив России.

Вице-председателем комитета избрали постоянно жившего в Сан-Ремо графа Б. С. Шереметева. Однако душой всего дела стал граф Виктор Иосифович Таллевиц, из русско-румынской семьи²⁵⁶. Позднее он и его супруга одолжили комитету крупную сумму, позволившую довести строительство до успешного конца.

В мае 1912 г. комитет приобрел на имя Таллевица участок в центре города, напротив железнодорожного вокзала, в самом начале проспекта Императрицы. Отец Николай Аквилонов совершил 21 (9) декабря 1912 г., в присутствии многочисленных горожан закладку церкви во имя Христа Спасителя, великомученицы Екатерины и преподобного Серафима Саровского. В посвящении храма сошлись разные мотивы: именно к Спасителю обращались в своем обете супруги Суханины, тревожившиеся за здоровье дочери; титулование в честь св. Екатерины и св. Серафима было дано в память двух рано умерших тезоименитных детей Таллевица.

Строительные работы повела фирма Вернасса, причем возведение железобетонного каркаса генуэзской фирмой «Канневале и Деллепиане» под руководством инженера Франческо Малакрида заняло всего три месяца.

К концу 1913 г. постройка была готова лишь вчерне, но, дабы не оставить соотечественников без рождественского богослужения, решили освятить незавершенный еще храм.

Накануне открытия храма местная пресса писала следующее:

Достойная восхищения привязанность русских к отеческой вере вошла в поговорку. Культ — это неотъемлемый элемент их жизни. Они воистину пропитаны поэтическим и религиозным мистицизмом, на котором выросли с младых лет в кругу патриархальной семьи. (...) Поэтому русские глубоко страдают на чужбине от недостатка религиозной опоры и религиозных собраний, где перед золочеными, источающими свет

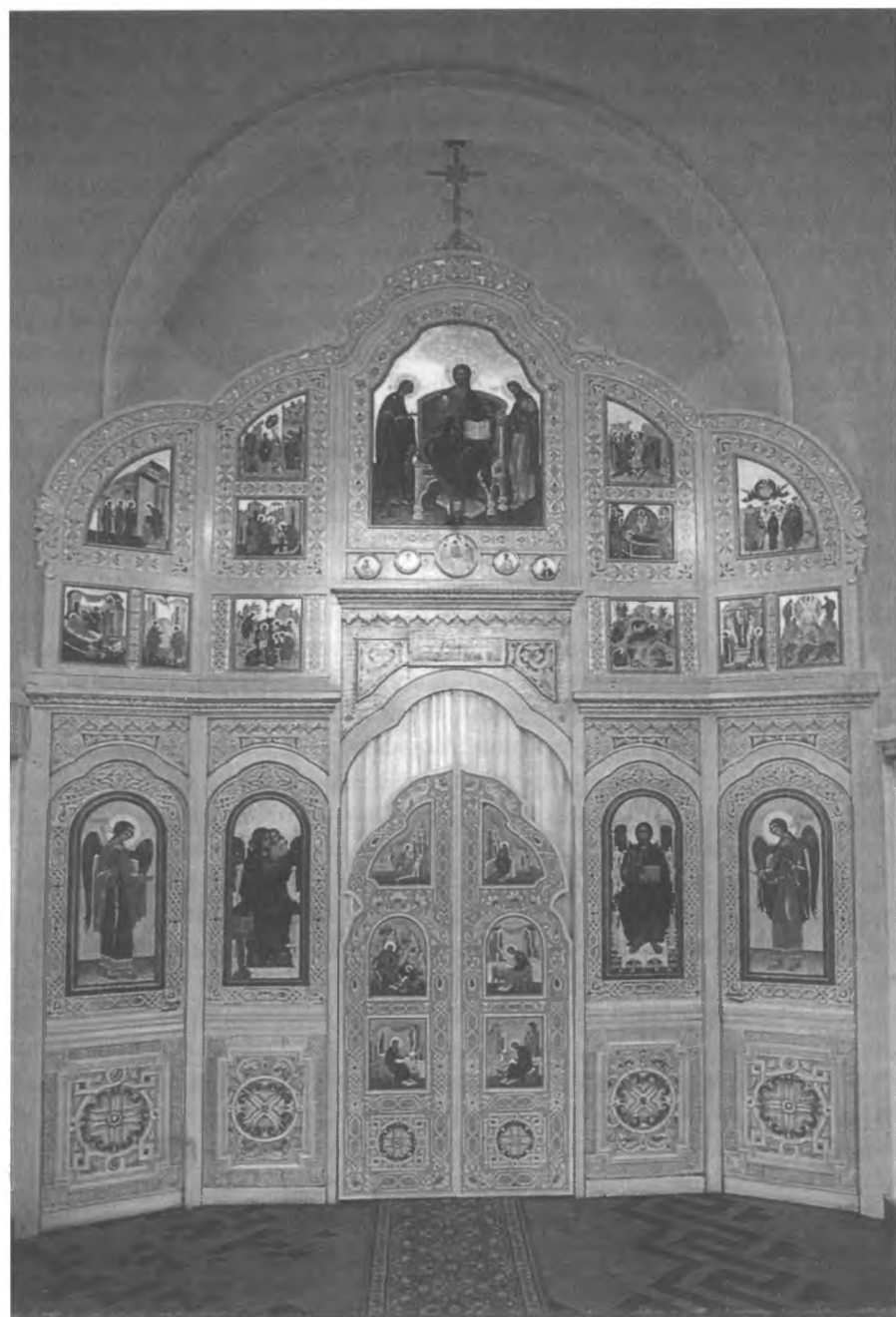
иконами они мысленно могут объединить самое сокровенное своей души с тем дорогим и святым, что осталось на далекой родине²⁵⁷.

Олеографическую картину подпортила Суханина, пошедшая на открытый конфликт с санремской колонией. Трения между группкой либеральной интеллигенции, составившей в 1910 г. первое «Воззвание о построении русской церкви», и аристократами-курортниками начались с первых шагов и перешли в открытый конфликт после того, как в ноябре 1912 г. в Петербург Саблеру пришла из Сан-Ремо странная телеграмма от имени Суханиной: «Ментонский священник препятствует закладке церкви». Сама Суханина впоследствии от авторства сего послания отказалась, обвинив вице-консула Тилло в подлоге и даже подав на него в суд. Саблер пытался замять дело, определив Суханину «весьма нервной особой»²⁵⁸. Итальянский суд «за недостатком свидетельств» от заключения уклонился — всё это привело к задержке в строительстве, а Суханина демонстративно вышла из попечительного комитета и даже отказалась явиться на освящение церкви²⁵⁹.

На освящение, совершенное 5 января 1914 г. (23 декабря 1913 г. ст. ст.) епископом Кронштадтским Владимиром (Путятой), в сослужении русского духовенства из Ниццы, Канн, Ментона и Рима, собрались представители русского дипкорпуса и курортники. Поздравить новую православную общину пришли представители англиканского и протестантского духовенства — католические священники от участия в церемонии освящения «схизматического» храма отказались. После обряда Строительный комитет дал званый «русский обед» в престижном отеле «Савой», во время которого была составлена и отослана царю в Россию (в Ливадию) торжественная телеграмма.

Эскизный проект храма безвозмездно сделал работавший тогда в Петербурге зодчий А. В. Щусев — его об этом попросила его двоюродная сестра Анна Суханина. Так как в Сан-Ремо Щусев высылал лишь эскизы, то все рабочие чертежи выполнил местный архитектор Пьетро Агости при участии инженера Антонио Торнатори. Это привело к новым недоразумениям: когда Щусев неожиданно приехал в Сан-Ремо, то увидел, что его авторство полностью заслонено работой Агости. После вмешательства Суханиной имя Щусева вновь стало фигурировать в разного рода документах, но раздосадованный зодчий охладел к проекту и впоследствии не включал его в списки своих работ.

Агости не только детально разработал окончательный проект²⁶⁰, но и наблюдал за сооружением здания. Известно, что он увлеченно трудился над таким необычным заданием и даже собирал изображения русских храмов, пытаясь выявить их типологию. В особенности Агости находился под

2. Приход на «Ривьере цветов»

обаянием облика московской церкви Василия Блаженного. Строительство русской церкви стало для него важнейшим этапом профессиональной карьеры. В середине 1920-х гг. он был даже избран подестой (мэром) Сан-Ремо, однако имел трения с фашистской партией, в результате чего его вызвали в 1930 г. в Рим для объяснения с Муссолини: после неудачной встречи с дуче Агости покончил жизнь самоубийством, совершив его внутри раннехристианских катакомб.

Храм в Сан-Ремо в результате вторит московско-ярославскому зодчеству XV-XVII вв., с его самыми характерными признаками — при этом в самом городе такой стиль определили как «византийско-мавританский»²⁶¹.

Здание почти кубического объема увенчано пятиглавием и имеет высоту около 50 метров. Кирпичные стены украшены крестами и декоративными изразцами, трехчастные окна — балясинами, венчают здание три ряда кокошников, создающие переход к компактно решенному пятиглавию; купола покрыты граненой полихромной черепицей. На полукруглой апсиде возвышается купол с главкой и крестом сложной формы. У южной стены высится колокольня — восьмерик на четверике с высоким восьмигранным шатром (колоколов предполагалось поднять пять). Купол с главкой завершает и невысокий притвор. Некогда все главки сияли позолотой, но во время войны по приказу немецкого командования их покрыли гудроном: когда его сняли при реставрации 1962 г., позолота сошла.

К несчастью, в храме не раз происходили крупные ограбления: были украдены многие ценные иконы, лампы, предметы убранства.

Русская церковь стала одним из самых значительных памятников Сан-Ремо. Когда Министерство связи Италии решило выпустить почтовую марку, посвященную городу, на ней появился именно православный храм.

2. Приход на «Ривьере цветов»

Церковь была освящена всего за несколько месяцев до Первой мировой войны. Ее настоятель, иеромонах Варсонофий из Александро-Невской лавры, после начала войны в Сан-Ремо не вернулся. Колония русских курортников стала быстро убывать и впоследствии практически исчезла.

Первоначально храм, как и другие курортные, был номинально приписан к С.-Петербургской епархии, когда же «пуповина» с родиной разорвалась, он вошел в состав Западно-Европейской русской епархии с центром в Париже, под омофором Константинопольского патриарха.

➤ Сан-Ремо. Русская церковь. Иконостас с образами работы А. Молчанова

В 1920-е гг. ведущую роль в поредевшей русской колонии стала играть чета Боткиных, уехавшая из России в 1921 г. и обосновавшаяся в Сан-Ремо в 1923 г. Александр Сергеевич Боткин²⁶², сын знаменитого клинициста С. П. Боткина и брат личного врача Николая II, казненного в 1918 г. в Екатеринбурге вместе с царской семьей, капитан 2-го ранга, совершил множество научных экспедиций. Он имел разнообразные интересы: в своей финской усадьбе в Териоках, к примеру, проектировал подводные лодки для исследования Байкала, а также для военных целей — одну такую лодку использовали для минирования дна Балтийского моря во время Первой мировой войны. Как участник белого движения Боткин выполнял особую миссию на Западе, пытаясь привлечь Антанту в поход против большевизма. Отойдя от политики, он посвятил себя научной медицине, в частности — борьбе против рака. В 1929 г. в Сан-Ремо Александр Сергеевич организовал представительную конференцию «Богатства и тайны Сибири». Его жена Мария Павловна Третьякова, дочь основателя знаменитой галереи, надолго пережила супруга, и ее гостеприимный дом в Сан-Ремо стал хорошо известен в эмигрантском мире.

Небольшая русская колония прирастала не только сразу после революции. В 1930-е гг. сюда прибыли, как будто с другой планеты, сестры Лидия и Варвара Равазо, родившиеся в России в русско-итальянской семье и вынужденные покинуть родину по сталинскому закону 1937 г., запрещавшему проживание в СССР «иностранцев». Их отец, Людовико Равазо, уроженец Сан-Ремо, в 1888 г. женился на русской девушке, с которой познакомился во время деловой поездки. После революции сестры разъехались: Варвара обосновалась в Ленинграде, а Лидия — в Якутии, где работала бухгалтером и где в 1937 г. получила телеграмму от сестры-ленинградки, извещавшую, что они, как дети итальянца, должны немедленно покинуть Советский Союз. Сестры, совершенно не знавшие итальянского языка, встретились в Милане и отправились в 1938 г. на родину отца, в Сан-Ремо, где обратились за помощью в русскую общину. Им удалось получить работу в городской администрации и устроить скромную, но в целом безмятежную совместную жизнь, тесно связанную с жизнью храма, хотя не все тепло их принимали, считая «советскими».

После Второй мировой войны русская община в Сан-Ремо постепенно уменьшалась. В 1946 г. ее настоятелем был назначен о. Евгений Аракин, который неожиданно для прихожан объявил о смене юрисдикции и о переводе храма под омофор Русской Православной Церкви за границей. Однако прихожане такой выбор не приняли, и о. Евгению пришлось покинуть Сан-Ремо.

В ту пору, с 1952 г., старостой служила Мария Александровна Ефремова (1892–1974), в эмиграции вышедшая замуж за британского полковника

ка Стенсфильда. Супруги обитали в знаменитой вилле Девашан (на хинди «рай»), прославившейся в Европе в 1920 г. — в ее стенах прошла заключительная конференция полномочных представителей стран-победительниц в мировой войне (в первую очередь, решался вопрос о Проливах). После ее отпевания 21 февраля 1974 г. один из прихожан, Л. Н. Кутуков²⁶³, прочитал составленное им слово:

Новопреставленная Мария, или Маруся, как ее звали ее близкие друзья, была в молодости известная артистка Московского Художественного театра вплоть до конца 1917 г. Обладая замечательным контральто, она специализировалась, уже в эмиграции, в ознакомлении иностранцев с русским фольклором, теперь оцененным и на Западе. Ее постоянное участие в местных церковных делах всегда активно было направлено на содержание в порядке нашей прекрасной церкви, регулярно обеспечивая также ежемесячные обеды. Ее последние хлопоты выражались в набожном пожелании украсить фресками и орнаментами стены нашей церкви. В частной жизни она была уважаема и любима всеми своими друзьями и знакомыми, как человек искренний, лояльный, приятный и дружелюбный. Ее барски-радушное гостеприимство было настолько всем известно, что о нем не стоит даже распространяться. Во время нашего русско-православного реквиема, при котором мы сейчас будем присутствовать, мы вознесем молитвы Всевышнему, дабы Он упокоил душу новопреставленной рабы Божией Марии в селениях праведников в раю и будем просить Господа Бога сотворить ей вечную память также и среди грядущих поколений верующих православных²⁶⁴.

В 1940-е гг. опеку над санремской церковью взяло русское духовенство из Ниццы: в 1948 г. храм впервые посетил епископ Владимир (Тихоницкий), не раз возвращавшийся на «Ривьеру цветов». В 1950-е гг. общину окормлял о. Валент Роменский.

С 1952 г. жизнь русских омрачилась длительным судебным процессом: граф Виктор Таллевиш подал в суд требование о признании за ним права собственности на церковную постройку. Процесс шел 13 лет и закончился в пользу общины — удалось доказать, что граф, извлекая доходы из церковной собственности, давно вернул одолженную сумму. Успеху дела содействовали материальные жертвы генуэзского судовладельца А. Н. Власова († 1961).

В 1952–1957 гг. в храме стал служить протоиерей Аполлон Сморжевский, наезжавший из Милана, а с 1957 г. — преосвященный Сильвестр (Харунс), епископ Мессинский, из Ниццы.

В 1961 г. после очередного ремонта, сделанного на средства муниципалитета, церковь объявили памятником искусства. Мэрия Сан-Ремо, учитывая растущую славу памятника и трудности общины, не раз предпринимала попытки приобрести здание, однако маленькой общине удалось отстоять свою независимость и даже обрести относительное экономическое благополучие, предоставив возможность туристических визитов в храм. Положение упрочилось после 1966 г., когда указом президента Италии приход получил статус юридического лица. Большая заслуга в укреплении прихода принадлежала протоиерею Иоанну Янкину из Ниццы, служившему с 1963 г. в Сан-Ремо настоятелем. В 1988 г. он получил почетное звание «Amico di Sanremo» [Друг Сан-Ремо].

В 1970-е гг. в малочисленный состав прихода неожиданно вошла итальянская кинозвезда Ася Норис (настоящее имя — Анастасия Николаевна фон Герцфельд)²⁶⁵. Ася Норис прославилась в 1920-1930-х гг.: благодаря артистическому таланту и обаятельной внешности она получила прозвание «fidanzata d'Italia» [невеста Италии]. Родилась будущая киноактриса в 1919 г. в Петрограде в семье обрусевшего шведа, барона Николая Карловича фон Герцфельда и Марии Продяйко. Царский офицер вместе со своей трехмесячной дочерью покинул Россию в том же году и поселился во Франции. В 1932 г., когда Ася посещала Рим, ее заметили деятели кинематографа, пригласив сниматься в фильме «Трое во фраках». Дебют оказался успешным, и молодая актриса приобрела необыкновенную популярность. В 1942 г. Ася снялась в фильме «Выстрел», по повести Пушкина, где исполнила романс на родном языке. Любопытно, этот русский по сюжету и по главному исполнителю фильм вышел в разгар военной кампании Муссолини против Советского Союза. По окончании кинематографической карьеры Ася Норис поселилась в Сан-Ремо, где и скончалась в 1998 г. Ее отпевали в русской церкви и похоронили на городском кладбище Армеа. Чуть ранее, в 1994 г. скончалась последняя представительница старой колонии, Карин (в православном крещении Екатерина) Тилло, дочь императорского вице-консула.

К церкви изначально была приписана построенная в 1906-1908 гг. по проекту А. Б. Кауфмана Никольская часовня на городском кладбище Фоче. Каменная постройка, высотой 12,5 метров, почти пирамидальной формы, украшена колоннами, карнизами сложной формы и фронтоном с образом св. Николая. Инициатором ее строительства стала О. П. Котенева, пожелавшая посвятить часовню небесному покровителю ее покойного мужа Н. К. Котенева. На стене часовни до сих пор висит закладная доска,

Сан-Ремо. Часовня св. Николая на кладбище Фоче.

Фотография нач. XX в.

Сан-Ремо. Часовня Св. Николая. Интерьер.
Фотография нач. XX в.

с текстом: «Освящена 11/24 февраля 1908 года во имя св. Николая Мирликийского Чудотворца настоятелем русской церкви в Ментоне о. Н. П. Аквилоновым по инициативе и деятельности вдовы военного инженера О. П. Котеневой, на ее и других лиц средства, собранные протоиереем Н. П. Аквилоновым».

В крипте часовни, кроме могил супругов Котеневых — восемь других захоронений, в том числе князя Н. В. Урусова, российского посла в Риме А. Г. Влангали, петербургского архитектора А. Н. Векшинского²⁶⁶. Ныне полузаброшенная часовня некогда играла важную роль: здесь шли литургии — вплоть до 1922 г., когда ожил русский храм на corso Imperatrice. После окончания Второй мировой войны, когда поврежденный храм опять стал негоден к богослужениям, здесь вновь проводились литургии — до 1948 г.

И само кладбище превратилось в ностальгический памятник некогда блестящей жизни в Сан-Ремо. Около Никольской часовни погребены А. А. Мусин-Пушкин, Е. С. и А. А. Олсуфьевы, Таллевици, Боткины и многие другие выходцы из России. Как и в других случаях, история кладбища Фоче тесно связана с историей «русского присутствия» в Сан-Ремо. Любое кладбище передает массу сведений о жизни горожан, об их религиозных традициях, быте, вкусах. Тем более это относится к кладбищу Фоче, устроенному в период максимального блеска курорта на Итальянской Ривьере. Оно возникло в 1838 г., и с 1850-х гг. здесь начинают регулярно хоронить иностранцев, не соблюдая принятое в то время на всем полуострове строгое разделение могил католиков и не католиков. Напротив, могилы не католиков располагались на весьма привилегированных участках кладбища: это косвенно свидетельствует о том, что иностранные курортники изначально занимали почетное место в жизни города²⁶⁷.

3. Черногорский мемориал

В крипте храма в Сан-Ремо по воле итальянской королевы Елены сложился интереснейший мемориал.

...1 марта 1921 г. на Лазурном берегу, в городке Антибе, скончался черногорский король-изгнанник Никола I, из династии Петровичей-Негошей. Ему, кропотливо укреплявшему возникшее из небытия и из-под турецкого гнета Черногорское княжество, а с 1910 г. — королевство, довелось познать крах всех своих устремлений: он стал первым и последним королем Черногории. К талантам Николы, несомненно, принадлежало умение устраивать династические браки дочерей: две из них, Милица и Анастасия, стали российскими великими княгинями, а Елена сделала самую блестящую партию, выйдя замуж за итальянского наследного принца, ставшего Виктором-Эммануилом III.

Никола в целом проводил прорусскую политику, и в 1914 г., накануне мировой войны, получил по указу царя чин генерал-фельдмаршала русской армии. После перекройки европейской карты в результате войны, когда его крошечная держава вошла в состав объединенного королевства сербов, хорватов и словенцев, король без короны эмигрировал во Францию, в Антиб. Туда же приехали его супруга Милена и дочери Милица и Анастасия.

Неудачливый монарх не раз выражал желание быть погребенным в одной из русских церквей — «вплоть до торжества истины в черногорском деле»²⁶⁸. Вероятно, и русские храмы на Лазурном берегу желали иметь такую честь, но Елена решила похоронить отца у «себя дома», в Италии. Естественным стал выбор близлежащей православной церкви на итальянской земле, в Сан-Ремо. Как отцу правящей королевы, Николе отдали

Никола, король Черногории

последние торжественные почести: его прах привез из Антиба военный корабль; при погребении присутствовала итальянская королевская чета. Через два года скончалась его жена Милена (1847–1923), похороненная по завещанию также в крипте русского храма, которая превратилась в место паломничества южных славян. Муниципалитет Сан-Ремо, польщенный отданным городу предпочтением, установил в городском парке памятник королю

Николе — в пространной надписи перечислены достоинства почившего монарха: «воин, поэт, устроитель национальной жизни» и т. д. Монумент представляет собой бюст на высоком пьедестале, у которого стоит фигура черногорского воина в национальной надежде, причем автор памятника, туринский скульптор Пьетро Каноника, умело использовал для этой фигуры фрагмент — такую же статую балканского знаменосца — разрушенного в 1918 г. в Петрограде памятника великому князю Николаю Николаевичу старшему и победам русского оружия над турками²⁶⁹.

Так русский приход в Сан-Ремо получил неожиданную и щедрую помощь: за использование склепа Савойский дом платил ренту общине (в лице графа Таллевича), а также содержал черногорского священника, о. Антония Якшича, служившего в крипте.

Королева Елена желала даже приобрести в казну храм у Таллевича, чья продажа, но сделке воспрепятствовали прихожане. На рубеже

1930-х — 1940-х гг. она намеревалась расширить черногорский некрополь и перенести в Сан-Ремо прах своих братьев, Мирко, Данилы и Петара, а также сестры Веры, но трудности военного времени не позволили это сделать. В 1946 г., с ликвидацией итальянской монархии, сама королева Елена обратилась в изгнанницу и спустя два года скончалась — также в Южной Франции. Речь о ее погребении рядом с родителями, впрочем, уже не шла, так как Елена Черногорская перед браком с кронпринцем Савойским перешла в католичество.

Милена, королева Черногории

Черногорскую усыпальницу в 1947 г. осквернили грабители: приход не имел возможности ее охранять. Это вынудило в 1952 г. Иоланду, дочь Елены, перенести прах своего деда и бабки в Помаро под Турином, в имение ее мужа графа Кальви ди Берголо. Казалось, черногорский сюжет завершился, но в 1970 г. он получил новое развитие.

Приход в Сан-Ремо печалила утрата церковью статуса королевской усыпальницы, и с назначением в 1963 г. нового настоятеля, о. Иоанна Янкина, начались попытки возвращения такого статуса. Заручившись поддержкой внука Николы, тоже короля-изгнанника Гумберта (Умберто) II, а также муниципалитета, русская община вновь приняла у себя гробы черногорских венценосцев. К ним присовокупили прах оставшихся незамужними двух дочерей Николы — Ксении (Черногория, 1881 — Клиши, 1960) и Веры (Черногория, 1887 — Антиб, 1927). Экс-король Гумберт дал средства на сооружение великолепного черно-мраморного саркофага для своего деда; общий проект усыпальницы исполнил главный инженер Сан-Ремо Дж. Гвидичини. Рядом с саркофагом водрузили бюст Николы — копию памятника в парке Сан-Ремо, а позднее — икону св. Николая Чудотворца, небесного покровителя почившего монарха. Над гробами принцесс Ксении и Веры поместили иконы преподобной Ксении и мученицы Веры.

Снова казалось, что в истории мемориала поставлена точка.. Однако бурные европейские события достигли и спокойной «Ривьеры цветов». С кризисом Югославии и с ростом патриотических (и сепаратистских) чувств в Черногории на маленькую русскую общину стал «давить» итальянский МИД, требуя передачи останков на Балканы и желая получить за это дивиденды. Помимо политических рычагов, был пущен в ход аргумент о вроде бы свершившемся торжестве черногорского дела, о чем так мечтал в изгнании Никола. В итоге 29 сентября 1989 г. в торжественной обстановке четыре гроба вынесли из русского храма и отправили в королевский склеп в Цетинье.

В качестве ответного жеста муниципалитет передал приходу бюсты итальянских монархов Елены и Виктора-Эммануила III. Их изваял еще в 1930 г. скульптор Э. Монти по модели Ф. Джонсона, но после падения монархии бюсты спрятали в запасники. Вероятно, во избежание упреков в монархизме и для увязки со всем происшедшим вновь водруженные бюсты снабдили подробной разъяснительной надписью: «С христианским благочестием и любовью итальянские государи неоднократно посещали гробницы родителей Елены Черногорской, короля Николы I и королевы Милены, вместе с гробницами принцесс Веры и Ксении, находившиеся в крипте русской церкви вплоть до 29 сентября 1989 г., когда город Сан-Ремо торжественно проводил их на Родину».

Опустевшая крипта, впрочем, и поныне служит черногорским мемориалом, но пониженного ранга. Кроме кенотафа Николы с бюстом и иконой, посетителям представлены памятные доски, посвященные принцессам, генеалогическое древо Петровичей-Негошей, стенды с историческими фотографиями.

В целом, однако, общественность Сан-Ремо, травмированная случившимся, назвала его святотатством, совершенным «ради эгоистических выгод и ошибочных исторических расчетов согласно официальному желанию МИД»²⁷⁰.

Спустя 20 лет, 31 мая 2009 г., Черногория в знак благодарности передала церкви два колокола, торжественно водруженные на стоявшую почти столетие пустой колокольню.

VII. К НИКОЛЕ ЧУДОТВОРЦУ

1. Православное паломничество в Бари

На фоне в прошлом художочного православного паломничества в Италию ярко выделялось стремление русских попасть в Бари, для поклонения мощам св. Николая Чудотворца. Объяснялось это необычайно широким почитанием на Руси святителя Мир Ликийских. Если русский богомолец в Италии часто смущался мыслью, что само наличие здесь многих святынь есть результат хитрости латинян и грабежей крестоносцев, то в Бари он примирялся с этим признанным Русской Церковью праздником «перенесения мощей Святителя от Мир Ликийских в Барград» (так называемый Никола-вешний).

Как известно, мощи св. Николая были увезены из Византии на Запад в 1087 г., когда город Бари уже перешел под власть норманнов и омофор

Бари. Крпшта с мощами св. Николая. С картины Антона Иванова. 1856

римских пап (для мощей впоследствии была возведена величественная базилика, в крипте которой они почивают и донныне). Русское народное благочестие пыталось оправдать это событие: древняя, киевская, редакция жития св. Николая и последующая агиография распространяли мнения, что Барград в то время был всё еще византийско-православным, что сами баряне были греками, что мощи якобы находились в руках нечестивых агарян и что, в любом случае, это было делом промыслительным, в виду грядущей мусульманской угрозы.

Проникновение в русский календарь празднования перенесения мощей св. Николая — явление исключительное, ибо Константинопольская Церковь могла лишь скорбеть об утрате собственной великой святыни²⁷¹.

Уже первые русские путешественники на Запад считали святым долгом приложиться к мощам чудотворца. Самое раннее документированное паломничество — монаха Варлаама из Ростова — относится к 1459 г.²⁷² Стольник П. А. Толстой, посетивший в 1698 г. Бар, как он называл город, первым подробно описал католическую базилику, «в которой лежат мощи великого архиерея Христова Николы»²⁷³. В том же году в Бари побывал граф Б. П. Шереметев²⁷⁴; есть свидетельства и о паломничестве царевича Алексея²⁷⁵.

Неутомимый «пешеходец» и профессиональный паломник В. Г. Григорович-Барский, автор ходившего в списках «Путешествия по святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся», обрисовав Бари, дал понять, что не вполне одобряет перенесение мощей в Италию: «кости немощно познать от какового члена суть, понеже не на своем месте лежат»²⁷⁶.

Состав поклонников гробницы св. Николая был самым разнообразным. Отзвук в Италии получило паломничество двух русских крестьянок, которые в 1844 г., не зная европейских языков, добрались, по обету, на повозке из Перми в Бари. На обратном пути, в Петербурге, они были обласканы царем²⁷⁷. В 1852 г. в Бари побывал великий князь Константин Николаевич, подаривший бриллиантовый перстень местному архиепископу, а 10 ноября 1892 г. мощам своего небесного покровителя поклонился наследник престола Николай Александрович, по вкладу которого выложили новый настил в крипте базилики.

Многие пилигримы XIX — начала XX вв., оставили впечатления о Бари²⁷⁸. Радеясь достигнутой цели, они при этом не жалели красок на описание как трудностей своих путешествий, так и изъянов «католической действительности».

Записи великих князей в альбоме почетных гостей в Бари («Государь и принцы королевской крови»): 28 февраля 1852: Константин [Николаевич]; 4/16 сентября 1868: Александр [Александрович], Николай [Константинович], Вячеслав [Константинович]

SOVRANI E PRINCIPI REALI

Non committitur

28. Aprilis 1852

Archiducibus 1868.

Principibus

Nobilibus 1868

4to Censurae
16

Principibus

Principibus

10. October 1869

16. März 1873 F. J. Nahrung

11. October K. U. Nahrung

Богомольцам не нравились изображения св. Николая в облачении латинского епископа²⁷⁹, «непристойные хороводы итальянцев» у базилики²⁸⁰, местные обычаи поклонения мощам²⁸¹, «наглая эксплуатация и дерзкий грабеж» со стороны барийцев²⁸². Странников печалило отсутствие православных богослужений в Бари (на рубеже XIX–XX вв. здесь проживал некий грек, самозванно рекомендовавшийся архимандритом Германом и совершавший по вкладам богомольцев молебны; русских паломников официально предупреждали не пользоваться его услугами²⁸³). Часто высказывалась мысль о необходимости строительства в Бари как странноприимного дома, так и русской православной церкви²⁸⁴. Паломник из Одессы сообщал, что видел в Бари одну русскую богомолку, которая «чуть не плакала, что некому было отслужить акафист»²⁸⁵. Он же весьма критически отнесся к барийской обстановке, насыщенной, по его мнению, духом меркантилизма и стремлением к «опустошению кошельков» пилигримов; не понравилось ему и в базилике: «вся обстановка, сопровождавшая посещение нами церкви Святого Николая произвела на меня, благодаря практикуемым здесь порядкам и отношению к богомольцам, довольно грустное впечатление»²⁸⁶. Впрочем, радость от достижения заветной цели и у этого паломника перевешивала негативные впечатления.

Почитание св. Николая выражалось в паломничестве не только в Бари, но и туда, где находилась его кафедра, совершались чудеса, где произошли его кончина и погребение — в Миры Ликийские. Начало этому положил паломник-писатель А. Н. Муравьев, побывавший в Малой Азии в 1850 г. и обнаруживший полное запустение памятного места. Муравьев начал широкую кампанию в России «для восстановления падшей обители»²⁸⁷. Характерны полемические оттенки его высказываний: «Сюда, сюда в пустынную Миру Ликийскую, а не в калабрийский чуждый нам город Бар должны стремиться православные паломники»²⁸⁸.

В 1853 г. на средства российского посла в Константинополе графа Н. П. Игнатьева в Мирах был куплен участок земли с руинами монастыря Новый Сион и пустой гробницей святителя. В 1853–1868 гг. прошли работы по их восстановлению, что вызвало противодействие местного греческого епископа, считавшего Миры своей канонической территорией (это вызвало настроение части греческого общества, опасавшейся панславизма как угрозы национальным интересам). Война России с Турцией 1877–1878 гг. еще больше осложнила ситуацию с русским проектом в Мирах.

Для сбора средств на восстановление Новосионского монастыря в 1875 г. в Петербург прибыли два монаха-афонца. В столице иноков поддержали торговцы Старо-Александровского рынка на Калашниковском проспекте (ныне

пр. Бакунина), которые соорудили близ рынка небольшую часовню, освященную 6 декабря ст. ст. (в праздник Николы-зимнего) 1879 г. Часовню назвали Мирликийской и посвятили одновременно двум святым: св. Николаю Чудотворцу и св. Александру Невскому, в память избавления императора Александра II от покушения в Париже в 1867 г. Собираемые в часовне пожертвования на Новый Сион поступали в Хозяйственное управление при Синоде²⁸⁹.

В 1888 г. капитал, названный «мирликийским» передали Императорскому Православному Палестинскому Обществу (ИППО). После трагической гибели в 1904 г. председателя Общества великого князя Сергея Александровича, ктитора Мирликийской часовни, ее было решено переделать в церковь, что и осуществили, скромными средствами, в 1905 г.

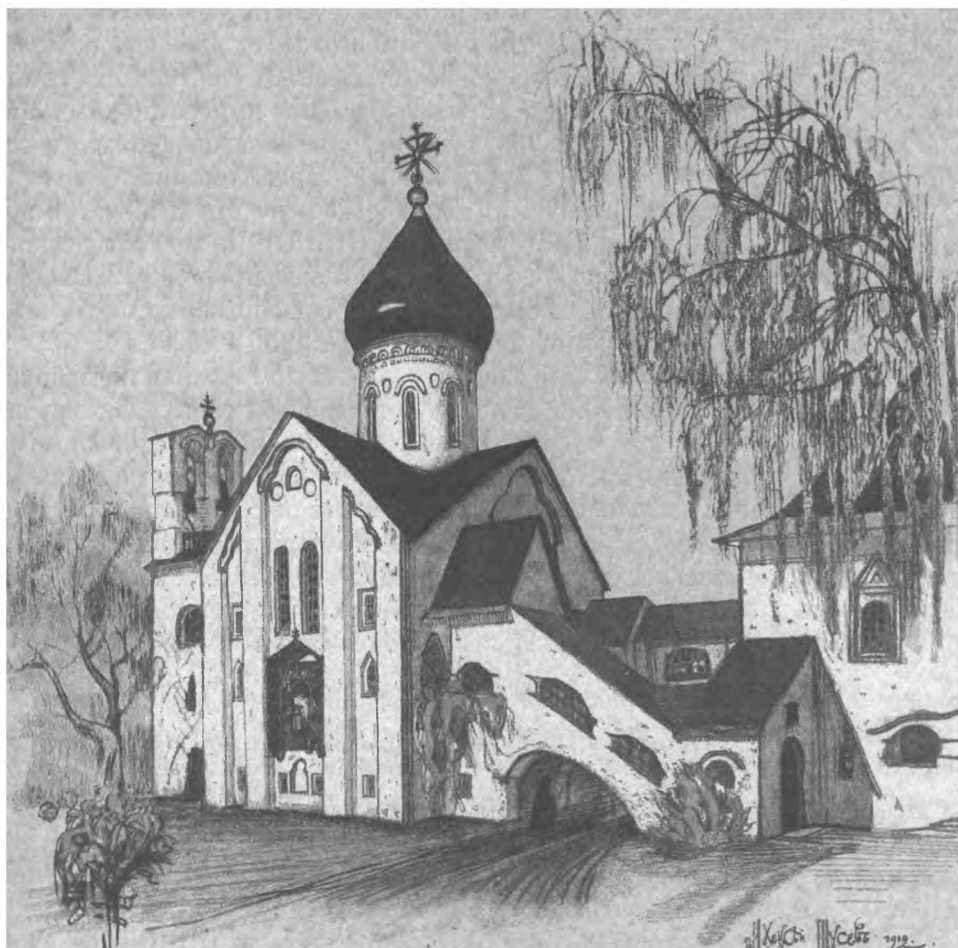
Между тем в самих Мирах дело зашло в тупик. В 1891 г. турки постановили русские земли в Малой Азии «считать потерявшими своих владельцев», под тем предлогом, что они «не обрабатывались русскими» и якобы имели стратегическое значение, а затем перепродали земли греческим подданным. В 1910 г. посол при Оттоманской Порте Н. В. Чарыков сообщил в Палестинское общество о «безнадежности в мирликийском вопросе», дипломатично предложив преобразовать его в «барградский»²⁹⁰. По мысли Чарыкова, русская церковь в Италии «громко свидетельствовала бы о высоком благочестии Русской Православной Церкви перед лицом католического мира».

2. Строительство странноприимного дома

Идею посла одобрила великая княгиня Елизавета Федоровна, ставшая после смерти своего супруга председательницей ИППО. Были приняты соответствующие резолюции, и собранный к тому времени «мирликийский» капитал (246 562 руб.) переименовали в «барградский».

Двенадцатого мая ст. ст. 1911 г. в Петербурге в рамках ИППО учредился Барградский комитет под высочайшим покровительством императора Николая II, внесшего 10 тыс. рублей, возглавленный знатоком древнерусского искусства князем А. А. Ширинским-Шихматовым. Задачей комитета стало сооружение итальянского подворья со странноприимницей для русских паломников и с церковью, достойно выражающей православное искусство.

Средства для подворья собирала вся Россия: помимо всех доходов Николо-Александровского храма на Песках (решением Синода от 29 ноября 1911 г. и ему было присвоено наименование Барградский), по высочайшему повелению дважды в год, на Николу-вешнего и Николу-зимнего, во всех российских церквях устраивался тарелочный сбор на строительство в Барграде.

*А. В. Щусев. Проект странноприимного дома и церкви
Св. Николая Мирликийского в Бари. Перспектива*

Комитет, наученный горьким опытом в Турции, в Италии вел себя осторожно: посланник ИППО, протоиерей Иоанн Восторгов²⁹¹ приехал в Апулию в обстановке почти секретной — опасались противодействия как местной администрации, так и католического духовенства. 20 января 1911 г. о. Иоанн послал в комитет телеграмму об успешной покупке земли. По возвращении в Россию он, отчитываясь в ИППО о своей поездке, закончил речь словами: «Да вознесется на дальнем иноверном Западе православный храм с сияющими крестами и куполами!».

Весной того же года в Бари прибыли деятельный член комитета князь Н. Д. Жевахов²⁹² и видный архитектор В. А. Покровский, произведший экспертизу участка и одобривший место предполагаемого строительства (12 тыс. кв. м, на via Carbonara, совр. corso Benedetto Croce, № 130).

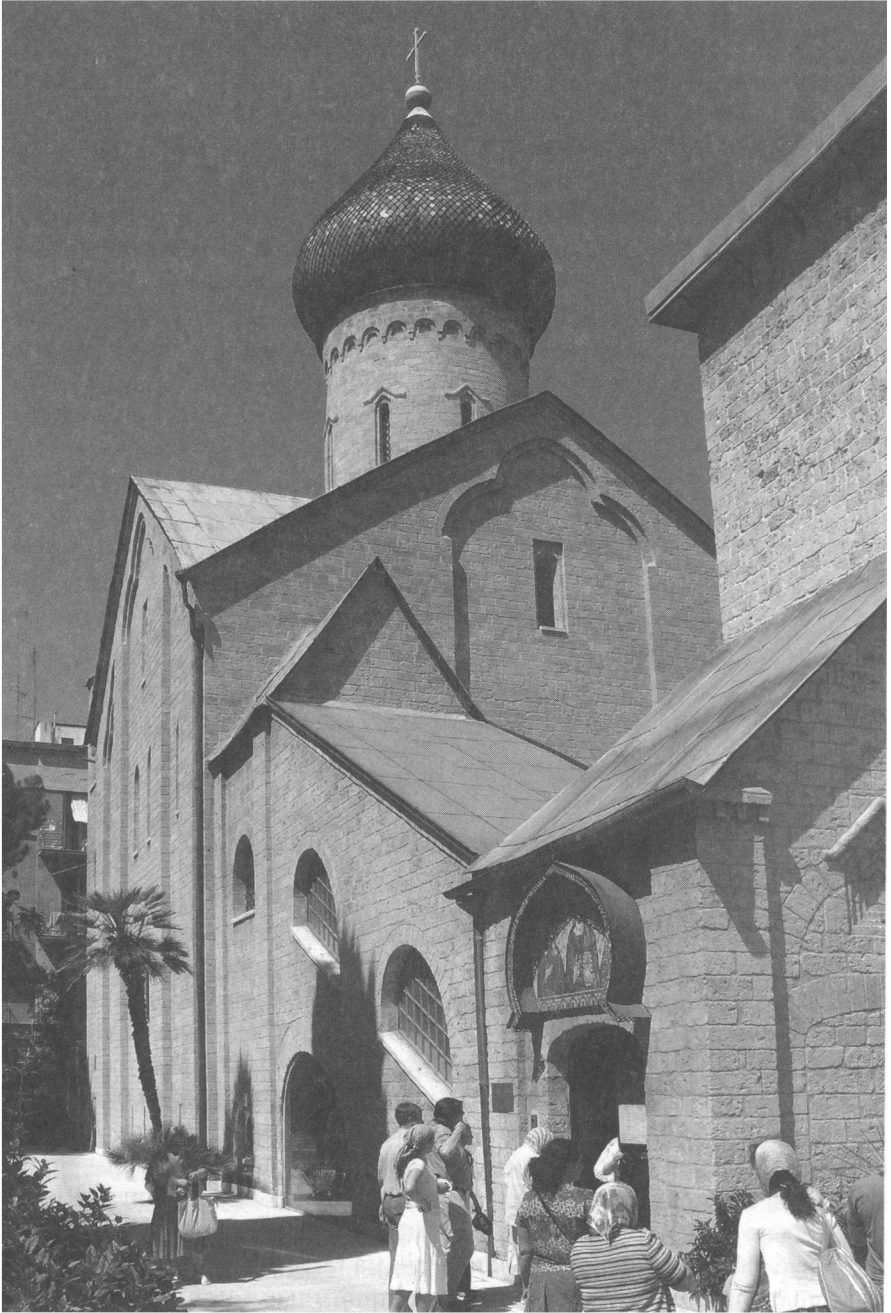
Возможно, Покровский был одним из кандидатов в авторы проекта подворья. Приезд в Италию зодчего, близкого к императорскому двору, не мог быть вызван исключительно необходимостью проведения «экспертизы участка». В тот момент Покровский также обдумывал проект русской церкви в Риме, представленный им в Синод в 1915 г.

Вероятно, предлагал свое участие и М. Т. Преображенский, к тому времени уже возведший в Италии и в других европейских странах церкви в «русском стиле». Однако в итоге заказ получил А. В. Щусев, протекцию которому составила, скорее всего, председательница ИППО Елизавета Федоровна: для нее зодчий строил в 1908–1912 гг. Марфо-Мариинскую обитель в Москве. В личном архиве Щусева сохранилось большое количество эскизов, вариантов разработок интерьеров, рабочих чертежей подворья, датированных 1912–1914 гг.²⁹⁵ Одновременно архитектор составил эскизы для русского храма в Сан-Ремо.

В этот же период комитет выделил 28 тыс. рублей на строительство новой «Барградской» церкви в Петербурге, взамен прежней, переделанной из часовни. Составление проекта поручили С. С. Кричинскому. Храм был заложен 8 сентября 1913 г. и освящен 15 декабря 1915 г. (снесен в 1932 г.).

«Барградские» храмы в Италии и России строились одновременно. Они похожи друг на друга, как братья-близнецы: квадратные в плане, с двухскатными кровлями, одноглавые, с куполами в форме ратного шелома, со звонницами над западными стенами. «Идеологом» построек, предложившим «стиль» в духе псковско-новгородской архитектуры, был князь Ширинский-Шихматов, он же собрал древние иконы для иконостасов обеих церквей (в Бари они не были отправлены из-за начавшейся войны). Председатель комитета лелеял идею создания в Бари, в помещениях подворья, первого в истории зарубежного музея русской старины. Предполагалось экспонировать древние иконы, редкие издания, фотографии всех Никольских церквей в России, а также поручить К. С. Петрову-Водкину роспись интерьеров.

В октябре 1911 г. ИППО испросило у итальянского правительства официальное разрешение на приобретение в Бари земельного участка, уже купленного на имя частного лица. Разрешение закрепилось королевским декретом от 4 января 1912 г. (по европейскому календарю). Законченный Щусевым общий проект подворья был одобрен Николаем II 30 мая 1912 г. со сметой в 414 068 рублей. Помимо двухэтажного храма вместимостью в 200 человек в составе подворья проектировался странноприимный дом с тремя комнатами

первого разряда, четырнадцатью — второго, трапезной, умывальней, палатой для больных паломников, прачечной, баней. В марте 1913 г. в Бари была командирована от ИППО наблюдательно-строительная комиссия, куда вошли: настоятель будущей церкви о. Николай Федотов, производитель работ архитектор Вс. А. Субботин, псаломщик К. Н. Фаминский и смотритель работ И. Д. Никольский. Комиссию возглавил второй священник римской посольской церкви о. Христофор Флеров, постоянно живший в Италии. В начале 1913 г. в соответствии с принятыми правилами Св. Синод утвердил «штат церковнослужителей при состоящей в итальянском городе Бари русской церкви».

Светские власти Барграда приветствовали русскую инициативу: 22 мая (день перенесения мощей) 1913 г., когда состоялась торжественная закладка подворья, на строительный участок, украшенный государственными флагами России и Италии прибыли синдик Бари и президент провинции Апулии (католическое духовенство по-прежнему в церемонии закладки участия не приняло). В фундамент церкви были заложены грамоты на русском и итальянском языках и серебряные рубли; на церемонии читались речи. Пришли телеграммы от царя («искренне благодарю, желаю успешного окончания постройки храма»), от Елизаветы Федоровны («соединяюсь в молитвах с вами в этот торжественный день основания нашего храма и дома для паломников»), от Щусева («поздравляю с закладкой, желаю успеха святому делу») ²⁹⁴.

Земляные и каменные работы вел местный инженер Н. Рикко, под надзором Субботина, плотники — Д. Камышев. На участке был быстро построен временный дом со звонницей и с верхним помещением для временной церкви, которую освятили уже 24 декабря 1913 г. ст. ст. На церемонии освящения о. Николай Федотов провозгласил начало возрождения православия в Апулии. К марту 1914 г. подворье было подведено под крышу.

Бари. Убранство фриты базилики свят. Николая. Фотография Н. Галкиной-Нови

Бари. Русское подворье. Западный фасад

Бари. Церковь свят. Николая при подворье.
Интерьер

Весной о. Николая отозвали в Россию; на его место прибыл о. Василий Кулаков.

В чем была причина отзыва первого настоятеля? Официальные документы об этом не сообщают. Однако известно, что у о. Федотова сложились крайне напряженные отношения с местным духовенством. Его попытки служить молебны у гробницы святителя, как того хотели паломники, наткнулись на решительный отказ каноников базилики. В конце концов, священнику было вообще запрещено посещать базилику в облачении²⁹⁵.

Противостояние в Бари между православным и католическим духовенством было острее, чем во всех рассматриваемых центрах русского религиозного присутствия. Ультракатолицизм и нетерпимость к другим конфессиям доминировали на итальянском Юге. Кроме того, католический клир был, вероятно, встревожен тем, что представители «схизматической» религии вторгаются на его

«каноническую территорию». Конфликт, зашедший в тупик, консисторские власти, вероятно, попытались разрешить заменой настоятеля.

В июне-июле 1914 г. Бари посетил князь Олег Константинович (через год погибший на войне) и, вникнув в дело, по возвращении в Россию предложил Палестинскому обществу внести поправки в утвержденный проект.

Летом 1914 г. подворье открыло временный приют для паломников на 20–30 человек. Однако своему назначению оно служило считанные дни. В августе того же года странноприимница превратилась в беженский пункт: русские путешественники по Италии не смогли вернуться домой обычным путем через Германию и ждали отправки в Россию морем (скопилось около 200 человек).

Несмотря на войну, строительные работы успешно продолжались и к январю 1915 г. были вчерне завершены. Барградский комитет в Петербурге собрал утварь и иконы, которые должны были быть доставлены в Италию по окончании войны. Вскоре была освящена временная деревянная церковь. Когда 24 мая (сразу после Николы-вешнего, что в России восприняли промыслительным) Италия объявила себя союзницей русских «против же-

3. Тяжбы вокруг подворья

стоких и коварных угнетателей народов — немцев и швабов», Барградский комитет передал подворье в пользование итальянскому Красному Кресту.

Председатель Комитета кн. А. А. Ширинский-Шихматов подготовил для храма старинные иконы и стилизованное убранство, но начавшаяся революция помешала доставить их из России. Не смог выехать в Бари и К. С. Петров-Водкин, который предполагал расписать новый храм.

3. Тяжбы вокруг подворья

Революция и Гражданская война в России поставили подворье в тяжелые условия. Закончился дореволюционный период его истории и начался эмигрантский. Местной общины у барийской церкви, в отличие от русских церквей в Риме, Флоренции и Сан-Ремо, никогда не существовало, а поток пилигримов, естественно, прервался.

В 1920 г. скончался иерей Василий Кулаков, прибывший в Италию из Москвы шестью годами ранее, и подворье осталось без настоятеля. Незаконченной постройкой стали заведовать диакон Владимир Каменский и эконом А. Алексеев. В том же году в Бари прибыл эмигрировавший из России князь Н. Д. Жевахов.

Бари. Русское подворье. Фотография 1930-х гг.

25 июля 1921 г. преосвященный Георгий освятил нижнюю церковь — во имя святителя Спиридона Тримифунтского, особо чтимого среди православных Адриатики: его мощи почивают на острове Корфу (Керкира). Временная деревянная церковь после этого была упразднена и разобрана.

В 1924 г. подворье посетил владыка Евлогий:

В Бари у нас были еще недостроенные церковь и дом для паломников — имущество нашего Палестинского общества, богатейшей организации, раскинувшей свои центры в Сирии и по всей Палестине. Наши паломники в благочестивых своих странствиях направлялись и в Бари. (...) Мне хотелось отслужить молебен у самых мощей святителя Николая. Ксендзы не позволили: «Мы не имеем права разрешить... надо обратиться к епископу». Епископ ответил уклончиво: «Не от меня зависит, надо запросить Рим...» Я послал телеграмму в Рим, прождал два дня — ответа не последовало. Я помолился у святых мощей и направился в Рим²⁹⁶.

Бари. «Восточный придел» в крипте базилики свят. Николая

Между тем Жевахов, объявивший себя «заведующим подворьем» на правах члена Барградского комитета, отстранил от дел диакона и эконома как якобы самозванцев и подал на них в городской суд, требуя их официально-го выдворения с подворья. Барийский суд удовлетворил требования князя, ставшего таким образом ответственным единолично. Однако в 1926 г. Жевахову пришлось снова идти в суд: претензии на подворье предъявило новое Палестинское общество с центром в Ленинграде, которое выдавало себя за правопреемника ИППО и за собственника его имущества. Советское посольство в Риме выдало свидетельство о тождественности обществ, но Жевахов с этим, естественно, не согласился, утверждая, что Императорское общество продолжает существовать в беженском состоянии. На первых порах он выиграл в городском суде тяжбу, но советская сторона подала апелляцию.

В те годы в Бари обосновался новый священник, протоиерей Сергей Ноаров (1881 — после 1950). Участник Гражданской войны, после пребывания в Болгарии и Сербии он уехал в Италию, где нашел вакантное место при подворье. Жевахов, однако, отказывался поддерживать настоятеля, который в письме к кн. М. П. Абамелек-Лазаревой объясняет это следующим образом:

Два года с лишком, как я здесь, вспомоществуемый Божиею благодатию ежедневно совершаю служение и принесение Бескровной Жертвы (поминается и Ваше, добрая княгиня Мария св. имя и пок. князя Симеона), а теперь мне Уполномоч. Прав[ославного] Пал[естинского] О-ва князем Николаем Давидовичем Жеваховым официально отказано давать средства на службу Божию по той причине, что жертв на Храм не поступает, а если и жертвуют, то на Подворье, т. е. на содержание Уполномоченного и служащих в Подворьи; жертвы, поступающие строго, распределяются Уполномоченным так: если жертвователь пишет, что жертвует на Св. Храм, то сия жертва записывается в книгу Храма, а если пишет лишь на Подворье и не догадывается помянуть Храм, то деньги идут на Подворье. Эти подробности необходимо знать каждому благочестивому почитателю св. Николая Чуд., чтоб знал, куда направить жертву: и Ваши, добрая княгиня, щедрые жертвы пошли на Подворье, а частью на ведение дела с большевиками, оттягивающими Подворье. С год уже как я единолично содержу храмовые расходы из моего скудного жалования²⁹⁷.

Когда в 1931 г. о. Ноаров, не выдержав тяжелой жизни, уехал из Бари, храм надолго остался без священника. Князь Жевахов готовился дать решительный отпор советской стороне, отказываясь при этом от сотрудничества с церковной диаспорой, подчинявшейся митрополиту Евлогию: он считал его

оплетенным жидо-масонскими сетями. В свободное время князь писал мемуары (два первых тома «Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода» вышли в Югославии, а два других, «Моя борьба с большевиками», остались неопубликованными).

Тем временем затяжное дело в Королевском суде в Риме неожиданно закончилось в пользу советского Палестинского общества: в 1936 г. Жевахову было предписано сдать подворье. Пока князь размышлял, как действовать дальше, на сцену неожиданно вышел барийский муниципалитет, почувствовавший, что для него наступил хороший момент. Заведующему подворьем предложили крупное отступное, с тем чтобы он раз и навсегда отказался от управления; гигантскую собственность, объявленную бесхозной, муниципализировали и устроили на ее основе сиротский дом и детский сад. Жевахов, ликвидировав свои дела в Италии, уехал в Австрию и скончался в 1946 г. в Закарпатье, к тому моменту уже на советской территории.

При покупке подворья городские власти дали обязательство не препятствовать православному культу и даже выплачивать жалование священнику. В 1938 г. после многолетнего перерыва в Бари приехал о. Андрей Копецкий (1885–1963), прежде служивший диаконом храма в Риме в юрисдик-

Бари. Русская делегация после освящения церкви подворья у базилики в Бари; в центре — епископ Сильвестр (май 1955 г.). Из собрания А. Корлякова. Фотография 1950-х гг.

ции Зарубежной Церкви. Подворское хозяйство, теперь в муниципальной собственности, непрерывно опекала подвижница, тульская крестьянка Матрена Зайцева, присланная в Бари просвирницей еще в 1912 г., да так тут и оставшаяся. В течение десятилетий она считалась ответственной перед муниципалитетом за храмовое имущество, следила за благолепием храма, встречала паломников, пономарила. Она скончалась в 1978 г., уже в иноческом сане, с именем Николая, и погребена на городском кладбище в одной могиле со священником Василием Кулаковым.

После Второй мировой войны церковь в Бари переживала юрисдикционные шатания.

Еще в 1944 г. подворье посетил советский генерал Пономарев, требовавший от настоятеля о. Андрея Копецкого прошение к патриарху Московскому Сергию. Священник, сын которого служил в итальянской армии и являлся членом фашистской партии, опасаясь за его судьбу, написал в Москву. В докладной записке от 15 марта 1945 г. председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпов предлагал Сталину «оформить принятие в юрисдикцию Московской Патриархии причта и прихода русской церкви в г. Бари (Италия), согласно имеющемуся с их стороны обращению. Командировать для этого в Бари представителя Московской Патриархии»²⁹⁸.

Однако о. Андрей Копецкий в 1947 г., опасаясь «как бы Советы не овладели всем имуществом церкви»²⁹⁹, перешел под омофор русской архиепископии при Вселенской Патриархии. Он же окормлял лагерь перемещенных лиц (Ди-Пи) в Лечче.

Именно при его настоятельстве, в 1955 г., в канун Николы-вешнего, наконец-то освятили верхний храм. Возглавил чин освящения епископ Сильвестр (Харунс); ему сослужили многие клирики епархии, пел хор из Ниццы. К этому событию водрузили и иконостас, исполненный в Париже иконописцем Альбертом Александровичем Бенуа и его супругой Маргаритой Александровной, урожденной Новинской. Композиция одноярусного иконостаса следует канонической схеме: в местном ряду, справа от Царских врат, водружен образ Спасителя, слева от него — храмовый образ св. Николая, с подписью «Живые — мертвым, в столетний юбилей Тверского и Елизаветградского училищ, от офицеров 1-го Уланского Петербургского полка». Справа от Царских врат — икона Божией Матери с Младенцем. Над Царскими воротами, украшенными иконами Благовещения и четырех евангелистов — «Тайная Вечеря». На боковых воротах — образа архангелов Михаила и Гавриила. Кроме этих образов в иконостасе установлены следующие иконы (слева направо): «Свв. царица Александра и Пантелеимон», «Свв. Димитрий Солунский и Георгий Победоносец», «Свв. Сергий Радонежский, Александр Невский и Серафим Саровский», «Св. Спиридон Тримифунтский»,

VII. К Николе Чудотворцу

*Бари. Статуя свят. Николая работы
В. М. Клыкова*

«Свв. Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст», «Свв. апостолы Петр и Павел», «Свв. Владимир и Ольга». Над оконечностями иконостаса, на стене, водружены большие образа св. Серафима Саровского (справа) и св. Сергия Радонежского. В высокой конхе апсиды теми же художниками Бенуа написан образ Знамения Божией Матери, ниже — Спас на престоле.

После кончины о. Копецкого в 1963 г. парижское священноначалие назначило настоятелем в Бари о. Игоря Значковского (1896-1980), бывшего «белого» офицера. Неожиданно для всех в 1970 г. он перешел в юрисдикцию РПЦз, за что был ею возведен в сан протоиерея и одновременно запрещен в священнослужении своим прежним епископом. При его настоятельстве в 1971 г. в саду была возведена и освящена маленькая Никольская часовня с небольшой маковичной главкой и «русским» крестом, посвященная памяти Николая II.

В 1977 г. барийский приход упразднили, а храм ввели непосредственно в подчинение Синоду РПЦз в Нью-Йорке. Следуя официальной политике РПЦз, назначаемые в Бари иереи избегали какого-либо общения с религиозными делегациями Московской Патриархии и вообще подозрительно относились к паломникам из России.

Положение изменилось с 1998 г., когда муниципалитет заключил с Московской Патриархией договор, способствовавший российскому паломничеству. В 1999 г. Патриархия командировала в Бари постоянного священника, о. Владимира Кучумова, а подворье получило статус патриаршего.

В 2008 г. русскую Италию (и не только ее) облетела радостная весть: решением итальянского правительства подворье вернули России... 1 марта 2009 г. в рамках встречи президентов Итальянской республики и Российской Федерации ключи от подворья были символично переданы российскому президенту, а тот, также символично, передал их представителю Московского Патриархата.

VIII. ЭМИГРАНТСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ

1. Милан

В Италии, в отличие от других европейских стран, новые церкви и общины почти не возникали, за малочисленностью русской эмиграции. Исключениями стали промышленные Милан и Генуя, а также Русский Дом в пьемонтском городке Торре-Пеличе, устроенный при поддержке Всемирного Совета Церквей.

В то время как в Центральной и Южной Италии охотно селилась российская знать и люди искусства, в промышленном Милане в XIX — начале XX вв. преобладала политическая эмиграция социалистической толка, где самой яркой фигурой являлась Анна Кулишова († Милан, 1925). В этой среде сформировалась и миланская секция «Всемирного объединения русских рабочих-эмигрантов». В 1913 г., после амнистии в честь 300-летия Дома Романовых, многие политэмигранты вернулись в Россию, а те, что остались, учредили летом 1917 г. меньшевистский по идеологии «Русский институт» (позднее переведен в Рим).

Гражданская война в России и поражение «белых» решительно изменили состав «русского Милана». О появлении тут крупной партии беженцев и о начале их религиозной жизни сообщила в 1924 г. анонимная, но благожелательная статья в «Corriere della Sera», где сообщалось о приблизительно трех сотнях русских эмигрантов, которые «едва спасшись от ужасов бури, почувствовали необходимость установления культа их веры»³⁰⁰. Первые богослужения проходили в помещении англиканского храма на улице Сольферино: британцы дважды в месяц любезно предоставляли русским такую возможность. На Крещенский праздник 1924 г. из Флоренции был приглашен о. Михаил Стельмашенко, привезший с собой и церковную утварь. Украшению сурового англиканского интерьера поспособствовал и некий русский антиквар, доставивший на богослужения разные предметы «пышного схизматического [sic!] обряда»³⁰¹. Среди прихожан находились «дамы, некогда известные своим богатством и светскостью, еще в мехах, впрочем, полинявших (...), женщины-буржуа, студенты, художники, преподаватели», обменивавшиеся «краткими и бледными улыбками»³⁰². Для контраста автор заметки, видимо, хорошо знакомый с русскими колониями в Италии, напомнил читателям о «знаменитом храме» во Флоренции, возведенном «русскими князьями, любителями пожить на берегах Арно», противопоставляя

им обездоленных миланских беженцев, вынужденных «молиться в чужом доме»³⁰³.

Русские миланцы, действительно, хотели иметь собственный «дом молитвы» и несмотря на трудности этого добились. О рождении новой церковной инициативы сообщает в своих воспоминаниях митрополит Евлогий:

Еще в 24 году в Милане образовался церковный комитет и стал хлопотать об организации богослужения. (...) Я дал распоряжение настоятелю нашей Флорентийской церкви о. Стельмашенко съездить в Милан, созвать приходское собрание и организовать приписную ко Флоренции общинку. Так общинкой миланское церковное объединение до 30-х годов и продержалось³⁰⁴.

Миланская церковь была посвящена святителю Николаю Чудотворцу: возможно, при этом учли то обстоятельство, что мощи святителя находятся в Италии, а может быть, таким образом была воплощена память о последнем царе.

*Милан. Иконостас церкви Св. Амвросия. Фотография 2007 г.
(в это время иконостас находился в Риме)*

На убранство храма в его начальный период пожертвовала средства эмигрантка Е. А. Абрамова, получившая за это в 1931 г. архипастырское благословение от преосвященного Евлогия, так же как староста прихода инженер В. А. Князев и казначей А. П. Рыжов.

В те годы миланская православная община считалась самой крупной в Италии (после римской), насчитывая почти 400 человек. Об этом сообщала статья «Курская чудотворная икона Божьей матери в Италии»: икону привезли в Милан, в русскую церковь, где беженцы смогли поклониться этой святыне. Автор заметки писал: «Владыка [архиепископ Феофан], сопровождая икону, посетил все уголки русского рассеяния в Европе. Всюду эта святыня вносила мир, успокоение и как бы подкрепляла русских, вынужденных жить вдали от родины и подчас изнемогающих под бременем жизни на чужбине»³⁰⁵.

Наряду с церковным начинанием возникло и светское: в 1925 г. в Милане была учреждена «Русская колония в Северной Италии», в комитет которой, под председательством К. К. Черного, вошли П. М. Козакевич, М. И. Нагорнов, А. П. Рыжов, граф А. И. Головин, князь А. К. Эристов и другие — в большинстве своем всё те же члены православного прихода. В члены колонии принимались те выходцы из России, что, согласно уставу, «не признали власть Советов», а ее деятельность выражалась в устройстве вечеров, спектаклей, курировании библиотеки-читальни.

Первые годы в Милане постоянных богослужений не проводилось: священники наезжали из Флоренции — сначала о. Михаил Стельмашенко, затем, с 1926 г., о. Иоанн Лелюхин. Нужда в священниках у эмигрантов была большой, и удовлетворять ее получалось с трудом. В 1930 г. в Милане впервые обосновался собственный настоятель: им стал протоиерей Владимир Соколов. Учитель по прежней профессии, он был рукоположен во иереи в эмиграции. Случайно оказавшись в Милане и обнаружив там вакансию, о. Владимир обратился к преосвященному Евлогию с прошением о назначении его настоятелем, что и было исполнено: «Энергии и общительности у нового настоятеля было хоть отбавляй. Он всех соотечественников перезнакомил, сам быстро завязал житейские взаимоотношения со многими лицами и семьями, умело эти знакомства поддерживал и укреплял. Понимания глубокого значения у него не было, но, бойкий и общительный, он сумел русскую колонию расшевелить»³⁰⁶. Затем, однако, из-за каких-то недоразумений с русскими миланцами о. Владимир подал владыке Евлогию прошение об увольнении, был исключен из клира и бесследно исчез из православной жизни Италии.

Следующим миланским священником стал о. Иоанн Куракин. Он сумел поднять приходскую жизнь на достойный уровень. Нового священника стали приглашать в другие города. Две русские «общинки» — дореволюционная

в Мерано и эмигрантская в Генуе, им опекаемые, были приписаны к приходу в Милане.

В эмигрантской среде тогда распространилось мнение, что в промышленном и торговом Милане беженцы живут лучше, чем в других местах Италии. Князь Н. Д. Жевахов, заведовавший подворьем в Бари, пытался в ломбардской столице «собирать деньги у богатых русских людей»⁵⁰⁷. Несколько состоятельных эмигрантов здесь действительно проживало, но в целом местная русская колония бедствовала не менее, чем в других городах — княгиня М. П. Абамелек-Лазарева, щедро помогавшая беженцам, получала из Милана умоляющие письма со следующими выражениями: «невозможно получить работу, так что приходится умирать с голоду. Спасите меня»⁵⁰⁸; «была в Милане, (...) гибла от сырого холода и голода, не найдя занятия»⁵⁰⁹; «я здесь буквально голодаю»⁵¹⁰.

В 1935 г. о. Иоанн покинул Ломбардию — его ждала другая, более аристократическая и благополучная община, во Флоренции. Миланский приход тогда возглавил о. Аполлон Сморжевский (1876–1962), уроженец Кременца, сыгравший затем видную роль в православной жизни на севере Апеннин. Выпускник С.-Петербургской духовной академии, бывший преподаватель Виленской духовной семинарии, он стал священником уже в эмиграции. «Пожилой человек, опытный, солидный, о. Сморжевский был хорошим, влиятельным священником», уделявшим внимание «просветительской деятельности» и обустроившим «церковь в более просторном и удобном помещении»⁵¹¹ (на улице Понкиелли — прежде находилась на улице Прокаччини).

О тогдашней атмосфере в русской общине сохранилось еще одно свидетельство — рассказ князя П. Д. Маргани о посещении в Милане рождественской елки. Заметив, что местная «колония не отличается особой спайкой» и что «молодежь акклиматизировалась быстрее и устроилась на заводы, но старики всё еще находятся на каком-то моральном перепутье», князь весьма положительно и подробно охарактеризовал празднество, перед началом которого о. Апполон «произнес глубокое и трогательное слово»⁵¹².

В те же годы в Милане началась деятельность П. В. Спасского (1896–1968), одного из лучших регентов русской эмиграции. В 1924–1927 гг. он изучал юриспруденцию в Миланском католическом университете («Sacre Cuore»), а заодно прошел и школу оперного пения. В 1927 г. Спасский был делегирован миланским приходом на епархиальный съезд в Париж, куда вскоре переселился. Впоследствии он стал там руководителем митрополичьего хора русского кафедрального собора св. Александра Невского⁵¹⁵.

Видной фигурой в Милане в те годы являлся диакон Алексей Годяев (1900–1991). До революции он учился в Вятской духовной семинарии, а в эмиграции овладел европейскими языками и профессией инженера. Об-

2. Генуя

ладая большими музыкальными способностями, сначала он стал псаломщиком, а затем рукоположился во диаконы. Парижское священноначалие возлагало на него определенные надежды, проча его в настоятели будущей общины в Генуе или в Турине, однако он вскоре уехал в Белград, где стал протодиаконом местной русской церкви, а переселившись в Австралию после Второй мировой войны, принял там в 1949 г. священство³¹⁴.

Среди деятельных миланских прихожан той поры отметим инженера Н. Е. Забелло, коммерсанта С. П. Рябушинского³¹⁵, художника И. М. Карпова, профессора А. А. Эйхенвальда. Материальную поддержку оказывал генуэзский судовладелец Б. А. Власов.

Вторая мировая война разметала многих русских миланцев в разные стороны. Некоторые из них, как, например, инженер И. А. Максимов, были убиты, сражаясь в итальянских войсках, о других в метрических книгах тех лет, в графе «причина смерти», о. Аполлон иногда указывал: «от истощения»³¹⁶. Община стала таять... Смерть о. Аполлона Сморжевского в 1962 г. закрыла собой историю «русского Милана» эпохи первой волны эмиграции³¹⁷.

2. Генуя

В Генуе, как и в Милане, до революции 1917 г. не возникло очага русско-православной жизни.

В начале 1920-х годов здесь сформировалась инициативная группа, обратившаяся в Париж к митрополиту Евлогию (Георгиевскому) за пастырским окормлением. Старостой вновь образованной общины был избран Леонид Исаакович Лиштван (1870-1939). Неожиданные воспоминания о нем оставил Ф. М. Вейцман (1911-2008), сын «невозвращенца», бывшего сотрудника советского торгпредства в Генуе:

Леонид Исакович был неплохим художником: некоторые его рисунки украшали обложки известного французского журнала «Иллюстрасьон». (...) Они [Лиштван с женою Еленой Ивановной] приехали в Геную в самом начале революции. О нем говорили, что он якобы еврейского происхождения и что его зовут не Леонид Исакович, а Лев Исаевич, и что он изменил свое имя и отчество, чтобы казаться более русским. Он горячо отрицал это и утверждал, что происходит из старинного литовского дворянского рода Лиштва. Как бы там ни было, но русская колония в Генуе, правда, слегка посмеиваясь над ним, выбрала его старостой местной православной церкви. (...) Позднее мы узнали, что Леонид Исакович [после смерти жены] выбросился из окна³¹⁸.

Помимо Лиштвана видную роль в «русской Генуе» играл бывший моряк, впоследствии инженер генуэзских верфей Павел Васильевич Коропцов. Именно он организовал православный церковный комитет под председательством консула Королевства Сербии и инициировал в апреле 1927 г. обращение в парижское Епархиальное управление. По благословению митрополита Евлогия в Геную с 1927 г. приезжал служить протоиерей Иоанн Лелюхин (1883–1945), прежде настоятель кафедрального собора Архангельска, а в эмиграции — настоятель Христо-Рождественского храма во Флоренции. Видную поддержку становлению общины оказывал судовладелец А. Н. Власов, один из владельцев компании «Sitmar», однако после переезда старосты общины в 1933 г. в Милан и командирования о. Иоанна Лелюхина в 1935 г. во Францию жизнедеятельность общины приостановилась.

На рубеже 1940-х — 1950-х гг. православные богослужения в Генуе возобновились: они шли на периферии Генуи, сначала в районе Пельи, затем в Вольтри, при местном францисканском монастыре. Паству, пополнившуюся из числа так называемых перемещенных лиц, окормлял живший под Генуей священник Евгений Аракин (1886–1957), бывший также настоятелем русского храма в Сан-Ремо. Участник Первой мировой и Гражданской войны в рядах Добровольческой армии в чине полковника, он эмигрировал в Сербию, в конце Второй мировой — в Италию, был в 1946 г. принят в состав клира юрисдикции митрополита Евлогия. В Генуе о. Евгений окормлял некоторое время и греческий приход. В начале 1950-х гг. о. Евгений Аракин перешел в юрисдикцию РПЦз (в одном письме он объяснял это тем, что «давал присягу царю»). Однако переход этот не был одобрен его прихожанами в Лигурии, и ему пришлось ухать на юг Италии, в местечко Портичи под Неаполем, где и он скончался.

После перерыва на рубеже 1950-х — 1960-х гг. таявшую русскую общину стал окормлять настоятель Св.-Николаевской церкви в Милане, приехавший оттуда протоиерей Аполлон Сморжевский. Службы совершались в греческой церкви, где община хранила сосуды для литургии, облачения, паникадила и проч.³¹⁹ С 1950 г. о. Аполлон являлся благочинным приходов Русского Экзархата Константинопольской Патриархии в Италии.

Следующим настоятелем русской общины в Генуе стал преосвященный Сильвестр (Харунс Иван Антонович), епископ Мессинский (1914–2000), по национальности латыш. Выпускник парижского Св.-Сергиевского богословского института, с 1956 г. он вступил в должность викария юга Франции и Италии с местопребыванием в Ницце. При его настоятельстве община наладила тесное сотрудничество с русской церковью в Сан-Ремо, откуда приезжал опытный чтец П. М. Юркевич. В 1963 г. епископ Сильвестр уехал в Канаду, и на его место был назначен протопресвитер Валент Георг

3. Лагеря Ди-Пи

гиевич Роменский (1900–1978). Участник Гражданской войны и выпускник Св.-Сергиевского Богословского института, он с 1963 по 1970 гг. являлся благочинным приходов Русского Экзархата на юге Франции и в Италии.

Старостой общины вновь стал П. В. Коропцов, вернувшийся из Милана в Геную. Вот как он описывал обстановку того периода в письме в Ниццу к о. Валенту Роменскому от 25 марта 1963 г.:

В Генуе имеется уютная греческая домашняя церковь, в которой неоднократно совершали богослужения покойный о. Аполлон [Сморжевский] и покинувший нас епископ Сильвестр [Харунс]. Здесь имеется более 30-ти православных русских. (...) В помощники обычно приезжает П. М. Юркевич. Причащающихся будет, вероятно, около десяти человек. Я буду очень признателен, если Вы сможете привести 12–15 просфор, потому что в С. Ремо их приготовляет мадам Стансфильд³²⁰ и я предпочитаю это избежать³²¹.

После кончины Коропцова в 1964 г. деятельность генуэзской общины на-долго прервалась.

3. Лагеря Ди-Пи

Второй волне эмиграции предшествовал необычный феномен «Казачьей земли» в Италии.

В конце июля — начале августа 1944 г. на железнодорожных станциях Карнии и Понтеббы высадилось около 20 тысяч иностранных солдат — казаков, под командованием гетмана Тимофея Ивановича Доманова, и кавказцев, преимущественно кавалеристов, под командованием генерала Султан-Гирея Клыча. Казачьи отряды расположились в Джемене, заняв крепость Озоппо и поселок Амарио, где поселились члены их семей. В сентябре 1944 г. в этом районе появился еще один казачий контингент, с гетманом Андреем Григорьевичем Шкуро во главе. С ним прибыло немало беженцев из числа гражданского населения, разместившихся в Алессо, Каваццо и Толмеццо. Небольшие группы казаков обосновались также в Казарсе, Буе, Майано, Сан-Даниеле, Чивадалезе (кавказцы расположились чуть севернее; их ставкой стала Палуцца). На север Италии приехал и 76-летний атаман Петр Николаевич Краснов, устроивший главную ставку в местечке Верценьис³²². Он уделил большое внимание организации церковной жизни Казачьего Стана и в частности выступал за официальное учреждение отдельной Казачьей епархии во главе с архиепископом или даже митрополитом.

Немецкие оккупационные власти вынудили местных жителей принять казаков или вообще отдать им свои дома, что неизбежно вызывало стычки и акты насилия. Итальянские поселения теперь назывались станицами: казачий центр, Алессо, стал Новочеркасском, причем его главную площадь наименовали площадью атамана Платова, а одну из магистральных улиц — Балаклавской, в память о победе казаков над английским отрядом во время Крымской войны. Из итальянцев в «Новочеркасске» остался только хлебопек и переводчик — всех остальных прогнали. Подобные ситуации сложились и в Каваццо, Джемоне, Озоппо и др. Казачье командование обратилось к итальянцам с воззванием, где пыталось разъяснить свою главную задачу — борьбу с большевизмом: «вы сражаетесь против фальшивой иудео-коммунистической доктрины, (...) теперь и мы, казаки, сражаемся с этой мировой чумой везде, где ее встречаем: в польских лесах, в югославских горах, на солнечной итальянской земле»³²³.

Осенью 1944 г. в каждую станицу или округ был назначен священник. Богослужения сначала шли под открытым небом, при первой возможности сооружали походные церкви, писали иконы, вырезали кресты, жечь от консервных банок шла на нимбы (перед одним из таких иконостасов до сих пор служат в церкви в Виллахе, Германия). Через несколько месяцев при штабах всех полков уже имелись походные церкви с хорошими любительскими хорами певчих. В тех городках, откуда выселили местных жителей, богослужения совершались и в реквизированных католических храмах, где нередко происходили венчания молодых казаков и казачек. При этом Краснов отмечал:

В настоящее время казаки с их семьями устраиваются на жизнь в Северной Италии на отведенной им и отвоеванной у партизан земле. Налаживается и их духовная и церковная жизнь. (...) Соответственно делению Казачьей земли на три округа: Донской, Кубанский и Терско-Ставропольский создано три благочиния и назначены благочинные. Устраиваются церкви. (...)

Является необходимость в назначении им Пастыря-Епископа; в создании особой Донской-Кубанской и Терско-Ставропольской епархии. На 2-м съезде духовенства Казачьей Епархии, 2-го октября 1944-го года в городе Джемона, в Италии — съезд духовенства просит о назначении архиереем Казачьей Епархии епископа Афанасия (Мартоса), бывшего Новогрудского, с которым духовенство казачье находится в молитвенно-каноническом общении. За время пребывания казаков в Белоруссии летом этого года казаки сжились и полюбили Епископа Афанасия³²⁴.

3. Лагеря Ди-Пи

В результате 2 января 1945 г. Архиерейский Синод, рассмотрев ходатайство Краснова, постановил возвести в сан протопресвитера с правом ношения митры протоиерея Василия Григорьева, «который фактически организовал церковную жизнь в казачьих поселениях, управляет казачьим духовенством и в будущем явится ближайшим помощником епископа».

Тем временем на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. Сталин добился от Рузвельта и Черчилля согласия на выдачу всех «предателей», о чем казаки в Италии, естественно, не знали. Когда казакам стало ясно, что капитуляция Германии неизбежна, они решили уйти в Австрию, надеясь на почетную капитуляцию союзникам. В общей сложности, вместе с членами семейств, в тот момент их насчитывалось около 40 тысяч. В самом начале отступления казачья армия была атакована партизанами (при местечке Оваро), что ее не остановило, но однако вызвало вспышку насилия против местных жителей на перевале горы Кроче-Карнико. В Австрии казаки сдались английскому командованию, выдавшему их советской стороне: некоторые во избежание безжалостного возмездия покончили самоубийством.

Часть казаков-красновцев, однако, сумела укрыться в Италии; вместе с другими соотечественниками, не желавшими репатрироваться в СССР, они вошли в состав «перемещенных лиц», Ди-Пи [от англ. displaced persons]. Их делами, в первую очередь устройством лагерей и отправкой из Европы за океан, занималась IRO [International Refugees Organisation] — Международная организация по делам беженцев и перемещенных лиц, учрежденная в 1946 г. и действовавшая до 1952 г.

О положении Ди-Пи в Италии оставил развернутое литературное свидетельство Б. Н. Ширяев. Упоминает он и о религиозной жизни в лагерях Ди-Пи:

Стадо русских беженцев, хлынувших в Италию, группировалось в ней вокруг двух центров: церкви и газеты. В этих кружках первобытные беженцы превращались в российских политических эмигрантов. В лагерях ИРО, где всё на виду, этот процесс был особенно заметен.

Русской церкви не было ни в Пагани³²⁵, ни в соседних лагерях: Вилла Альба, Марина, Сант-Антонио. В православном храме Пагани служил сербский священник и пел русский хор. Его регентом был «старый» эмигрант Михаил Михайлович, когда-то учившийся в семинарии, пели в нем, главным образом, «новые» казаки, еще помнившие слышанную в церкви службу, а его солистами состояли Татьяна Михайловна и доктор, не только «новые», но и молодые, услышавшие церковное пение только здесь. Услышали и сами запели, да как еще запели...³²⁶

Вот как описывает мемуарист панихиду в лагерной церкви по убиенной царской семье:

В маленькой церковке лагеря Пагани служили панихиду по Мученике Российском Царе. В то время там подобрался хороший хор. Председатель местной монархической организации синьор Сальваторе Розалио пришел на эту службу.

Очень милый, рядовой итальянский провинциал, владелец кондитерского заведения, он взял поданную ему свечу и стал внимательно слушать «русскую мессу».

— Николая, Алексия, Александры...— ловил он знакомые звуки имен. Это было просто и понятно, но вдруг иные, незнакомые, непонятные ему, неаполитанцу, звуки полились в стенах маленькой бедной церкви, захватили и понесли куда-то в безбрежную высь Духа его маленькую душу фабриканта леденцов.

— Со святыми упокой...

И взвилась эта душа выше господствующей над всем Пагани кампанилы св. Альфонса, выше вершин видного с его улиц Везувия...

...Христе, души раб Твоих...

Куда летала она, этого не знал синьор Сальваторе Розалио, кондитер. Не знал он и того, почему крупные слезы покатались по его обожженным южным солнцем щекам, почему, выходя с панихиды, не мог вымолвить слова он, неаполитанец, никогда не закрывающий своего рта³²⁷.

Самый большой лагерь Ди-Пи, с названием Сан-Сабба, возник под Триестом. В лагерной церкви, посвященной св. Николаю Чудотворцу, служил и постоянный священник — иеромонах Спиридон (в миру Никодим Васильевич Ефимов), бежавший в 1950 г. из Югославии. Именно в Триесте по желанию архиепископа Иоанна Шанхайского (тогда Брюссельского и Западно-Европейского) в 1951 г. Никодим Ефимов принял постриг с именем Спиридона. Помимо настоятельства, он служил законоучителем в русской гимназии при той же церкви³²⁸.

Воспоминания о лагере Сан-Сабба оставила дипийка Н. В. Буткова:

Узнали, что можно попасть в американский военный лагерь в Триесте. Многие кинулись туда, и мы тоже. Бросив все, только с чемоданами и двумя маленькими детьми (полтора и двух с половиной лет), отправились в полную неизвестность. На границе с Италией нас сняли с поезда и на грузовиках повезли в лагерь. Он был над морем, в горах, окружен колючей проволокой. Позже нам позволили выходить куда

удобно, но на ночь — домой. Поместили нас в палатках, настроение было подавленное; позади горе, а впереди — кто знает, что ожидало нас впереди?..

Прошло несколько дней, настала суббота, и все зашевелились, как же быть без церковной службы? Среди нас был молодой батюшка, нашелся регент — составили хор, в кадило набрали еловых шишек. Все собирались на опушке, на середину поставили столик со свечкой, и началась всенощная. Никогда я не забуду этой службы. Пришли старики, дети, молодежь... Лица у всех сосредоточенные, многие недосчитались родных, за душой ничего, впереди тайна.

Тихо наступил вечер, на синем итальянском небе зажглись звезды, воздух был теплый, птицы чуть попискивали, замолкая на ночь. Запел хор, и казалось, что никогда так хорошо не пели. Когда начали «Свете Тихий...» меня что-то как ударило по сердцу, и сердце успокоилось: «Господи, ты ведь с нами, и ни один волос не упадет с головы без Твоей воли». Слезы сами полились; кругом многие плакали, а на душе было легко.

Жили мы в палатках до осени, потом задул северо-восточный ветер, и палатки сдуло. Нас перевели на окраину Триеста в деревянные бараки по 60 человек. Один барак уступили для церкви. Закипела работа: художники начали писать иконы, из парашютов шили облачение. Парашют надо было распороть — нитки сохранить (какой прекрасный шелк), и шили облачение. Собрался чудный хор, при церкви устроили школу, потом гимназию, где преподавали по-русски. Зима была холодная, на столике замерзала вода, но всё шло хорошо — никто из детей не заболел. Все удобства были на дворе, стирать тоже приходилось под открытым небом³²⁹.

Помимо лагеря Сан-Сабба в Триесте, русские походные церкви появились в Латине и в Капуе: их окормлял проживавший в Риме архимандрит Амвросий (Погодин).

С закрытием лагерей, к середине 1950-х гг., беженские храмы прекратили свое существование — за исключением Никольской церкви в Торре-Пеличе: по сути дела она стала преемницей церкви в лагере Сан-Сабба.

4. Торре-Пеличе

В 1950-х гг. группа эмигрантов нашла приют на севере Пьемонта: здесь, в городке Торре-Пеличе (точнее, в его предместье Лузерна-Сан-Джованни), над беженцами взяла покровительство протестантская Вальденская Церковь, имевшая тут собственную историческую столицу. Вальденсы, сами веками

преследуемые со стороны папства, проявили особую чувствительность в отношении русских и организовали для них центр, где истово береглись традиции дореволюционной России и где действовала православная церковь.

Прежде эти эмигранты жили преимущественно в Китае и в Югославии, однако с приходом там к власти Мао и Тито им пришлось сняться с насиженных мест и отправиться в поисках другого крова. Их делами занялся Всемирный Совет Церквей (в дальнейшем — ВСЦ), экуменическая организация, с резиденцией в Женеве. ВСЦ устроил в разных странах Европы — во Франции, Швейцарии, Западной Германии, Греции — ряд приютов для изгнанников. В Италии же непосредственную опеку над русским эмигрантами, по поручению ВСЦ, взял на себя так называемый Вальденский Стол [Tavola Valdese] — администрация Вальденской Церкви.

В 1954 г. в местечке Лузерна-Сан-Джованни, близ Торре-Пеличе, появился беженский приют «L'Uliveto» [Оливковая роща]³⁵⁰. Там поселилось 17 эмигрантов, разного возраста и социального происхождения, прежде они находились преимущественно в лагере Сан-Сабба под Триестом. Местный еженедельник «Il Pellice» сообщал: «Открыт очаг для политических беженцев из-за „железного занавеса“. Он получил символическое название „L'Uliveto“, ибо представляет собою дом мира, столь нужного людям, измученным драматической судьбой. Для укрепления символического звучания при приюте действительно посажено несколько оливковых деревьев»³⁵¹. Решение об устройстве приюта было принято годом раньше, когда ВСЦ, озабоченный трагической судьбой русских беженцев, получил от Вальденской Церкви согласие на содействие. Тогда же на средства ВСЦ в местечке Лузерна-Сан-Джованни у местного жителя Блейхера приобрели небольшую виллу — двухэтажное красивое строение, с садом, огородом и виноградником³⁵².

К 1958 г. число опекаемых возросло настолько, что даже после расширения первого приюта места в нем не хватало. ВСЦ поручил Вальденскому Столу подыскать для приюта новое, более обширное, здание. В качестве такового была выбрана старинная постройка, появившаяся в Лузерна-Сан-Джованни в XVIII в.: позднее она стала собственностью вальденса Жана-Данэля Пейро, эмигрировавшего в Голландию (отсюда название Голландская вилла). Именно Голландскую виллу вальденсы и предложили переоборудовать под новый приют для русских. ВСЦ дал согласие и выделил средства на приобретение здания, на имя Вальденского Стола.

Двадцатого апреля 1958 г. новый приют, сохранивший старое имя, Вилла Оланда, торжественно открыл двери для десятка первых его обитателей, прибывших из самых различных мест. Уже в следующем, 1959 году, тут проживало с полсотни людей. В 1961 г. вальденсы возвели небольшую пристройку и перевели туда беженцев, проживавших прежде на «L'Uliveto».

Всего на Голландской вилле существовало около 60 комнат; в нескольких стояло по две кровати — для супругов, или для компаньонов, желавших жить вместе. Местный журналист передает свои впечатления:

Вместе с директором Виллы Оланда мы заходим в комнаты, приютившие героев легендарного прошлого. В небольших помещениях сохранился дух насыщенной жизни. Стены покрыты фотографиями — единственными сокровищами, которые удалось унести с собою беженцам. На фотографиях — и сами жильцы, с молодыми лицами, и их друзья, близкие. Повсюду — иконы и портреты царя Николая II. По углам — маленькие алтари с богородичными иконами и лампадами³³³.

При вилле был оборудован санитарный пункт; существовала неплохая библиотека с книгами на русском и других европейских языках. К сожалению, она не сохранилась — среди обитателей приюта существовала привычка дарить книги навещавшим им людям, так как ничего иного они не могли дать.

Постепенно сформировалась уникальная община, куда входили дворяне (к примеру, князя Оболенские), военные, разночинцы, крестьяне. Ряд биографий удалось восстановить.

Ольга Жигина (1894–1982), жена офицера, певица-любительница (сопрано), родилась в Одессе, обучалась в юности музыке, но мечту о музыкальной карьере оставила после замужества. В Петербурге, а также в эмиграции давала уроки игры на фортепьяно. Во время Первой мировой войны служила медсестрой. После революции бежала в Югославию, где вновь встретилась с мужем и где в 1921 г. у супругов родились близнецы, Александр и Ирина, а затем в 1925 г. — дочь Надежда. Сама она позднее так рассказывала о работе жизни, приведшей ее в Италию:

Мой муж служил царским офицером. Во время революции он, не могший нарушить присягу царю, был арестован и подвергнут ужасным пыткам. Ему удалось сбежать из тюрьмы и добраться до Харькова, я же скрывалась в Петербурге — меня искали большевики, желавшие отомстить за бегство мужа. Несмотря на ряд опасностей мне тоже удалось бежать — в Югославию. Так для меня началась беженская судьба. Однако и там началась революция, и я снова была вынуждена искать убежище, пока не нашла его в Торре-Пеличе³³⁴.

Сергей Томский-Попов (р. 1890), популярный в России опереточный певец. В приюте исполнял функции церковного старосты, а из-за редких приездов священника, по воскресеньям и праздничным дням один читал

в храме псалмы. В ряде документов титулуется «диаконом», хотя вряд ли он действительно был рукоположен.

Борис Крутьев (1895–1986), уроженец Харькова, из дворян, офицер царской армии. В эмиграции пробовал силы в живописи (в России некоторое время учился в Академии художеств) и в литературе: почитателем его новелл была, по его словам, бельгийская принцесса Паола. В 1946 г. в беженском лагере Сан-Сабба под Триестом, став к тому времени вдовцом, встретил свою юношескую любовь Валентину, бывшую балерину Большого театра, и женился на ней. Журналист Этторе Боффано так описывал встречу с Крутьевым:

В его комнате на Вилле Оланда пожелтевшие фото и этюды в темпоре окружают уголок с иконами Божией Матери и Христа. Посетителям Борис показывает фотографию улыбающегося офицера, говоря: «Вот наш царь-батюшка. Красные убили его в Сибири как собаку»³³⁵.

Крутьев стал последним русским жителем приюта.

Галина Семкова (1897–1986), из крестьян, служанка князей Оболенских, вместе с которыми эмигрировала из России. Первоначально обосновались в Гонконге; в Торре-Пеличе — с 1959 г. Когда князь Николай Оболенский с супругой и тремя детьми отправился далее, в США, Семкова предпочла остаться в Италии.

Василий Скроцкий (р. 1878), гусарский полковник, спортсмен, обладатель серебряной медали Олимпиады 1912 г. Во время Первой мировой войны командовал полком сибирских стрелков, получив прозвание «самая быстрая русская винтовка». Первоначально эмигрировал в Маньчжурию и в Гонконг. Завещал похоронить себя в военном мундире.

Директор приюта Франко Пеиронель сообщал о своих подопечных:

Русские мечтали вернуться на родину, но боялись, что будут там репрессированы. Новости они получали через единственный канал — из Парижа, откуда регулярно приходил церковный журнал и газета с хроникой. Никто из них никогда и не подумал обратиться к дипломатам с просьбой разыскать родных или помочь возвращению домой. И спустя полвека после революции они не хотели контактировать с советскими властями, не хотели ничего знать об успехах СССР — Россия для них закончилась в 1917 г. и застыла в той, дореволюционной форме.

Спустя годы, за тысячу километров от родины, они, несмотря на общую тяжелую долю, сохраняли сословные разделения. Все жили на пожертвова-

4. Торре-Пеличе

ния, но, тем не менее, существовали разные кружки, например, кружок лиц благородного происхождения, или компания художников — и они не общались с бывшими крестьянами³³⁶.

И другие представители Вальденской Церкви указывали на социальное разделение жителей приюта, создававшее проблемы даже административного характера. Лишь по большим праздникам — на Пасху, Рождество, престол (Николин день) — все объединялись в одну общину, ломая установившиеся барьеры.

На Вилле Оланда беженцы начинали новую жизнь, обращаясь к самым простым делам. Мужчины трудились преимущественно в саду и огороде; женщины посвящали себя домашнему хозяйству и готовили еду для общей столовой.

Торре-Пеличе. Игумен Амвросий (Кассинаско) и автор книги. Папихида у могил жильцов Русского Дома. 1998 г.

Вместе с тем, жизнь приезжих была совсем не идиллической — в подавляющем большинстве это были пожилые люди, которым было тяжело заниматься сельским хозяйством и которые сами нуждались в уходе. В отчете, написанном в ноябре 1964 г. пастором Эрманно Ростаном для Вальденского Стола, описывается низкая трудоспособность жителей Голландской виллы. Указывалось и на их преклонный возраст и половую диспропорцию — всего 15 мужчин. Документ заканчивается фразой: «Ясно, что это — не только дом для престарелых, но и больничное отделение»³³⁷.

Отдельные представители колонии все-таки старались не прекращать трудовой деятельности. Борис Крутьев рисовал и писал рассказы, Ольга Жигина давала уроки русского и игры на фортепьяно, работали и ее дети (Надежда — служанкой, Александр — скотоводом и садовником). В 1960 г. администрация приюта организовала выставку-продажу рукоделий и сельскохозяйственной продукции эмигрантов.

Однако большинство русских не могло обеспечить собственное существование, и эта проблема стала первоочередной для его дирекции. Каждый год директор составлял сметы, где указывал доходы учреждения (всегда низкие) и расходы (всегда высокие). В подобных отчетах указывались и благодотворители — учреждения и частные лица, жертвовавшие на приют, и даже имена тех, кто просто нанес визит на Виллу Оланда с целью моральной поддержки изгнанников.

Среди жертвователей указаны Вальденский Стол, ВСЦ, Администрация помощи итальянцам, церковные общины, медики, приславшие лекарства и посещавшие больных, и т. д.

Жители Виллы Оланда пытались приноровиться к новым условиям и традициям, одновременно стараясь познакомить окружающих с обычаями далекой России. Те, кто был в состоянии, часто уходили в город и там, в кафетериях и барах, общались с местным населением. Крутьев объездил на велосипеде все окрестности, предлагая свои рисунки и картины. Жигина славилась умением изготавливать особую настойку — на базе спирта, сахара, лимона и ячменя, которая, впрочем, не нравилась местным жителям.

В результате беженских перипетий русскими владел постоянный страх, что они могут остаться без пропитания. Директор Франко Пеиронель в одной записке рассказывал, что за обедом многие, съев первое блюдо, прятали второе в специально приготовленные пакеты. На вопрос, зачем это делают, отвечали: «А если завтра не будет еды?»³³⁸.

Различные комплексы, депрессия и ностальгия иногда находили выход в виде мелких стычек с соседями. Следы этого встречаются в отчетах директоров: «дисциплина в целом была хорошей, в случае нескольких инцидентов твердо вмешался директор», «из-за характера нескольких человек или из-за

их вредных привычек возникло несколько трудных ситуаций», «жизнь небольшой общины протекала безмятежно, за исключением нескольких облачков, покрывших на краткий срок небо»³³⁹.

Одним из главных аспектов жизни эмигрантов стал религиозный. Почти все они были православными, и Вальденская Церковь взяла на себя заботу по достойному удовлетворению их духовных нужд. Как и большинство эмигрантов в Азии и в Югославии, жители приюта вошли в юрисдикцию РПЦз. Им достаточно быстро удалось найти контакты с представителями РПЦз в Швейцарии и в Риме³⁴⁰. Необыкновенно важным для них стало оборудование церкви.

По предложению пастора Комба для этой цели выделили кирпичный павильон в саду. Беженцы с необыкновенным энтузиазмом взялись за внутреннее убранство новой церкви: принесли личные иконы, соорудили иконостас. В сентябре 1959 г. новый православный храм был освящен — в честь св. Николая Чудотворца, так же как и в лагере Сан-Сабба. Его первым настоятелем стал протоиерей Игорь Троянов (1900–1976), постоянно проживавший в Лозанне.

Отец Игорь приезжал на Виллу Оланда почти каждый месяц. Помимо этих богослужений в его пастырские обязанности входило отпевание скончавшихся беженцев, а в 1963 г. он провел тут редчайший обряд, венчание. В его отсутствие храмом заведовал чтец Сергей Томский-Попов. После того как в 1963 г. о. Игорь Троянов ушел на покой, настоятелем прихода был назначен архимандрит Амвросий (Погодин), служивший в то время в римской церкви. С 1966 г. настоятелем стал протоиерей Виктор Ильенко, также из Рима. Все эти священники приезжали с одинаковой периодичностью — приблизительно раз в месяц.

Четырнадцатого сентября 1965 г. на Вилле Оланда произошло выдающееся событие — ее посетил митрополит Филарет, глава Синода РПЦз, совершавший пастырскую поездку по Западной Европе. В Никольской церкви ему сослужил архиепископ Антоний Женевский и ряд священников.

В случае смерти жильцов Виллы Оланда их хоронили на городских кладбищах Торре-Пеличе и Лузерны-Сан-Джованни. Вальденсы рассказывали о похоронах Ольги Жигиной:

Мы погребли Ольгу без православного священника — дело было на Рождество, и он не мог оставить паству. Однако «настоящие» похороны произошли с приездом попа. Церемония продолжалась долго: священник ходил вокруг могилы, курил ладан. Молитвы читались исключительно на русском. На кладбище собрались все жильцы Виллы Оланда. Шел снег. Поминальную трапезу устраивала я, что оказалось

делом непростым: священник приехал в пятницу, в постный день, и русские могли есть только рыбу. Во время поминок пели религиозные песнопения³⁴¹.

То обстоятельство, что службы в Никольской церкви происходили лишь эпизодически, тяготило русских. В 1966 г. староста Томский-Попов послал в Вальденский Стол письмо:

Обращаюсь к вам от имени всех православных обитателей Виллы Оланда, которые из-за отсутствия православного священника в Риме лишены теперь рождественской и пасхальной служб, лишены исповеди, святого причастия, а в случае смерти — православного погребения. Не имея возможности содержать священника, молитвенно просим вас изыскать возможность для его пребывания здесь, и не только на несколько дней в году. Мы будем очень рады, если вы для этой цели свяжетесь с отцом Игорем Трояновым, самым первым нашим настоятелем, хорошо знакомым нашему уважаемому директору, пастору С. Колуччи. Уверены, что вы, как христиане, поймете, нас, других христиан, и примете во внимание нашу просьбу³⁴².

Однако Вальденский Стол не нашел финансовой возможности содержать постоянного православного священника на Голландской вилле.

Последними ее русскими обитателями стали Борис Крутьев и Галина Семкова. Когда в мае 1986 г. Семкова скончалась, Борис остался один, но он ненадолго ее пережил и умер в декабре того же года, в почтенном возрасте 91 года. Так закончилась история островка русских эмигрантов в вальденских долинах.

После смерти Крутьева из Швейцарии приехал православный священник.

В одно холодное утро на кладбище Лузерна-Сан-Джованни зазвучали слова древней молитвы. Затем русский священник отправился на Виллу Оланда, где в маленькой капелле, увешанной иконами, увезенными русскими с собою в изгнание, он провел еще одно торжественное богослужение в память последнего представителя исчезнувшей общины. Перед тем как вернуться в Швейцарию, он обратился к директору Виллы, Франко Пейронелю, за разрешением сжечь ненужные теперь элементы убранства: «Когда исчезает церковная община, мы делаем так всегда». Вечером костер, разложенный в саду, обратил в пепел воспоминания об изгнании, о страданиях и страхах³⁴⁵.

IX. В СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ*

География «русской Италии», сложившаяся к началу Первой мировой войны, оставалась неизменной до 1980-х гг., за исключением новых, обычно недолговечных, эмигрантских очагов в Турине, Милане, лагерях «перемещенных лиц».

Опорой православия в стране долго оставались пять храмов, появившихся на рубеже XIX–XX вв. — в Мерано, Сан-Ремо, Флоренции, Риме и Бари, — которые со временем стали называть «историческими» (или «monumentale», имея в виду их качества монументов, памятников).

Новое и неожиданное расширение этой географии произошло на рубеже 1970-х — 1980-х гг., причем за счет усилий не самой русской эмиграции, а коренных итальянцев, пришедших к православию и даже к священническому служению. Можно говорить о целом движении, в результате которого появились общины РПЦ МП в Турине, Милане, Модене, Болонье, Пистойе, Палермо, Франкавила-Фонтане. Они возникали в сложной обстановке и не могли рассчитывать на дружественные жесты со стороны Католической Церкви. Их устроители, православные клирики-итальянцы, сохранявшие обычно и свои мирские профессии, переоборудовали церковные залы из частных квартир, подвалов, гаражей и проч.

В конце XX — начале XXI в. благодаря массовой новой эмиграции (которую часто и, на наш взгляд, некорректно объявляют «четвертой волной») и формированию невиданной прежде в Италии православной диаспоры из бывшего СССР, география изменилась еще раз — теперь кардинально. Московский Патриархат командировал в Италию целую группу клириков, возглавивших новые и весьма многочисленные общины — в Неаполе, Катанье, Венеции, Милане и т. д. Изменилась и этническая «матрица» — в большинстве случаев основу приходов стали составлять украинцы, а также молдаване. Чаще всего католическое священноначалие смотрит теперь на это новое явление благожелательно, и даже способствует передаче православным пустующих католических храмов.

Изменилась и юрисдикционная ситуация: еще до воссоединения РПЦ с РПЦ МП приходы «зарубежной» Церкви в Италии практически исчезли —

* По состоянию на 2010 г.

за исключением маргинального прихода в Бари, а большинство общин, которые прежде входили в состав «парижского» русского экзархата Константинопольского Патриархата, ныне являются частью Патриархата Московского. Почти все вновь образуемые приходы также устраиваются в лоне РПЦ МП.

Важным символом новой эпохи для русского православия в Италии стало возведение посольского храма в Риме на Вилле Абамелек в первом десятилетии XXI столетия. Оно ознаменовало и возрождение государственного участия в делах Церкви, столь характерного для дореволюционной эпохи.

Приводим ниже краткие справки о русско-православных приходах в современной Италии.

1. Русская Православная Церковь (Московский Патриархат)

Ставропигиальные храмы

· в Риме ·

церковь Св. Николая Чудотворца виа Палэстро (via Palestro), 69-71

Первоначально посольский храм, учрежденный в 1803 г. и ставший приходским с 1929 г., разместившийся в историческом особняке княжны Чернышевой (см. гл. I, 3-4). В 2000 г. община перешла в юрисдикцию РПЦ МП.

Настоятель: архимандрит Павел (Фокин).

церковь Св. Екатерины Великомученицы вилла Абамелек, напротив железнодорожной станции Сан Пьетро (villa Abamelek, presso stazione S. Pietro)

Для вновь построенного храма выбран участок на территории посольской резиденции Российской Федерации — великолепной вилле Абамелек. Закладку совершили 14 января 2001 г. совместно епископ Иннокентий Корсунский и министр иностранных дел И. С. Иванов. Владыка зачитал обращение от патриарха Алексия: «...Надеюсь, что православный храм станет центром духовной жизни для всех, ищущих Бога и правды Его. Как и в Святой Земле наши православные храмы являются духовными маяками для живущих или временно пребывающих там наших соотечественников, так, верю, и сей храм станет тем местом, где найдет слова утешения и поддержки всякий оказавшийся в Риме православный человек». Министр, сказав, что «будущий храм видится как частица русской духовности и культуры в центре

Рима», разъяснил смысл посвящения: св. Екатерина — одна из самых почитаемых в России угодниц, небесный патрон двух российских императриц. Почитание великомученицы имело и государственный характер: более трех веков назад Петр I учредил в ее честь орден, оставшийся в истории России единственной женской государственной наградой. «Екатерина Александрийская получила блестящее образование и отличалась редкой красотой и умом, — заявил министр, — и неслучайно считается покровительницей философов и адвокатов — представителей профессий, наиболее близких к дипломатической: ведь любой дипломат в душе неизбежно философ, а в повседневной жизни — адвокат, защищающий интересы своей родины».

Строительство, начавшееся с лета 2003 г. по проекту московского архитектора А. Н. Оболенского в стиле шатровых храмов, завершилось 25 мая 2009 г. торжественным («великим») освящением. В цокольном этаже постройки устроена крестильная церковь во имя свв. Константина и Елены.

Настоятель: игумен Филипп (Васильцев).

· в Бари ·

*подворье Св. Николая Чудотворца
корсо Бенедетто Кроче (corso Benedetto Croce), 103*

Подворье, возведенное в 1913–1914 гг. по проекту А. В. Щусева, долгое время стояло незаконченным: главный его храм был освящен только в 1955 г. (см. гл. VII). В 2009 г. прежде муниципализированная постройка была передана по решению итальянского правительства российскому государству.

Настоятель: протоиерей Владимир Кучумов.

*Корсунская епархия.
Италийское благочиние*

· в Болонье ·

*церковь Св. Василия Великого
виа Сант-Иза́йя (via S. Isaia), 35*

Община, учрежденная в 1973 г. при участии о. Евлогия (Хесслера), получила от муниципалитета Болоньи в бессрочную аренду старинную церковь в центре города. Церковное здание, переданное православным, появилось в 1435 г. с посвящением св. праведной Анне. Его строителями были монахи-цистерцианцы. Храм возвели с целью поместить в нем ценнейшую

реликвию — часть главы св. Анны, полученную монахами в подарок от английского короля за участие в мирных переговорах между Британией и Францией по окончании Столетней войны. Впоследствии святыню увезли в Ватикан, но сегодня православным «по наследству» досталась частичка реликвии. Интерьер церкви подвергся сильной переделке, а сохранившиеся росписи в стиле позднего барокко принадлежат кисти местного художника Дж. Пиццоли (1716 г.). Наполеон, завоевавший в начале XIX века Болонью, вместе с другими итальянскими городами, провел тут жесткую секуляризацию и упразднил болонский монастырь цистерцианцев. С тех пор храм оставался закрытым.

Первым настоятелем новой православной церкви, освященной в честь св. Василия Великого, стал о. Евлогий, в то время клирик Московской Патриархии (впоследствии он перешел под юрисдикцию греческих старостильников, в т. н. Португальскую Митрополию еп. Гавриила, где был хиротонисан во епископа, а затем — к «киприановцам» и в т. н. Киевский Патриархат). Следующим настоятелем стал уроженец Флоренции Марко Давитти. Будучи в Нью-Йорке по профессиональным делам, он принял православие, а в 1971 г. был рукоположен во иереи епископом Константинопольского Патриархата. Однако его всегда тянуло к русской духовности, и, выучив русский язык, он стал служить на приходе Православной Церкви Америки, «дочери» Московского Патриархата. Когда о. Марк вернулся на родину, он произвел здесь маленькую сенсацию, став первым в современности православным священником-итальянцем. В том же 1975 г. Италию посетил митрополит Никодим Ленинградский, и о. Марк несколько дней служил ему переводчиком. Владыка благословил флорентийца подать официальное прошение на вхождение в Московский Патриархат и, рассчитывая на положительное решение вопроса, предложил служить в Болонье. Однако в судьбе ново-рожденной церкви произошел неожиданный поворот. Некоторые круги в Ватикане посчитали неприличным существование в Италии православного клирика местного происхождения. В итоге прошение о. Марка неожиданно было отвергнуто... После нескольких лет неопределенности, в 1978 г., он перешел в юрисдикцию РПЦз (Женевская епархия), сохранив за собой настоятельство в Болонье. В 1982 г. о. Марк принял монашеские обеты, став в следующем году игуменом, а в 1987 г. — архимандритом. Он сплотил общину, опираясь преимущественно на студентов из Греции, и службы здесь шли первоначально на греческом. Вместе с тем о. Марк не изменял своему изначальному влечению к русскому православию и, учитывая появление в Болонье нескольких оседлых русских — преимущественно, «русских жен», — с конца 1980-х гг. стал проводить службы и на церковно-славянском языке.

С середины 1990-х гг. болонский священник, придя к выводу, что у «зарубежной» Церкви нет будущего, стал тяготиться своим положением. Главным импульсом, изменившим впоследствии судьбу храма, стало восстановление храма Христа Спасителя в Москве. Итальянец, по его собственным словам, осознал, что в Русской Церкви наступила новая эпоха и что русским эмигрантским приходам нужно возвращаться в материнское лоно. В 1998 г. община святителя Василия Великого перешла под омофор Московского Патриархата. «Принятие» совершил митрополит Гурий, епископ Корсунский.

Настоятель: архимандрит Марк (Давитти).

· в Венеции ·

*община святых Жен Мироносиц
кампо Сан Дзан Дегола̀ (Campo San Zan Degolà), 1*

В 2002 г. группа верующих Венеции и области Венето обратилась к Св. Синоду Русской Православной Церкви с прошением благословить создание русской общины. Благословение было получено, и 8 октября 2002 г. решением Синода и указом Патриарха на приход был направлен настоятель.

Первые службы проходили в помещении культурной ассоциации «Друзья искусств» в предместье Местре, постоянный же «кров» у общины появился через несколько месяцев после начала богослужений: этим местом стала древняя — XI в. — церковь Усекновения Главы св. Иоанна Предтечи (San Giovanni Decollato, местн. диал. San Zan Degolà) в квартале Санта Кроче.

Община, паломничество, православное свидетельство — таковы основные направления деятельности прихода. Богослужение на приходе ведется в основном по-церковнославянски, но чтение ектений и Священного Писания происходит также по-итальянски и по-молдавски. Разъезды по близлежащим городам с праздничными поздравлениями, посещения мест встречи украинской и молдавской диаспоры — в основном, это скверы и парки в Местре, где каждое второе и четвертое воскресенье проводятся богослужения специально для тех, кто не может приехать в храм в Венецию — всё это составляющие миссионерской работы настоятеля и активистов прихода.

Кроме собственно приходских богослужений православные открывают для себя святыни Венеции: с разрешения католической стороны на мощах восточных святых совершаются молебны и Божественные Литургии. Так, 8 мая, в день памяти св. Евангелиста Марка, в кафедральной базилике у его мощей традиционно совершается Божественная Литургия. Вот уже

несколько лет 19 декабря и 22 мая Божественная Литургия совершается и у части мощей святителя Николая на острове Лидо*.

Настоятель: иерей Алексий Ястребов.

· в Генуе ·

*община Преображения Господня
салита делла Сета (salita della Seta), 3р*

Община, возникшая в лоне русской эмиграции первой волны, к началу 1960-х гг. перестала существовать (см. гл. VIII, 2).

В начале 1970-х гг. ее реорганизовал о. Евлогий (Хесслер). В 1974 г. он повел переговоры с муниципалитетом Генуи о выделении общине здания, в результате чего было получено бывшее складское помещение на корсо Монте Граппа (corso Monte Grappa, 108). Отреставрированное коммуной в июне 1976 г., здание было передано за символическую арендную плату православной общине. Службы проходили раз в месяц, официально храм был освящен только 11 мая 1980 г., когда была зарегистрирована и община, многонациональная по своему составу. Новый этап в ее жизни наступил благодаря Амброджо Боццо, глубоко заинтересовавшемуся православием и поступившему в Восточный Папский институт в Риме. Иеромонах Евлогий благословил Амброджо Боццо на очередную реорганизацию общины. Вскоре Амброджо Боццо принял священнический сан, но не в лоне Московского Патриархата, а в лоне РПЦз, в епархии епископа Антония (Бартошевича) из Жeneвы, что для прихожан из-за отсутствия связей с Россией было безразлично. При о. Амвросии литургии стали проводиться регулярно: по крайней мере, три раза в неделю, на четвертый он служил в Болонье, что позволяло тамошнему настоятелю о. Марку (Давитти) раз в месяц служить в Бари. Такой распорядок продолжался в течение нескольких лет. Когда о. Амвросий Броджо покинул юрисдикцию РПЦз и уехал в Латинскую Америку, община в очередной раз была распущена, но в начале XXI века собрана вновь, уже в составе РПЦ МП.

Приход, посвященный Преображению Господня, взял в аренду бывшее складское помещение в историческом центре города, близ порта.

Настоятель: иерей Иоанн (Джованни) Ла Мичела.

* Составлено настоятелем венецианской общины.

· в Мальяно-Альфьери (провинция Кунео) ·

*церковь Св. Анастасии Великомученицы
парк дела Рекончилиационе (parco della Reconcoiliazione)*

Идея сооружения церкви принадлежит художнику Петру Чахотину, поселившемуся в провинции Кунео в 1986 г. Проект стал составной частью миссии «Св. Анастасия — надежда на мир», благословенной патриархом Алексием: через почитание Великомученицы Анастасии, общехристианской святой, принявшей в начале IV в. кончину на территории Балкан, было решено нести примирение в Европе, в первую очередь — между воюющими народами бывшей Югославии. В лоне этой миссии в средневековом храме св. Анастасии в пьемонтском местечке Сале-Сан-Джованни прошли русско-итальянские реставрационные работы, а в верхневолжском селе Учма возвели деревянный храм во имя Великомученицы. Таким образом, и новой русской церкви в Мальяно-Альфьери было предуготовано посвящение именно св. Анастасии Узорешительницы (и Примирению, как храм официально назван).

Город Мышкин Ярославской области выделил лес, а два опытных плотника, Александр Исаев и Василий Теркин, срубили традиционную клетскую церковь. Фирма «Амброзетти» организовала и оплатила перевоз материалов в Италию. Собрать храм в Италии русским плотникам помогли местные мастера. В конце июня 1997 г. в Маньяно-Альфьери из Парижа прибыл владыка Гурий Корсунский. К Преосвященному присоединился северо-итальянский православный клир, и 29 июня 1997 г. церквушка была освящена (эту именно церковь, с алтарем, из-за ее миниатюрности многие стали титуловать часовней, капеллой). Не имея собственного прихода, она стала приписной к русско-православной общине в Милане.

Настоятель: игумен Димитрий (Фантини).

· в Милане ·

*церковь Свв. Сергия Радонежского, Серафима Саровского
и Викентия Сарагосского
виа Джулия (via Giulia), без номера*

Устройство новой церкви Московского Патриархата произошло благодаря личной инициативе православного миланца о. Димитрия (Фантини). Врач по профессии, специалист по ортопедии и травматологии, он был увлечен красотой православия во время туристической поездки в Россию, в особенности — при посещении Свято-Сергиевой лавры. В 1976 г. о. Димитрий

вступил в общину св. Николая (Московский Патриархат), окормляемую о. Евлогием (Хесслером), а после ухода последнего в раскол «оказался без церкви», по его собственным словам.

В 1980 г. владыка Серафим (Родионов), епископ Цюрихский, викарий Экзархата Московского Патриархата в Западной Европе, посвятил Джузеппе Фантини в сан иеромонаха, с именем Димитрий и с благословением на учреждение новой общины. Пришлось всё начинать заново, исключительно своими силами и весьма постепенно, при этом о. Димитрий не оставлял своих профессиональных занятий. Сначала, с августа 1983 г., о. Димитрий после нового паломничества в Россию (и Украину), совершенного по приглашению митрополита Филарета, экзарха Западной Европы, стал служить во Всехсвятской церкви в Модене. Ему сослужил православный моденец, диакон Георгий Арлетти, до тех пор, пока владыка Серафим не посвятил отца Георгия Арлетти в сан иерея. С ноября 1984 г. по май 1985 г. о. Димитрий сослужил в миланской румынской церкви (настоятель о. Траян Вальдман). При этом его никогда не покидала мысль об учреждении в Милане общины, принадлежащей русской традиции.

После безрезультатных обращений в различные светские и религиозные инстанции с целью обрести подходящее место для богослужений, о. Димитрий снял в аренду помещение на виале Тройя, в том же доме, где жил сам (прежде оно использовалось для коммерции). Одна из комнат была переделана под церковь, причем большую часть икон написал опять-таки сам о. Димитрий. Храм был посвящен великим русским святым: преподобным Сергию Радонежскому и Серафиму Саровскому. В воскресенье 10 ноября 1985 г. в нем была совершена первая Божественная Литургия. 22 декабря того же года указом преосвященного Серафима о. Димитрий был назначен настоятелем храма. На первых порах новому батюшке помогал другой православный священник, о. Павел Шиалес (Paolo Sciales), посвященный в сан иерея владыкой Серафимом еще в 1979 г. Однако в 1993 г. о. Павел покинул приход (по благословению владыки Гурия) и перешел в миланскую греческую церковь Константинопольского Патриархата. Во второй половине 1980-х гг. в общине состоял и третий священник — иеромонах Георгий (Рафаэлли), рукоположенный в мае 1985 г. в Модене и ушедший на покой в 1990 г.

Приходская жизнь стала обретать более определенные формы: ее устроители, итальянцы по культуре, православные по вере, были открыты к верующим любых национальностей, и в общине появились русские, украинцы, сербы, греки, болгары. Каноническое положение в лоне Московского Патриархата и любовь к русской духовной культуре привлекали в церковь многих миланцев. Отцы Димитрий и Павел стали принимать участие в раз-

личных межконфессиональных контактах как представители Русской Церкви. С начала 1990-х гг. состав общины существенно расширился. Важную роль в ее жизни в 1994–1998 гг. играл староста прихода писатель-богослов Владимир Зелинский (в 1998 г. он был рукоположен в диакона в лоне Архиепископии русских приходов Константинопольского Патриархата и покинул миланскую общину, основав новую в Брешии, городе, где живет). В сентябре 1995 г. в признание пастырских заслуг о. Димитрия он был возведен указом Св. Синода в сан игумена.

Новое качество жизнь прихода обрела после переезда в июне 1996 г. из прежнего тесного помещения на периферии Милана в прекрасную капеллу св. Викентия, в самом центре города, близ Кастелло Сфорцеско. Прежде эту бывшую католическую капеллу арендовала православная румынская община, а когда эта община получила в свое пользование более обширный храм, ее настоятель, о. Траян Вальдман, хорошо знающий о. Димитрия, порекомендовал его владельцам капеллы (арендная плата имеет почти символический характер).

Историческое убранство капеллы было дополнено иконостасом и иконами (иконы для церкви написали две русские художницы). Ценным подспорьем оказался просторный зал в подполье, где теперь проводятся совместные трапезы, занятия воскресной школы.

С переездом православной церкви на новое место к ее титулованию прибавилось имя св. Викентия Сарагосского, которому была посвящена капелла. Этот испанский священномученик жил в III–IV вв., и принадлежит еще неразделенной Церкви (имя мученика Викентия Валентийского включено и в русские святцы под датой 11 ноября ст. ст.).

В 1997 г. к миланской общине была приписана небольшая деревянная церковь св. Анастасии в Мальяно-Альфьери (провинция Кунео), не имеющая своего прихода.

Настоятель: игумен Димитрий (Фантини).

церковь Св. Амвросия Медиоланского

лаго Корсиа деи Серви (largo Corsia dei Servi, presso chiesa S. Vito), 4

За суперсовременными фасадами миланского корсо Европа притаилась жемчужина церковной архитектуры, храм Св. Вита, впервые упомянутый еще в начале XII в. В XVI в. на средства прихожан в нем был устроен новый главный алтарь, а в 1621–1625 гг., храм капитально перестроили в классическом стиле. С 1925 г. старинная община св. Вита прекратила свое существование, и храм стал приходить в упадок. Однако в 1960-е гг. семья промышленников Фальков пожертвовала крупную сумму на реставрацию церкви,

которая закончилась только в 2001 г. В итоге старинная постройка вошла в состав собственности миланской курии. Однако католического прихода тут так и не возникло — городская жизнь в старинном квартале Пасквироло уже сильно изменилась. В 2007 г. у отреставрированного храма начался новый этап истории: миланская курия передала его православной общине.

Настоятель: протоиерей Николай Макар.

· в Модене ·

церковь Всех Святых

пьяцца Либерационе (piazza Liberazione), без номера

Ядро православной общины в Модене (провинция Эмилия-Романья) сформировалось в конце 1960-х гг.: оно состояло из студентов медицины, преимущественно греков, обучавшихся в Модене. Впоследствии к ним присоединились другие православные разных национальностей, включая итальянцев. В 1984 г. один из них, Джорджо Арлетти, был посвящен в сан иерея владыкой Серафимом Минским. В том же году община сняла в аренду бывшую католическую церковь. Много икон для моденского храма написал выдающийся современный греческий иконописец Василий Халкидитис. Список с чудотворной Моденской иконы Божией Матери был написан иконописцем Еленой Мень, дочерью убиенного священника, проживающей в Болонье (первоначальная Моденская икона была увезена из этого города в Россию посланником Петра I графом Б. П. Шереметевым и широко чтится в России).

Настоятель: протоиерей Георгий Арлетти.

· в Неаполе ·

церковь Св. Апостола Андрея Первозванного

виа Леопольдо Родино, 20 (via Leopoldo Rodinò, 20)

Возрождение православной жизни в Неаполе связано с деятельностью владыки Иннокентия, который в 2001 г. в ответ на обращение русских и украинских жителей Неаполя и его окрестностей направил благочинного итальянских приходов протоиерея Антония Лотти организовать там православную миссию и подготовить приезд в 2002 г. будущего настоятеля о. Андрея Бойцова. С этого времени в Неаполе регулярно ведутся богослужения на церковно-славянском языке. Несколько лет многочисленная община являлась «гостьей» церкви Сан Никола аль Нило на Спакканаполи. Однако в октябре 2007 г. произошло важное событие — неаполитанская курия пере-

дала в постоянное пользование общине Московского Патриархата старинный храм братства Божией Матери «Благого Успения» (arciconfraternita di S. Maria del Ben Morire). Он расположен в центре города, на парадном корсе Гумберта Первого (corso Umberto I), угол виа Тари, рядом с университетом — самым красивым зданием на проспекте, со сфинксами.

Настоятель: иерей Андрей Бойцов.

· в Равенне ·

*церковь Покрова Божией Матери
виа Кандиано (via Candiano), 1*

Здание храма, бывшая католическая церковь, приобретено в 2009 г. для общины РПЦ МП усердием настоятеля прихода г. Болоньи архимандрита Марка (Давитти). 18 октября того же года архиепископ Иннокентий Корсунский совершил чин малого освящения храма, после чего была отслужена Божественная Литургия, за которой клирик прихода св. Василия Великого, диакон Сергей Аверин был рукоположен в сан священника. В своем слове владыка Иннокентий отметил исторический характер состоявшегося события и его исключительную важность для православия в Италии.

Настоятель: иерей Сергей Аверин.

· в Турине ·

*церковь Св. Максима Туринского
страда Валь Сан-Мартино (strada Val San Martino), 7*

Православный приход Московской Патриархии в Турине создан в честь святителя Максима (V век), первого епископа города и Отца Церкви. Память святого покровителя празднуется 8 июля (25 июня ст. ст.). Приход возник в ведении Корсунской епархии из общины, созданной верующими итальянцами в 1993 г. В первое время своего существования он не имел постоянного местонахождения, обретая приют в разных частях Турина. С 2001 г. местом его обоснования стал храм Христа Искупителя, расположенный на так наз. Туринском холме (Colle Torinese). Службы совершаются по церковному типикону Русской Православной Церкви. Выбор языка богослужения зависит от происхождения верующих. Чаще всего службы совершаются на итальянском, церковно-славянском и румынском (молдавском) языках. Очень многие прихожане происходят из Республики Молдова, значительная часть — украинцы, русские и итальянцы, а также из Белоруссии, Румынии, бывшей Югославии, Грузии и Болгарии.

В духе миссионерской деятельности, проводимой Русской Православной Церковью испокон веков, туринский приход, помимо пастырского окормления православных верующих в Пьемонте и Валле д'Аоста, старается организовать общину, состоящую из местного населения, которая посвятила бы себя свидетельству православия на Западе. Православные итальянцы в Турине стали не только инициаторами прихода, но и попечителями прибывающих в Италию верующих.

Настоятель: игумен Амвросий (Кассинаско).

· во Франкавилле-Фонтане ·

*церковь Покрова Пресвятой Богородицы
via Vittorio Veneto (via Vittorio Veneto), 55*

Храм освящен 9 декабря 1990 г. Находится в небольшом апулийском городке Франкавилла-Фонтана, близ адриатического порта Бриндизи. Община объединяет славян, греков, румын, итальянцев.

Настоятель общины, о. Антоний Лотти, врач по профессии (продолжает практиковать), рукоположен в 1980 г. митрополитом Филаретом Минским. Церковь размещается в подземном этаже жилого дома. Несмотря на такое «катакомбное» устройство, интерьер отличается благолепием: внимание посетителя останавливается, в первую очередь, на прекрасном резном иконостасе и на списках с икон Феофана Критского. Община располагает прекрасной православной библиотекой на разных языках.

Возникновение церкви обусловлено наличием православной диаспоры в больших соседних городах (Бриндизи, Саленто), а также глубокими местными традициями — до XVI в. на Юге Италии было широко распространено православие, которое здесь называлось греческой религией. По словам настоятеля церкви, он «желает возобновить прекрасную традицию православных франкавилльцев, прерванную всего на четыре века из двухтысячелетней истории христианства и вернуться к неразделенной Церкви первого тысячелетия и ее вере».

Настоятель: протоиерей Антоний Лотти.

2. Архиепископия Православных
Русских Церквей Западной Европы
(Константинопольский Патриархат)

Италийское благочиние

· в Сан-Ремо ·

*церковь Спасителя, Свв. Екатерины и Серафима Саровского
корсо Императрице (corso Imperatrice)*

Храм в русском стиле, освящен в 1913 г., приход с 1920-х гг. входит в состав АПРЦ КП (см. гл. VI).

Настоятель: иерей Сергей Майнольди.

· во Флоренции ·

*церковь Рождества Христова и св. Николая Чудотворца
виа Леоне Дечимо (via Leone Decimo), 8*

Храм в русском стиле, освящен в 1903 г., приход с 1920-х гг. входит в состав АПРЦ КП (см. гл. II, 3-5).

Настоятель: протоиерей Георгий Блатинский.

· в Риме ·

*община Св. Николая Чудотворца
виа Салария (via Salaria), 275*

Основана в 2009 г. о. Алексием Байковым, ранее служившим вторым священником в Никольской церкви на виа Палестро. Службы проходят при храме Св. Сильвестра у катакомб Прискиллы.

Настоятель: протоиерей Алексий Байков.

· в Брешии ·

*община Божией Матери «Всех Скорбящих Радость»
виа Джованни Пьямарта (via Giovanni Piamarta), 9*

Приход образован в феврале 2001 г. Службы временно проходят в храме Сан Кристо (San Cristo, Centro missionari Saveriani).

Настоятель: иерей Владимир Зелинский (известный богослов и публицист, живет в Италии с 1990 г.).

IX. В современной Италии

· в Виджевано (Ломбардия) ·

община Покрова Пресвятой Богородицы

via Madonna degli Angeli (via Madonna degli Angeli), 34

Основана в 2008 г. иереем Сергием Майнольди (Sergio Mainoldi), жителем Виджевано (Ломбардия). Службы идут каждое воскресенье при храме Madonna degli Angeli.

Настоятель: иерей Сергей Майнольди.

· в Бусто-Арсицио (Ломбардия) ·

община Св. Иоанна Златоуста

via Taormina (via Taormina), угол via Джордано Бруно (via G. Bruno)

Основана в 2010 г. священником Борисом Фузек, в ее состав вошли русскоязычные выходцы из СССР. Богослужения проходят при церкви San Carlo Borromeo.

Настоятель: иерей Борис Фузек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Православие в зарубежье, в том числе и в Италии, имело разнообразное значение и выражение — не только чисто религиозное, но также и культурное, социальное, политическое. Его история тесно увязалась как с жизнью колоний соотечественников, так и с внешним и внутренним политическим положением России, включая разного рода катаклизмы и соответствующие «волны» эмиграции.

В настоящей монографии представлена русская православная жизнь в Италии с момента зарождения там постоянно действующих церквей, т. е. с рубежа XVIII–XIX вв. и по нынешний день.

Первые государственные решения Империй, разработанные Св. Синодом после согласования с МИДом, об открытии на Апеннингах православных храмов были приняты в 1797 г. (для Пьемонтского королевства), в 1799 г. (для Неаполитанского королевства) и в 1803 г. (для Папского государства). Ни одно из них не было исполнено на практике — из-за бурных военных событий той эпохи. В итоге первым из «дипломатических» появился храм при миссии в Риме (1823).

Эти государственные инициативы были предупреждены инициативами частными: первыми русскими храмами, возникшими на итальянской территории, стали домовые церкви обосновавшихся тут представителей обеспеченной знати: графа С. Р. Воронцова в Венеции (1784), княгини Е. М. Голицыной-Терци в Бергамо (1817), графа Д. П. Бутурлина (1818) и Н. Н. Демидова во Флоренции (1823). Позднее, при возникновении деятельных землячеств, государственные и частные инициативы стали неразрывно переплетаться.

До 1917 г. русские храмы в Италии отражали присутствие за границей традиционной, официальной, консервативной России. Очень часто закладка или возведение церковной постройки совершались в ожидании визитов августейших особ, по высочайшим указам или же так проявлялись верно-подданнические устремления богатых аристократов, живших в Европе (мы не принижаем роль и искренних религиозных чувств россиян, горячо желавших видеть новые очаги «родной веры»). Вне сомнения, русские зарубежные храмы обустроивались преимущественно представителями высших

слоев общества, дореволюционной элитой. Немалую роль играли и соображения престижности православного государства.

Таким образом в XIX и в начале XX столетия в Италии появилось немало русских храмов разного характера — дипломатические (посольские и миссийные), домовые, приходские, курортные, кладбищенские. Обычно их устраивали в наемных помещениях, но иногда дело заканчивалось устройством «настоящих» храмов. В итоге от дореволюционной России тут осталось пять церквей, которые теперь называют «историческими».

После 1917 г., когда христианство в России подверглось гонению, положение зарубежных храмов кардинальным образом изменилось: жизнь церквей перестала управляться российскими Св. Синодом и МИДом, а состав общин стал принципиально иным. Начался эмигрантский, драматический период русского зарубежья: его девизом могут служить слова одной флорентийской прихожанки (О. Евреиновой) — «У нас, не имеющих родины, осталась только Церковь». Именно храмы стали главной опорой для обездоленной эмиграции, хотя нередко были случаи и неприятия беженцев со стороны давно адаптировавшихся за границей россиян — к примеру, регент флорентийского хора считал большинство эмигрантов «не прихожанами, а прохожанами».

В подобных беженских условиях православные люди в Италии, в отличие от других стран (Франции, Германии, США и т. д., где их было больше и где они были лучше обеспечены и организованы), не могли заниматься храмостроительством. Попытки устроить очаги веры обычно завершались наймом помещений и скромным декорированием (в Милане, Генуе, Торре-Пелличе). Более того, когда диаспора «первой волны» стала таять, два храма — в Бари и Мерано — вообще ушли из «русских рук», став муниципальной собственностью.

По окончании Второй мировой войны православная жизнь, казалось, приобрела новые измерения — благодаря серии церквей, устроенных при лагерях «второй волны». Однако этот рост был эфемерным: беженцы из числа перемещенных лиц стремились уехать за океан, и к началу 1950-х гг. в Италии их практически не осталось.

В 1970-е — 1980-е годы, когда Церковь на родине еще не могла действовать в полную силу, угасавшая было «православная Италия» познала уникальный феномен — вхождение целого ряда коренных итальянцев, бывших католиков, на священническую стезю и устройство ими серии общин — в Палермо, Франкавила-Фонтане, Модене, Милане, Генуе. Именно им принадлежит заслуга в том, что они поддержали ослабевшую традицию и сплотили в ряде городов остатки эмиграции — ведь собственно русских иереев в Италии тогда не осталось и редкие священники крайне нерегулярно приезжали из Франции.

Заключение

В тот период «православная Италия», несмотря на скромнейшие размеры, являла собой самую широкую панораму в юрисдикционном плане: тут были представлены практически все юрисдикции Русской Церкви — Зарубежная (Бари, Болонья, Мерано), западноевропейская «парижская» епархия в лоне Константинопольского Патриархата (Рим, Флоренция, Сан-Ремо), Московская Патриархия (Палермо, Франкавила-Фонтана, Модена, Милан). В 1980-е гг. возникла и со временем окрепла даже старообрядческая община «поповцев-липован» (в Турине).

На рубеже XX-XXI вв. картина опять изменилась — из-за массовой т. н. трудовой миграции, при этом приходы в Италии стали пользоваться ощутимой поддержкой как окрепшей Московской Патриархии, так и дипломатических структур нового поколения. Построена даже новая — знаковая — посольская церковь Св. Екатерины Великомученицы на территории резиденции посла Российской Федерации в Риме. Еще раз изменилась социальная и национальная картина православной паствы: опустевшие были храмы заполнились разноязычной диаспорой — русской, украинской, белорусской, молдавской, грузинской и проч. (при явном преобладании украинской).

Согласно полшутливому замечанию одного православного иерея — «СССР распался, это правда, но не на нашем приходе в Риме».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Протоиерей Владимир Левицкий

ЖУРНАЛ СООРУЖЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВО ФЛОРЕНЦИИ 1897–1912³⁴⁴

Владимир Иванович Левицкий родился в 1843 г., в селе Сехновичи Гродненской губ., в семье священника. Окончив Литовскую духовную семинарию и С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия, он женился на дочери о. Иосифа Васильева, строителя и первого настоятеля Александро-Невского собора в Париже. В 1867 г. рукоположен в Петербурге во священники и командирован в Ниццу, где в 1867–1878 гг. служил настоятелем Никольского («старого») храма. В 1870 г. получил степень магистра богословия С.-Петербургской духовной академии за диссертацию о богомильской ереси. Главным делом его жизни стало строительство Христорождественского храма во Флоренции, первым настоятелем которого он и был назначен. В 1879 г. получил сан протоиерея, уволен за штат по старости в 1922 г. В течение многих лет писал корреспонденции из Италии в разные периодические издания, собранные затем в книгу «Современные стремления папства» (СПб., 1908). Скончался 2 июля 1923 г. во Флоренции и погребен на семейном участке некатолического кладбища «Аллофи», вместе с братом о. Павлом, священником Гродненской епархии (1852–1894), сыновьями Сергеем (1868–1894) и Иваном (1872–1902), женой Надеждой Иосифовной († 1938).

№ 1. Декабрь 1897 г.

Ход и положение дела построения православного храма во Флоренции к концу 1897 г. (докладная записка настоятеля церкви императорскому послу в Риме А. И. Нелидову)

Первая мысль о построении во Флоренции православного храма принадлежит в Бозе почившей великой княгине Марии Николаевне в последние

годы ее здесь пребывания (1873–74)³⁴⁵, о чем и сохранилось, вместе с рассказами лиц прикосновенных, несколько официальных документов.

Действительное же начало делу положено было в 1879 г., когда Павел Павлович Демидов князь Сан-Дonato³⁴⁶ пожертвовал здешней посольской церкви все принадлежности своей домово́й церкви в Сан-Дonato, ценностью до 300 тысяч лир. На донесении о том настоятеля посольской церкви протоиерея Левицкого, в Бозе почивший митрополит С.-Петербургский Исидор³⁴⁷ предложил ему осуществить по этому поводу давнюю мысль о построении во Флоренции храма взамен существовавшей дотоле походной церкви, помещавшейся в наемном доме совместно со множеством частных всякого рода квартир.

Книга для сбора пожертвований выдана настоятелю в конце октября 1880 г.; во главе жертвователей значатся имена Их Высочеств великих князей Сергея и Павла Александровичей (по тысяче лир), пребывавших в то время во Флоренции; затем Алексея Алексеевича Зубова — 4750 рублей Восточными облигациями; впоследствии, в 1885 г., вдова П. П. Демидова князя Сан-Дonato княгиня Елена Петровна пожертвовала 75 тыс. лир³⁴⁸.

Когда сбор достиг 75 тыс. лир, совершена была летом 1882 г. покупка земли, 2060 кв. метров, на *viale in Curva*, с разрешения Императорского посольства и на его имя. Издержано на эту покупку с расходами по купчей и освобождением от сервитута всего 7875 лир. Засим, согласно указу Св. Синода от 18 августа 1880 г., коим вменялось настоятелю в обязанность «по достижении сбора пожертвований суммы от 15 до 20 тыс. рублей, представить проект и план храма на утверждение», предприняты были старания в составлении плана.

После трех неудачных попыток получить соответственные проекты при помощи местных архитекторов, а также после несостоявшегося конкурса в С.-Петербургском Обществе архитекторов, настоятель церкви в силу вышеупомянутого предписания Св. Синода вступил в словесные, а потом и письменные, переговоры о плане храма с пенсионером, ныне профессором Императорской Академии художеств Михаилом Тимофеевичем Преображенским и местным техником-инженером Боччини³⁴⁹. Первым из них с 1883 г. в течение двух лет составлено было множество рисунков и планов, последовательно предъявлявшихся на рассмотрение прихожанам-жертвователям, и рисунок, наиболее всеми одобренный, разработан был в проект, к которому инженер Боччини выработал соответствовавшую тогдашним ценам смету, достигавшую в общем 220 тыс. лир. В сумме этой считалось и условленное вознаграждение архитекторам: художнику Преображенскому за художественные планы, рабочие чертежи и шаблоны — 7,5%; инженеру Боччини за ответственное руководство в исполнении оных,

составление смет и контрактов и наблюдение — 2,5% (по мере исполнения и приемки работ).

Одновременно с составлением проекта 1885 г. признано было нужным, по техническим соображениям³⁵⁰, приобрести для храма новый участок земли на *via Lungo il Mugnone* 29, тоже около 2 тыс. кв. метров, за 32 тыс. лир, то есть вчетверо дороже первого. Покупка эта, требовавшаяся настойчивым общим мнением прихожан, облегчалась поступившим в это время значительным пожертвованием Е. П. Демидовой княгини Сан-Дonato (75 тыс. лир), и на совершение оной, а равно на объявление к продаже прежнего участка испрошено было разрешение посольства.

Проект 1885 г. архитектора Преображенского со сметой инженера Боччини представлен был обер-прокурору Св. Синода 9 (21) апреля. Он сопровождается покорнейшей просьбой, неоднократно уже и прежде заявлявшеюся как обер-прокурору, так равно и иерархам-членам Св. Синода: исходатайствовать этому богоугодному и патриотическому делу какое-либо пособие, и не столько по причине недостаточности имевшихся в то время наличных средств (132 тыс. лир, за уплатой 40 тыс. лир за землю), сколько во внимание к важности самого дела: предпринимаемо было строение православного храма по почину самой же духовной власти, впервые в Италии, и притом в городе, ознаменованном печальной памяти «Флорентийской Унией», как бы во искупление позора, нанесенного ею Русской Церкви через измену православию тогдашнего митрополита Московского Исидора³⁵¹. Представлены были также и другие соображения в пользу оказания пособия этому делу, как-то: примеры, бывшие при построении других зарубежных церквей, важность города Флоренции, всемирно известного и посещаемого и т. п.

Св. Синод не нашел, однако же, возможным ни оказать, ни исходатайствовать этому делу какое бы то ни было пособие ни в настоящем, ни в будущем; и, одобривши вообще проект художника Преображенского, предоставил в то же время вопрос о разрешении начатия строительных работ усмотрению Министерства иностранных дел, а сие последнее — усмотрению Императорского посольства в Риме. Посольство, в свою очередь, тоже не пожелало взять на свою ответственность начало работ и прибегло к помощи комитета из прихожан для уяснения вопроса собственно о том, можно ли на имеющиеся средства исполнить проект со сметой 220 тыс. лир. Избранный по распоряжению посольства комитет, под председательством генерал-адъютанта Краснокутского³⁵², нашел, что средств в это время (в половине апреля 1887 г.) имелось до 152 тыс. лир; что на эти средства исполнить проект со сметой в 220 тыс. лир невозможно и что поэтому остается только просить академика Преображенского упростить проект и сократить его до 152 тыс. лир.

Согласно желанию комитета, академик Преображенский летом того же 1887 г. составил и прислал из Петербурга новый «упрощенный проект» со сметой до 161 тыс. лир. Но комитет, собравшийся едва лишь в декабре этого года, подробным рассмотрением этого проекта не занимался; цена, однако же, многолетние труды талантливого художника, согласился, по его просьбе, выдать ему авансом, с разрешения посольства, три тысячи лир в счет общего условленного гонорара.

Это было последним мероприятием комитета; вскоре он прекратился за выбытием из Флоренции председателя и двух выборных членов.

Между тем в ноябре 1888 г. истек срок контракта наемного помещения посольской церкви на Lung'Arno Nuovo 50, о чем своевременно предупреждаемо было Императорское посольство при настойчивых просьбах о разрешении строительных работ в 1885 г. От возобновления или продления контракта с церковью новые владельцы дома (Железнодорожное общество) решительно отказались. Найти другое наемное помещение, для церкви сколько-нибудь подходящее, оказалось невозможным. Предположено было поэтому соорудить наскоро на купленном для храма участке земли на Lungo il Mugnone 29 «временную церковь» с погашением стоимости здания постепенно, из сумм квартирных, отпускаемых посольством ежегодно на наем помещения церкви и причта. Такое предположение, по ходатайству посольства, удостоилось Высочайшего одобрения в 27 день февраля 1888 г. В мае «временная церковь» была заложена, а 16 октября того же года была освящена. Она обошлась, с перенесением и установкой всех принадлежностей, около 20 тыс. лир.

При небольшом составе прихода она достаточно вместительна и для совершения богослужения удобна — светла и тепла. Положением своим, на краю земельного участка, она несколько не стеснит будущей постройки храма. Но она, кроме двух крестов (над алтарем и над входом), вовсе не имеет никакой церковной наружности, а имеет вид амбара...

Построение «временной церкви», при всей своей благодетельности для прихода, сопровождалось, однако, последствиями, неблагоприятными для главного дела — сооружения храма. Как это нередко в делах человеческих, «временное» стало как бы стремиться стать на место постоянного, поколебать самые его основы, открывая поле для легкой критики. Чистое и простое усердие христианское к святому делу сооружения храма ослабело в приходе и это выразилось не только в уменьшении прихода пожертвований, но и в появлении разных недоразумений и домогательств неудобоприемлемых. Иным казалось желательным сохранить «временную церковь» навсегда и обратить ее в постоянную, украсив лишь ее снаружи, чтобы через это сохранить в целостности собранный капитал, но уже не для сооружения храма,

а как фонд для возможного обеспечения прихода постоянным существованием церкви в более или менее неясном будущем. Другими предлагалось было, в тех же видах, отказавшись от строения храма, строить вместо него лишь дом, с домовою церковью внутри, вроде так называемых подворий. И трудно, почти невозможно было убедить предлагавших, что такие мероприятия были бы, кроме их практической неосновательности, коренным изменением первоначальной задачи, в некотором роде посягательством на священную волю первых жертвователей и инициаторов дела, из коих многие уже отошли в вечность с надеждою и желанием создания храма во Флоренции и в этих именно мыслях радели о деле и жертвовали на него. Нечего и говорить о разногласиях из-за подробностей, из-за стиля, например: одни были за стиль чисто русский, другие требовали придерживаться стиля чисто византийского. Предполагался общий коренной пересмотр дела от самых его оснований.

Невзирая на все такие недоразумения, в свое время доведенные до сведения посольства, лица, наиболее заинтересованные в успехе дела, не щадили для него усилий: настоятель церкви, заботясь всемерно о приращении капитала, художник Преображенский, трудясь неустанно над улучшением проекта. В 1890 г. сим последним составлен был новый таковой «проект», в стиле московских церквей XVII в., наиболее типичном и более соответственном характеру «русской церкви», со сметою в 189 тыс. лир, которая с избытком покрывалась уже в то время собранными средствами (220 тыс. лир).

Означенный проект представлен был лично настоятелем церкви обер-прокурору Св. Синода летом 1890 г. в С.-Петербург, и хотя при этом ни слова уже не было заявлено о прежде просимом и всегда нравственно желательном пособии Св. Синода, однако же в синодальном решении вопрос сей вновь был отнесен с силою, и отрицательно. В начале лета 1891 г. (18 мая) последовал указ Св. Синода № 2030, коим разрешалась «со стороны Св. Синода постройка храма по упрощенному проекту и смете академика Преображенского, если Министерством иностранных дел они будут признаны соответствующими действительной потребности, а имеющиеся средства достаточными для осуществления этой постройки без какого-либо пособия со стороны Синода; причем в видах наибольшего обеспечения успешного производства постройки желательно было бы, чтобы председателем учрежденного, согласно определению Св. Синода от 12 декабря 1886 г. для наблюдения за этой постройкой Временного строительного комитета был настоятель флорентийской церкви».

Указ сей немедленно по получении (осенью 1891 г.) представлен был настоятелем лично императорскому послу в Рим³⁵⁵, с покорнейшей просьбой разрешить начало постройки ввиду того, что средства, на нее собранные,

далеко превышают смету. Вновь сей указ (в копии) представлен был в Императорское посольство 31 января 1892 г. вместе с ведомостью о состоянии по сие время сумм на храмоздание и новою покорнейшей просьбой: разрешить начало постройки.

С тех пор каждый год при представлении в посольство ведомости о состоянии помянутых сумм всякий раз повторяема была и помянутая покорнейшая просьба о разрешении приступить к работам, на каковую просьбу прямого ответа до сих пор не последовало никакого.

В настоящее время (к концу 1897 г.) состояние средств, собранных на храмоздание, есть следующее: 1) за землю с оградой уплачено — 41 646,10; 2) проф. Преображенскому выдано — 3000; 3) имеется в 4% Рос. Госуд. Ренте и хранится в С.-Петербурге 106 300 руб. или по курсу 282 [центезимо] за рубль — 299 766 л.; т. е. всего собрано в 17 лет — 344 412 л[ир] 10 цент.; из коих подпискою по собранной книге — 150 582,50; сборами в церкви, процентами и конверсией — 193 829,60.

Сумма наличного капитала (299 766 лир) на сто с лишком тыс. лир превышает смету (186 тыс. за уплатой трех [тыс.] авансом профессору Преображенскому) и сверх того имеется в резерве участок земли на *viale in Curva* (2060 кв. м), который, выждавши время благоприятное, можно продать за 20 тыс. лир.

Следовательно, начавши будущим летом постройку храма, для окончания ее можно уже не прибегать ни к какой другой помощи, кроме единой помощи Божией, хотя не может быть сомнения в том, что пожертвования, ныне почти прекратившиеся, вновь начнут поступать сами собою, лишь только приступлено будет к построению храма, столь давно ожидаемому.

К концу 1898 г. состояние средств, собранных на построение храма во Флоренции, представляется в следующем виде: 1) за землю с оградой уплачено — 41 646,10; 2) проф. Преображенскому выдано — 3000,00; 3) имеется в СПб. в 4% Государствен. ренте 110 300 руб., или по 282 ч[ентезимо] за рубль — 311 046,00; 4) во Флоренции, в фондах и наличными — 7376,00. Всего собрано 363 068,10, и сверх того имеется свободный для продажи участок земли в 2060 кв. метров на *viale in Curva* в 20 тыс. лир.

№ 2. Особое предварительное совещание
о способах построения церкви
5 (17), 6 (18) и 8 (20) марта 1899 г.

По приглашению и под председательством действительного тайного советника А. И. Нелидова, господина императорского посла в Риме, состоя-

лись во Флоренции 5 (17), 6 (18) и 8 (20) марта 1899 г. предварительные совещания по делу о постройке православного храма во Флоренции.

В совещаниях этих принимали участие: 1) Его Высокопревосходительство обер-гофмейстер Высочайшего Двора, генерал от кавалерии Н. А. Скалон; 2) Его Превосходительство статс-секретарь А. А. Зубов; 3) настоятель посольской православной церкви во Флоренции протоиерей В. Левицкий; 4) архитектор Преображенский; 5) архитектор Боччини; 6) секретарь Императорского консульства во Флоренции губ. секр. Гельцке.

Согласно просьбе протоиерея Левицкого, присутствовали, кроме того, священник И. Левицкий и псаломщик Д. Бережков.

Императорский генеральный консул во Флоренции, действ. ст. сов. Челебидаки не мог участвовать по болезни³⁵⁴.

Орудование капитала. Протоиерей Левицкий объявляет, что наличный капитал для постройки храма, находящийся в С.-Петербурге, состоит из 111 434 руб. 93 коп. и 9346 лир 20 сант[имов] наличностью во Флоренции и что все расписки и документы находятся у него. Императорский посол сообщает, что представит в Императорское Министерство иностранных дел предложение, по которому деньги, — по требованию протоиерея Левицкого, особо уполномоченного на это господином императорским послом, — переводились бы постепенно по мере надобности в один из местных флорентийских банков на текущий счет в распоряжение Императорского консульства во Флоренции.

Имеющиеся кроме того наличностью во Флоренции 9346 лир 20 сант. и могущие впредь поступить пожертвования в пользу предполагаемой постройки следует передать на текущий счет тому же местному банкиру.

Производство платежей. Касательно производства платежей по совершаемым работам постановляется следующее: счета будут представляться подрядчиками в двух экземплярах протоиерею Левицкому. По проверке их и по признанию подлежащими уплате один экземпляр, надлежащим образом помеченный протоиереем Левицким, будет представляем подрядчиком к уплате в Императорское консульство, которое будет выдавать требуемую сумму чеком на местный банк. Подписанные же подрядчиками подинные счета останутся на хранении в консульстве, а дубликаты с оных у протоиерея Левицкого.

Способ производства работ. Имеются в виду три способа производства работ: т. е. 1) хозяйственный; 2) померный (задельной платы); 3) подрядочный.

По мнению архитекторов Преображенского и Боччини и протоиерея Левицкого, практичным и желательным является в данном случае 2-й способ, т. е. отдача работ по мере раздробительным подрядом. Конечно, постройка

таким образом обходится несколько дороже, но зато, при надлежащем контроле, благонадежнее.

Кроме того, местные подрядчики не знакомы с постройкою зданий такого рода, каким является ныне предполагаемое, и не могли бы в точности определить заранее сметы, ни предвидеть все случайности. Засим следует принять в соображение, что при отдаче с подряда в совокупности уже нельзя отклоняться впоследствии ни в какой подробности от установленных контрактом планов и рисунков, а на практике всегда почти приходится менять.

Статс-секретарь Зубов возражает. По его мнению, работы по фундаменту должны производиться хозяйственным способом, однако в данном случае можно было бы согласиться и на принятие способа задельной платы. Все же остальные работы черне следует отдать по подряду в совокупности. Статс-секр. Зубов представляет записку по сему вопросу, в которой мотивирует выраженное им мнение. Записка эта приложена в копии.

Вследствие сего решается, что пока только земляные работы и работы по фундаменту следует проводить померным способом. Что же касается способа производства других работ, то всякое решение по отношению к ним пока отложено, ибо будет зависеть от точных расценочных ведомостей, имеющих быть изготовленными архитекторами для представления подрядчикам, и, на основании оных, от сравнительной стоимости работ по каждому из названных способов.

Постановка храма на участке земли. Господин императорский посол выражает желание, чтобы храм был — согласно церковному уставу — обращен к востоку. Архитектор Преображенский находит это возможным, но предлагает в свою очередь поставить храм углом, так чтобы главный фасад его был виден с угла улиц Lungo il Mugnone и Leone X. Предложение это не одобряется, так как, вероятно, пришлось бы много отклониться от указанного уставом направления. Господин Преображенский просит, однако, принять к сведению и записать его предложение.

Статс-секретарь Зубов находит целесообразным снести нынешнее временное помещение посольской церкви, для того чтобы выбор места и работы по сооружению нового храма могли производиться свободно.

Протоиерей Левицкий возражает, выставляя невозможность найти во Флоренции другое временное помещение для богослужения. Проект постройки другого деревянного временного храма на особо нанятом для сего участке земли слишком бы затянул работы. Тогда архитектор Боччини излагает, что есть возможность поставить храм к востоку и в середине участка, как это было предложено господином императорским послом, не трогая пока временного здания. Вследствие сего решается оставить пока временное здание, но непременно снести его впоследствии. При осмотре участка

земли, на котором имеет быть построена церковь, оказалось, что проект господина Боччини может быть осуществлен, и так проект этот одобряется окончательно.

Строительный материал. Архитектор Боччини предлагает образчики строительных материалов для облицовки, т. е. красный кирпич (*brique de Signa*) и серый камень, так называемый *pietra serena*. Стас-секретарь Зубов высказывает мнение, что выбор сего последнего должен быть сделан с большою осторожностью, так как находящиеся вблизи Флоренции многочисленные каменоломни не все одинакового качества. Стас-секр. Зубов обещает собрать точные сведения по сему предмету, когда выяснится, из каких каменоломен предполагается взять камень.

Купола. Постановляется, что пять куполов новой церкви следует покрыть медью (по железу) и внести в смету 14 500 лир вместо 8 тыс., первоначально назначенных для сей надобности. Низшую крышу здания предполагается покрыть черепицей. Решение вопроса, чем покрыть остальные крыши между куполами (свинцом или медью), пока отложено.

Фундамент. Протоиерей Левицкий и архитектор Преображенский излагают засим, что находящиеся под уровнем земли части предполагаемой постройки следует обвести второю стеною (в расстоянии от 40-50 сантиметров от первой) для предохранения здания от сырости.

Начало и продолжение работ. Предполагается начать постройку как можно скорее, для того чтобы фундамент мог бы быть окончен до начала зимы 1899-1900 гг.; засим работы по дальнейшему возведению здания следует приостановить на несколько месяцев, в течение которых, однако, имеют быть приготовлены каменотесные работы. По мнению архитекторов Преображенского и Боччини, работы по сооружению нового храма продлятся от 2 до 3 лет.

План и рисунки. Господин Преображенский представляет планы и рисунки, которые присутствующими принимаются к сведению, и обязывается сделать первую высылку разработанных рисунков 20 апреля (2 мая) 1899 г.

Иконостас предполагается сделать мраморным.

Архитектор Преображенский просит иметь в виду для украшения входа и карниза новой церкви майолику, которая пока не значится в имеющейся смете. Кроме того, Преображенский заявляет, что положенные на непредвиденные и не вошедшие в смету расходы 11%, по его мнению, недостаточны и что следует иметь ввиду значительное увеличение по сей статье.

Полномочия протоиерею Левицкому. Господин императорский посол сообщает, что он вышлет протоиерею Левицкому надлежащие доверенности для заключения им контрактов с архитекторами Преображенским и Боччини, а также и с отдельными подрядчиками.

[Подписи:] А. Нелидов, Н. Скалон, А. Зубов (при особом мнении), протоиерей Владимир Левицкий, М. Преображенский (при этом считал бы нужным в статье «Производство платежей» после слов «помеченный протоиереем Левицким» прибавить «проверенный и засвидетельствованный производителем работ инженером Боччини»), architetto Giuseppe Voccini, губ. секр. Гельцке.

Копия с записки статс-секретаря А. А. Зубова
по делу о постройке православного храма во Флоренции

Я встаю против предложения гг. архитекторов, чтобы был принят для всей постройки способ задельной платы, при котором каждый отдельный подрядчик, по каждой отрасли работы, рассчитывал бы по размеру (объему, площади или длине) произведенной работы или поштучно. Я по опыту знаю, что это есть самый дорогой во Флоренции способ производства работ, так как цены никогда не бывают безобидными, т. е. всегда устанавливаются в ущерб строителю, а счета, представляемые подрядчиками и проверяемые архитекторами, самому строителю, не технику, проверить нет возможности. При том же за качеством работы и за количеством употребляемых материалов при этом способе необходимо зорко наблюдать.

По моему мнению, при постройке церкви, надо употребить все три способа, практикуемые для построек, а именно:

1) при возведении фундамента употребить способ хозяйственный, так как предвидеть глубину и другие обстоятельства при закладке его невозможно, а между тем фундамент должен быть особенно хорошо сделан и вполне прочен, сложен из надлежащего материала, не жалея при этом извести;

2) над фундаментом, т. е. начиная с уровня улицы, возведение здания вчерне должно быть отдано одному оптовому подрядчику, который бы от себя ставил каменщиков, каменотесов, столяров, кровельщиков и других рабочих, а также поставил бы от себя и леса. Работы здания вчерне вполне возможно архитектору рассчитать вперед, составить подробную расценочную ведомость, которая должна быть представлена оптовым подрядчиком, по вызове их через публикацию, для объявления цены и условий;

3) дополнительные работы, искусственные и другие, должны быть отдаваемы специальным подрядчикам за задельную плату — но уже впоследствии, когда здание вчерне будет почти окончено.

Отец Левицкий возразил, что не имеет кому поручить ведение хозяйственных работ фундамента, т. е. закупки материала, наблюдение за рабочими и расчет с ними по поденной плате. К сожалению, ввиду этого возра-

жения приходится согласиться на принятие в закладке фундамента способа задельной платы, но с непременным условием, чтобы за качеством работ и за употреблением хорошего материала в достаточном количестве (в особенности извести) было самое строгое и тщательное наблюдение. Кроме того, считаю необходимым оговорить, что способ задельной платы должен непременно ограничиться возведением фундамента и чтобы эта уступка не была принята за обещание, тем более за право для частных подрядчиков продолжать строить здание выше тем же порядком. Во время работы фундамента должна быть архитектором составлена расценочная ведомость, должны быть вызваны надлежащим порядком оптовые подрядчики и опрошены, кому это будет поручено, касательно предлагаемой им огульной цены за работу, залога, времени уплат и проч.

Флоренция, 8 (20) марта 1899 г.

К сему считаю долгом присовокупить, что я не участвовал в решении вопроса о целесообразности постройки церкви во Флоренции в настоящее время, при нынешних денежных средствах, на избранном — Lungo il Mugnone — месте и по проекту, выработанному архитектором Преображенским. Всё это было решено до приглашения меня господином императорским послом в заседания в качестве лица, много строившего в здешней местности лично для себя; поэтому подпись моя относится лишь до предметов, которые обсуждались во время помянутых заседаний.

[Подпись:] А. Зубов.

№ 3. Докладная записка господину императорскому послу в Риме,
Его Высокопревосходительству А. И. Нелидову,
13 (25) марта 1899, протоиерея В. Левицкого,
архитектора Преображенского и инженера Боччини
о способах сдачи подрядов

1) Sarebbe desiderabile e utile il dare l'accollo di tutti i lavori murari, senza separare l'accollo dei fondamenti dal resto dei lavori della chiesa, affidando così ad un solo accollatario tutti e in una sola volta i lavori murari.

2) Cominciare i fondamenti e la sistemazione del terreno dentro il mese di aprile, e continuare i lavori fino al livello stradale, per quindi sospenderli dal primo luglio prossimo, e ciò per due motivi, sia per fare riposare i fondamenti, sia per dar tempo a concludere l'appalto dei lavori in pietra in corrispondenza di quanto è stato stabilito col Sig. archit. Michele Preobragensky, circa all'invio dei disegni relativi.

3) Dividere l'accollo dei lavori in pietra, per la decorazione esterna in due accolli, il primo che riguarda i lavori dallo zoccolo a tutta la cornice di ricorso, che è situata al altezza di m. 9, e il secondo accollo per il rimanente dei lavori, e cioè sempre in corrispondenza dei patti stabiliti coll' architetto Preobragensky per l'invio dei disegni.

4) Si propone che la decorazione esterna della cocosznik e dei tamburi delle 5 cupole, invece di farli in pietra, venga eseguita a cemento di Portland, e ciò per ragioni di economia e per diminuire il peso che gravita sulla cupola interna.

5) Coprire le 5 cupole e i cocosznik assolutamente di rame.

6) Si propone di fare il primo zoccolo dell'altezza di m. 0,80 come pure la gradinata esterna di accesso alla chiesa, di pietra forte invece che di pietra serena, per la ragione che essendo queste parti più esposti agli affetti dell'umidità e dei geli, la pietra forte, benchè più costosa presenta molto maggiore resistenza.

7) I disegni e il progetto di contratto per l'accollo dei lavori saranno esposti nello studio dell'architetto G. Boccini, mentre le offerte per l'accollo suddetto dovranno essere presentate (in buste sigillate) in un giorno che verrà destinato, presso il Consolato Imperiale di Russia in Firenze³⁵⁵.

[Подписи:] L'Arciprete V. Levitsky, Michele Preobragensky, G. Boccini

№ 4. Ответ Его Высокопревосходительства господина посла
от 18 (30) марта 1899 г.
(извлечение)

По 1-му пункту доклада:

«Запросить подрядчиков каменных работ, в какую цену взяли бы они подряд на фундамент отдельно и на каменную кладку вместе. Если действительно окажется разница в пользу последнего способа, то так их и сдать. Если же разницы нет, то придерживаться решения предварительного совещания».

Замена светлого камня в цоколе твердым — одобрена.

Склад рисунков и осмотр их в студии г. Боччини *idem*.

Покрытие медью куполов и кокошников — то же.

Замена камня цементом в наружных украшениях куполов — не одобрена, если разница в цене и в мягкости этого материала не слишком велика.

О заключении контрактов с каменотесами по частям — представлено решение в зависимости от получения рисунков от архит. Преображенского.

В заключение — «испросить мнение Н. А. Скалона».

№ 5. Доверенность

от имени Императорского посольства при Его Величестве короле Италии протоиерею Владимиру Левицкому, настоятелю русской церкви во Флоренции, для заключения по поручению, в интересах и от имени Императорского посольства контрактов и актов всякого рода с архитекторами, строителями и поставщиками для построения церкви греко-православного вероисповедания во Флоренции на земле, приобретенной с этой целью в собственность посольства.

Рим, 9 (21) марта 1899 г.

[Подпись:] Nelidoff

Легализовано в итальянском Министерстве иностранных дел 24 марта 1899 г.

(на итальянском языке)

№ 6. Доверенность

от имени российского чрезвычайного и полномочного посла, действительного тайного советника, Нелидова, настоятелю посольской церкви во Флоренции протоиерею Владимиру Ивановичу Левицкому на заключение контрактного условия с профессором архитектуры Михаилом Тимофеевичем Преображенским для возведения по его планам и под его высшим техническим руководством православной церкви во Флоренции, на построение коей имеется состоящая из добровольных пожертвований сумма и получено благословение Св. Синода и разрешение Императорского Министерства иностранных дел.

11 (23) марта 1899 г. № 206

№ 7. Доклад

г. императорскому послу в Риме протоиерея Левицкого, архитектора Преображенского и инженера Боччини о результатах бурения земли на месте постройки, о глубине фундаментов от 2,5 до 2,8 м, о приблизительной расценке фундаментов от 15 до 17 тыс. лир, до уровня улицы (не считая стоимости осушительной стенки — scanafosso).

...§ 3. Расценочную ведомость каменной кладки до куполов невозможно составить за отсутствием всяких чертежей, кроме эскизных, да и нет

надобности предъявлять таковую подрядчикам, так как предложение ими понижения цен на торгах должно основываться на померной плате работ, а не на гуртовой. Посему, соответственно мнению Его Высокопревосходительства, выраженному в письме от 18 (30) марта с. г., докладчики полагали бы пригласить подрядчиков сделать их предложения в трех видах: 1) отдельно для фундаментов и стен до уровня улицы; 2) для остальных работ каменной кладки; 3) совместно для всей каменной кладки.

§ 4. Относительно материала наружных украшений куполов придерживаться мнения Его Высокопревосходительства.

§ 5. Благоразумие требует не начинать работы в апреле, как было предположено, а выждать прибытия главных рисунков и чертежей, которые будут высланы г. Преображенским не позднее 6 (18) ближайшего мая, чтобы не подвергаться недоразумениям с подрядчиками.

24 марта (5 апреля).

[Подписи:] L'Arciprete V. Levitsky; Michele Preobragensky; Giuseppe Vossini.

Примечание: вышеизложенный доклад был лично представлен инженером Боччини в Рим г. Императорскому послу, и им подписан так: «Sauf la petite observation faite au crayon à l'art. 3 §a, — j'approuve le présent projet» [За исключением небольшого замечания, сделанного карандашом к гл. 3 §a — одобряю настоящий проект], Roma, 29 marz (10 avril).

№ 8. Нотариальный договор с академиком архитектуры М. П. Преображенским

Сущность договора, заключенного в Императорском консульстве и в подлиннике представленного в посольство, состоит в определении сроков присылки рисунков академиком Преображенским и уплат за таковые протоиереем Левицким.

Таковых сроков установлено пять: 6 (18) мая 1899 г.; 16 (28) июня; 1 (13) декабря 1899 г.; 1 (13) июня 1900 г. (окна и двери, иконостас и полы) и, наконец, 1 (13) октября того же 1900 года (внутренняя роспись храма).

Уплата после каждого получения рисунков, разными частями по три тыс. лир, всего 15 тыс. лир, или 7,5% с приблизительной сметы в 200 тыс. лир, с удержанием 20% в погашение аванса в 3 тыс. лир, выданного академику Преображенскому в 1889 г. Дополнительная уплата при превышении стоимости работ 200 тыс. лир, при окончании работ. Стоимость пересылки рисунков возвращается академику Преображенскому. Двукратный вызов его во Флоренцию в течение работ не меньше как на месяц (в случае надоб-

ности) оплачивается особо, 600 рублей за раз. При требовании изменения рисунков — особое вознаграждение.

Таковой договор, потребовавший продолжительных переговоров, был заключен благодаря содействию г. императорского посла, неоднократно письменно и по телеграфу сносившегося по этому делу с протоиереем Левицким и академиком Преображенским.

После подписания его, тут же, в Императорском консульстве, протоиереем Левицким выдано академику Преображенскому, на основании словесного разрешения г. посла, шестьсот лир на покрытие путевых расходов по приезду во Флоренцию, сверх условленных контрактом.

25 марта (6 апреля) 1899 г.

№ 9. Телеграмма академика Преображенского
от 7 (19) мая 1899 г.

«Risunki 10-24 vislany. Preobragensky».

9 (21) мая, в воскресенье после обедни, получено по почте под бандеролью рисунки №№ 10-24, в том числе тетрадь математического расчета устойчивости здания. Пили шампанское с гостями.

№ 10. Письмо протоиерея Левицкого
к академику Преображенскому от 15 (27) мая

с извещением о приказании выдать ему из С.-Петербургского Учетного и Ссудного банка 837 руб. 70 коп., равняющиеся 2400 лир по курсу, и с запросом согласия академика Преображенского по телеграфу на некоторое изменение в расположении лестниц в подвальной церкви.

№ 11. Реляция г. Боччини
относительно некоторых его недоумений
по предмету присланных рисунков:

1. Si desierebbe [sic] uno studio speciale per potersi rendere conto esatto della costruzione della volta a calotta e del modo con cui s'intende di sostenere i tamburi delle 5 cupole che vi appoggiano [sic] e particolarmente di quello della cupola centrale, che è vuoto e forma lanterna, già che ne dalle sezioni, ne

dalla relazione dei calcoli non apparisce [sic] chiaro il sistema di costruzione immaginato.

2. Il condotto del fumo per il calorifero non è segnato nei disegni. Volendo fare un riscaldamento a vapore occorre una ciminiera alla circa 15 metri, mentre un calorifero ad aria calda non esige che un tubo o condotto ordinario per il fumo, che potrebbe più facilmente nascondersi a tergo della chiesa o mettersi a distanza dalla chiesa

3. La scaletta del calorifero segnata nella sezione G H Tav. 18 sembrerebbe di piante troppo strette e quindi impraticabile, e di più non apparisce segnata nelle piante ne del sotterraneo ne nelle piante al livello del marciapiede Tav. 10 e 11.

4. Esiste una differenza nelle Tav. № 18 e № 10 e № 11 per ciò che riguarda la scala che dal sotterraneo va all'ingresso laterale dell'altare. Nella Tav. № 18 è segnato di più e precisamente quello d'invito, che nella pianta Tav. № 10 manca, mentre nella Tav. № 11 è segnato nel pianerottolo o ballatoio due alzati e nella Tav. № 18 un solo alzato.

5. Occorre pronta decisione in quanto alle scale per ordinarle e averle pronte per montarle insieme alla muratura.

6. Mancano nelle Tavole delle sezione le misure scritte per le altezze e si teme di non potere essere puntualmente esatti dovendole rilevare dalla scaletta metrica³⁵⁶.

15 (27) maggio 1899

№ 12. Согласие акад. Преображенского

На таковую реляцию и запрос об изменении лестниц по просьбе протоиерея Левицкого последовал телеграфический ответ академика Преображенского от 22 мая (3 июня) 1890 г.: «Soglasen pismo vislano Preobragensky». В письме обещано выслать чертеж в разъяснение конструкции купола и выражена благодарность за высланные деньги.

№ 13. 22 мая (3 июня) 1899 г.

Торги на производство работ каменной кладки в Императорском
российском консульстве (протокол)

Le 22 Mai (3 Juin) se sont réunis au Consulat Impérial de Russie à Florence: le gérant du Consulat Constantin Hoeltzke, l'archiprêtre Wladimir Levitsky e l'architecte Boccini afin d'examiner les offres faites per les maitres maçons ci

dessous nommés pour les travaux de construction de la nouvelle église russe à Florence et de procéder ensuite à la mise en adjudication des tels travaux.

Répondant à l'invitation de l'architecte Boccini les maitres maçons 1) Matteini Pietro 2) Cambi Enrico 3) Picci Giuseppe 4) Cecchi Scipione ont présenté dans les enveloppes cachetées leurs offres avec l'indication de rabais qu'ils étaient prêts à faire sur les prix que Mr. Boccini leur avait proposés. En même temps ils ont déposé au Consulat Impérial la caution d'usage de 2000 lires chacun.

Après ouverture des enveloppes cachetées les offres se présentent ainsi: rabais en % sur les prix de Mr. Boccini: pour le total des fondations seuls travaux de maçonnerie Matteini Pietro 0,1% 3,5%, Cambi Enrico 0,8% 6,8%, Ricci Giuseppe 0,4% 7,4%, Cecchi Scipione 0,3% 4,5%.

Le gérant du Consulat déclare que les données de ce tableau ne pouvaient servir de base pour la mise en adjudication des travaux à faire, vu qu'elles se trouvaient en contradiction évidente tant avec les dispositions du protocole des séances du 5 (15), 6 (18) et 8 (20) Mars 1899 au sujet de la construction d'une nouvelle église russe à Florence qu'avec les prescriptions contenues dans la lettre de S. E. Mr. Nelidoff Ambassadeur de Russie à Rome à l'archiprêtre W. Levitsky en date du 18 (30) Mars 1899, et d'après lesquelles les offres des maitres maçons sur la proposition de Mr. Boccini devaient être faites et détaillées séparément: 1) pour les travaux des fondations, 2) pour les travaux de maçonnerie à partir des fondations jusqu'au toit, 3) pour le total des travaux de maçonnerie. Par conséquent le Consulat Imperial se voit obligé de décliner toute participation à la mise en adjudication des travaux projetés dans les conditions actuelles.

L'archiprêtre Levitsky fait remarquer qu'il croyait impossible de remettre encore le commencement des travaux d'autant plus que la date fixée à cet effet était déjà dépassée de plus de deux mois. De plus un renvoi de la mise en adjudication de travaux à une date ultérieure ne pourraient donner aucun résultat pratique étant donné que les rabais faits par les maitres maçons seraient toujours plus élevés dans l'adjudication en bloc que dans l'adjudication partielle, et par conséquent on arriverait nécessairement au système de l'adjudication de travaux en bloc.

L'architecte Boccini est aussi d'avis, que la mise en adjudication en bloc est le moyen le plus avantageux et indiqué pour la construction projetée et que les rabais offerts sur les travaux à exécuter séparément n'atteindraient jamais ceux déjà faits sur le total de travaux de maçonnerie.

L'archiprêtre Levitsky déclare qu'il désirait prendre une décision immédiate et qu'il en assumait toute la responsabilité, se basant sur les pleins pouvoirs qu'il tenait de la part de S. E. l'Ambassadeur de Russie à Rome par rapport à la construction de la nouvelle église. Par conséquent il a procédé, de concert avec l'Architecte Boccini, à la mise en adjudication immédiate des travaux.

Pietro Matteini et Scipione Cecchi, come offrant les rabais les moins avantageux sont éliminés, et la caution (de L. 2000 chacun) leur est restituée. Étant donné la différence insignifiante entre les offres des deux restants Cambi Enrico et Ricci Giuseppe ces derniers — sur un proposition de l'architecte Boccini — se mettent d'accord pour s'associer dans l'exécution de tous les travaux, qui leur sont adjugés en bloc avec le rabais du plus offrant, soit de 7,40%. Par conséquent, l'archiprêtre Levitsky muni de pleins pouvoirs à cet effet, procédera ensuite à la conclusion des contrats avec les maîtres maçons Cambi Enrico et Ricci Giuseppe;

Les cautions des ces derniers ayant été déposées en même temps que les enveloppes cachetées contenant les offres contre reçu du Consulat Imperial, restent provisoirement en dépôt au Consulat. Monsieur Hoeltzke se réserve d'en référer et de demander des ordres à ce sujet à S. E. Mr. Nelidoff, Ambassadeur de Russie à Rome, Constantin Hoeltzke, l'archiprêtre W. Levitsky; G. Boccini⁵⁵⁷.

Примечание первое: консульство было предупреждено за пять дней — 17 (29) мая, отношение № 64 — о торгах и о той форме их, в какой они, как выше показано, состоялись. Документы, на основании коих торги должны были происходить, консульству также были известны. Было достаточно времени указать и исправить незначительную формальную ошибку, допущенную в приглашениях на торги.

Примечание второе: Его Высочайшее Превосходительство А. И. Нелидов распорядился исправить вышеупомянутую формальную ошибку в способе производства торгов отобранием письменных заявлений от подрядчиков Риччи и Камби о том, сколько они сделали бы скидки на пропущенную на торгах форму подряда, т. е. на работы без фундамента. Ответ Риччи: 1,2%. Ответ Камби: 2,1%.

Протоиерей В. Левицкий

№ 14. 24 мая (5 июня) 1899 г.

Первые работы

В понедельник 24 мая (5 июня) явились первые рабочие со старостой, по имени также Джузеппе Риччи (отнюдь не родственник подрядчика, но только соименник), и первой работой была рубка деревьев, самозасеявшихся и разросшихся на земельном участке до степени настоящего леса: прошло 14 лет от покупки земли!

Засим в течение недели производилась планировка местности, с отметкой колышками окружности церкви, и ограждение места постройки дощатым забором.

Самозасеявшийся персик в северном углу срублен, обремененный таким количеством плодов, что это возбуждало жалость самих рабочих: *proprio un quintale di pesche!* [«Не меньше центнера персиков!»] Точно так же и кусты черной смородины никогда не давали такого обильного и крупного вида ягод, как в этот последний, предсмертный их урожай. Удалось спасти и перенести 4-5 кустов, прочие безжалостно вырублены.

Подготовительные измерения, планировка и чистка местности продолжались целую неделю, до субботы 29 мая (11 июня).

Долго нельзя было получить разрешения от Думы на открытие в кирпичном заборе на улице Льва Десятого двух временных ворот, без чего невозможно была подвозка материалов. Причина замедления в выдаче разрешения совсем особая: приближались муниципальные выборы, и все думские чиновники поглощены были подготовкой их.

№ 15. 29 мая (11 июня) 1899 г.
Начало работ и молебствие

В субботу 29 мая (11 июня) начаты формальным и официальным образом строительные работы.

Александр Иванович Нелидов, возвращавшийся из палестинского своего паломничества, утешил своим присутствием на скромном и столь давно ожидавшемся торжестве: он нарочно остановился для этого на один день во Флоренции на пути из Венеции в Рим, вместе с младшим своим сыном Александром.

Предупреждены были об освящении начала работ все немногочисленные в это время во Флоренции соотечественники и единоверцы, но не все пожаловали; прискорбно было ничем не оправдываемое уклонение трех или четырех старожилок, усердствовавших некогда в подписании адреса посольству о способах постройки церкви, о чем см. «Докладную записку». Собралось, однако же, на молебен душ 20-25, в том числе семейство генерального консула А. А. Челебидаки, который сам находился в отпуске в России.

После молебна с водосвятием, совершенного в церкви (хор исполнил «К Богородице» Архангельского и «Святой Боже» Чайковского), вышли с пением «Спаси Господи люди Твоя» на место постройки, где с правой,

северной стороны будущего алтаря устроен был дощатый помост с холщовым обширным навесом для богомольцев на случай дождя: день был серенький.

Обхождение намеченного для церкви места начато, по уставу, с севера против солнца. Впереди шествовал о. Иоанн Левицкий, священник на должности псаломщика, с кадиллом и образом Рождества Христова, храмового праздника; за ним — настоятель с крестом и кропилом, в сопровождении псаломщика Дмитрия Бережкова с великолепною водосвятною чашей из бывшей церкви Демидовых. Присутствовавшие и хор, с пением «Спаси Господи», оставались под навесом.

Окропление по всей окружности будущей церкви совершено было не только святою водою, но и слезами.

По окончании оною, при пении архиерейского «Кирие элейсон», священнослужители положили начало копанью рвов.

За сим провозглашено было «многолетие» Царствующему Дому, Св. Синоду и митрополиту Антонию и, наконец, «благоговейному и богобоязливому боярину Александру и всем ревнителям святых Православных Веры».

Дом настоятеля после сего посетили: А. И. Нелидов с сыном, Анна Петровна Исакова³⁵⁸, архитектор Боччини и управляющий консульством Константин Карлович Гельцке.

За чашкой чаю и бокалом шампанского г. императорский посол высказал настоятелю церкви несколько очень сердечных и ободрительных пожеланий: спаси его Господь!

Высокопреосвященному митрополиту Антонию³⁵⁹ послана была настоятелем телеграмма с извещением обо всем и с испрошением благословения и молитв. Ответ на другой день получен латинскими буквами по-русски: «Сердечно радуюсь, шлю мои молитвенные благожелания и благословение». Телеграмма и ответ владыки для сведения прихожан выставлены в притворе церкви.

№ 16. Рвы для фундаментов

По данным бурения (см. № 7) предположено было закладывать основания на глубине 2,5–2,8 м. Пришлось, однако же, по всей окружности главного здания и под пилонами углубиться до 2,9. Под крыльцом признано достаточным 2,5, а под водоотводной стенкой (scanafosso) 1,3–1,5. Промежутки между пилонами, над которыми арки — 2,3.

При ширине главных рвов (под пилонами и углами) 1,9 и глубине 2,9, выемки оказались весьма значительными и ямы — страшными. Для прочно-

сти пришлось забыть экономию, хотя и сами строители проговариваются о расточительности (*spreco del denaro*).

Начата кладка фундамента здания с южной стороны, вручную, а не буром, как обычно (*a getto*) — для прочности.

Цена первого способа 9,50 [лир] за куб. метр, цена второго 7,00 лир, — считая в том и другом случае также и выемку земли.

Первоначальное число землекопов (пять человек) увеличено до девяти.

Трудность земляных работ увеличивалась необходимостью сообразовать их ход с подвозом и складыванием строительных материалов, для чего место церковное, при существовании «временной церкви», оказалось недостаточно просторным.

№ 17. 10 (22) июня 1899 г.

Вторая присылка рисунков и шаблонов Г. Преображенского

Согласно договору, академиком Преображенским высланы и 10 (22) июня получены шаблоны и рисунки каменотесных украшений от цоколя до первого общего карниза на высоте примерно 9 метров от уровня улицы.

Некоторые отступления в шаблонах от рисунков первой высылки породили недоумения и запросы, которые изложены инженером Боччини и протоиереем Левицким в письмах к академику Преображенскому от 10 (22), 11 (23) и 12 (24) июня. При внимательнейшем изучении шаблонов иные из недоумений рассеялись; для других необходимы объяснения.

№ 18. Водяное отопление

Обычное духовое отопление оказалось неудобоприменимым и нежелательным для новой церкви.

В нижней церкви трудно было бы устроить каналы для него, не обезобразив сводов; в нижней и верхней церкви оно, во всяком случае, мало-помалу, отложило бы значительный слой копоти и пыли с повреждением живописных и других украшений. Духовое отопление не довольно гигиенично, принося всегда вместе с нагретым воздухом, при посредстве железного аппарата, и газы горения.

Водяное отопление предпочтительно во всех отношениях, хотя первоначальная его установка значительно дороже, чем духового.

Известная в Италии немецкая фирма Кэртинг, имеющая свои мастерские в *Sestri Ponente* и своего представителя во Флоренции, инженера

Данте Паренти, прежде всяких переговоров об устройстве отопления пожелала ознакомиться с планами церкви, которые поэтому и нужно было переслать в Sestri Ponente для снятия копий.

Пользуясь этим случаем, сочтено было полезным снять также и для Флоренции, для употребления при работах, по три копии каждого из главнейших рисунков, всего тридцать листов, — по одному экземпляру (для инж. Боччини, для каменщиков и для настоятеля). Стоимость этих копий, сделанных аутотипическим способом, вместе с почтовой пересылкой равна 52 лир 50 цент. Рисунки ак. Преображенского спрятаны для сохранности.

Первые переговоры с фирмой Кэртинг начаты одновременно с кладкой фундаментов, в июне 1899 г. За постановку: а) котла с топкой, б) четырех печей в нижней церкви и в) восьми в верхней, со всеми трубами, фирма запросила 4 тыс. лир.

№ 19. 8 (20) июля 1899 г.
Торги на каменотесные работы

Несмотря на некоторые недоумения и неясности в шаблонах акад. Преображенского (см. № 17) решено не откладывать сдачи подряда на каменотесные работы от цоколя до первого главного карниза — в предположении, что затребованные разъяснения будут даны акад. Преображенским в течение первоначальных работ и что в ходе оных задержки не последует.

Внимательное изучение шаблонов привело к убеждению, что для облегчения торгов необходимо разделить каменотесные работы на различные категории с разной оценкой, а именно: 1) цоколь из твердого камня, метр. куб. — 250 лир; 2) светлый камень плоской поверхности, тертый — 100; 3) тоже, в карнизах, без орнамента и выступа — 190; 4) тоже, с орнаментом и выступами — 250; 5) окна большие, поштучно — по 1350; 6) окна меньшие, тоже поштучно — по 350; 7) два киота в боковых фронтонах — по 500.

На торги в Императорском консульстве вызвано было по четыре фирмы предпринимателей; но представитель одной из них, Эджисто Орландини, найдя предложенные инженером Боччини вышепоказанные цены не только не допускающими никакого понижения, но и прямо неудобоприемлемыми, от участия в торгах отказался. Представители трех других фирм, явившись в консульство и внося условленные залоги (по две тыс. лир), подали в запечатанных конвертах свои предложения уступок, и по вскрытии оказалось, что противу заявленных им цен, уступают: 1) фирма Феронни и Бекали — 2%; 2) Джовакино Бетти — 5,2%; 3) Эмилий Бикиелли и Уго Маяни — 8,77%.

Ввиду наибольшего понижения, а равно и хорошей репутации, коею уже в трех поколениях пользуется фирма Маяни по каменотесным работам, владея собственными отменно хорошими каменоломнями в Маяно, близ Фезоле, в так называемом Monte Cesero (образцы камня были представлены на торги всеми торговавшимися), решено оставить каменотесные работы от цоколя до главного карниза за товариществами Бикиелли и Маяни, и на представленные ими образцы камня твердого и светлого наложены печати консульства, и образцы сданы, для сличения в работах, настоятелю.

Другим торговавшимся возвращены консульством залогом и образцы камня.

Контракт с каменотесами Бикиелли и Маяни подписан в студии адвоката Пеккиоли в присутствии инженера Боччини 3 августа (22 июля) — причем внесен ими дополнительный залог, в обеспечение и исправности работ, в Императорское консульство 2 тыс. лир.

Примечание: контракты, заключенные как с подрядчиками каменной кладки, также и с каменотесами, не были заявлены ими в правительственном регистре; в обеспечение же уплаты такового регистра в двойном количестве, в случае возникновения исков и споров, подрядчики пожелали внести еще новые залогом в Императорское консульство в 2,4% со стоимости (приблизительной) взятых подрядов, заявив таковое желание письменно настоятелю церкви, как представителю посольства. По доведении о том до сведения г. императорского посла им дано разрешение на принятие таких залогов, и оные консульством приняты в количестве: шестидесяти лир 5% ренты (1200 капитал) от подрядчиков Риччи и Камби и такого же количества от подрядчиков каменотесов Бикиелли и Маяни. Залогом возвращаются при вполне удовлетворительном исполнении подряда.

№ 20. Работы в течение августа 1899 г.

В течение августа месяца работы шли без малейшего перерыва. Погода всё время стояла сухая и жаркая; с 17 (29) июля, когда с полудня до вечера шел проливной дождь, не было более остановок, за исключением одного дня, 3 (15) августа, праздника.

Поэтому стены на фундаментах подняты во всех пунктах здания на 1,5 и на 2,5 метра, точно так же и стены водоотводной канавки (scanafosso).

Приступлено к установке кружал для постройки сводов: 1) над scanafosso; 2) под лестницей на крыльцо; 3) под крыльцом; 4) под средней частью храма.

Что касается сводов в алтарной апсиде, то явилась необходимость просить у акад. Преображенского некоторых объяснений.

Приложения

Каменотесы Бикиелли и Маяни также деятельно старались исполнить принятый подряд. Контракт с ними подписан 3 августа с соблюдением всех тех же условий, как и с каменщиками.

Баракка ³⁶⁰ для производства каменотесных работ устроена к этому же времени и тотчас же начались подвоз и обработка цоколя и ступеней лестницы.

Цоколь: до конца августа привезены около половины требуемого количества (45 кусков) и обработано штук 20. Ступеней лестниц: малого размера 11 штук, сработано и на место вправлено; большего размера для главного хода в нижнюю церковь приготовлено 14. Материал и работа удовлетворительны.

№ 21. 17 (29) августа 1899 г.

Письмо инж. Боччини и прот. Левицкого к акад. Преображенскому

а) При изучении рисунков оказалось непонятным одно место чертежа № 19, а именно: углубление над сводом алтаря нижней церкви неизвестного назначения, вследствие которого, однако же, самый свод значительно стал бы ниже.

б) Первые карнизы на боковых и на средней части здания, видоизмененные акад. Преображенским против шаблона № 38, оказалось возможным оставить в прежнем виде, приспособить к ним верхние их части из меди в виде желобов для стока дождевой воды в чугунные трубы, заправленные внутрь стен.

О том и другом вопросах послано инж. Боччини Преображенскому письмо с приложением двух чертежей и просьбой протоиерея Левицкого дать ответ депешей.

Кроме того, сообщен акад. Преображенскому краткий протокол о необходимости употребить входную дверь церкви Демидовской в главный вход церкви, на крыльце, а не в ходе в церковь нижнюю, где она поместиться не могла бы и не была бы видна.

№ 22. 17/29 августа 1899

Рапорт митрополиту С.-Петербургскому об обряде «основания церкви»

В силу церковных канонов, храм не может быть основан без разрешения и благословения архиерея. Посему испрошено таковое разрешение у Высокопреосвященнейшего митрополита Антония с пояснением, что обряд

«основания» имеет быть совершен 8 (20) октября с. г., что к совершению его приглашен архимандрит православной церкви в Риме о. Климент ³⁶¹ и что церковь посвящается: нижняя — имени Святителя Николая, верхняя — в честь Рождества Христова, как и доселе существующая «временная церковь», а равно и бывшая походная, отчасти сохранившаяся церковь императора Александра Благословенного.

№ 23. Ход работ в течение сентября 1899 г.

Благодаря весь месяц стоявшей сухой погоде работы значительно подвинулись. Выведены своды: а) под главную лестницу, б) под крыльцом, в) под переднюю часть церкви, г) для средней главной части храма. Свод, упирающийся в четыре арки, также весь выведен и закрыт до конца месяца. Соответственно этому подняты и стены главные, а также и водоотводная стенка вокруг всего здания. Над водоотводной канавой с трех сторон здания выведены сводики и выровнена их наружная поверхность под тротуар. С четвертой, северной стороны, где «временная церковь», за невозможностью насыпки земли к стенке, не поставлено сводиков над канавой по неимению для них достаточного упора, но канаву предположено накрыть плитами (lastroni), на коих и будет в свое время положена другая тротуарная плита.

Выведена главная лестница в нижнюю церковь.

Каменотесы приготовили большую часть цоколя из *pietra forte* и несколько значительных кусков [*pietra*] *serena*. Добыча *pietra forte* затруднена была в последних днях сентября выпавшими обильными дождями.

Г. посол, прибывший из отпуска 3 октября (21 сентября) и остававшийся во Флоренции до 6 октября, при двукратном посещении работ выразил свое удовольствие инженеру Боччини и даже удивление относительно такого быстрого хода работ. Пятого октября намечены г. послом главные условия совершения закладки храма: а) опубликовать в газетах главные обстоятельства хода дела; б) назначить торжество на субботу 16 (28) октября, если время позволит выполнить все приготовления к закладке; в) устроить на готовых частях сводов помост с шатром, более или менее украшенным, с удобным к нему ходом; г) устроить в квартире настоятеля завтрак после церковных церемоний с приглашением всех русских и высших местных властей; проект приглашений и меню завтрака г. послом одобрены. Предположено до 60 кувертов на трех столах в трех комнатах настоятельской квартиры.

Одновременно с г. послом прибыл во Флоренцию великий князь Павел Александрович и пробыл до 5 октября; но на постройках не был и о ходе их не осведомлялся.

№ 24. Дело о походной церкви императора Александра I

Великий князь Георгий Михайлович, председатель Музея имени императора Александра III (Михайловский дворец в С.-Петербурге) ³⁶², путешествуя по Италии, как сам заявлял, с целью приобретения чего-либо полезного для этого музея, прибыл в начале октября во Флоренцию и здесь совершенно случайно узнал о существовании русской церкви и о часах службы в ней.

Присутствуя за литургией в воскресенье, 3/15 октября 1899 г., великий князь очень остался доволен пением и службой и выразил это через г. императорского консула настоятелю. Это дало повод настоятелю при проходах великого князя, изложить вкратце историю русской церкви во Флоренции. При упоминании, что в этой церкви хранится бывшая походная (полотняная) церковь императора Александра I, путешествовавшая с ним на различные европейские конгрессы и писанная известным художником Шебуевым, Его Высочество вспомнил, что слышал об этом от генерал-лейтенанта А. Киреева ³⁶³ и тут же выразил намерение предпринять старания об отправке этой церкви «в Музей императора Александра, где ей самое надлежащее место, так как здание это (Михайловский дворец) строено Александром I».

Его Высочество поручил настоятелю довести об этом до сведения А. И. Нелидова, сам лично обещая переговорить об этом с послом при посещении Рима.

Исполняя волю великого князя, настоятель в письме к г. послу от 5 (17) октября подал мысль ходатайствовать через великого князя пред государем императором об оказании русской, создаваемой во Флоренции, церкви пособия от щедрот царских, как было таковое оказано другим ново-строющимся заграничным церквам. Мысль настоятеля была принята г. послом, и о пособии от государя говорено великому князю.

Было опасение, не истлела ли церковь, находясь с 1879 г. заколоченною в ящик? По вынужтию, она оказалась в совершенно неповрежденном виде в своих главнейших частях.

№ 25. 16(28) октября 1899 г.

«Чин основания церкви», или закладка

Невозможно передать всех бесчисленных хлопот, разъездов, поисков, переговоров, которые потребовали приготовления к торжеству. Они начались с 9 окт. н.ст., и тягость их увеличивалась печальным обстоятельством тяжелой болезни одного из членов семьи настоятеля, 2-летней внучки Надежды ³⁶⁴, возвратившейся из Петербурга в почти безнадежном состоянии.

Когда в четверг 14 (26) октября прибыл из Рима г. посол с сыном, то лишь тогда сочтено было возможным разослать приглашение на церемонию закладки, на субботу 16 (28) в 11 часов утра.

Большая часть приглашений была разослана с нарочным, преимущественно местным властям, к коим предварительно сам настоятель с г. консулом являлись лично.

Лично же настоятелем переданы предварительные приглашения представителям различных инославных местных церквей, начиная с архиепископии Флорентийской. Там, за отсутствием архиепископа, не вступившего еще в должность, викарий его объяснил настоятелю, что по церковным римско-католическим правилам ни сам он, ни кто-либо другой из священников, ни даже из мирян католиков, не могут принять подобного приглашения, хотя и благодарят за внимание. Пасторы церквей некатолических приняли приглашение дружественно, и трое были приглашены и к завтраку: Андрэ — французско-реформатский, профессор Комба — вальденский и Фери — итальянско-евангелический ³⁶⁵.

В пятницу в 3 часа прибыли о. архимандрит Климент из Рима с диаконом Флеровым, прямо на спевку, для соглашения о порядке службы.

В субботу с 7 часов утра нужно было спешно заканчивать последние приготовления, преимущественно украшение цветами шатра.

На алтарном месте, возвышавшемся на две ступени, устроено было направо — место для русских почетнейших лиц, налево — для местных властей. Впереди первых, в углу — помещение для певчих; впереди вторых — для рабочих.

Флагов было размещено до тридцати: большие — итальянские и русские, малые — греческие, румынские и черногорские — группами. Крест из цветов венчал фасад шатра.

В 10 часов началась литургия, соборне; певчие пели с видимым старанием; «Херувимская» никогда не была исполнена с таким совершенством! К сожалению, большинство русских опоздало к обедне. И лишь довольно продолжительная проповедь о. архимандрита (о значении храма) дала им возможность прибыть к началу крестного хода.

Крестный ход из церкви по Lungo il Mugnone и via Leone X: четыре хоругви, несомые каменщиками; певчие с пением «Христос рождается»; псаломщик Бережков с крабейцей, содержавшей монеты; диакон с кадилом и трикирием; свящ. Иоанн Левицкий с малым Евангелием; протоиерей Левицкий с чванцем золоченым благоуханного ея; о. архимандрит Климент с великим крестом.

Обряд «основание церкви» совершен по чину. К камню, в коем положении была медная доска с надписью, прикладывали известь: А. И. Нелидов,

В. К. Саблер ³⁶⁶, г. консул [Челебидаки] и А. А. Зубов. Под хартией подписались и русские и местные представители, кроме настоятеля, которому забота по подписям других и о предстоящем произнесении речи, помешали приложить свою подпись.

Речь по-русски произнесена была пред русскими; речь по-итальянски, с левой стороны, пред властями. Последняя, на тему о связи патриотизма с религией, произвела впечатление и была напечатана полностью в «Fieramosca» и в извлечении в «Nazione».

Когда хартия была вложена вместе с монетами в свинцовую трубку и запечатана печатью церкви, приступлено было к замурованию ее и камня. Тогда только приглашены были местные власти настоятелем совершить обряд закладки, молотком и лопаткой; префект граф Карачоло ди Сарно, синдик ³⁶⁷ маркиз Пьетро Торриджани, корпусный командир генерал Бальдиссера и, наконец, инженер Боччини один за другим спускались в алтарное углубление для совершения этой церемонии, причем настоятель произносил за них по-итальянски: «in nome del Padre etc.» [«Во имя Отца и т. д.»].

Завтрак пришлось устроить у «Doney» ³⁶⁸, по неблагоприятию дома настоятеля. Тосты за завтраком: посол — за короля Гумберта; префект — за царя; синдик — за русских вообще и Демидовых в особенности; архимандрит — за митрополита; настоятель — за г. Нелидова; Нелидов — за настоятеля, консул — за властей. Разошлись в 3 часа пополудни. В. К. Саблер на завтраке не присутствовал, А. А. Зубов тоже нет. Из 50 приглашенных собралось всего 42 человека.

№ 26. 5 (17) ноября 1899 г.
Первая уплата каменотесам

По контракту, каменотесы должны были исполнить весь цоколь из твердого камня к 15 октября.

Условие было выполнено, и сверх того исполнено было немало работ и из pietra serena. Ко дню закладки средняя часть апсиды, для образца, выполнена была вся, до карниза и начало кирпичной облицовки на уровне пола, включительно: на этом именно уровне (пола) заложены как первый камень с доскою (в стене), так и камень престола, где водружен деревянный крест.

Хотя и были делаемы каменотесам замечания по поводу некоторых кусков камня, не вполне чистых, но в общем работа и материал оказались удовлетворительными; а потому по проверке работы инженером Боччини, а также настоятелем оказалось по измерению: pietra forte, м³: 15,647 по 250 лир — на 3911,75; pietra serena, м³: 4,715 по 190 лир — 893,85; всего — 4807,60; за вычетами 8,77% понижения на торгах — 424,62. Предоставить

к уплате — 4385,98; и за удерживанием на 1 год 10% гарантии — 438,59; к выдаче каменотесам немедленно — 3947,39, на какую сумму и испросить у г. консула чек, отношением от 4/16 ноября 1899 г. № 143.

№ 27. Счет расходов по «закладке церкви»

1) Подрядчикам Риччи и Камби за остов шатра и помост — 650 лир; 2) Никколини за наем брезентов для покрытия одного — 123,65; 3) обойщику Боччини за 3 дня работы по украшения одного — 55,00; 4) цветочнику Чанки за цветы и растения — 80,00; 5) Пейрону за материю для флагов — 37,55.

Всего стоимость шатра с украшениями — 946,20, в этой же сумме и стоимость двух деревянных крестов, одного на алтарном камне водруженного, другого — осьмиконечного, на высшей мачте лесов, а равно и стоимость 32 древков для флагов. Снятие шатра, потребовавшее трех с половиной дней работы, также вошло в сумму 650 лир, сбавленных с 879, [за]требов[анных] подрядчиками.

Сверх того: 6) доска медная с гравированной слав. надписью — 120,00; 7) свинцовая трубка для пергамента и монет — 3,00; 8) золотые и серебряные монеты, русск. и итал., — 61,05; 9) вина рабочим 13 фьясок³⁶⁹ — 15,60; 10) литографирование приглашений — 15,00; 11) дневная плата рабочим — 93,95; 12) певчим, с приготовлением нот — 150,00; 13) свечей, масла для трех люстр и ладану на 78,05; 14) за день пансиона римскому притчу у г-жи Томазелли — 20,00.

Итого расходов по закладке церкви — 1502,85, которые покрыты из собранных на построение церкви сумм, согласно разрешению г. императорского посла А. И. Нелидова.

Стоимость же обеда у «Донэ» (1060 лир), фотографий процессии (24,00), газетных статей (33,00), карет (25,00), хоругвеносцев и сторожа (12,00), блюд, молотка, лопатки и сосуда для масла (39,25) — всего разных расходов экстренных на 1193,25 — то таковые покрыты из независимых от церковной кассы средств. Общий итог издержек по закладке — 2696,10.

№ 28. Ход работы в ноябре 1899 г.

Сверх ожидаемого и вопреки обычному, осень была сухая и долго теплая. Благодаря этому работы продолжались весь ноябрь безостановочно. Ход их задерживался лишь трудностью задачи каменотесов. Число их с 14 увеличено до 22, выстроена новая, 2-я баракка. И все-таки замедление с их

стороны заставило уменьшить постепенно число кладчиков до трех, и стольких же носчиков. К концу ноября: закончены своды всей нижней церкви и облицовка стен до пояса на уровне пола (cognicione) верхней церкви; заготовлена большая часть самого cognicione, но постановка его задержана наступившими в конце ноября заморозками.

Облицовочный прессируемый кирпич истребован из четырех мест: а) из Сиены — слишком мягок и бледен; б) из Сиечи — груб, мягок и дурного цвета; в) из Синья от Бонди — лучше предыдущих; г) из Латерина от Бутурлиных³⁷⁰ — удовлетворителен по цвету и составу, но неаккуратен по форме.

1 (13) декабря 1899 г.: до приискивания вполне удовлетворительного кирпича предложено в случае нужды приостановить работы.

№ 29. Третья партия рисунков г. Преображенского

Согласно контракту, 1 декабря выслана из С.-Петербурга, а 8-го получена во Флоренции 3-я партия рисунков г. Преображенского, в трех коробках, значительно пострадавших от пересылки.

Всех рисунков — 55 листов, представляющих шаблоны крыльца, куполов и майолики.

Письмо г. Преображенского не заключало в себе всех ожидавшихся ответов на предложенные ему в течение лета вопросы.

Вследствие получения новых рисунков (крыльца) 11 (23) декабря испрошено разрешение г. посла на продолжение контракта с теми же каменотесами на тех же условиях, без новых торгов.

Затребованы образцы облицовочного кирпича из Марсея, через представителя тамошних фирм, по совету г. посла.

Погода продолжает стоять суровая, и льды мешают работам.

Подрядчики предуведомлены о приостановке с концом декабря работ кладки на неопределенное время.

№ 30. Покража в церкви 17 (29)/18 (30) декабря

В бурную ночь с 17 (29) на 18 (30) декабря злоумышленники сквозь взломанные двойные ставни окна на внутренней лестнице проникли в церковь и унесли всю почти утварь, ценою более чем на 10 тыс. лир. Для совершения литургии пришлось купить чашу, дискос и ковшик — католические. Полиция, приглашенная утром 18 (30) декабря, арестовала двух рабочих и под-

вергла допросу всех остальных 38 человек, участвующих в работах. Никаких улик, ни следов кражи не открыто; арестованные выпущены.

Подрядчики согласились наконец держать при работах постоянного ночного сторожа, о чем им было поставлено на вид с самого начала работ.

№ 31. 12 (24) января 1900 г.
О необходимости некоторых изменений
в расположении «верхней церкви»

Особое совещание 5 (17), 6 (18) и 8 (20) марта 1899 г. по поводу построения во Флоренции русской церкви рассматривало чертежи проекта означенной церкви, составленного ак. Преображенским и одобренного Св. Синодом. Чертежи эти состояли из: а) главного фасада, б) бокового, в) поперечного разреза, г) плана верхней церкви, д) плана нижней церкви и е) плана местности.

Как чертежи эскизные, будучи составлены в довольно мелком масштабе, они не могли дать наглядного представления о поместительности церкви и о том, насколько удобною может оказаться она применительно к разным потребностям богослужения.

Из плана верхней церкви можно было усмотреть, что 1) клиросы в ней намечены непосредственно примыкающими к солее и иконостасу; 2) солея намечена шириною в 1,5 м и 3) иконостас предположен из четырех образов (два на пилонах арки) и трех врат, в общей сложности шириною в 7,10 м. Уже и тогда высказаны были опасения за поместительность церкви, отдающей под алтарь с солеею и ризницами более половины всей своей площади.

Когда же в мае, 9 (21), получены были окончательные чертежи и планы, в масштабе $\frac{1}{50}$ м, то оказалось, что в них сделаны значительные отступления от эскизного проекта, без сомнения, в целях изящества и стильности, но далеко не в пользу поместительности и практических потребностей.

Оказалось, что иконостас верхней церкви, применяясь к ширине арки (5,4), сократился в числе образов до двух всего местных икон, плюс — трое врат, из коих северные и южные по-прежнему остались узкими, всего лишь в 0,75. Солея при этом настолько выдвинута вперед и так расположена, что клиросы не могли быть помещены в непосредственной связи с нею, а отнесены по сторонам и помещены за пилонами, перед дверьми в ризницы. И если клиросам дан значительный простор (2,75×9), зато они оказались слишком удаленными от алтаря и иконостаса и, будучи заграждены перегородками, отнимают по одному окну из имеющихся двух с каждой стороны церкви.

В общем, от такого расположения соли и клиросов церковь получила своеобразный вид: имея в ширину от стены до стены 16,5 м, она имеет в длину, от соли до западной арки, с которой собственно и начинается церковь (наос), всего 5,5 м. Вследствие чего, при совершении, например, таких служб, как крещение, венчание, отпевание, плащаница, когда середина церкви должна быть занята аналоем, купелью, катафалком с подсвечниками вокруг и свободным около ходом, церковь не только может показаться, но и действительно окажется тесною, загроможденною, неудобною. Для плащаницы, например, требуется пространство от соли в длину, по меньшей мере, 3,85 м, для отпевания — 5 м, а для венчания — целых 6 м.

Всё это стало очевидным лишь в тот момент, когда пришло время приступить к возведению стен и арок верхней церкви.

Что касается нижней церкви, то и в ее распланировке окончательный план ввел перемены против проекта эскизного не в пользу ее поместительности. Скошенные углы во всех перекрестках стен и пилонов не дают возможности поставить все принадлежности Демидовской церкви³⁷¹ на тех местах, где это предполагалось при эскизном проекте. Да и самый иконостас нельзя поставить ни в алтарной арке (5,4), ни перед нею (6,6), как предполагалось прежде; его придется разрезать в двух местах и поставить за аркою, по ломаной, вогнутой линии. Придется также, чтобы употребить в дело хотя часть Демидовских киотов, изрезать их по длине и по ширине, чтобы хотя в некоторой мере использовать это богатое пожертвование, что и само по себе, и по ценности жертвы есть нравственная обязанность.

Для верхней церкви всегда было предполагаемо устроить иконостас новый, вполне стильный, по первоначальной смете в 10 тыс. лир. Нельзя поэтому не пожалеть, что этот новый иконостас на окончательном плане сократился даже против размеров Демидовского, ограничившись всего двумя местными иконами, не приобретя при том никакого расширения в северных и южных вратах!

Желательно посему и даже необходимо сделать такие, в пределах возможности, изменения в распланировке верхней церкви, которые, с одной стороны, позволили бы расширить ее иконостас, прибавкой двух образов, а с другой стороны, придали бы самой церкви более поместительный вид и удобство. Для достижения сего не представляется других средств как: 1) уменьшить, хотя бы в незначительной мере, толщину пилонов и расширить через то арки; 2) сократить ширину соли и 3) уничтожить помещение для певчих перед ризницами и устроить таковое в самих ризницах.

1) Пилоны в верхней церкви имеют, по окончательному плану, ту же толщину, что и в нижней. По обычному же приему строительства в верхних этажах толща кладки уменьшается против кладки этажей нижних. Уж на

этом одним основанием не представлялось бы затруднительным уменьшить толщину верхних пилонов на 0,125 каждого, а, следовательно, расширить арки и с ними иконостас на 0,25. Но их можно расширить и более, если уничтожить все те выступы, по 0,5 с каждой стороны, кои по плану назначены были для колонн, ныне, по желанию автора проекта, упраздняемых: тогда ширина арок, а с ними и иконостаса, увеличилась бы на целый метр, и поместительность церкви, по наглядному, по крайней мере, впечатлению, выиграла бы весьма много от уничтожения в особенности сказанных выступов в западной арке. Если такое расширение арок оказалось бы затруднительным, то можно бы удовольствоваться хотя бы половиною, разложив другую половину, по 0,25, на кронштейны в пятах арок, либо на капители пилястров и т. п. Всё это предполагается, понятно, лишь при том главном условии, что этому не будут безусловно противиться ни эстетика, ни стильность, ни прочность постройки. Если же они этому воспротивятся, тогда остается последнее средство — расширить иконостас и довести его до 6,4 и даже более: строить его по ломаной линии, вогнутой внутрь алтаря, который слишком велик. Тогда можно уничтожить весь выступ солеи в церковь и, следовательно, увеличить простор последней.

2) Сократить солею можно, во-первых, уничтожением в ней одной ступени, шириною 0,3 — чего легко достигнуть, понизив уровень алтарного пола на 0,05 и приведя его к 0,34 равняющимся двум ступеням, вместо предположенных 0,39, равняющихся трем. Сверх того, если устроить эти две ступени прямыми, как на эскизном плане, а не полукружиями, как на окончательном плане, то выгадывается еще до 0,75 пространства, а в общем 1,05 — что весьма важно при совершении служб вышеупомянутых. Полукружиями же можно устранить, как на эскизном проекте показано, клироса перед иконостасом, шириною в 2 на 1,2 — для помещения чтецов и хора человек в шесть.

3) Для полного же хора певчих, человек в 10–12 и более, помещение должно быть устроено в той и другой ризнице, в ближайшей связи с алтарем. Для этого, в целях акустики, следовало бы отделить ризницы от церкви не глухими стенами, а возможно широкими арками, в арках же устроить решетчатые золоченые перегородки, по подобию иконостаса, с дверью по подобию Царских врат, а перед оными возвышение в 0,17, шириною в 1,6 — по подобию солеи. Вторая ступень той же вышины ставится в виде порога в арках из ризницы в алтарь. При таком устройстве: 1) оба окна церкви останутся свободными; 2) певчие будут в ближайшей и необходимой связи со священнослужителями и не на виду у богомольцев; 3) они могут занимать свое место (в левой ризнице), никого не беспокоя; 4) получится свободное место для панихидного столика и аналоев с образами; 5) на перегородках можно устроить соответственной величины образа, на правой — Рождества

Христова ([образ] храма), на левой — Воскресения Христова, что требуется повсеместным православным обычаем, обратившимся в правило.

Н. В. Последние два пункта предположений подлежат осуществлению во всяком случае; иначе отправление некоторых важных служб сделается весьма затруднительным.

Протоиерей Владимир Левицкий.

(Вышеуказанная записка препровождена академику Преображенскому страховым пакетом, 13 (25) января, с убедительной просьбой ответить по телеграфу на два последних пункта и ускорить приездом для разрешения других недоумений).

№ 32. 2 (14) января 1900 г.
Вторая уплата каменщикам

По условиям контракта, уплата сия должна была совершиться через 3 месяца после первой, т. е. в конце ноября. Но обмер и проверка затруднены были кружалами и лесами. С другой стороны, подрядчик Камби предъявлял различные притязания, несогласные с контрактом, как равно он же предъявлял было преувеличенные требования по счету за построение и разборку шатра закладки. Вследствие сего подведение итогов стоимости работ, доведенных до уровня пола верхней церкви, замедлилось. Когда были подведены итоги, то оказалось, что они немногим превысили приблизительную смету архит. Преображенского. Всего, за удержанием 10% гарантии и 7,8% торгового понижения, пришлось выдать подрядчикам 9708,78 [лир].

В то же почти время выдано и арх. Боччини в счет условленного 3% гоно-рара, 600 лир.

Всех расходов в течение года произведено как в С.-Петербурге, так и во Флоренции 28 813,20, и наличность к началу 1900 г. равнялась 313 242,49, кроме земельной цены.

В начале февраля заболел Боччини воспалением легких; после 10-го дня начал поправляться.

№ 33. Ведомость о суммах на построение храма за 1899 г.
(представлено в Императорское посольство 2 (14) февраля 1900 г.)

А) в С.-Петербургском Учетном и Ссудном банке: 1) к 1 января 1899 г. состояло: 4% государственной ренты — 110 400 р. и в долгу за церковь — 3 р. 74 к.; 2) в течение года по приказам из Флоренции а) продано — 5500

б) вновь куплено — 3200; убыло из капитала — 2300; 3) к 1(13) февраля 1900 г. остается — 108 100 р.; 4) С.-Петербургским Учетным банком в течение года израсходовано: а) на уплату архитектору Преображенскому — 2513 р. 10 к.; б) на покрытие долга предыдущего года — 3,74; в) на разницу процентов по текущему счету — 84; г) чеки переводов во Флоренцию — 3952,50; д) в кредит нового счета на будущий год — 2,12; [всего] 6472 р. 30 к.; 5) на покрытие сего употреблено банком: а) поступившие по купонам 4% ренты за год — 4202,40; б) вырученные от продажи 2300 р. ренты — 2269,90. [Всего] 6472 р. 30 к.

Б) в церковной кассе: 1) состояло: а) пять акций Meridionale; б) наличными — 3900,95 лир; 2) вновь проступило: а) пожертвований — 3604,10; б) сборов в церкви — 1442,65; в) квартирных — 2900,00; г) за наем земли — 60,00; д) возврат 5% госуд. Налога — 161,85; [всего] 12 069,55; 3) из них обращено: а) на покупку новых 5 акций — 3815,60; б) путевые расходы акад. Преображенского — 600; в) исслед. почвы шурфом — 78; г) текущий счет в Cred[it]o Italiano — 7414,10; [всего] 11 907,70; 4) остается наличными в кассе — 161,85 лир.

Примечание: десять акций Meridionale, стоивших при покупке в среднем выводе по 740,80 за штуку, сданы в Credito Italiano, в обеспечение текущего счета, по биржевой цене 6 мая 1899 г. 763 за штуку.

В) в отделении банка Credito Italiano: 1) сдано на текущий счет в мае 1899 г.: а) десять акций Meridionale — 7630 лир; б) наличными — 1418,90; 2) вновь поступило: а) чеками из С.-Петербурга — 11 000,00; б) проценты по текущему счету — 36,10; в) по купонам акций — 329,40; г) наличными взносами — 5995,20; [всего] 26 409,60; 3) употреблено на уплату: а) каменщикам — 14 889,81; б) каменотесам — 3947,39; в) расход по закладки церкви — 1502,85; г) архит. Боччини 3% гонорара — 600,00; д) банковских расходов — 7,65; [всего] 20947,40; 4) остается в акциях по цене 6 мая сверх сделанного банком аванса (2168,10) — 5461,90.

Общие итоги за 1899 г.:

А) расходов: 1) наличными из кассы — 678; 2) чеками из Credito Italiano — 20 947,70; 3) из Учетн. банка выдано г. Преображенскому в 3 раза 2513 р. 10 к. по [курсу] 286 с[антимов] — 7187,50; [всего] 28 813,20.

Б) доходов: 1) по куп. 4% ренты — 12 018,86; 2) поступ. в кассу — 8168,60; 3) поступ. в Credito Italiano 365,50; [всего] 20 552,96; разница — 8260,24.

В) имеющихся капиталов и ценностей: 1) в Учетн. банке 108,100 р. госуд. 4% ренты, по биржев. цене 107 559,50, по курсу 286 чен[тезимо] за рубль — 307 618,74; 2) в Credito Italiano в акциях — 5461,90; 3) в церк. кассе наличными — 161,85.

Приложения

Всего имеется — 313 242,49 и сверх того участок земли в 2060 кв. м, на *viale in Curva*, объявленный к продаже за 20 тыс. лир.

Настоятель посольской церкви во Флоренции, протоиерей Владимир Левицкий (отношение в посольство № 26).

№ 34. 10 (22) февраля 1900 г.
Вторая уплата каменотесам, аванс $\frac{1}{2}$ счета

По случаю тяжелой болезни архитектора Боччини, счет каменотесов, подлежавший уплате согласно контракту около половины февраля, не мог быть должным образом проверен со всеми подробными измерениями, как того требует точный смысл условий того же контракта. Ввиду настоятельных просьб каменотесов, по предварительному соглашению с Императорским консульством решено выдать им аванс в половинном размере заработанной суммы, отложив уплату второй половины до времени возможности архитектору Боччини заняться проверкой счета. Выдан чек в 4 тыс. лир 19/22 февраля.

№ 35. 8 (21) марта 1900 г.
Приезд архитектора Преображенского по вызову

Вместо масленицы, как было предположено, арх. Преображенский прибыл на 3-й неделе Поста, с обещанием пробыть недели две. Вся неделя прошла в совещаниях с ним и инженером Боччини по вопросу главнейшему — устройства иконостаса, солеи, клиросов и проч. Посол, находившийся по случаю болезни в Нерви, поспешил прибыть во Флоренцию, для ускорения решений, в Субботу Крестопоклонную. В воскресенье 12 (25) марта назначено было совещание у него, в «Hotel Savoia».

№ 36. Протокол совещаний 12 (25)
и 13 (26) марта 1900 г.

По приглашению г. императорского посла и под его председательством, при участии г. императорского генерального консула во Флоренции А. А. Челебидеки, настоятеля церкви протоиерея В. И. Левицкого, академика М. Т. Преображенского и архитектора производимых работ Джузеппе Боччини, были рассматриваемы вопросы:

1) Об облицовочном кирпиче. Из разных образцов одного избран кирпич сиенский, наиболее подходящий по цвету и по прочности, с предварительным обтачиванием его для придания правильности форм, хотя это и увеличит сметный расход по этой статье на 1800 лир с лишком. Образцы этого кирпича в деле (в алтарной стене) признаны удовлетворительными.

2) О ступенях главного входа. Тринадцать таких ступеней из твердого камня (*pietra forte*) предположено устроить в лестнице на крыльце, а две — в калитке напротив крыльца.

3) О входной Демидовской двери. Предположено переделать оную из одностворчатой в двустворчатую, для главного входа в верхнюю церковь, согласно рисунку академика Преображенского; киот же ее поставить в нижней церкви.

4) Об остальных киотах Демидовской церкви. Согласно предложению акад. Преображенского все такие киоты (за исключением двух) предположено разместить по возможности в нижней церкви, так как они не согласуются с проектированной внутренней отделкой верхней церкви.

5) Об иконостасе Демидовском. Таковой, вместе с принадлежащими к нему клиросами, предположено поставить в нижней церкви, по ломаной внутрь вогнутой линии или как окажется удобнее по условиям уже возведенного сооружения. Церковь эта освящена будет во имя Святителя Николая Чудотворца, к чему приспособлен и состав иконостаса.

6) Об иконостасе верхней церкви. Сооружение одного обещано от монарших щедрот. Состав его предположен: а) из местных икон; б) Царских врат, резных, из дерева с позолотой; в) северных и южных дверей с соответственными иконами; г) иконы Рождества Христова ([иконы] храма) и Воскресения — на пилонах алтарной арки; д) Тайной Вечери над Царскими вратами и по сторонам ее; е) икон св. Николая и св. Александра Невского; ж) двух небольших триптихов с иконами святителей — для ограждения помещений для певчих. Иконостас сей предположено соорудить из цветных мраморов, и акад. Преображенский принимает на себя заботу: а) навести справки о приблизительной стоимости мраморного сооружения у мраморщика Нови в Генуе, работающего иконостас для храма Воскресения в С.-Петербурге; б) открыть переговоры с художником Новоскольцевым ³⁷² о написании вновь требующихся икон и в) представить г. послу не позже 1 (14) мая с. г. эскизный чертеж и смету всей стоимости иконостаса для рассмотрения и представления на утверждение. Ввиду вышеизложенных обстоятельств акад. Преображенский просит отсрочки обязательного по контракту доставления окончательных рисунков иконостаса с 1 (14) июня до 1 (14) июля сего года, на что со стороны г. императорского посла изъявлено согласие.

7. Об образчиках майолики для наружных украшений храма. Некоторые части майолики акад. Преображенский желал бы исполнить рельефом, вместо плоского рисунка, и сверх того — украсить майоликой все кокошники. Смета майоликовых украшений по данным доселе рисункам не превышает 4 тыс. лир. Новые предположения признаны осуществимыми под условием не превышения 5 тыс. лир за весь комплект майолики.

8. Согласно представленным образчикам цементно-мраморных плиток полов, академик Преображенский даст рисунки полов обеих церквей, — более простые для нижней церкви и более нарядные для верхней.

9. О крестах для пяти куполов. Предположено устроить оные из кованого железа и вызолотить на мордан. Акад. Преображенский озаботится дать сведения об устройстве, месте производства и стоимости призматических стекол для центральных частей крестов.

10. О кровле крыльца. Таковую предложено покрыть разноцветною муравленою черепицей по рисунку, который даст акад. Преображенский.

11. О картонах для трех наружных мозаических икон. Картоны признано заказать русскому художнику, как, например, г. Рейману³⁷³, проживающему в Риме. Для этого акад. Преображенский даст необходимые указания относительно размеров картонов и очертания фигур.

12. О внутренней облицовке верхней церкви мраморными панелями. Высота облицовки определена: от 1,2 метров до 1,5; цоколь из мрамора темного, например Verde di Prato; верхняя часть из более светлого, например Rosso di Levanto. О стоимости оной навести точные справки.

13. О цветном окне над алтарной аркой. Г. императорским послом поручено акад. Преображенскому озаботиться составлением эскизного рисунка иконы Господа Вседержителя для исполнения оной на стекле верхнего восточного окна церкви, а г. арх. Боччини выяснить стоимость этой иконы и представить на усмотрение г. посла.

14. О расценках стоимости всех строительных работ. По примерному подсчету будут стоить: а) работы каменщиков — 100 000 лир; б) работы каменотесов — 100 000; в) железная конструкция куполов — 10 000; г) медь для покрытия — 10 000; д) позолота их — 20 000 (особое мнение А. Нелидова: «окончательное решение о позолоте куполов может быть принято, ввиду высокой ее стоимости, только когда выяснится при наступлении срока для этой работы, что имеющиеся средства достаточны для ее производства, без ущерба другим существенным статьям постройки»); е) майолика — 5000; ж) водяное отопление — 5000; з) электричество — 2500; и) железные переплеты 30 окон — 10 000; й) железные переплеты четырех окон крыльца — 1500; к) две мозаич. иконы — 2000; л) устройство полов — 4000. Всего — 269 500 лир.

При начале работ было выплачено 325 518 лир. Следовательно, за покрытием вышеисчисленных расходов, может остаться до 56 тыс. лир с лишком на: а) внутреннюю роспись; б) устройство решеток и палисадника и в) вознаграждение архитекторов. Кроме того, можно ожидать некоторого приращения вышеуказанной суммы от поступления новых пожертвований и процентов на капитал в течение производства работ и до заключения расчетов.

Подлинный протокол подписали: А. Нелидов, А. Челебидаки, протоиерей В. Левицкий, М. Преображенский, G. Vossini.

№ 37. Протокол совещания 25 марта (7 апреля) 1900 г.

Настоятель церкви протоиерей Владимир Левицкий, академик архитектуры Михаил Преображенский и заведующий работами арх. Боччини Джузеппе после неоднократных рассуждений пришли к следующим заключениям:

1. По вопросу о майоликовых наружных украшениях строящейся церкви. Сумма в пять тысяч лир, назначенная на эти украшения в совещаниях 12 (25) и 13 (26) сего марта, должна увеличиться до 5872 лир, как это выяснилось при многократных переговорах с хозяином майоликовой фабрики кавалером Улиссом Кантагалли, а именно а) за майоликовые фризы и квадраты в пилястрах в измененном виде — 4072,00; б) за украшения в пятидесяти двух кокошниках — 900,00; в) за глазированную черепицу крыши крыльца — 900,00; [всего] 5872,00. На этих основаниях предполагено: дать через посредство архитектора Боччини формальный заказ помянутой фабрике на поставку в определенные сроки всей потребной майолики в цветах и формах, лично объясненных фабрике академиком Преображенским.

2. По вопросу о продолжении контракта с каменотесами. Продолжить контракт без всякого изменения первоначальных цен и условий работ оказалось невозможным, главным образом, по причине значительного усложнения большей части работ, вновь предстоящих к исполнению, а именно: тогда как до сих пор сданные работы представляют обтеску камня лишь с одной его стороны и редко (в углах) с двух сторон, то вновь предстоящие работы, как-то: детали крыльца, купольные барабаны, угловые колонны и т. п., требуют обработки камня или со всех четырех сторон, или по круговой линии, что не только труднее для исполнения, но и сопряжено с большими отбросами потребляемого камня. Вследствие чего, однако, из прежних подрядчиков-каменотесов, Эмилий Бикиелли, коему принадлежало исключительное право исполнение работ (товарищ его, Уго Маяни, поставляет лишь камень), изъявляя готовность продолжать работы по-новому, на

остающуюся часть их, контракту, счел себя вынужденным заявить на некоторые из них новые цены, до трехсот и трехсот пятидесяти лир за кубический метр, и лишь на некоторую часть оных, тождественную с прежде уже исполненными, согласился принять прежние цены во 100, 190 и 250 лир за куб. метр.

Принимая во внимание: а) что исполненные доселе Эмилием Бикиелли работы безукоризненны по материалу и отделке; б) что им достаточно изучены как прежние, так и новые рисунки академика Преображенского, касающиеся каменотесных работ и в) что нет вероятности найти иного, столь же способного для них подрядчика, который бы принял подряд по более низким ценам, предположено: сдать продолжение каменотесных работ Эмилио Бикиелли по вышеуказанным ценам под неперменным условием: а) тождественности материала, б) тщательности отделки и в) понижения всех цен на 5,2% — какое было заявлено ближайшим после него конкурентом на первых торгах 8 (20) июля 1899 г.

3. О средствах покрытия предстоящего увеличения расходов. Вследствие вышеизложенных обстоятельств предвидится увеличение или, точнее говоря, перемещение расходов против приблизительного подсчета оных, произведенного в совещаниях 12 (25) и 13 (26) марта. Увеличиваются расходы по майолике приблизительно на одну тыс. лир и по каменотесным работам на 15 тыс., всего на 16 тыс. лир. Таковые расходы легко могут быть покрыты из суммы, предназначенной на уплату каменщикам Риччи и Камби. По всестороннем рассмотрении сметы и цен каменной кладки, отчасти уже исполненной и оплаченной, каменщикам придется уплатить всего не более 65 или 70 тыс. лир вместо предположенных 100 тыс. Следовательно, есть полная возможность покрыть не только 16 тыс. вышеуказанного увеличения расходов, ныне предвидимого, но и до 14 тыс. сверх того каких-либо расходов, ныне непредвидимых, — без нарушения равновесия в подсчете произведенном 13 (26) марта.

Вышеизложенные предложения постановлено представить на благоусмотрение Его Высокопревосходительства г. императорского посла в Риме, А. И. Нелидова.

Подлинник подписали: настоятель посольской церкви во Флоренции, протоиерей Владимир Левицкий, академик архитектуры М. Преображенский, G. Vossini.

«Принял к сведению и согласен с вышеизложенными соображениями»,
А. Нелидов.

№ 38. 27 марта (9 апреля) 1900 г.
Расценка работ каменщиков

За фундаменты уплачено — 5646,70; за стены до пола верхней церкви — 6668,13; за стены до главного карниза — 8239,45; за кладку четверика и кокошников — 1805,96; за своды нижней церкви — 2798,92; за ее арки — 640,80; за лестницы — 730,00; за своды верхней церкви — 2246,00; за ее арки и пилоны — приблизительно 6000,00; за облицовку кирпичом стен — 3500,00; за крыши, простой черепицей покрытые, — 1794,00; за тротуар вокруг церкви — 2830,00; за цоколь под решетку — 1900,00; за вставку ее, а также оконных рам, решеток и дверей — 1000,00; за наем лесов — 1500,00; за устройство водостоков — 3000,00; за поставку тесаного камня — 13 000,00.

Итого — 63 269,96.

Примечание: из статей, уже оплаченных, иные превзошли несколько первоначальную смету, другие — не достигли оной; в общем — экономия против сметы контракта 419 лир 76 цент.

Подлинник подписал: протоиерей В. Левицкий.

№ 39. Второй контракт с каменотесами

Предположение, высказанное в совещании 25 марта (7 апреля), о предоставлении окончания каменотесных работ одному Эмилию Бикиелли, с устранением Уго Маяни, хотя и утвержденное г. императорским послом, не могло осуществиться. Уго Маяни, арендатор каменоломни и поставщик камня *segeo* по первому контракту, обещал было, даже письменно, своему товарищу Бикиелли продолжать поставлять ему камень на прежних условиях. Когда же дошло дело до подписания контракта на окончание работ с одним Бикиелли, то его бывший товарищ вдруг изменил данному слову и шибко возвысил цену на камень, с 50 лир за куб. метр до 60-70. Попытки Бикиелли войти в соглашение с кем-либо другим из владельцев *Monte Seseo*, откуда поставляется камень, не удалось. Родной дядя Уго Маяни, владелец второй половины каменоломни, около этого времени от неизвестных причин утопился в Арно, и вся каменоломня фактически перешла в распоряжение Уго Маяни, что сделало его окончательно несговорчивым, тем более что другие арендаторы *Monte Seseo* (собственник недвижимости «Лидер Темпл») отказали Бикиелли в поставке камня. Дело приняло столь критическое положение, что пришлось завести речь о новых торгах с вызовом новых конкурентов.

Наконец 11 (24) мая при посредстве адвоката Леккини удалось, в квартире настоятеля, подписать контракт с теми же подрядчиками на условиях,

Приложения

изложенных в совещании 25 марта (7 апреля), т. е. с понижением заявленных цен всего на 5,2 вместо прежних 8,77. Подрядчики Бикиелли и Маяни между собой заключили особые условия о разделе выгоды, залогов и проч.

№ 40. 14 (27) мая 1900 г.

Посещение работ А. И. Нелидовым
и их состояние при отъезде его в Россию

При отъезде в отпуск в Россию для представления государю императору плана и сметы иконостаса, обещанного от монарших щедрот в замену иконостаса Александра Благословенного, г. посол посетил работы. Это пришлось в воскресенье и День Коронации до обедни 14 (27) мая, и потому осмотр не мог быть продолжительным.

За обедней певчие исполнили весьма старательно всю обедню Чайковского, «Херувимскую» Глинки, концерт пасхальный Бортнянского.

За завтраком у настоятеля г. посол провозгласил тост за императора, настоятель — за его слугу г. посла. Были за столом г. консул с дочерью и г. Боччини.

Показаны были г. послу образцы мрамора, присланные мраморщиком Нови для иконостаса и для внутренней облицовки. Резкое различие в тонах тех и других обратило внимание и вызвало опасение за возможность согласования росписи церкви со слишком темными тонами облицовки (Rosso di Levanto и Polveriera), а сей последней со светло-желтым тоном иконостаса. На эту дисгармонию поручено обратить внимание ак. Преображенского, избравшего эти мраморы, и предложить ему либо облицовку посветлее, либо иконостас потемнее.

К сожалению, от академика Преображенского по-прежнему никаких ответов на все запросы и предложения не получается. На четыре или на пять писем из Флоренции, от настоятеля и от Боччини, академик при случае отвечает одним письмом, далеко не объясняя всего, что нужно. Это очень тягостно!

№ 41. 24 июня 1900 г.

Годовщина от начатия работ

Подготовительные работы, рубка деревьев, чистка местности, подвоз материалов начались с 24 мая (5 июня), а молебствие в присутствии посла 29 мая (11 июня), в субботу.

Много ли удалось сделать в течение года? И много, и не столько, сколько можно было бы. Закрыты сводами две ризницы и апсида, начаты все четыре главные арки, вставлены наличники четырех больших и всех меньших окон (за исключением двух), уложена часть карниза...

Но... вовсе не готовы киоты боковые, ничего почти не сделано в крыльце, вследствие чего нет возможности закрыть две передние ризницы, поставить весь первый главный карниз и закрыть все боковые своды.

Опоздали главным образом каменотесы, которым сделан формальный письменный запрос о невыполнении работ по контракту к 15 июня. Они ссылаются на зимнюю приостановку работ, которая не их касалась, но по их же причине была учинена для каменщиков. Главная причина запоздания — задержка в заключении нового с ними контракта и неисправность в достатке камня — по причине дождей.

Повлияло также и опоздание приезда г. Преображенского, и нерешительность по многим пунктам, как-то: об облицовочном кирпиче, о майоликах, об окнах и т. п.

Не решены вопросы: о покрытии кокошников медью или цинком? о покрытии куполов медью, алюминием или чешуйчатой черепицей? о картонах для мозаик, эскизы коих обещал г. Рейман лишь к сентябрю 1900 г.

Сомнительно, возможно ли будет служить в нижней церкви с осени 1901 г., как того желает А. И. Нелидов, и настоятель также.

№ 42. Четвертая партия рисунков

По условиям контракта, академик Преображенский должен был доставить к 13 июня 1900 г. шаблоны окон, решеток к ним, дверей и иконостаса, а также рисунки полов. В условленное время получены одни только рисунки оконных рам и решеток и рисунки двух входных дверей — в ризницу и в нижнюю церковь.

Что касается иконостаса, то присылка шаблонов одного и клиросов по просьбе академика Преображенского отсрочена на один месяц против установленного контрактом срока, т. е. до 1 (14) июля (см. протокол 12/25/ марта, пункт 6-й), под условием, что акад. Преображенским будут представлены г. послу эскизные чертежи и смета стоимости как мрамора, у мраморщика Нови в Генуе, так и образов, у художника Новоскольцева. Мраморщик, по эскизному чертежу, запросил 23 тыс. фр. за иконостас из желтого мрамора и 18 тыс. фр. из белого. О ценах на образа до 4 (17) июля известий акад. Преображенский не дал никаких в точности; обещанная смета иконостаса, представленная им г. послу в Петербурге и повергнутая им на высочайшее

одобрение, равнялась 13 927 р., т. е. примерно 39 тыс. лир; из чего можно заключить, что на образа и Царские двери ассигновано около 16 тыс. лир.

Рисунков полов не дано никаких. Рисунков майолики кокошников (протокол 12 (25) марта, пункт 7-й) тоже не прислано. Сведений о призматических стеклах для крестов не дано. Рисунки рам для крыльца и стеклянной двери для оного, требующие подробных объяснений, остаются без объяснений, давно обещанных, и потому заказаны быть не могут. На письма настоятеля и архитектора Боччини от академика Преображенского ответов не бывает.

№ 43. 6 (19) июля 1900 г.
Третья уплата каменщикам

Согласно условиям контракта, представлен каменщиками Риччи и Камби третий счет по работам, произведенным ими до половины июля. Работы, измеренные и проверенные арх. Боччини, составляют: а) кладку стен от уровня пола верхней церкви до пояса майолики (за исключением передней стены, не достигшей этой высоты); б) своды апсиды и двух ризниц; в) облицовка из кирпича и г) постановка каменотесных украшений, количество и стоимость коих уже были в счете Бикиелли. Общая стоимость всех сих работ — 9560 лир 52 цент., а за удержанием 10% гарантии — 8604,47. На эту сумму испрошен чек у заведующего консульством Евгения Михайловича Барвинского, заменяющего А. А. Челебидаки, отбывшего в отпуск в Россию.

№ 44. 26 августа (8 сентября)
Четвертая уплата каменотесам

Так как, по условиям контракта, все каменотесные работы до первого общего карниза включительно должны были быть окончены до 1 (13) июля 1900 г., а между тем в конце этого месяца они далеко не были закончены, то подрядчики были запрошены о причинах просрочки и дали письменные объяснения о ней в том смысле, что она произошла не по их вине, а отчасти по причине болезни, в январе и феврале, архитектора Боччини, отчасти по неясности рисунков и шаблонов арх. Преображенского, отчасти вследствие дурной погоды зимой и весной, замедлившей добычу камня и постановку на место обделанных его частей.

Четвертая уплата за произведенные и установленные на место работы равнялась 10 008 лир 53 цент., а с ценой мраморного креста в наружной стене апсиды — 10 048,53.

**№ 45. Отпуск суммы от монарших щедрот
на сооружение иконостаса**

Во время пребывания в С.-Петербурге, в мае 1900 г., А. И. Нелидов имел счастье представить на благовоззрение государя императора проект иконостаса и смету одного, составленные акад. Преображенским, и всемилошвейшим утверждением коих потребная сумма была ассигнована в распоряжение г. посла чеком на Париж, а им переписана на имя Императорского консульства во Флоренции. Каковой чек в 37 120 фр. разменен у «Фрэнк и Лемон» по 106 80,05 [центезимо] за франк и сдан на текущий счет в *Credito Italiano* в сумме 39 646 лир.

№ 46. Состояние работ к началу октября 1900 г.

Вся нижняя и главная часть верхней церкви вчерне закончены: выведены купольные своды четырех угловых частей (ризниц); своды апсиды, алтаря, двух боковых частей и пронаоса, представлявшие некоторое затруднение по неясности рисунков, успешно сооружены по получении письменных разъяснений ак. Преображенского, причем не было даже прибегнуто к постановке кружал. Весь резной обширный карниз вокруг всего здания поставлен на место. Вставлены образчики (временно) выпуклой майолики в северо-западный пилястр. Начата постановка нижних частей крыльца, непосредственно примыкающих к главному корпусу, и т. д.

№ 47. Рисунки иконостаса

Полученные 19 августа (1 сентября) рисунки и шаблоны иконостаса отвезены были в Геную и сданы под расписку мраморщику Нови для составления окончательной сметы. По настоятельным требованиям, таковая заявлена сим мраморщиком в количестве 25 тыс. лир вместо предположенных и высочайше утвержденных 23 тысяч. Посему сделан запрос мраморщику Паоло Трискорния в Карраре, с предъявлением ему рисунков, взятых у Нови. Каррарский мраморщик на конференции у г. посла в Виареджо 11 октября заявил цены гораздо высшие, а именно: 38 тыс. лир из желтоватого мрамора и 35 тыс. из белого второго сорта.

№ 48. 30 сентября (12 октября) 1900 г.
Последняя (5-я) уплата
по первому контракту каменотесов Бикиелли и Маяни

Она равнялась 4333 л. 70 [чентезимо]. Всего уплачено по сему контракту 34 434,26 и остается доплатить 10% гарантии 3443,42, по истечении года, — итого: 37 877,68.

№ 49. Заседание у г. посла 6(19) октября 1900 г.
(протокол — копия)

По приглашению и под председательством Его Высокопрев. господина чрезвычайного и полномочного посла при Е. В. короле Италии А. И. Нелидова состоялось 6 (19) октября 1900 г. во Флоренции совещание по вопросу о сооружении православного храма в том же городе.

В совещании этом принимали участие, кроме Его Высокопрев. г. председателя: 1) настоятель местной посольской церкви, протоиерей В. И. Левицкий; 2) управляющий местным консульством, титулярный советник Е. М. Барвинский; 3) архитектор Дж. Боччини. Согласно просьбе протоиерея Левицкого, присутствовал, кроме того, и священник И. Левицкий.

Рассмотрены и решены были следующие вопросы:

1. Об иконостасе в верхней церкви: спросить у мраморщика Нови цену, в которую может обойтись иконостас из мраморов белого (Bianca di Carrara, 2 scelta) и желтого (Giallo di Verona), согласно рисунку к нему препровожденному, для предложения архитектору Преображенскому.

2. Отправить архитектору Преображенскому, вместе с вышеупомянутым предложением, образчики мрамора белого и желтого, упомянутого в пункте первом, а также все рисунки для заказа модели иконостаса, с просьбой поспешить с сообщением своего решения.

3. Протоиерей Левицкий сообщил о состоянии средств на построение храма, которые, согласно прилагаемому при сем подробному расчету, представляются на 1 (14) октября 1900 г. в следующем виде: а) при начале работ 29 мая (11 июня) 1899 г. исчислялось — 325 818 лир; б) с тех пор по 1 (14) октября 1900 г. поступило — 61 056,51; всего — 386 874,51; в) к 1 (14) октября 1900 г. состояло: в банках, % бумагах акциях и наличными на текущем счету — 308 045,96; разница — 78 828,25. Из них израсходовано — 70 729,28; потери на курсе — 8099,27. Из имеющихся 308 045 л. 96 цент. предстоит покрыть расходы по уплате: каменщикам, каменотесам, за обтачивание кирпича, за плиту в арках, за церемонию освящения хра-

ма, по уплате гонорара архитекторам, банковских расходов, за майолики, за железную конструкцию, медь и позолоту пяти куполов, за устройство отопления и освещения, за оконные рамы и решетки, за три мозаических иконы, за устройство полов и столярные работы, за роспись верхней и нижней церкви, устройство решетки и трех ворот, а также иконостаса, Царских дверей и икон, — каковые расходы по прилагаемому подробному расчету о. протоиерея могут быть покрыты вышеупомянутой суммой.

Подлинник подписали: А. Нелидов, протоиерей Владимир Левицкий, Е. Барвинский, Giuseppe Voccini.

№ 50. Приложение первое Перечень предстоящих расходов

1) Каменщикам Риччи и Камби — 39 775,68; 2) каменотесам Бикиелли и Маяни — 80 495,74; 3) за обтачивание кирпича и за плиту — 1500,74; 4) за церемонию освящения церкви — 3000,00; 5) архитекторам гонорары — 20 000,00; 6) банковских расходов — 45,00; 7) за майоликовые украшения — 8500,00; 8) за железную конструкцию пяти куполов — 10 000,00; 9) за медь для покрытия их — 10 000,00; 10) за позолоту их и пяти крестов — 20 000,00; 11) за устройство отопления — 5000,00; 12) за устройство электрического освещения — 2500,00; 13) за оконные рамы и решетки — 11 500,00; 14) за три мозаические наружные иконы — 5000,00; 15) за устройство полов — 4000,00; 16) за столярные работы — 6570,00; 17) за росписи верхней церкви по 20 лир кв. м — 20 800,00; 18) за росписи нижней церкви по 10 лир кв. м — 7330,00; 19) за устройство 87 м пог. железн. решетки и трех ворот — 10 000,00; всего предстоит расходов на 266 196,42; 20) на устройство мраморного иконостаса, бронзовых Царских дверей и икон — 41 849,54; [всего] 308 045,96.

№ 51. Приложение второе Пересчет расходов от начала работ до 1(14) октября 1900 г.

1) Каменщикам Риччи и Камби уплачено 23 494,28; 2) каменотесам Бикиелли и Маяни — 34 504,26; 3) за обтачивание кирпича и плиту в пилоны — 1205,00; 4) за расходы по закладке церкви — 1502,85; 5) архит. Боччини 1786 л. и Преображенскому — 8227,14; 6) банковских расходов — 9,75; [всего] 70 729,28.

Сверх того, до начатия работ израсходовано: 1) на покупку ограждения двух участков земли — 41 646,10; 2) авансом арх. Преображенскому —

Приложения

3000,00; 3) ему же на расходы первого путешествия — 600,00; [всего] 45 246,10; [итого] 115 975,38.

Имеется 1 (14) октября 1900 г. — 308 045,96; [всего] 424 021,34.

№ 52. Приложение третье

Перечень поступлений от начала работ до 1 (14) октября 1900 г.

1) От монарших щедрот на построение иконостаса — 39 646,00; 2) пожертвования разными лицами — 3669,10; 3) остатки церковных сборов — 1150,70; 4) процентов с капитала — 12 240,71; 5) квартирных из посольских сумм — 4350,00; [всего] 61 056,51.

№ 53. Приложение четвертое

Ожидаемые поступления в продолжении двух лет работ

1) Квартирные по 2900 в год — 5800,00; 2) церковных сборов примерно — 3000,00; 3) процентов из капитала — 10 000,00; 4) пожертвований — 2000,00; [всего] 20 800,00, а с имеющимися ныне 308 045,96 [всего] 328 845,96.

№ 54. 6 (19) ноября 1900 г.

Посещение работ их Императорскими Высочествами
великим князем Сергием Александровичем
и великою княгинею Елисаветою Федоровной

Во время трехнедельного пребывания во Флоренции их Высочества, присутствовавшие пять раз при богослужении в посольской церкви, а также посетившие пешком кладбище Degli Allori и на оном могилу А. Н. и А. В. Новицких³⁷⁴ (в воскресенье 5 (18) ноября в 3 часа пополудни), где совершена была причтом лития, удостоили также посетить и работы по сооружению храма, для коего великим князем принесена была в ноябре 1880 г. первая лепта.

Их Высочества прибыли к подъезду церкви в открытой коляске в 3 часа пополудни, в сопровождении генерал-лейтенанта М. Н. Степанова и фрейлины, княжны А. И. Лобановой-Ростовской. Встреченные настоятелем церкви и его помощником, священником Иоанном Левицким, перед дверми церковными, высокие посетители осмотрели прежде всего в притворе входную Демидовскую дверь резного ореха, предназначаемую для того же

употребления в сооружаемом храме. Засим, отправившись в оный по временной деревянной лестнице, осмотрели внутреннее расположение храма и с похвалой отозвались обо всем, особенно о кладке сводов. Спрашивали, где и как будет помещена Демидовская церковь и как будет поставлен жалужный государем императором иконостас. Великая княгиня пожелала знать причину сооружения нижней церкви. Выйдя засим из храма, их Высочества обошли оный вокруг, хвалили тщательность работы, добротность материала, особенно камня sereno, о коем великая княгиня заметила, что он, по своему строению, близко напоминает употребляемый в Германии Sandstein, отличающийся лишь розоватым цветом от серо-синеватого sereno. Великий князь осведомился о месте изготовления майолик и похвалил их. Приняв милостиво заявленную настоятелем просьбу, чтобы их Высочества украсили своим присутствием, предполагаемое через два года освящение храма и выразив настоятелю поздравление с успешным ходом дела, высокие посетители ровно через полчаса (в 3 с половиной) отбыли с места постройки.

№ 55. 6 (19) ноября 1900 г.

Первая уплата каменотесам Бикиелли и Маяни
по второму с ними контракту

Контракт второй с каменотесами на работы крыльца и верхней части церкви заключен 5 мая 1900 г. по возвышенным в некоторых статьях ценах, пониженным всего на 5,2% вместо 8,7% первого контракта. На этих условиях к половине ноября исполнено работ на 8910 лир 54 цент., из коих к уплате — 8019,46. Оплачены все части до второго карниза (cornice perle) включительно и пьедестал крыльца. За все работы по окончанию здания Бикиелли предлагает цену гуртом (a forfait) 70 тыс. Предпочтительно принята цена на меру, хотя и возвышенная против первого контракта.

№ 56. Четвертая партия рисунков
академика Преображенского

Четвертая партия рисунков (иконостас, Царские врата, полы), долженствовавшая прибыть к 1 (14) июня 1900 г., имела две отсрочки. Первую, на один месяц, испросил академик Преображенский еще в бытность свою во Флоренции в марте месяце сего года, по причине этой именно своей поездки во Флоренцию и последовавшей вместе с нею командировки от Св. Сиода в Ниццу³⁷⁵.

Вторую отсрочку для рисунков иконостаса и проч. испросил он, также на месяц, по 1 (14) августа, непосредственно у г. посла во время пребывания сего последнего в С.-Петербурге, в апреле месяце, под предлогом тщательнейшей и более законченной выработки рисунков, сообразно высокому значению дара (государя императора).

Обе отсрочки охотно даны были г. послом академику Преображенскому ввиду его ревностного старания выполнить эту задачу возможно лучшим образом. При всем том и к августу месяцу рисунки иконостаса не успели. Они были получены (без Царских врат и без полов) лишь первого сентября н. ст., но притом с требованием немедленной отсылки их обратно академику Преображенскому для вылепки модели орнаментов.

Немедленно по получении все рисунки сданы были настоятелем лично мраморщику Джузеппе Нови в Генуе для составления точной сметы стоимости мраморных частей иконостаса. Смета в 25 тыс. лир (вместо первоначально запрошенных 23 тыс.), из мрамора Nembro di Verona, получена была лишь к октябрю месяцу. Это превышение сметы, уже высочайше утвержденной, а равно неудовлетворительность в рельефной отделке избранного Преображенским мрамора заставили обратиться с запросами о том же предмете к мраморщику Павлу Трискорния в Карраре³⁷⁶, которым был исполнен иконостас белого мрамора в надгробной церкви Сан-Стефано (близ Константинополя)³⁷⁷ и с которым настоятель был поставлен в сношения еще с зимы 1899 г.

Личные объяснения настоятеля с Трискорния в Карраре (8 октября), а равно конференция с ним у г. посла в Виареджо (14 октября) не привели ни к каким положительным результатам. Цены, объявленные Трискорния, были: 35 тыс. из белого мрамора 2-го сорта и 39 тыс. лир из Nembro di Verona.

Ввиду этого на совещании 6 (19) октября постановлено было предложить акад. Преображенскому при отсылке ему рисунков для модели комбинировать белый мрамор, более дешевый, с желтым и спросить на такую комбинацию новую смету у Нови.

До 11 (24) декабря ни рисунки от г. Преображенского, ни смета от Нови не были получены.

№ 57. 18 (31) декабря 1900 г.
Болезнь и смерть архитектора Боччини

Числа 8 (21) декабря Боччини известил настоятеля письмом, что, вопреки условленному, завтра он не явится на совещание, будучи слегка простужен и обязан доктором побережться ввиду скверного времени (густых холодных

туманов) и во внимание прошлогодней своей болезни. Числа 22, в субботу, тем не менее, состоялась на квартире его конференция касательно условий заказа полов, согласно полученным от Преображенского рисункам, на фабрике цементных изделий в Лоди. Решено было: а) написать фабрике повторное предложение цены 6,00 лир за кв.м с получением на станции во Флоренции для полов в верхней церкви; б) обязаться уплатить половину цены при получении заказа, но с условием предварительной доставки одного квадр. метра образца цветов по рисунку; в) поручить представителю фабрики, Болетто (via Ghiacciaia 21, Firenze), приемку заказа и настилку полов по 2,00 лиры примерно за метр.

Решение это уже не могло быть приведено в исполнение самим Боччини: в тот же вечер он слег в остром воспалении легких, осложненном нефритом и 31 декабря в 3 с половиной часа пополудни скончался, к великому горю как семьи, так и всех заинтересованных в построении русской церкви.

Похороны Боччини второго января отличались необычайною торжественностью. Масса народу, всяких депутатов, представительство властей, рабочих, от всех множество венков (9 карет были нагружены ими) и проч. От настоятеля русской церкви посланы были крест из цветов ценою в [пропущено] лир. Настоятель с помощником сопровождали процессию похорон от дома до церкви.

№ 58. Избрание инженера Пачарелли взамен Боччини

Наследники Боччини циркуляром от 8 января известили клиентов покойного, что помощник его Альфонс Фави будет продолжать, за их счет, ведение дел, начатых покойным. На словесное такого же рода заявление вдовы ей отвечено было настоятелем, что о таком положении дел доведено будет до сведения г. посла, с предложением: пригласить г. Фави заведовать работами временно, до приезда архитектора Преображенского, включившего имя Боччини и его обязательства в контракт с настоятелем и, следовательно, имеющего формальное право заявить свое мнение об избрании ему преемника. При таких-то обстоятельствах сделано было словесное приглашение г. Фави продолжать надзор за работами, как было во время болезни Боччини, и привести в известность имеющиеся в студии и на руках у фабрикантов и подрядчиков рисунки Преображенского и относящуюся к постройке переписку. Приглашение было, по-видимому, принято г. Фави: он являлся на работы, заставил подрядчиков дать список рисунков и обещал сдать переписку по приведении ее в порядок.

Открылось вдруг обстоятельство, существенно изменившее направление дела: оказалось непонимание чертежей по устройству сводов средней части храма и оснований четырех малых куполов, вследствие чего упущено было своевременное и должное сооружение этих оснований. Открытие этой ошибки покойного Боччини его помощник приписывал себе, но он тут же предложил поправку, которая не могла быть принята: строить основания четырех куполов на двоянных рельсах. Старый подрядчик Риччи предложил другой способ, более сообразный с чертежами Преображенского и притом с условием: если его предложение окажется, по суду Преображенского, несоответствующим чертежу, то за произведенный опыт сооружения и за уничтожение его он, Риччи, не возьмет ни сантима. Такое предложение Риччи было принято настоятелем в присутствии г. Фави, и это послужило истинным поводом к отказу сего последнего от принятого им обязательства временного надзора за работами. Ибо в этот же самый день (18 января 1901 г.), и как бы в ответ на письменное (формальное) приглашение настоятеля к принятию надзора за работами Фави прислал отказ от него, с согласия вдовы Боччини, мотивируя таковой отказ обидой и унижением его достоинства перед подрядчиками, коим заявлено было, что роль его временная, до приезда Преображенского.

В то же самое время (19 января) получена была из Рима от г. посла рекомендация инженера Пачарелли³⁷⁸ в преемники Боччини, и таковой, после словесных и письменных объяснений с настоятелем, согласился принять на себя все обязанности умершего с 22 января за сто пятьдесят лир в месяц, без всякого процентного счета.

№ 59. Арест рисунков и документов

Устранение помощника покойного Боччини, инженера Альфонса Фави, от заведования работами, хотя оно всецело зависело от его доброй воли или, точнее говоря, каприза, повлекло за собою задержание наследниками Боччини или, собственно говоря, тем же Фави всех рисунков и документов, относящихся к постройке, какие были на руках у покойного Боччини или в его конторе в момент смерти. В числе этих рисунков и документов были и такие, которые были взяты у настоятеля или же у подрядчиков частью самим Боччини, частью тем же Фави во время кратковременного заведования им работами. Сначала возвращение их лишь откладывалось под предлогом приведения в порядок. Затем, с увольнением Фави, заявлено было прямо, что они удерживаются для контроля ликвидации счета церкви с наследниками Боччини. В ответ предложено было в обеспечение этой ликвидации внести

известную сумму залогом (in deposito); залога не принимали и документов не возвращали. Мало того, несчастная вдова Боччини настроена была (очевидно тем же Фави) жаловаться самому послу на настоятеля, якобы глубоко оскорбившего Фави заявлением о его временном заведовании работами. К счастью, ответ г. посла на эту жалобу сразу урезонил как вдову Боччини, так и ее неразумного советника. Им было поставлено на вид, что их поведение грозит убытками, за которые они должны будут ответствовать; да притом же оно несообразно как с характером дела — постройкой церкви под контролем правительства, так равно и с характером отношений, существовавших между покойным Боччини, русской церковью и ее настоятелем. После обмена письмами с послом и настоятелем вдова решила наконец выдать рисунки и документы, что и сделано было 18 марта г. Пачарелли, принявшего всё под расписку.

По предварительному подсчету за работы, под наблюдением Боччини и Фави исполненные, причиталось 3171,63, уплачено 1175 лир.

№ 60. Третий приезд академика Преображенского

Как вследствие кончины инженера Боччини, так равно и по неясности многих вопросов постройки, еще с осени 1900 г. возникла необходимость, на основании 8-го параграфа условий с академиком Преображенским, просить его вновь прибыть во Флоренцию. Таковая просьба была многократно заявляема академику Преображенскому настоятелем церкви. Наконец сам г. посол заявил ему об этой необходимости. Приезд, обещанный ко второй неделе поста, вновь был отложен Преображенским на неопределенное время. Тогда даже снисходительный А. И. Нелидов должен был послать академику Преображенскому телеграмму такого содержания: «Je regrette de me voir obligé de vous rappeler les clauses de votre contrat» [К сожалению, вынужден напомнить Вам пункты Вашего контракта]. Действительно, 8-м пунктом контракта, заключенного 25 марта 1899 г., академик Преображенский обязался приехать во Флоренцию до двух раз в течение производства работ и притом не позже одного месяца со времени заявления ему о том настоятелем. А между тем и в этот раз, как и в первый, в 1900 г., приезда его пришлось ожидать более трех месяцев — что причиняло крайние затруднения и нестерпимую досаду...

Телеграмма г. посла возымела действие: дней через десять после нее, в конце 6-й недели поста, академик явился, но ниже единым словом не выразил ни настоятелю, ни кому-либо другому, сожаления или извинения в причиненных неудобствах и в нарушении своих формальных обязательств.

Приезд в эпоху наибольшего обременения причта церковными службами не позволил настоятелю заняться рассмотрением всех строительных вопросов с должною обстоятельностью и спокойствием. В рассмотрении некоторых вопросов он и не мог участвовать.

№ 61. Заседания по делу храмоздания
11 (24), 12 (25), и 13 (26) апреля 1901 г.

Вследствие несвоевременного прибытия акад. Преображенского, решение существеннейших вопросов об иконостасе и росписи, намеченных еще в октябре 1900 г., пришлось отложить до Фоминой недели 1901 г. К этому времени возвратился акад. Преображенский из Ниццы и нарочито прибыл из Рима А. И. Нелидов со старшим своим сыном, секретарем миссии в Тегеране, бегло осматривавшим работы. Весьма внимательно, в течение трех дней, изучены были г. послом совместно с акад. Преображенским и арх. Пачарелли предложенные настоятелем и изложенные письменно вопросы, и при участии причта (священника Иоанна Левицкого и псаломщика Бережкова), а равно и г. генерального консула А. А. Челебидаки составлены и утверждены подписями следующие постановления:

1. Об иконостасе. Проект и смета сего иконостаса, высочайше утвержденные, по представлению г. императорского посла в мае 1900 г., с отпуском и самой суммы в количестве 39 649 лир, были подробно разработаны академиком Преображенским, и детальные чертежи таковой разработки, полученные во Флоренции в конце августа 1900 г., были последовательно предъявляемы для расценки мраморщикам: а) Джузеппе Нови в Генуе, б) Паоло Трискорния в Карраре, в) Эмилио Бикиелли и К^о во Флоренции и г) Стефано Томаньини в Pietra Santa.

Наиболее близкую к высочайше утвержденной смете цену мраморных частей иконостаса, при замене некоторых из них резными золоченого дерева киотами, заявил генуэзский мраморщик Джузеппе Нови, а именно 23 тыс. лир. Другие за ту же работу затребовали: Паоло Трискорния — 35 тыс. лир, Бикиелли и К^о — 26 тыс. лир и Стефано Томаньини — 24 500 лир.

Постановлено по сему: отдать с подряда (a forfait) исполнение мраморных частей иконостаса мраморщику Джузеппе Нови, который представляет притом наибольшую гарантию благоуспешности исполнения, будучи подрядчиком мраморных работ в храме Воскресения в С.-Петербурге.

Джузеппе Нови, явившийся в заседание, прочел и подписал вместе с настоятелем церкви формальный контракт подряда с подробными обязатель-

ствами относительно сортов мрамора, качества исполнения работы и общего срока оной: 10–12 месяцев от дня подписания контракта (срок: март–май 1902 г.).

2. По вопросу о составе икон иконостаса и материала, на коем оные должны быть написаны. В состав иконостаса должны входить образа в том приблизительном порядке, как они показаны на проекте внутренней росписи церкви, составленном акад. Преображенским. Местные иконы Спасителя и Богоматери и малые над оными иконы равноап. Марии Магдалины и княгини Ольги должны быть написаны на медных досках и на золотом фоне, точно так же как и шесть икон святителей — трех вселенских и трех российских, в боковых киотах у хоров.

Иконы же св. Николая с мечом и церковью (Можайский образ) и муч. Царицы Александры с крестом и пальмою в руках (на правом и левом клиросе, лицом к народу) на светло-голубом фоне, и находящиеся над оными малые иконы муч. Татианы и кн. Михаила Тверского, равно и иконы благоверных князей равноап. Владимира и Александра Невского (на пилонах в алтарной арке), а также свв. архидиаконов Стефана и Лаврентия с кадильницами (на северных и южных дверях) будут написаны на холсте, наклеенном на цинковые доски, с бронзово-золоченым легким окладом вокруг, который должен быть выполнен вместе с иконами в России. Иконы Царских врат будут либо на меди и золотом фоне, либо на живописном. Иконы, прилегающие к пилонам, будут вставлены в свои мраморные рамы так, чтобы они не касались стен, во избежание влияния сырости на холст.

По смете (№ 62, Приложение 1), составленной настоятелем из смет русских художников и итальянских артистов, стоимость всего иконостаса с мраморами, живописью, резьбой и позолотой, а также железными золочеными дверцами для входа на большие хоры (клиросы), будет равняться 36 020 лирам. На медь для написания икон, на пересылку их из России и на другие непредвиденные расходы по устройству иконостаса останется из всемилостивейше дарованной суммы около 3640 лир. Ввиду чего таковое исполнение и расположение икон иконостаса постановлено утвердить и приступить к его осуществлению, дав знать о том русским художникам, составившим сметы икон.

3. В плане и составе внутренней росписи церкви, для коей, по 3-му параграфу договора с акад. Преображенским, еще в октябре прошлого 1900 г. должны были быть даны и доселе не даны рисунки в красках и чертежах орнамента, постановлено держаться следующего порядка, предложенного настоятелем, как наиболее согласованного и с общим знаменованием православного храма и с особенным знаменованием флорентийской русской церкви: над правым хором, в плоском полукружии, будет изображена

храмовая икона Рождества Христова; на южной стене, над окнами — Крещение Господне; в полукружии, напротив Рождества Христова — Преображение; над левым хором, в полукружии — Воскресение Христово; на северной стене, над окнами — Распятие; в полукружии против Воскресения — Моление о Чаше; в простенках между окнами — лики свв. Феодосия Печерского и Сергия Радонежского. На лицевых сторонах четырех главных арок: на алтарной — три изображения в связи с различными, по усмотрению акад. Преображенского, орнаментами, а именно: св. Царя и Первосвященника Мелхиседека с пятью хлебами, св. праведного Авеля с агнцем в руках и Первосвященника Аарона с кадьльницей; надпись прямою строкой, ясным полууставом: Ты Иерей во веки по чину Мелхиседекову. На южной арке, ближайшей к иконе Рождества Христова, изображения свв. Праотцев Царя Давида с гуслиями, Авраама и Иосифа Обручника; надпись: Книга родства Иисуса Христа, сына Давидова, сына Аврамля; на северной арке, близ Воскресения Христова, — лики трех Жен-мироносиц с алавастрами и надписью: И се Иисус срете я, глаголя: радуйтесь! На западной арке — три изображения римских пап, чтимых Вселенскою Церковью: в середине — Климента Мученика, мощи коего издревле освящают Россию; по сторонам — Льва Великого и Григория Двоеслова; надпись из послания ап. Петра: Пасите еже в вас стадо Божие не нуждею, но волею. На восьми простенках верхнего свода церкви, вместо трудных для изображения икон семи Вселенских и одного поместного Собора, можно изобразить фигуры Богоматери и Предтечи в молитвенном обращении к Спасителю, изображенному на стекле в восточном окне; а затем — 12 апостолов в таком же молитвенном обращении и, по бокам западного окна, — равноапостольных учителей словенских Кирилла и Мефодия. На сводиках, над четырьмя окнами, — лики четырех евангелистов с символами. Под барабаном купола, над восточным окном с иконой Вседержителя, — поясной лик Бога Отца, вззирающего с высоты вниз, с распростертыми дланями и образом Св. Духа на персях.

Остается вопросом нерешенным, какое изображение должно заполнить конху апсиды между двух алтарных окон. Настоятель предполагал изобразить здесь мистическую Евхаристию — Христа, держащего дискос и чашу, по сторонам двух ангелов с рипидами; акад. Преображенский — Богоматерь «Нерушимую стену».

Все вышеисчисленные изображения стеной росписи могли бы быть исполнены местными живописцами, но по эскизам живописцев русских; напр., Васильева и Блазнова, которые представили обстоятельную смету каждого изображения с показанием цены его: в эскизах, в картонах и в исполнении порознь.

На основании этой сметы стоимость нужных эскизов достигает 3345 р., т. е. 9366 лир. Таким образом на воспроизведение эскизов на месте и на живопись орнаментальную в верхней церкви, из суммы, определенной на сей предмет протоколом 6 (19) октября 1901 г., остается десять с небольшим тыс. лир.

Достаточна ли будет эта сумма для своей цели, это покажут чертежи и рисунки орнамента в красках, которые акад. Преображенский обязался дать в октябре прошлого года (1900) и которые он ныне обязуется доставить не позже осьми месяцев, — что необходимо для приценки и переговоров с местными живописцами.

Еще в большей степени неотложно нужны чертежи и рисунки для росписи нижней церкви, так как пробы такой росписи, представленные в заседание местным мастером Бардуччи, оказались весьма далекими от желательного способа росписи как по колориту, так и по рисунку орнамента.

Чертежи и рисунки нижней церкви акад. Преображенский обязался доставить к 1 (14) августа сего года. На роспись нижней церкви протоколом 6 (19) октября 1900 г. назначено 7 тыс. лир.

4. О способе употребления деревянных резных частей церкви Демидовых. За исключением входной резной двери Демидовых, переделываемой для главного входа верхней церкви, а равно двух киотов, также переделываемых для двух боковых внутренних дверей ее, все остальные принадлежности Демидовской церкви с их главнейшими иконами предназначаются к помещению в нижней церкви.

Подвергаются переделке и будут помещены: иконостас с клиросами, 10 киотов с иконами апостолов и части остальных шести киотов по мере возможности (три киота будут служить дверьми в ризницы нижней церкви).

Алтарную же арку Демидовской церкви, конху апсиды и некоторые другие части, за невозможностью приспособить их к новому зданию, а также по причине значительного обветшания, определено предать уничтожению законным порядком (сожжением в церковной печи).

5. По поводу картона для мозаичной иконы Богоматери работы Ф. П. Реймана. Картон сей, изготовленный несколько месяцев тому назад, не мог быть употреблен для заказа мозаики по причине некоторых сомнений насчет его колоритности. Поставленный на месте (и высоте), для него предназначаемом, он хотя и оказался производящим общее впечатление довольно благоприятное, но показал необходимость усилить краску в очах лика, в устах, в складках хитона и в особенности в общем контуре, специальном для мозаики. Настоятель церкви предупредил о том Ф. П. Реймана письмом от 28 февраля, заявляя ему решительно, что молчание его по этому предмету будет принято за

формальное согласие его на ретушевку другими его произведения: г. Рейман ничего не ответил. Постановлено поэтому сделать необходимое усилие тонов картона, не отсылая оно к автору, во избежание проволочки времени.

6. О люстрах. В трех главных арках верхней церкви предположено поместить люстры с электрическими лампочками в виде лампад. Для сих люстр даны будут академиком Преображенским рисунки (исполнение из кованого железа). В барабане купола, ниже окон, по мысли г. посла, предположено поместить электрическую люстру в виде горизонтально подвешенного креста с сиянием (кованого железа или бронзы с позолотой).

7. О покрытии куполов. Представленный акад. Преображенским рисунок покрытия куполов цветною черепицей, по своей красоте и оригинальности, внушил желание сделать опыт осуществимости этого покрытия. Для сего дано право настоятелю церкви с инженером Пачарелли в течение двух-трех недель испробовать, при участии фабрикантов Кантагалли, возможность осуществления этого проекта. Если бы опыты оказались неудовлетворительными, то возвратиться к прежнему проекту покрытия куполов чешуйчатой медью с позолотой на мордан. Для позолоты, во всяком случае, желательно получить русское пробированное золото, о доставке коего беспощинно г. посол обещал сделать нужные представления.

8. О воротах, калитках и решетках. Академик Преображенский доставит рисунки ворот, калитки и решетки из кованого железа, вышиною не менее 2-2,5 м, при средней высоте цоколя в 0,8 м (часть этой работы должна быть на месте к открытию нижней церкви, зимою текущего 1901 г.).

9. О сторожах. Если бы средств на сей предмет не оказалось в желательных размерах, то временно можно будет приспособить для сего домик лаборатории каменотесов — в пределах возможной удобообитаемости.

Подлинник подписали: А. Нелидов, А. Челебидаки, протоиерей Владимир Левицкий, М. Преображенский, arch. Giovanni Paciarelli.

Примечание: скрепленная копия сего протокола вручена академику Преображенскому 1 (14) мая 1901 г.

№ 62. Смета иконостаса (Приложение первое)

А. Иконы (работы академика Новоскольцева): Спасителя, Богородицы, архид. Стефана, Архид. Лаврентия, Николая Чудотворца, Царицы Александры, равноап. Владимира, благ. Александра Невского — 8 икон по 300 р. каждая — 2400 р.; Тайная вечеря — 100; 10 малых икон, четырех Евангелистов, два Благовещения, Марии Магдалины, кн. Михаила Тверского, муч.

Татианы, Равноап. Ольги, по 20 р. за каждую (работы акад. М. Васильева) — 200; [всего] 2700 р.; три святителя вселенских и три российских — 450 р.; [всего] 8820 лир по 280 [чентезимо] за рубль равно 3150 р.

Б. Царские врата: резьба — 1450; позолота — 600;

В. Три киота: резьба — 200; позолота — 250;

Г. Двери северн. и южные: резьба — 600; позолота — 600;

Д. Дверцы на клиросы — 500;

Е. Мраморная работа — 23 000; [всего] 36 020 лир;

Ж. На медь для икон и доставку оных — 3626 лир; [всего] 39 646.

№ 63. Роспись церкви и стоимость ее на основании сметы художников Васильева, Шарварока и Блазнава и по их эскизам (Приложение второе)

1) В главном своде шестнадцать фигур: Богородицы, Предтечи, двенадцати апостолов, Кирилла и Мефодия равноап. по 75 р. — 1200 р.; 2) четырех евангелистов на сводиках — 300; 3) четырех серафимов — 100; 4) Феодосия Печерского и Сергия Радонежского — 150; 5) шесть серафимов — 90; 6) на арках 12 медальонов — 180; 7) на арках трех видов серафимов, по 25 р. — 75; 8) в боковых арках: Рождество Христово, Крещение, Сретение, Преображение, Распятие, Воскресение, по 250 р. — 1250; 9) изображение Бога Отца в куполе — 75; итого эскизов на 3345 р., или, по курсу 260 [чентезимо] за рубль, на 9596 лир.

На воспроизведение эскизов местными живописцами и на уборку промежуточных пространств орнаментов останется из предназначенной для росписи верхней церкви суммы около 10 тыс. лир.

№ 64. Увеличение некоторых расходов (Приложение третье)

а) На позолоту куполов — 20 000; б) устройство решетки — 10 000; в) электрического освещения — 2500; г) трех мозаичных икон — 5000, и на некоторые другие предметы, в течение производства работ, вследствие изменения материалов и способов производства работ, [расходы] подверглись существенным изменениям. По некоторым статьям (позолота куполов) можно ожидать сокращения расходов; по другим же правдоподобным становится увеличение оных. Довершение храма в полном, по крайней мере, внешним благолепием, тем не менее, при помощи Божией, представляется вполне благонадежным.

№ 65. Решение спора
с наследниками Боччини

Спор с наследниками Боччини возник под предлогом разности в исчислении должных им сумм за труды покойного архитектора по заведованию работами. Разность эта в 618 лир доведена была до сведения г. посла на заседании 13 (25) апреля, и тогда же предположено было, в видах примирения, понизить оную до половинной суммы и сделать в этом смысле предложение вдове покойного через арх. Пачарелли.

Но такое предложение вдовою принято не было, и последовавшая по сему поводу переписка с нею явно обнаружила, что чувства внимания и почтения к ее покойному супругу, высказанные как настоятелем, так равно и самим г. послом, не были ею нисколько оценены и уважены, а напротив того, неудовольствие ее на устранение от дела г. Фави подвинуло ее на весьма бестактные действия и неуместные отзывы, которые едва не довели дела до судебного процесса.

Для избежания оного прибегнуто было к посредничеству адвоката Галаси, по настоянию коего со счета наследников сбавлено было около ста лир, и вдова Боччини прислала настоятелю письменное извинение в допущенных ею несообразностях.

№ 66. Ведомость о движении сумм
по сооружению храма во Флоренции от начала работ
29 мая (11 июня) 1899 г. по 18 июня (1 июля) 1900 г.

В течение двух лет исполнено работ на: 1) каменщиками Риччи и Камби — 42 646 лир 58 цент.; 2) каменотесами Бикиелли и Маяни — 71 985,29; 3) кровельщиком Фабери, медного покрытия — 2700; 4) слесарем Граццини, железных связей — 1536,74; 5) литейного Пинтоне, чугунных труб — 640; 6) точильщиком кирпича Боно — 1376; 7) фабрикой Кантагалли, изразцов — 1909; всего работ на 122 792,67, из коих удержано в обеспечении 7360,74 и выплачено 115 432,87; 8) сверх сего уплачено архитекторам: а) М. Т. Преображенскому — 13 362,18; б) Боччини — 1786; в) Пачарелли — 600; всего архитекторам — 15 748,18; 9) академику живописи Новоскольцеву, авансом выдано за образа для иконостаса — тысяча рублей, или 2800 [лир]; 10) различных банкирских расходов — 14,40; всего расходов на 1 июля 1901 г. — 133 994 лир 45 цент.

Предстоит уплатить: 1) каменщикам Риччи и Камби, приблизительно — 25 000; 2) каменотесам Бикиелли и Маяни — 38 000; 3) слесарю Микелуч-

чи ³⁷⁹ за решетки, окна и кресты — 8,53; 4) слесарю Грацини за железную конструкцию пяти куполов — 10 000; 5) фабрике Кантагалли за поливную черепицу — 6912; 6) фабрике Кантагалли за майоликовые украшения — 6666; 7) Ненчони за позолоту крестов и купольн. верхов — 10 000; 8) Людери за медь на кокошниках и куполах — 10 000; 9) за электричество для освещения церкви — 2500; 10) за водяное отопление — 5000; 11) за роспись верхней и нижней церкви — 25 000; 12) за мозаику, с постановкой на место, — 2300; 13) за четыре железные вызолоченные люстры — 2000; 14) за устройство полов — 4000; 15) за мраморную облицовку внутренних стен — 5000; 16) за устройство иконостаса — 39 000; 17) за устройство громоотвода — 1000; 18) за устройство водопровода — 351; 19) за устройство сада — 3000; 20) за устройство ограды, двух ворот и калитки — 10 000; 21) столяру Талли, за приспособление Демидовской церкви — 6000; 22) столяру Джаролли, за устройство шкапов, дверей и проч. — 2500; 23) стекольщикам — 1200; 24) красильщикам — 1500; 25) за покупку необходимейшей утвари — 3000; 26) расходы освящения храма — 3000; 27) возврат залогов — 7360; 28) наследникам Боччини — 2901,72; 29) инженеру Пачарелли до конца работ — 2700; 30) архитектору Преображенскому — 10 000. Итого предстоят расходы: 254 423 лир 46 цент.

На покрытие расходов имеется: а) в Учетном банке в С.-Петербурге — 84 000 руб. 4% госуд. ренты, стоящей 80 640 руб., по курсу 280 цент. за рубль составляют 225 742 лир; б) в Credito Italiano во Флоренции: наличными по отчету 30 июня с. г. — 9164,32, и десять акций Meridionale 7630; [всего] 36 794,32; [итого] 262 586 лир. 32 цент.

Сверх того, ожидается к поступлению до окончания работ: а) процентов на капитал — 5000 лир; б) пожертвований — 1500; в) сборов в церкви — 2000; г) квартирных — 4350; [всего] 12 850; [итого] 275 436 лир 32 цент.

Предвидится избыток около 20 000 лир.

Примечание: предвидимый избыток предполагается употребить на устройство помещения: для псаломщика, для сторожа, для библиотеки, с таким расчетом, чтобы на сем здании с течением времени, при накоплении средств, можно было устроить колокольню с набором звона до 100-150 пудов.

Означенная ведомость представлена г. послу А. И. Нелидову при письме настоятеля от 19 июня (2 июля) в Chatel Guyon, во Франции.

№ 67. Состояние работ к концу 2-го года
от закладки церкви

Движение работ, со вступлением их в период устройства подробностей, всё более и более замедляется. Неаккуратность и задержка со стороны одного какого-либо производителя работ неизбежно задерживает всех прочих. О препятствиях стихийных и говорить нечего: лето 1900 г. было обильно дождями, а сентябрь почти сплошь дождливый.

Вследствие сего окончание нижней церкви и перенесение в оную церкви временной не только не могло быть, как предполагалось, приноровлено к осени 1901 г., но и к началу весны следующего 1902 г. едва ли вполне и без крайнего напряжения может быть достигнуто.

Иконостас Демидовской церкви был снят для переделки в половине августа, и по причине сложности этой переделки и продолжительности ее потребовалась замена его иконостасом церкви Новицких, хранившимся в церковном складе. Освящение церкви (малое) и первая служба после этой замены совершены в праздник Успения 15 (28) августа, в присутствии пяти душ прихожан.

Главною причиною общего замедления внутренних работ в нижней церкви были братья Кэртинг из Sestri Ponente, взявшие на себя устройство водяного отопления. Их представитель во Флоренции, инженер Паренти, выказал полную небрежность и неосведомленность в деле, которое он обязан был вести и вел два года. Он не указал своевременно всех проводов и каналов в стенах для труб отопления, так что их пришлось прорубать в стенах и в сводах с большим трудом и со значительными издержками. Кроме этого, когда к концу июля все таковые провода по указанию инженера были сделаны и даже по его же требованию в иных местах переделаны, то он нисколько не озаботился немедленной доставкой на место всего нужного материала и на все письменные и словесные настояния о том отвечал неизменным: *abbia pazienza, fra 7-8 giorni tutto sarà pronto* [«потерпите, через 7-8 дней всё будет готово»]. Эти 7-8 дней длились более двух месяцев. Сами братья Кэртинг, на понуждения ускорить дело под страхом иска об убытках, отвечали: в контракте им не указано, что они теперь же должны начать устройство отопления. А между тем по этой причине невозможно было начать ни настилки полов, ни установки киотов и иконостаса, ни росписи стен церкви. Устройство отопления, начатое в конце сентября, едва-едва могло быть испробовано (без особенной удачи) в конце октября.

Замедлились в значительной степени и каменотесные работы. По контракту, они должны были закончиться вполне 15 августа. А между тем весьма многие существенные части материала к концу октября не были достав-

лены на место: арки крыльца, ступени лестницы, и устои, и плита для тротуара. Извинение тому, два года повторяемое, неизменно одно: дурная погода и вода в каменоломнях!

Замедлена и доставка цветной черепицы для покрытия куполов. Фабрика Кантагалли, сама назначившая срок сему на конец августа, сама же в начале августа просила отсрочки на месяц. И черепицы, доставленные в конце сентября — увьи! — далеко не оправдали обещаний и надежд: ни цветов их нельзя назвать счастливыми, ни формы в точности соответственной. Трудность же прикрепления их оказалась столь значительной, что двое столяров и двое слесарей в течение целого месяца едва смогли покрыть половину среднего купола! А стоимость этой работы???

Наиболее удовлетворительными и верными сроку оказались работы слесаря Граццини по устройству железной основы купола и работы мозаической фабрики Società Musiva Venezia.

Слесарь Микелуччи из Пистойи, хотя не запоздал с устройством решеток в окнах и крестов, но нельзя сказать, чтобы исполнил их вполне безупречно: пришлось делать поправки и дополнения.

Окраска железных изделий произведена, и кресты ожидают позолоты русским золотом, которое через курьера, при содействии посольства, получено.

№ 68. 28 декабря 1901 г. (10 января 1902 г.) Водружение креста на главном куполе

Бесконечно затянувшееся дело поднятия и водружения креста на главном куполе наконец состоялось в пятницу 28 декабря. Причины замедления — неисправность медников «Людер»: сначала они ухитрились потерять шаблоны шара и медной шапки под ним, потом — просто были небрежны. Цепи крестовые тоже не вовремя доставил Граццини. Золотить их пришлось местным золотом, из опасения недостачи русского золота для остальных четырех крестов. Шар и шапка, поднятые накануне, были просто обернуты мягкой бумагой и установлены благополучно без малейшей царапины. Крест пришлось зашить в деревянный ящик после тщательной обертки бумагой. Из помещения в нижней части «временной церкви» зашитый таким образом крест вынуть было нелегко.

Освящение креста совершено в 10 часов утра с участием новоприбывшего псаломщика Богданова и семьи настоятеля; помощник его, священник Иоанн Левицкий, смотрел на торжество из окон своей квартиры, будучи удержан в ней нездоровьем и сыровой погодой.

Подъем начался в 10 с половиной [часов] утра, а в половину первого крест был водружен в гнездо. Закрепление его, снятие ящика и укуты-вавшей крест бумаги едва-едва было окончено к 5 часам вечера — времени прекращения работ. Посему прикрепление цепей, т.е. окончательное утверждение креста, отложено до следующего дня. Необходимые поправки в позолоте, равно и окончание оной в некоторых частях цепей отложены до благоприятной для подобного дня погоды.

Рабочим, участвовавшим в операциях выноса, поднятия и утверждения креста, выдано из личных средств настоятеля тридцать лир, как равно было выдано им же в их праздник Рождества Христова пятьдесят лир каменотесам и каменщикам, 7,5 столярам, 3 слесарям, 2 медникам и проч. и проч.

№ 69. Ведомость о движении сумм
по сооружению русской церкви во Флоренции
с месяца марта 1899 по март 1902 г.

Копия (подлинная представлена г. императорскому послу
в Риме 5 [18] февраля 1902 г.)

А. В особом совещании по делу сооружения русской церкви во Флоренции, 5 (17) марта 1899 г., средства, собранные на храмоздание, состояли из: а) в С.-Петербурге, в Госуд. 4% ренте и наличными — 111 434 р. 93 к., что по тогдашним курсам равнялось — 314 236,70; б) во Флоренции 10 акций Meridionale — 7630,00 и наличными — 1716,20; всего имелось — 323 582,90.

Б. К сему поступило пожертвований, сборов в церкви, процентов на капитал и квартирных: а) в течение 1899 г. — 20 186,81; б) в течение 1900 г. — 17 264,75; в) в течение 1901 г. — 21 890,52, и сверх того «от монарших щедрот», на сооружение иконостаса (в августе 1900 г.) — 39 646, а всего за три года поступило — 98 988,08; итого в приходе: 422 570,98.

В. Израсходовано: а) уплатами за произведение работ — 199 658,81; б) потерями на разнице курса ренты и рубля — 19 261,64; итого в расходе — 218 920,45.

Г. Остается на покрытие предстоящих расходов — 203 650,53.

В. От начатия строительных работ (весною 1890 г.) по март месяц 1902 г. выплачено: 1) каменщикам подрядчикам Риччи и Камби — 52 090 лир 32 цент. 2) каменотесам Бикиелли и Маяни — 95 068,32; 3) слесарю Грацини за железн. связи и остов купола — 4434,87; 4) слесарю Микелуччи за окна, решетки к ним и пять крестов — 3000; 5) столяру Талли за обшивку купола,

модель его, входные двери и проч. — 2500; 6) столяру Джаролли за пол в алтаре нижней церкви, шкапы для ризницы, внутренние двери и проч. — 1427; 7) фабриканту Кантагалли в счет за изразцовые работы — 1200; 8) братьям Кэртинг в счет за водяное отопление — 1920; 9) кровельщику Фавери за медные желоба и чугунные трубы 3340; 10) Антонию Боно за обтачивание облицовочного кирпича — 2312,70; 11) Обществу Венецианской мозаики — 1000; 12) Обществу электрического освещения за провода — 282,30; 13) живописцам: а) русским — 6384,80; б) итальянским — 1350; [всего] 7734,80; 14) Адриану Болетто за полы нижней церкви — 700; 15) расходов по шурфовке земли, закладке церкви и проч. — 1239,58; 16) банкирских расходов в Credito Italiano — 28,25; 17) архитекторам: а) Боччини и наследникам — 4689,72; б) акад. Преображенскому — 12 762,00; в) инженеру Пачарелли — 1962,45; [всего] 19 414,17; 18) за золото, купленное академиком Преображенским в С.-Петербурге для позолоты крестов и доставленное во Флоренцию через Мин. иностр. дел — 1957,50; всего выплачено — 199 658,81.

Г. Для полного расчета за все работы, до 1(14) января 1903 г., примерно предстоит уплатить: 1) слесарю Микелуччи за ограду, трое ворот — 16 000 лир и за окна и дверь крыльца — 5500 лир; [всего] 21 500; 2) фабрике Кантагалли за черепицу для куполов и крыльца и за изразцовые украшения — 15 000; 3) каменотесам Бикиелли и Маяни — 14 000; 4) каменщикам Риччи и Камби, за стены ограды, сторожку и прочие работы — 13 000; 5) столяру Талли за обшивку четырех куполов деревом, переделку Демидовского иконостаса и дверей и проч. — 8500; 6) слесарю Граццини за остовы четырех куполов и проч. — 5000; 7) красильщику Ненчони за золочение пяти крестов и прочие малярные работы — 4500; 8) мраморщику Нови за иконостас и внутр. облицовку — 24 500; 9) Società Lodigiana за полы верхней церкви — 3000; 10) профессору Лолли³⁸⁰ за роспись нижней церкви — 3500; 11) меднику Людери за медное покрытие и трубы — 6000; 12) инженеру Ростер за устройство электр. освещения — 4000; 13) Садовнику Пуччи за устройство сада — 3000; 14) бронзовщику Эрколани за переделку люстр — 1000; 15) Officina Gallileo за устройство громоотвода — 1000; 16) братьям Кэртинг за водяное отопление — 2880; 17) русским живописцам за иконы и эскизы — 10 000; 18) на покупку необходимейшей утвари — 3000; 19) на устройство четырех люстр кованого железа — 2000; 20) архитекторам Преображенскому и Пачарелли — 11 800; 21) в возврат залогов обеспечения — 11 497; 22) за медь для образов иконостаса и доставку оных — 1500; 23) за три мозаические иконы, расчет окончательный — 1300; 24) стекольщику за окна в церкви и в крыльце — 1500; 25) на расходы при освящении церкви — 3000; всего предстоит платить — 178 977,59.

Г. На покрытие предстоящих уплат имеется: а) в С.-Петербур. Учет. Банке 72 312 р. по 270 [чентезимо] за р. — 195 242,40; б) в Credito Italiano во Флоренции 10 акций Merid[ionale] — 6400; в) там же наличными — 2008,13; всего имеется: 203 650,53.

Д. В течение 1902 г. можно ожидать: а) квартирных — 2900; б) процентов — 5000; в) сборов в церкви — 1000; г) пожертвований — 1000; [всего] 9900, из чего может составиться — 213 550,53, и за вычетом предстоящей уплаты 178 977,59, может образоваться остаток в 34 572,94 на исполнение росписи верхней церкви и на какие-либо другие непредусмотренные расходы.

Кроме всего этого имеется для продажи участок земли в 2060 кв. метров на *viale in Curva*.

Подлинник подписал: настоятель посольской церкви во Флоренции, протоиерей Владимир Левицкий.

№ 70. Состояние работ по концу третьего года от начала их (месяц май 1902 г.)

Замедление работ, происходящее не от стихий, а от людской неаккуратности, обнаружилось по всем статьям и причиняло немало огорчений.

Фабрика Кантагалли допустила большие промедления в доставке черепицы для куполов и для крыльца: конец марта вместо августа-сентября 1901 г.

Слесарь Грацини очень замедлил сооружение железных конструкций четырех малых куполов и оснащение соответственных крестов.

Медник Людер бесконечно затянул устройство тяг купольных и шаров под кресты, так что последний 5-й крест мог быть вызолочен и поднят на место лишь 12 (25) мая, в присутствии Преображенского.

Профессор Лолли страшно запоздал с росписью нижней церкви, так что не только отсрочка в 15 дней против контракта (15 апреля), но и целые полтора месяца сверх того оказалось недостаточным для окончания этой росписи.

Мраморщик Нови запоздал на целый месяц с доставкой части иконостаса и подвергся угрозе протеста.

Русские живописцы, Васильев с товарищами, запоздали с доставкой эскизов росписи верхней церкви, и притом полученные от них (в половине мая вместо начала января) эскизы оказались в том архаическом стиле, который отвергнут был еще зимою, на основании присланных образчиков, как несогласный со стилем иконостаса.

Электричист³⁸¹ Ростер, поручив проведение линий своим «молодцам» без всякого наблюдения и не руководствуясь данными ему письменными указаниями, запутал и затянул свое дело до крайности: к концу мая 1902 г. не все еще доставлены лампочки даже для нижней церкви.

Представитель фирмы Кэртинг, инженер Паренти, тянул и тянет свое дело до безобразия.

Столяр Талли не исполнил своих обязательств в срок частью по своей вине, частью по вине других: чистить и приводить в порядок киоты Демидовской церкви не кончили и к концу мая.

Вследствие всего этого не только освящение верхней церкви пришлось отлагать на всё более и более отдаляемые сроки, но и об освящении нижней церкви, предполагавшемся в октябре 1901 г., невозможным оказалось думать раньше октября 1902 г.

О верхней церкви освящении в мае 1903 г., в день рождения государя императора, приходится мечтать как о заветном и последнем во что бы то ни стало сроке...

№ 71. 8 (21) октября 1902 г.

Освящение нижней церкви

(придела во имя Святителя Николая Чудотворца)

Торжеству сему, совпавшему с 35-летием священства настоятеля церкви, протоиерея Левицкого, суждено было совершиться при обстоятельствах для сего последнего весьма грустных. Сын и помощник его, священник Иоанн Левицкий, принимавший участие в освящении места постройки, а также в торжестве «основания храма», заболевши горлом летом 1902 г., по всей вероятности, вследствие заражения в военно-морском госпитале в городе Специя при исполнении пастырских обязанностей у русских матросов, скончался в Давосе (Швейцария) на 30-м году своей жизни и в конце 6-летия своего священства, 28 июня (11 июля) в 9 часов вечера. Надежда как самого страдальца, так и его близких на участие его «в служении под золотыми куполами» (слова его последнего письма) не сбылись, «Богу лучшее нечто о нем предзрешу»³⁸², предстояние пред Вечным и Пренебесным Жертвенником!

Ко дню освящения по желанию г. посла прибыли из Рима новоназначенный архимандрит Владимир³⁸³ с диаконом Христофором Флеровым³⁸⁴, участвовавшими в совершении всенощной в 5 часов вечера накануне. Утром нарочною прибыл из Рима и сам г. посол А. И. Нелидов, супруга коего О. Д. Нелидова временно проживала во Флоренции. Приглашений не было

послано никому ни из русских, ни из иностранцев. Тем не менее народу собралось довольно на торжестве освящения.

Кроме посла с супругой присутствовали: граф Сергей Дмитриевич Шереметев, особенно восхищавшийся церковью с ее внешней и внутренней отделкой; с ним также и его семейство; князь Александр Сергеевич Долгорукий с женой и двумя чадами; Алексей Алексеевич Зубов — один из первых щедрейших вкладчиков на храмоздание; Борис Павлович Мансуров — собственник виллы на *viale in Curva*; граф Николай Михайлович Муравьев, сын бывшего министра иностранных дел; княгиня Бярятинская с дочерьми (из Рима); графиня Платова — строжайший художественный критик; генерал Иван Сергеевич Звекон, дочь коего причащалась за первой литургией в новом храме; маркиза Пуччи-Ридольфи-Нарышкина; другая Нарышкина — кн. Куракина; сестры Левдик с племянницей; г-жа Цукелли⁵⁸⁵ с дочерью и другие, неизвестные. Из иностранцев: соседи Гаскирт, художник Арканджели, католический священник из Пратолино и проч.

Полиции было довольно и у наружных ворот, и у церкви. Вход в оную был украшен растениями, среди коих выставялся красивый крест, водруженный во время «основания храма» на лесах, теперь снятых.

Чин освящения храма, совершенный архимандритом Владимиром совокупно с протоиереем Владимиром Левицким, диаконом Флеровым и псаломщиками Владимиром Богдановым и Сергеем Гумилевским (назначенным на место скончавшегося о. Иоанна), прошел благополучно, хотя до начала оного различные неясности «устава» в требнике подали повод к немалым пререканиям. Певчие пели изрядно.

В конце освящения, за отказом отца архимандрита от произнесения слова, сказана была краткая речь протоиереем Левицким на слова песнопения: «Якоже вышняя твердь и благолепие и нижнюю споказал еси красоту святого селения слава Твоя, Господи». Слез втайне было пролито немало, особенно перед раздаванием свечей, возженных перед крестным ходом: он так живо напомнил обхождение рвов перед началом работ!

Поздравление с 35-летием настоятель получил лишь одно в церкви, от г. посла, и другое дома — [*нрзб.*] от Анны Григорьевны Краснокутской из Милана.

Слава Богу за все!

Трапеза у настоятеля была самая скромная, для одного лишь клира.

Певчим роздано по 20 лир каждому, и регенту [*нрзб.*] за ноты 50 лир.

На другой день, в среду, настоятелем объявлена была литургия и панихида о почивших благотворителях: явилось немного богомольцев. Слава Богу за все!

№ 72. Русские живописцы и роспись церкви

Первоначальные предположения расписывать церковь итальянскими рабочими по эскизам русских художников оказались неосуществимыми по той главной причине, что эскизы эти были выполнены в строго архаическом стиле русской иконописи XVII в. Продолжительная переписка по этому поводу с архитектором Преображенским, главным виновником такого недоразумения, и желание последнего во что бы то не стало навязать этот стиль во всей его невыносимой для современного вкуса своеобразности, привели лишь к тому, что эскизы были представлены на обозрение Св. Синода (вне заседания), потом с решительностью отвергнуты здесь на месте, засим исправлены в некоторой степени авторами их с обещанием еще более исправить их в исполнении на месте. Решено было таким образом вызвать русских живописцев, одного или нескольких, дабы они, совместно с профессором Лолли и его рабочими, руководя ими, исполнили дело.

В мае месяце 1902 г. ожидали художника Васильева вместе с архитектором Преображенским. К этому времени сделана была подготовка стен (мраморно-гипсовая штукатурка поверх обыкновенной) по совету профессора Лолли и с одобрения Преображенского.

Но г. Васильев не в состоянии был приехать. Не мог также приехать, по болезни, и ожидаемый им вместо себя его товарищ, г. Шарварок.

Так дело протянулось до октября месяца.

Наконец 11 (23) числа, уже в бытность посла и его супруги, присутствовавших 8 (21) на освящении нижней церкви, и именно во время посещения ими настоятеля, в квартиру последнего явились художники: Васильев, Блазнов и Киплик, прибывшие накануне из Венеции вместе с двумя помощниками Чепцовым и Кузминским.

Тотчас под руководством г. посла установлено было соглашение насчет количества, распределения работы, способа ее исполнения (*a tempore*) и стоимости. Составлена была тут же смета в 12 тыс. рублей за исполнение всей росписи, считая картину в апсиде (Евхаристия) и картину над входными дверьми (Вход в Иерусалим), но не считая орнаментальной части, предоставленной Лолли за плату 6 лир с квадратного метра *a tempore*.

Художник Васильев принужден был, к сожалению, немедленно, через два дня, уехать обратно, будучи вытребован для срочных работ в Либавском соборе.

Прочие художники, устроившись собственным хозяйством (благодаря жене Киплика, венецианке, Луизе Людвиговне) в квартире № 33 на *via Lorenzo il Magnifico*, в двух шагах от церкви, тотчас приступили к делу и удивили всех, а больше всего итальянских коллег, быстротой работы.

Художником Кипликом, с помощником итальянцем Амадео, нанятым на собственный счет, написаны фигуры: а) четырех евангелистов на сводиках; б) Фотия Патриарха и Кирилла равноапостольного; в) Мефодия равноапостольного и бл. Марка на двух западных секторах главного свода; г) трех апостолов на южном секторе. В воспроизведении последних трех фигур содействовал Александр Степанович Духович, вольный художник, серб, перерисовавший рисунок с картонов на стены.

Художником Блазновым исполнены за себя и за Васильева, с помощниками Чепцовым и Кузминским фигуры: а) Божией Матери с двумя ангелами; б) Предтечи с двумя ангелами на двух восточных секторах свода; в) девять фигур апостолов на двух северных и на одном южном секторе; г) картина Распятие Господне (5 фигур); д) картина Крещение Господне — на северной и южной стенах боковых частей церкви.

В начале ноября ст. ст. прибыл художник Петр Степанович Шарварок, которому, по взаимному с товарищами соглашению, предоставлено было заканчивать роспись и руководить итальянцами.

Несколько дней все художники поголовно пролежали в инфлюэнце, и Шарварок дольше других.

На долю Шарварока досталось исполнить: а) картину Рождество Христово; б) картину Воскресения; в) картину Преображения; г) картину Моления в Гефсимани; д) картину Евхаристии, в алтаре, с Богом Отцом; е) 12 медальонов на арках; ж) картину Вход в Иерусалим, над западными дверьми.

№ 73. Дополнительные работы по росписи

В течение производства работ художниками по утвержденной смете получено предложение Преображенского добавить к проектированным картинам еще 12 фигур отечественных святых, по преимуществу князей и святителей, на всех сторонах пилонов, вместо проектированных пелён. Сверх того заявлено было желание того же Преображенского, чтобы лики херувимов на внешних и внутренних сторонах арок, а в особенности в рамках вокруг картин Шарварока, были исполнены русским помощником, Чепцовым, а не итальянцами. Ввиду увеличения через то ценности работ русских, предполагено было отказаться от картины Входа в Иерусалим.

После долгих совещаний и соображений принято было художниками и настоятелем следующее решение: а) написать шесть образов на пилонах, за невозможностью, по условиям места, написать все 12; б) три из этих образов художники вызвались исполнить бесплатно, в виде их личного пожертвования; в) картину Входа в Иерусалим предоставить сочинить, по данным

материалам и указаниям, профессору Лолли, в надежде на более умеренную ее стоимость, чем предположенная сметой цена (900 рублей); г) художники Д. О. Киплик и А. П. Блазнов, написавши на виднейших местах пилонов образа святых страстотерпцев князей Глеба и Бориса, оставили П. С. Шарвароку написать на остальных сторонах пилонов образы святых Антония и Феодосия Печерских, Сергия Радонежского и Ионы Митрополита Московского.

№ 74. Появление сырости на картинах

С самого начала живописных работ примечена была не одинаковая повсюду усвояемость красок штукатуркою: иные места скоро сохли, другие, преимущественно на северной и восточной стенах, долго блестели пятнами.

С конца декабря нового ст. началась необычайно сырая погода, туманы, дожди при температуре в $+8^{\circ}$ и $+10^{\circ}$ R. При подобной погоде вообще стены в зданиях, даже старых, отпотевают. В верхней церкви, начиная с барабана купола, несмотря на существующие в окнах его отдушины, начался как бы дождь: вся постепенно живопись покрылась крупной росой, потекшею потоками по свеженанесенным картинам, за исключением лишь картин, написанных на стенах внутренних, не обращенных к наружному воздуху.

Первое впечатление было ужасно и приводило в отчаяние необъяснимостью его причин.

Виною потеков нужно принимать, однако же, не внутреннюю сырость стен, а следующие совпавшие одна с другою ошибки:

1. Излишнюю топку и свойство так называемого водяного отопления без вентиляции, которая была пренебрежена представителями г.г. Кэртинг, строителей отопления, хотя и была первоначально подготовлена (*presa d'aria*);

2. Свойство штукатурки, специально подготовленной по совету Лолли и с ведома Преображенского, слишком гладкой и плотной как мрамор: краска не впитывается;

3. Недостаточное проветривание здания. Как только стали открывать окна, даже во время туманов и дождей, отпотевание стен прекратилось. Картины Распятия и Крещения оказались довольно сильно, хотя и не безнадежно, пострадавшими.

№ 75. Особо ревностные труды Петра Степановича Шарварока по росписи церкви

По окончании росписи восьми секторов свода, картин Крещения и Распятия, а также жертвенных икон муч. Бориса и Глеба (заимствованных у Васнецова, киевского Владимирского собора), художники Блазнов и Киплик с помощником Кузминским в начале января 1903 г. отбыли в С.-Петербург, предоставив Шарвароку с Чепцовым исполнить оставшуюся и более значительную часть росписи.

Нужно признаться, что при ненадежности своего здоровья художник Шарварок принял на себя задачу слишком тяжелую. Не только количество работы, но и характер ее, при отсутствии эскиза главной картины (алтарного изображения Евхаристии) и необходимости существенных изменений в эскизах почти всех других картин, потребовали от бедного Петра Степановича крайнего напряжения сил. К этому присоединилось, с одной стороны, собственное его желание — возможно скорее окончить работу, дабы воспользоваться весенним временем для путешествия по Италии, а с другой, крайняя непонятливость и копотливость Лолли и большинства его рабочих, занимавшихся воспроизведением орнаментальных рисунков, недостаточно полно разработанных и не вполне обдуманых Преображенским.

Таким образом, полубольному Шарвароку приходилось работать за себя, за Лолли и за Преображенского, и работать лихорадочно упорно: он не знал отдыха ни по воскресеньям, ни по праздникам. Единственным, и то вынужденным, отдыхом для него было время перестановки лесов!

Превосходные по тщательности и обдуманности работы Шарварока, особенно алтарная картина и три вновь составленные им [части] потолка русского орнамента, стоили не только дорого для экономии церковных сумм (против условленного на 500 рублей более), но и слишком дорого для здоровья художника: перед Св. Пасхой он совсем расхворался!

№ 76. Пожертвование Елены Петровны Демидовой княгини Сан-Донато «на довершение храма»

Когда стала очевидной невозможность закончить роспись церкви в надлежащей полноте на небольшие, оставшиеся на сей предмет, средства, то настоятель церкви предложил было обратиться с циркулярным воззванием о новых пожертвованиях ко всем ревнителям, а преимущественно к проживающим во Флоренции русским.

Воззвание, посланное на рассмотрение г. посла, составлено было следующим образом (январь 1903 г.):

«На сооружение русской церкви во Флоренции, по подписке, открытой, с надлежащего разрешения, в 1880 г., собрано доселе всего 162 264 лиры, считая в том числе и 75 000 лир, пожертвованных Е. П. Демидовой княгиней Сан-Донато, а также 11 089 лир, пожертвованных А. А. Зубовым.

Многие из ревнителей сего святого дела, в течение 22 лет от начала оно, по два, по три и по четыре раза возобновляли свои посильные приношения.

От монарших щедрот в 1900 г. пожаловано на сооружение иконостаса 39 646 лир.

От сборов в церкви и от наращенных процентов получено в течение тех же 22 лет около 220 тыс. лир, и сверх того от продажи запасного участка земли получено прибыли 9613 лир, так что всего на дело храмоздания собрано около 432 тыс. лир.

Между тем, стоимость сооружения храма, ныне, по милости Божией, оканчиваемого, достигает 447 тыс. лир, включая цену земли и внутреннего устройства.

Для довершения его в должном благолепии и для полного расчета с художниками, архитекторами, подрядчиками и поставщиками не достает от 10 до 15 тысяч лир.

Такой недостачи ни предвидеть, ни предотвратить не было возможности по той причине, что она произошла главнейше от неожиданного, во время постройки, изменения ценности итальянской валюты и русского рубля (265 цент., вместо бывших 275), а также от нравственной обязанности согласовать внутреннюю отделку верхней церкви с высоким даром государя императора и с ее благолепно законченною внешностью.

Честь и достоинство русского имени, а еще более важность и святость дела храмоздания на чужбине не допускают мысли, чтобы светлое и возвышенное впечатление, на всех бесспорно производимое новосозданною первою в Италии русскою церковью, могло быть омрачено невозможностью выполнить ко дню ее торжественного освящения, 6 (19) мая с. г., законченные и неизбежные обязательства по ее сооружению.

Во имя этих чувств и побуждений, долгом почитаю убедительнейше, именем Христовым, просить Вас, м[илостивый] г[осударь], оказать посильную помощь достойному завершению богоугодного дела принесением добротного даяния на покрытие недостающей суммы.

Настоятель посольской церкви во Флоренции, протоиерей Владимир Левицкий».

Несмотря на убедительность аргументов воззвания и крайнюю надобность в деньгах для окончания расчетов, г. посол прямо и настоятельно

заявил, что рассылка воззвания, особенно к русским, проживающим во Флоренции, для него, посла, крайне нежелательна, ибо «может возбудить много толков и нареканий и не принести существенной пользы». Такое мнение нельзя не признать основательным и дальновидным: с самого начала дела храмоздания так называемая флорентийская русская колония выражала свое внимание к этому делу не столько существенно ему помощью, сколько нареканиями, пререканиями и пересудами, о чем упомянуто (вкратце) в «Докладной записке».

Соответственно желанию г. посла, воззвание никому не было послано во Флоренции, хотя и была заявлена пред некоторыми прихожанами необходимость новых пожертвований, что вызвало одно лишь недовольство (*Nomina sint odiosa!* [Неприятно даже упоминать]).

Направлено воззвание во Флоренции: г. Смельскому, недавно обвенчанному в новой церкви, а по его же указанию — к его матери в С.-Петербурге и к его дяде там же. Но никакого ответа от сих лиц не получено. Послано также воззвание к князю Петру Николаевичу Мещерскому в Ниццу, некогда (в 1888 г.) перенесшему во Флоренции жестокий тиф, вывезенный из Неаполя, а также послано было оно и к княгине Шаховской-Глебовой-Стрешневой, купившей Сан-Дonato, из трех домов за границей, и дававшей в нем балы для международной публики; о нужде храмоздания издавно ей докладываемо было словесно. Но и тут — не бысть ни гласа, ни послушания.

По совету некой г-жи Станиславской послано было воззвание в Одессу, камергеру Г. Г. Маразли, и Елене Петровне Демидовой княгине Сан-Дonato, а равно, по указаниям сей последней, пасынку ее, Елиму Демидову, сыну Павла, которого крестил протоиерей Левицкий, и дочери, княгине Марии Абамелек. Последним трем персонам было писано особо, по вышесказанному совету, когда еще сама княгиня Сан-Дonato на первую просьбу настоятеля хотя бы о заимообразном пособии отвечала решительным отказом. Повторительные просьбы молодым Демидовым, с приложением фотографий церкви, остались без ответа.

Но невогще слово Евангельское: толцые и отверзетса! Отверзлось по благодати Божией, сердце Г. Г. Маразли, человека совсем незнакомого Флоренции, и он не только прислал немедленно тысячу рублей, но еще и трогательно благодарил настоятеля за дарованную ему возможность принять участие в добром деле.

Отверзлось тою же силою Божиею и сердце Елены Петровны, и она сначала и депешей своего секретаря Торрини известила настоятеля, что жертвует десять тыс. лир на окончание храма, а потом через адвоката Леккини действительно внесла оные и тем избавила церковь, посла и настоятеля от очень затруднительного положения, от необходимости сделать род ипоте-

ки или рассрочки платежей с уплатой процентов, на что согласились уже и мраморщик Нови и каменщики Риччи и Камби — наибольшие кредиторы.

Не только послана благодарственная депеша и письмо княгине, но и отслужен за нее молебен. Поминание ее чад и прежде было всегда на литургиях.

№ 77. 10 (23) мая 1903 г.
Отсрочка освящения храма

Ровно год времени протекло в безмолвии журнала. Много печального, но немало и утешительного пришлось за это время пережить. Казалось нередко, что не суждено было сбыться ожиданиям.

Первый предположительный срок освящения храма 6 (19) мая, день рождения государя императора невозможным оказалось осуществить по болезни А. И. Нелидова. По той же причине пришлось отказаться и от 14 мая, дня коронации. Предложение г. посла совершить торжество дня 21 мая (свв. Константина и Елены), в тезоименитство главной жертвовательницы Елены Петровны Демидовой, или же 25 мая, в день рождения государыни императрицы Александры Федоровны, оказалось неудобоприемлемым по тому главнейшему соображению, что в эту эпоху прихожан во Флоренции вовсе почти не было налицо, за разъездом всех именитейших, и освящение пришлось бы совершать исключительно в присутствии иноверцев, — местных властей и любопытных, праздной публики. Такое завершение многолетних трудов, скорбей и страданий казалось нежелательным, что охотно было принято во внимание г. послом, и, с его согласия и одобрения, торжество отложено было до осени 1903 г. Была при этом тайная и слишком смелая надежда, что торжество освящения при такой отсрочке быть может украситься, если не высочайшим присутствием (о чем все итальянцы и даже серьезные их газеты наперерыв и издавна разглашали), по крайней мере, присутствием лиц свиты государя, предполагавшего лето проводить в Гессен-Дармштадтском, и в начале осени посетить итальянского короля.

Ввиду этого ожидания вероятной казалась надежда на присылку из России архиерея с хором певчих, о чем настоятель церкви ходатайствовал перед митрополитом и что давно обещано было синодальными большими колпаками. Но, увы!

№ 78. Отказ синодальных светских властей прислать архиерея
на освящение храма

На закладке церкви 18 октября 1898 г. товарищ обер-прокурора Св. Синода обещал положительно устроить посылку архиерея с певчими на освящение храма, подобно тому, как это было в 1897 г. в Вене.

Во время неоднократных посещений Петербурга г. послом в течение производства работ те же уверения были повторяемы со ссылкой, впрочем, на министра финансов.

Летом, наконец, 1903 г. об этом горячем желании флорентийских русских и о великом значении архиерейского священнодействия в первой русской церкви в Италии не только вновь было писано г. послом обер-прокурору Св. Синода, но и было доложено самому государю императору, который, впрочем, отослал вопрос на усмотрение обер-прокурора. Сей последний не нашел никакой возможности внести об этом ходатайство к министру финансов, находя расход в 10 тыс. рублей (хотя достаточны были бы и 6 тыс.) не соответствующим нуждам и положению. Пришлось покориться!

№ 79. Кончина Петра Степановича Шарварока

Бедный Петр Степанович не смог докончить предпринятой им задачи самоличного исполнения последних картин стеной росписи в притворе: эскизы Благовещения и Воздвижения выработаны им, но исполнить оные пришлось его помощнику, Ефиму Михайловичу Чепцову.

Уже при самом приезде Шарварока во Флоренцию видно было, что одним из побуждений, приведших его сюда, была надежда поправить здоровье, расстроенное в Петербурге. К несчастью, тотчас по приезде он слег вместе с остальной братиею художниками от инфлюэнцы. Другим сошло легко, ему нескоро удалось оправиться. Работа в церкви, на лесах в зимнюю пору, несмотря на усиленное действие водяного отопления, несмотря на обивку дверей и выходов сукном и бумагой, сопровождалось для него постоянным ощущением холода и сквозного ветра: по всей вероятности, это было ощущение лихорадочного озноба. Сухой, короткий кашель не покидал его. К весне, к концу марта, он вновь слег. Чтобы успокоить и облегчить его положение, решено было, по соглашению с г. послом, прибавить ему две-три тысячи рублей к условленным ценам работ, дабы дать возможность прибытия к нему его жены, Зинаиды Ивановны, состоящей на службе в петербургской городской управе. Она прибыла вскоре после Пасхи, но не могла воздвигнуть упавших сил мужа. Переехали они в мае месяце в Виареджо с целью

приучить себя к морскому воздуху, чтобы потом пуститься морем через Ливорно в Неаполь, Бари, Константинополь и Одессу, а оттуда в Малороссию, к родителю Шарварока. Но, увы! болезнь пошла столь быстро к худшему, что из Неаполя бедная Зинаида Ивановна, с большими трудами и тревогами, к концу июня насилу довезла своего страдальца, по железной дороге, до дачи близ Луги.

За последними расчетными деньгами приходилось ей самой ездить в С.-Петербургский Учетный банк: муж едва имел силу расписаться в получении и вскоре впал в забытие. Июля 21-го он скончался на даче, сидя в кресле в саду.

Имя его поминается в церкви наряду с благотворителями храма, потому что работы его — лучшие из всей росписи, орнаментальная часть принадлежит ему всецело и во всё дело он вложил столько усердия и стараний, что можно сказать — душу свою отдал за дело. Упокой Господи душу его со праведными!

№ 80. 26 октября 1903 г.
Освящение «верхнего храма»

Невзирая на несбывшиеся желания освятить храм архиерейским служением, торжество освящения не лишено было блеска и светлости, глубоко радостных и назидательных.

Этому наипаче содействовало участие в торжестве целого отряда русских моряков с броненосца «Ослябя», задержанного в доках Специи двухмесячными работами по исправлению подводных повреждений, полученных при прохождении Гибралтарского пролива. Большая часть офицеров, в том числе и сын посла Иван Александрович Нелидов, равно как начальник эскадры, адмирал Вирениус, командир броненосца Михеев и др. в блестящих мундирах участвовали в крестном ходе. Для несения хоругвей и фонарей прибыла накануне команда унтер-офицеров с боцманом Лаврентием, который назначен был к несению запрестольного креста. Немалым вопросом было размещение на ночлег и кормление команды: устроили их за церковный счет в том пансионе подле церкви (Гвардуччи), где зимой помещались живописцы.

Духовенство приглашено было: из Рима почти в полном составе, из Ниццы — протоиерей Любимов, привезший дорогие по значению своему подарки — три образа преп. Серафима Саровского, свечи и ладан, а также о. Виктор, иеромонах «Осляби», добрейший сослужитель и усердный служака. Духовенство помещалось частью в пансионе Томазелли-Рунич, частью у Альбины Челюскиной. Всех лиц в облачениях было: четыре священника,

диакон и три псаломщика — итого восемь. Чин освящения совершал по новоизданному «воследованию» с помазанием четырех стен храма архимандрит Владимир; окропление св. водой совершал воследовавший ему настоятель церкви. Приглашения на торжество церковное были разосланы настоятелем всем русским, местным властям и множеству почетнейших иностранцев. Не были забыты и рабочие в лице их подрядчиков.

Приглашение на трапезу было разослано от имени посла местным светским и духовным представителям и из русских тем, кого знал посол. Офицеры «Осяяби» были все.

Погода благоприятствовала. Крестный ход при выходе и при возвращении был сфотографирован многими фотографами, и снимки вскоре бойко пошли в продажу в разных лавчонках. Они были рассылаемы всем участникам торжества за счет церкви и всем прикосновенным к делу местным лицам и иногородним.

Но особый восторг и общее восхищение возбуждали кинематографические снимки крестного хода, в течение долгого времени привлекавшие целые толпы зрителей на площади Виктора-Эммануила. Предприниматель сделал немалое дельце, и не раз возобновлял свои представления.

По окончании освящения сказано было настоятелем слово на текст: сеющие слезами радостию пожнут. Певчие пели превосходно!

№ 81. Отозвание из Рима посла Александра Ивановича Нелидова

В последнем совещании перед торжеством «закладки храма» 16 (28) октября 1899 г. настоятель в уединенной беседе выразил г. послу убеждение, что его назначение в Италию было делом явного Промысла Божия относительно сооружения здесь первого православного храма и что он, настоятель, при первых слухах о таком назначении горячо молился, чтобы оное сбылось, зная Александра Ивановича и семью его еще с первого их пребывания во Флоренции, в зиму 1878-79 гг. На это любезнейший собеседник, со своей характерной тонкой усмешкой, заметил: «Значит, я Вам обязан моим назначением?» — «Не мне, но первой русской церкви в Италии», — был ответ.

Неожиданно поразительным подтверждением этого было отозвание А. И. Нелидова из Италии, в точности совпавшее с окончанием и освящением храма.

Причиной отозвания была отмена приезда государя императора в Рим, уже вполне установленного на осень 1903 г. и не состоявшегося ввиду нелепых социалистско-анархических манифестаций против него в разных го-

родах Италии. Местной власти была крайне неприятна такая отмена, и русский посол, указывавший на неприличные манифестации и отклонивший всякие их извинения, сделался козлом отпущения для огорченных отмененным высочайшим визитом. О своем отозвании он знал уже во время торжества освящения, был очень им взволнован при неизвестности дальнейшего своего назначения и с замечательным самообладанием сказал великолепный тост «За короля и королеву Италии», на который не менее удачно ответил префект Винспир: «О русском благочестии, общем у царя с последним из его подданных, чему мы все у вас должны учиться».

На другой день, после заупокойной литургии и панихиды о почивших благодетелях храма, Александр Иванович с глазами, мокрыми от слез, заявил настоятелю, что он никогда еще так пламенно не молился, как в этот раз, и тут же известил свое отозвание из Рима. Невольно вспомнилась беседа перед закладкой храма!

Когда засим дня через два посол с супругой отъезжали в Рим, было уже известно о новом и давно желанном назначении в Париж — и горизонты прояснились!

№ 82. О некоторых особенностях в построении церкви (на случай ремонта)

Водосточные трубы, стоки и каналы.

Вокруг всей нижней церкви устроен до уровня земли так называемый водоотводный коридор (scanafosso) в полметра ширины, 2,6 вышины, покрытый сводами с отдушинами со всех сторон; на нем помещен плитной тротуар вокруг всей церкви, шириной в 1,1. Цель этого сооружения — изолировать нижнюю церковь от прилегания земли и почвенной сырости. На дне его устроен покрытый плитой канал, с наклоном $\frac{1}{10}$, выходящий под средними воротами решетки (гербовой калиткой) в городской коллектор. Правая отдушина этого канала у калитки удобооткрываема и настолько широка, что в нее может спуститься человек и осмотреть в случае надобности устье, впадающее в городской коллектор.

Дождевая вода со всего здания, собираясь в медные желоба над главным карнизом или, точнее говоря, в толще его (0,4×0,2), из них спускается в чугунные трубы в углах здания, а по ним сходит в вышеупомянутый канал над scanafosso и выходит в коллектор.

В том же scanafosso пролегают с северной и восточной стороны под сводом свинцовые водопроводные трубы, имеющие два крана со стоками в нижней церкви, один в калорифер, один в верхней церкви.

№ 83. Устройство купола и утверждение крестов

По незнакомству местных строителей с делом устройства куполов в русском стиле (маковками), при одних лишь и притом недостаточно ясных рисунках русского архитектора, дело это представляло немало трудностей. Приходилось настоятельно требовать личного присутствия и указаний архитектора Преображенского. Делу, впрочем, немало помог слесарь Нарчизо Грацини, довольно удачно соорудивший модель железной основы купола в $\frac{1}{5}$ величины, так что поправлять пришлось немного.

При кладке каменных карнизов в барабанах в них заделаны были восемь железных шкворней в большом куполе и по четыре в остальных четырех. Когда сведены были своды куполов и залиты сверху слоем цемента, причем в главном куполе центр был еще покрыт толстым капотом свинцовым, тогда к выступавшим из карнизов винтовым головкам шкворней привинчена была гайками нижняя основа, толщиной в $0,18 \times 0,07$, а к ней — перпендикулярные ребра, связанные в вершине кольцом, сквозь которое пропущен стержень, перехваченный несколькими поперечинами, связывающими его с вертикальными ребрами. На стержень нужно было навинчивать крест.

Кресты работал Микеллуччи в Пистойе, всё прочее — Грацини. И вот, когда пришлось водружать и навинчивать кресты, заранее внизу в подвале «временной церкви» отзолоченные, ставить их на медные шейки и шары куполов, также отзолоченные, тогда началась истинная для всех, а паче всего для настоятеля, мука: кресты, особенно меньшие, оказались сделанными не строго по отвесу, и разность в $\frac{1}{2}$ сантиметра у пятки креста, на всей высоте его не менее трех метров, возростала очень чувствительно, — кресты становились косо! Прибавить к этому, что подымали их с земли на блоках завернутыми в бумагу и тряпье и зашитыми в толстые доски. Если бы не смышленность и энергия слесаря Грацини, а равно старосты каменщиков Беппе Риччи, дело могло бы кончиться большими неприятностями и убытками. Эти молодцы выручили: трудами многих дней с помощью многих клиньев и оттяжек отвес был достигнут. Свои медали упомянутые труженики недаром получили!

Продолжение об устройстве куполов: на вертикальные ребра навинчены поперечные пояса (ребра из железа формы Т); к поперечным полосам и ребрам привинчены по всей окружности полосы орехового дерева в $0,08 \times 0,06$; густо покрытые суриком; к ним были привинчиваемы медными винтами и привязываемы медной проволокой керамиковые черепицы, каждый ряд коих — особой величины и особого выгиба, и в этом состояла наибольшая трудность производства черепиц, причем в некоторых рядах оных зазор, или просвет, между ними доходит до полусантиметра, что, однако же, не дало доступа дождевой воды внутрь купола.

В юго-восточном (малом) куполе устроен лаз, то есть дверь, открывающаяся внутрь и способная пропустить человека среднего роста; такая же дверь, несколько пошире (0,7×0,5), устроена в среднем куполе.

Чтобы достигнуть купола, необходимо взобраться прежде по обыкновенной лестнице на апсиде, оттуда на среднюю крышу (алтарную), затем на кокошники в основании большого купола. Здесь утверждается специальная лестница (хранится в калориферной комнате) с железными зацепинами, коими она закрепляется в поручнях двери малого купола. В малом куполе хранится такая же лестница с зацепинами, перекидываемыми от него на поручни двери главного купола.

Такой способ проникновения в купол предпочтен был первоначально предположенным обычным железным, так называемым корабельным, лесенкам, вмурование коих в стены здания и купола могло бы оные обезобразить и было бы ненадежно во многих отношениях.

Северо-западное окно главного купола открывается, для чего требуется примостить *Scala Porta*. Предполагалось все окна купола сделать удобооткрываемыми изнутри, и они имеют дверки à coulisse; но механизм для открывания не мог быть устроен.

№ 84. 19 мая 1908 г. Препоны в деле храмоздания

Трудно поверить, что препятствия в деле построения храма возникали прежде всего и больше всего со стороны тех, для кого храм предназначался, т. е. со стороны так называемых прихожан.

О некоторых из этих местных препон вкратце и в общих чертах упомянуто в «Докладной записке А. И. Нелидову» в начале сей книги. Упомянуть следует поименно о некоторых запинателях святого дела, дабы яснее видны были рядом сопоставленные: человеческая сущность и пути Промысла Божия.

Первою препоною храмоздания явился комитет, составленный по предложению настоятеля, при полном устранении себя посольством от какого бы то ни было видимого в нем участия, из следующих лиц: церковного старосты Г. Г. Кушникова, графа Матфея Платова, Ник. Яков. Протасова и Алексея Захаровича Хитрово. Денег на дело комитет обещал, но не давал много; распорядиться же делом изъявил величайшую готовность на первых порах, много и без толку толкуя о месте будущего храма. Когда же летом 1881 г. настоятель, купно со старостой Кушниковым, приторговали место в 2060 кв. м на *viale in Curva* и, пользуясь разрешением посольства, купили

оное за 5500 лир на посольское имя, то прочие члены Комитета, преимущественно гр. Платов и Протасов, вознегодовав, «подали в отставку», воображая себя решителями дела, оскорбленными самовластием настоятеля. Этот «выход в отставку» не избавил, однако же, настоятеля от советов и рекомендаций, навязывавшихся ему отовсюду, по части избрания подрядчиков, архитекторов, художников и «проектов храма». Неудовольствия были плодом всего этого.

Архитектор Боччини, рекомендованный Валентиной Засецкой (пожертвовавшей 1 тыс. р.), имел такт убрать немедленно свой «проект», лишь только узнал о его непригодности.

Архитектор Пьетро Берти, «un gran tirchione» [великий скряга], как его называли подрядчики, навязанный аферистом Владимиром Потемкиным, не так легко отклеился: вызвавшись бесплатно составить проект, он требовал за неуклюжий свой эскиз 3 тыс. лир, но удовольствовался 300, уплаченными настоятелем из собственного кармана. Опять неудовольствие и разговоры рекомендателей и друзей!

И место на *viale in Curva* возбуждало неудовольствия и критику уже одним своим названием. Поэтому лишь только в 1885 г. пожертвованные Е. П. Демидовой 75 тыс. лир дали возможность думать о новом месте, для оборудования дела принят был совет прибегнуть к содействию адвоката Арнольдо Поццолини, весьма распространенного в дамском кругу «маленькой русской колонии». И опять, кроме неудовольствия семьи Елагиных, его рекомендовавшей, ничего из этого не вышло: адвокат рассыпал из своего портфеля вверенные ему бумажки по всех домам из посещаемых — пришлось просить у него расчета и с ним расстаться.

Но больше всего волнений, и самых характерных, вызвало столкновение дела храмоздания с делом построения дома Ольги Николаевны Базилевской на *Lungo il Mugnone*. Строитель сего дома, вольнопрактикующий архитектор Александр Юлиевич Ягн, сам же настойчиво допреж сего указывал на эту местность, как на особенно подходящую для «красивой русской церкви», — до тех пор пока не терял надежды, при помощи своей покровительницы Елены Сергеевны Рахмановой³⁸⁶, заполучить в свои руки постройку этой церкви. Когда же тщетные ожидания получить от него план церкви заставили прибегнуть к пенсионеру Академии художеств Преображенскому, быстро набросавшему великолепный эскиз храма, и когда при этом возникла вероятность, что храм этот станет рядом с домом Базилевской, на свободном до той поры участке земли в 2 тыс. кв. м, не только Ягн и его покровительница Рахманова, но положительно «вся маленькая русская колония» (*toute la petite colonie russe*) вознегодовала на такое дерзостное покушение на спокойствие «бедной *m-me Basilevsky*»: она так суеверна! она так боится

покойников! она везде подозревает опасности от микробов, — и вдруг ей рядом с домом иметь церковь!

«Бедная m-me Basilevsky», строя дом заглазно и проживая на ту пору в Вюрцбурге (Германия), отнюдь не имела намерения приобретать смежный участок. Но когда из Флоренции ее засыпали угрозами ее будущему спокойствию от проектируемой постройки рядом с домом церкви, то никакие мольбы и убеждения настоятеля не смогли ее поколебать в решимости перекупить намеченное для церкви место и разбить на нем сад, о коем она прежде не помышляла и коим и доселе почти никогда не пользуется.

Любопытно то, во-первых, что ни у одного из так называемых прихожан не нашлось ни одного слова в защиту намерений настоятеля и интересов церкви; а во-вторых то, что ныне та же Базилевская и все ее знакомые ругательски ругают того же Ягна — за способ постройки дома, постоянно требующего починок и переделок: дом ведь строился не только в отсутствие владельницы, но и самого архитектора Ягна, уезжавшего на лето неукоснительно со всем рахмановским табором. Можно ли не признать особой милости Божией в том, что ни Поццолини, ни же Ягну не пришлось приложить рук своих к делу сооружения церкви?!

О предоставлении посольством (бароном Карлом Петровичем Иксулем) собранию прихожан решить вопрос о том, можно ли на 150 тыс. наличных начинать постройку со сметой в 225 тыс., упомянуто в «Докладной записке» 1897 г. Остается лишь пояснить, что по собственному заявлению посла барона Иксуля мера эта была принята с нарочитым желанием затормозить дело и притом таким манером, чтобы это исходило не от посла-лютеранина, а от самих прихожан, — еже и бысть!

Точно так же те же «прихожане», уже по собственной инициативе, еще раз постарались воздвигнуть препону начатию дела, а именно в 1891 г., когда назначен был новый посол, на этот раз православный, добрейший и лично благожелательнейшей Александр Егорович Влангали. Выступление учили: тот же князь Сергей Голицын⁵⁸⁷, что и в 1887 г. суетился наиболее на собрании прихожан, и с ним Геннадий Шпигельберг под влиянием своей тирана-супруги Елизаветы Алексеевны. Затеяна была «петиция» новому послу о необходимости коренным образом пересмотреть дело с самого начала и решить, строить ли храм или обратиться «временную церковь» в постоянную и сохранить капитал на всякий случай. Под петицией собирались подписи без разбора и без объяснений, втихомолку от настоятеля, со всеми приемами настоящей «интриги», как это верно отметил чистосердечный Алексей Алексеевич Зубов, сам же «петицию» подписавший *bonafide* [доверчиво]. Опять посольство, через посредство «корректнейшего» консула Николая Фемистокловича Найлисова, затеяло созывать собрание

прихожан и т. д. и т. д. Но от такого оборота дела с решительностью уклонился настоятель и, сославшись на утверждение (хотя и условное) проекта храма Св. Синодом, не созвал прихожан и подал в посольство объяснение, почему сего делать не следует. «Петиция» имела единственное последствие: посол Влангали решил «выждать более благоприятных обстоятельств; большого накопления сумм».

Во всех этих перипетиях, в свое время глубоко волновавших и огорчавших душу, ныне приходится признать явное и благодетельное водительство Промысла Божия и воскликнуть с признательностью: «СЛАВА БОГУ ЗА ВСЕ».

Примечание (18/31 сентября 1909 г.): кто бы мог подумать, что тот же самый князь Сергей Голицын, затейщик волнений 1887 г. и петиции 1891 г., разбрызгавший столько желчной слюны в несуразных агитациях против настоятеля из-за губимого будто бы им дела храмоздания, которое он, Голицын со товарищи, тщился якобы спасти и вывести на гладкую дорогу «строительных комиссий и комитетов», до коих все русские бездельники (*farnientoni*) великие охотники, что этот Голицын станет приставать к тому же настоятелю с просьбой о различных разъяснениях и указаниях по строительной части для соображений комитета по сооружению храма в Ницце. Комитет сей давно на мель сел, яко же и подобные. Указания, просимые во имя А. И. Нелидова, взявшегося сдвинуть дело с мели, были даваемы Голицыну, члену комитета; и фотографии церкви, весьма ценные, ему же посылаемые, не побудив его ни к ответу, ни к привету. Посему, когда в 1909 г. в сентябре он явился в качестве высочайше (!!!) утвержденного председателя (на место Нелидова) с намерением «рыться в архиве» построения храма флорентийского, то в содействии к осуществлению этой наклонности ему было отказано.

№ 85. Общие итоги сумм по сооружению храма

В приходе за 25 лет: 1) дар Государя Императора Николая II на иконостас — 39 646 лир; 2) пожертвования по Сборной книге с 1880 по 1905 г.: особ Августейшего дома — 5640,50; Е. П. Демидовой кн. Сан-Донато — 85 000; А. А. Зубова — 11 089,75; членов семьи настоятеля церкви протоиерея Левицкого, прижизненно и посмертно — 10 559,50; русских, доселе (1908) проживающих — 4870; скончавшихся, выселившихся из Флоренции и иногородних — 59 442; всего по Сборной книге за 25 лет — 176 932,35; 3) прибыль от продажи в 1903 г. участка земли на *viale in Curva* — 9612,10; 4) остаток церковных сборов: тарелочного, свечного, просфорного и т. п.,

с 1878 по 1904 включ., — 48 973,30; 5) квартирной суммы из посольства, после погашения расходов по сооружению «временной церкви», с 1897 г. по день отнятия квартирных в июне 1905 г., совершенного по инициативе уполномоченного в делах действ. стат. советника А. Н. Крупенского — 21 750,00; 6) процентов на капитал, помещенный А. А. Зубовым в 1880 г. в С.-Петербургском Учетном и Ссудном банке и с тех пор неизменно там помещавшийся в русских государственных ценностях, а равно и от конверсий сих ценностей в разное время, а также процентов по текущему счету в Credito Italiano, sede Firenze в течение хода работ храмоздания (с 1898 по 1904 г.) — 199 038,45; всего с 1878 г. по 1904 г. в приходе — 495 952,20.

По 31 декабря 1904 г. в расходе: 1) каменотесам Бикиелли и Маяни — 119 724,24; 2) каменщикам Риччи и Камби — 71 054,49; 3) мраморные работы: иконостас, престол и цоколь — 28 450,22; 4) железные работы Микелуччи и Грацини — 39 787,09; 5) изразцы в карнизах и на куполах — 14 888,25; 6) столярные работы: Талли, Джаролли, Арканороли — 17 223,58; 7) медникам: Фабери, Людер и за люстры — 14 360; 8) работы штукатурные, малярные и позолотные — 13 435,75; 9) полы, тротуары, сад и громоотводы — 5700,85; 10) образа иконостаса и наружные мозаические — 12 394,80; 11) роспись: а) верхней церкви — 50 261,41; б) нижней церкви — 7000; [всего] 57 261,41; 12) священные сосуды из Москвы — 2573,64; 13) электрическое освещение — 4741,60; 14) водяное отопление — 4800; 15) Ковры и сукно — 530; 16) расходы при закладке и освящении храма и банкирские — 6852,41; 17) стекла в куполах, окнах и крыльце — 1680; 18) архитектору профессору М. Т. Преображенскому — 27 849,80; 19) архитекторам Боччини и Пачарелли — 9202,17; 20) стоимость земли (1987 кв. м.) с временной оградой — 33 756,20; всего по 31 декабря 1904 г. уплачено 495 952 лир 20 цент.

NB: Ведомость представлена 28 января 1904 г. послу князю Л. П. Урусову.

№ 86. Опись церковного имущества

NB-1. В церковном архиве хранятся, в качестве исторических документов, следующие описи имущества церкви бывшей Императорской миссии в Неаполе, впоследствии миссии и, наконец, посольства во Флоренции: а) опись 1846 г. церкви в Неаполе; б) ее же 1859 г.; в) церкви (домовой) Демидова князя Сан-Донато, пожертвованной в 1879 г. церкви посольской во Флоренции (опись на французском языке с отдельным русским переводом, дубликат коего представлен был в С.-Петербургскую Духовную Консисторию); г) часть описи (библиотека) «временной церкви», составленная

в 1893 г. псаломщиком Сергием Левицким; д) опись, составленная в 1898 г. псаломщиком Дмитрием Бережковым, довольно подробная, простая и тщательно переписанная; е) опись, составленная заново, довольно сложная и запутанная, труд псаломщика Сергия Гумилевского.

Все сии описи с течением времени утратили юридическое значение: множество облачений и других вещей, за обветшанием их, уничтожены сожжением; церковь Демидовская, трудно поддававшаяся приспособлению к стенам новосозданного храма, в 1902 г., подверглась в своих деревянно-скульптурных частях урезкам, переделкам и добавлениям и распределена частью в нижней, частью в верхней церкви; иконы все почти сохранились; что же касается утвари, то она, вместе с утварью посольской церкви, подверглась расхищению в ночь на 18 (30) декабря 1889 г.

№В-2. Список утвари, похищенной из «временной церкви» 18 (30) декабря 1889 г., предоставленный Императорскому посольству и (в итальянском переводе) Королевскому прокурору: 1) чаша серебропозлащенная с эмалью; 2) дискос такой же; 3) ковшик чеканный; 4) и 5) два блюда; 6) звезда с эмалью в середине; 7) большой напрестольный крест с эмалью, дар великой княгини Марии Николаевны; 8) чаша серебропозлащенная с выпуклыми изображениями; 9) дискос такой же; 10) два блюда; 11) звезда; 12) лжица;

церкви неаполитанской: 13) чаша с гравированными изображениями; 14) дискос такой же; 15) звезда такая же; 16, 17 и 18) ковшики серебропозлащенные круглые; 19) ковшик продолговатый с носиком;

М. Г. Енгельмейер [его пожертвование]: 22) крест серебропозлащенный с гравированным распятием; 23 и 24) две серебряные лампы в алтаре; 25 и 26) две серебропозлащенные большие лампы; 27 и 28) две маленькие лампы; 29) часть дарохранительницы в виде гроба (ящичек с Дарами оставлен);

Демидовской церкви: 30) дарохранительница-кивот с двумя ангелами; неаполитанской церкви: 31) бронзовые вызолоченные с искусственными камнями венцы; 32) водосвятная чаша в форме потира с крышкой, подаренная Челлини, серебряная; 33 и 34) чашка и блюдо серебряные, филигранной работы византийского стиля; 35) подсвечник бронзовый посеребренный в один аршин вышины;

неаполитанской церкви: 37 и 38) иконки Спасителя и Божией Матери овальной формы для Царских врат, пожертв. Г. С. Щеголевым из Ниццы;

39) сорвано несколько крестов серебряннонашивных с различных облачений.

Всё похищенное оценено приблизительно в 10 тыс. лир.

№ 87. Кронштадтский Епископ
19 октября 1907 г. — 15 февраля 1911 г.

Печальнейшие страницы бытописания Флорентийской церкви или, по крайней мере, ее строителя!

Идея епископства православного для заграничных церквей, и именно епископства в Риме, высказана была известным славистом Антоном Будиловичем и повторена в свое время в «Церковно-Общественном», а позднее в «Церковном Вестнике». Предполагалось епископством православным в Риме оттенить ярче отступничество Римского Папы и восстановить «исполнение Церкви», о котором говорит заамвонная молитва. Но таких соображений не держались инициаторы новоутвержденного епископства. Для приманки они выставили на вид лишь цель объединения заграничного православно-русского духовенства и придумали титул «Кронштадтского викариатства» при С.-Петербургской метрополии с настоятельством в Римской посольской церкви, с прибавкой сему епископу-настоятелю церкви (невиданный в иерархии церковной конгломерат!) 1500 рублей на расходы и с предоставлением ему прав почти епископских, хорепископских!

Истинным мотивом здесь было: тщеславие посла римского Николая Муравьева — иметь настоятелем в своей церкви епископа, такое же тщеславие, с жадной властью над всею братию, архимандрита Владимира и, наконец, всегдашняя русская непредусмотрительность: не подумали, что, учреждая для собственного престижа епископство и не обставивши должным образом православного епископа в таком городе как Рим, роняют этим самым престиж епископства.

Более всего тщета возникшего неожиданно предприятия зависела от личности, добившейся торжества оною. Архимандрит Владимир (в мире Всеволод Путята) из обедневшего древнего дворянства, был типично гвардейский капитан Преображенского полка, красивый и веселый юноша, отлично игравший свирепые роли в любительских спектаклях. Весьма веселые похождения с весьма высокопоставленными барышнями молва светская составляет причиной его пострижения: либо пуля в лоб, либо клубок на лоб! До пострижения, впрочем, он прошел Юридическую академию, а после пострига, или вместе с оным, вступил в студенты Духовной академии в Казани.

Ректор Академии архиеп. Антоний, его постригавший (ныне архиеп. Вольнский), отзывается о нем, что «богословие прошло через него как через канал», как учил некогда один еретик о рождении Сына Божиего от Девы Марии. Глубоких богословских познаний или глубоко-христианских, а тем паче смиренных монашеских чувств и не требовалось для карьеры красивого монаха, бывшего однополчанина Государя. Через год он стал архимандритом

Римским, а через 5 лет епископом Кронштадтским, командиром всего русского заграничного, по Европе разбросанного, духовенства. Он и возвращался в 1907 г. после архиерейской хиротонии с громко заявленным намерением командировать кого куда ему покажется нужным, тасовать служащую братию, как карты в игре.

В служении он импонировал наружностью византийского аскета; но голос при этом звучал у него по-военному, или, как выразилась одна его приятельница, в нем слышен был звон шпор. Вечно разъезжал он по церквам заграничным, являлся, где не ждали, а иногда заставлял ждать по несколько дней обещанного приезда для служения. Не имея архиерейской свиты, ни протодиакона, ни иподиаконов, хватал от разных церквей диаконов, а женатых псаломщиков походя посвящал в оные, во изъявление архиерейства своего, не более. За вечные разъезды граф Григорий Строганов прозвал его «архиереем железнодорожным», а сатирик-поэт, ему подчиненный, из прирожденного имени «Путята» вывел, что ему на роду суждено «путаться» по свету, являться, где его не просят, и всё в Париж стремиться.

От епископства Кронштадтского ни одна заграничная церковь не испытала пользы ни единой, причем же наипаче настоятели, и особенно пожилые, заслуженные протоиереи, испытали тысячу бесцельных беспокойств и незаслуженных огорчений — чем сей единственный «владыка» и хвастался перед своими присными.

Флорентийской церкви и ее настоятелю он объявился недоброжелательным еще до епископства. В 1905 г., пользуясь промежутком между отбытием посла князя Урусова и прибытием нового посла Николая Валериановича Муравьева, он науськал поверенного в делах А. Н. Крупенского отнять у церкви 40 лет выдававшиеся квартирные (2900 л.), предназначавшиеся на ремонт здания по условию А. И. Нелидова с Министерством при начале постройки, и уменьшить наполовину (2000 лир, вместо 3850) квартирное довольствие настоятеля. Этим архимандрит Владимир хвалился, что он «успел урегулировать положение флорентийской церкви». С получением же сана Кронштадтского епископа он еще настойчивее стал «регулировать», придумавши, купно с послом Муравьевым, кособокое учреждение «церковного старосты».

Это учреждение имело целью «упорядочение церковных порядков флорентийской церкви», как выразился посол Муравьев в письме к консулу барону Фитингофу. На этом письме посла епископ надписал свой «указ» причту: троекратно объявить прихожанам в церкви день и час собрания для выборов старосты, выбрать его и донести.

Всё это было совершенной неожиданностью для настоятеля. В первый свой архиерейский визит, 19–20 декабря, архиерей об этой мере не намекал.

нул настоятелю. Но, как потом стало известно, беседовал о том на завтраке у Елены Константиновны Нарышкиной, куда ни настоятель, ни протоиерей Кардасевич приглашены не были и где муж Нарышкиной взялся быть им-презарием по отысканию гастролера на должность старосты, в лице камер-юнкера Струкова, архиерею до сих пор незнакомого. То же повторилось на обеде в тот же день у консула барона Фитингофа, где также не сочли приличным пригласить настоятеля. На другой день утром impresario Нарышкин захватил врасплох полуодетого Струкова и повлек его к архиерею, в Pension Wysotsky, где и последовало соглашение. Это рассказал потом сам Струков. Засим, через два дня по отъезде архиерея в Рим, получается консулом лаконическая депеша посла Муравьева: жду Вашего представления об учреждении старосты. Представление послано, и в ответ получено упомянутое письмо посла с архиерейским на нем указом. И лишь тогда раскрылись карты: всё имело вид интриги людей пустых (Нарышкин), праздно властолюбивых и мелкотщеславных, о церкви и о пользе ее ничуть не заботившихся, а удовольствия уязвить настоятеля отнюдь не чуждавшихся. Ибо зачем было бы им всем, от ничтожного Нарышкина до самого посла, купно с архиереем, вести это дело в тайне от настоятеля?

Это и высказано было в переписке настоятеля по этому поводу со своими собратиями, настоятелями других посольских церквей. Ни при одной из них старосты не оказалось. У римской только был в это время «староста заочный», иногда кое-что жертвовавший и ни во что не вмешивавшийся. Но не такого искали старосты для церкви флорентийской. Хотели иметь надзирателя, «гувернера», как насмешливо говорил в лицо настоятелю статс-секретарь Мансуров; даже больше того: архиерей давал иногда предписание причту через старосту, а сей последний сносился с ним помимо причта! Могла ли быть польза от такого «упорядочения церковных порядков»? Была переписка, канцелярская волокита с полемикой, «суета и крушение духа» — как говорит Солмон — и больше ничего!

№ 88. Трехлетие ходатайства причта об отпуске министерством ремонтной суммы (3163 лир)

Когда в 1905 г., по инициативе уполномоченного в делах А. Н. Крупенского, устроена была экспроприация квартирной суммы, предназначавшейся на ремонт новосозданного храма, и когда посол римский Н. В. Муравьев и А. И. Нелидов из Парижа представили Министерству необходимость восстановления этого ассигнования, то Министерство, через товарища министра кн. Оболенского, ответило послу, что «если не достанет суммы, по штатам

ассигнуемой, на ремонт флорентийской церкви, то настоятель через посольство своевременно должен представить Министерству сметы ремонтных работ, и сумма будет отпущена».

В феврале 1909 г. представлены были сметы на возобновление водяного отопления, на окраску дверей, стен и решеток, на починку электрических проводов — всего на 3163 лиры. Представление настоятеля без дальних околичностей в апреле возвращено назад с резолюцией епископа: «составить протокол осмотра здания причтом совместно со старостой и представить мне». За отъездом на лето старосты, к осмотру командирован был посольством консул. Протокол со сметами послан вторично в посольство, оттуда в мае — в Министерство. Но, увы! Сметы, представление и протоколы прибыли поздно, когда общая министерская смета уже вышла на рассмотрение в Государственную думу.

В марте следующего 1910 г., причт, купно с консулом и со старостой, водили епископа повсюду в церкви и показывали необходимость ремонта. А он обещал исходатайствовать в Министерстве в отпуске через Думу отпуск 3163 лир к лету 1910 г. Лето прошло втуне.

В декабре того же года причт, купно со старостой, напомнили епископу его обещание и просили вновь его ходатайства. Последовала резолюция: преждевременно ходатайствовать, пока не приводится в действие «во всей полноте Инструкция церковным старостам», т. е. пока всё церковное хозяйство совместно с причтом не ведет церковный староста, который, как епископу хорошо было известно, месяцев 7-8 отсутствовал из Флоренции!

Между тем топка в церкви разваливалась, решетки проржавели, краска облезла, общий вид запущения всё увеличивался. Всякое представление об этом настоятеля в Министерство неизменно подвергалось той же епископской резолюции: преждевременно, пока не воспоследует полного применения Инструкции и проч.

Образовалась целая пачка подобной переписки, которая длилась бы, вероятно, целые годы, если бы не воспоследовало события весьма неожиданного, в особенности для лиц, наиболее в нем заинтересованных, — упразднения Кронштадтского епископства в феврале 1911 г.

Причиной сего были излишние, настойчивые и даже неприличные старания епископа Владимира об утверждении своей кафедры навеки за границей не как викариатства митрополии Петербургской, а как самостоятельного епископства. Старания эти он вел через своих почитателей и почитательниц, засыпавших его адресами и депешами благодарственными; через послов и посланников, возносивших о том коллективные ходатайства (за исключением А. И. Нелидова и одного из Гирсов) и, наконец, через вы-

сочайшие аудиенции, весьма трудно получаемые, особенно при обстоятельствах болезни Государыни. И все эти старания епископ Владимир имел смелость продолжать помимо, без ведома, без согласия митрополита, своего начальника, коему он был с самого с начала навязан в викарные. Неудивительно, что наконец мягкосердечнейший владыка Антоний при первом случае поспешил избавиться от предприимчивого викария и предложил Синоду дать ему самостоятельную кафедру в Омске, откуда ушел тогда на покой епископ Гавриил. Это ошеломило всех заграничных священно- и церковнослужителей, иных радостно, других прискорбно, и понятно — больше всех самого епископа. «Одна надежда на Государя», — повторял он друзьям при отъезде в крайней растерянности.

Во флорентийскую, неведомо чем прогневавшую его, церковь пустил он перед сим последнюю парфянскую стрелу.

№ 89. Высочайшее повеление о переименовании флорентийской церкви из «посольской» в «русскую православную»

При перенесении в 1866 г. церкви из Неаполя во Флоренцию ей усвоено было наименование «миссийской». С возведением же «Императорской миссии в Италии» на степень посольства и церковь, состоявшая при этой миссии, теперь, в 1872 г., перенесенной в Рим, хотя и осталась во Флоренции, но осталась в таком же ведении и зависимости от римского посольства, в каких была при флорентийской миссии. Поэтому она и начала с тех пор именоваться «церковью посольскою», и на наемном ее помещении красовался даже государственный герб с этим наименованием. Именование это давали ей в официальных бумагах, во-первых — само Императорское посольство, во-вторых — само Министерство иностранных дел, в третьих — местные официальные учреждения в сношениях с настоятелем; наконец, так ее именовали С.-Петербургская Консистория, митрополит, Св. Синод и другие ведомства Российской Империи. Именование почетное и практически весьма важное: на основании его всегда отклоняемы были покушения фискальных итальянских агентов подвергнуть причт личным налогам (*tassa di famiglia*), от коих все «посольские» повсюду свободные. Так было до 1890 г., когда впервые поднят был спор о незаконности сего наименования.

И спор сей поднят был... Департаментом личного состава Министерства иностранных дел в директорство барона Карла Карловича Буксгевдена. Барон заявил в специальном отношении на имя настоятеля через посольство, что флорентийская церковь не должна так именоваться, и настоятель ее

не имеет права пользоваться титулом «посольского», ибо де во Флоренции посольства никогда не было, а должен он писаться «настоятелем церкви при бывшей миссии во Флоренции».

Посол А. И. Нелидов, прочтя вызванное этим распоряжением барона Буксгевдена объяснение настоятеля и приведенные им ссылки на вышеупомянутые документы, а равно оценив практическое значение именованной «церковь посольская» и его неоспоримость для итальянских властей, заметил с живостью: «Ну вот! сами разрушаем свои преимущества, коих посторонние не думают оспаривать! На что это похоже?».

Надо заметить, что в это время строился уже храм на земле, купленной в 1885 г. на имя посольства, строился от имени посольства, под руководством посла, по его «доверенностям», выданным настоятелю и даже засвидетельствованным в итальянском Министерстве иностранных дел, — и во всем этом церковь флорентийская фигурировала как «посольская». Поэтому и настоятель, и посольство, и духовные власти продолжали титуловать ее по-прежнему «посольскою». Один лишь барон Буксгевден избегал этого титула, запретного, незаконного и опасного в международной политике!

Барон нашел последователя в советнике посольства А. И. Крупенском. Он в 1905 г. был уже в полемической переписке с настоятелем по поводу учиненной им экспроприации квартирных денег флорентийской церкви, особенно настаивал на запретности титула «посольский». Но поелику духовные власти и Капитул Орденов титул сей употребляли, то и настоятель продолжал им пользоваться, невзирая на запрет.

На помощь запретителям страшного титула пришел в 1907 г. епископ Кронштадтский. Он сначала грубо вычеркивал этот титул в подписях настоятеля. Затем казуистически темно объяснял, как с перенесением посольства в Рим флорентийская церковь *eo ipso* [сама по себе] перестала быть посольскою. Потом в подробных резолюциях, коими исчеркивал страницы настоятельских рапортов, он доказывал, что церковь эта не могла быть посольскою, каковою считается и есть одна римская. Наконец, он даже грозил чем-то причту за этот титул и говорил: *caveant consules* [пусть консулы опасаются], — некстати вспомнив нечто из классицизма.

И все они — и барон Буксгевден, и г. Крупенский, и епископ Кронштадтский, и даже неведомо почему яростно восставший против этого титула местный консул барон Фитингоф — сами не понимали, что, воспрещая настойчиво его употребление после многолетней и общей практики, они покушаются на то, что в законах именуется «превышением власти».

Ибо вот в 1910 г. воспоследовало Высочайшее пожалование псаломщика Адриана Харкевича орденом св. Анны 3-й степени и в то же время награждение настоятеля палицей. И обе награды пропечатаны были в органе

Св. Синода «Церковных Ведомостях» с именованием церкви флорентийской «посольскою», и даже грамота Харкевичу содержала этот титул. И тогда-то новый министр иностранных дел С. Д. Сазонов захотел ознаменовать начало своей высокой деятельности испрошением Высочайшего повеления (в январе с. г.) о переименовании флорентийской церкви из «посольской» в «русскую православную». Это для того, чтобы переменить уже заготовленную грамоту Харкевичу! Вслед за сим г. Сазонов заболел и проболел почти год. Высочайшее повеление благоговейно соблюдается.

№ 90. 26 ноября (9 декабря) 1912 г.
Совещание причта и старосты

о капиталах церкви и о некоторых подробностях существующего церковного счетоводства, вызвавших замечания г. церковного старосты, камерюнкера Н. В. Струкова, который в совещании сем также участвовал.

В настоящее время существуют, либо имеются в виду:

I. Капитал потомственного почетного гражданина Михаила Акимовича Масленникова, пожертвованный в 1888 г. на поддержание могилы сына его Анатолия на кладбище Пинти (Cimitero Inglese) и на служение двух в году панихид, 4 января и 23 апреля. Хранится в церкви и состоит ныне (после двух итальянским правительством учиненных конверсий) из 4-х акций Meridionale и 300 лир итальянской 3,5% ренты, приносящих в общей сложности 126,50 л. дохода в год. Ценности предъявлены и назначение дохода оных объяснено настоятелем совещанию (с подробностями, сопровождающими двукратную конверсию первоначальных 2800 лир).

II. Капитал камергера Павла Борисовича Мансурова в память отца его статс-секретаря Бориса Павловича Мансурова, пожертвованный 9 мая 1911 г. от имени матери его Марии Николаевны Мансуровой, — две акции Meridionale, доход коих 58 лир в год предназначается: половина в пользу причта (29 лир), другая половина в пользу церкви. Даны объяснения и предъявлены настоятелем ценности совещанию.

III. Капитал на поддержание хора вольнонаемных певчих — три акции Meridionale, приобретенные на остатки церковных на содержание хора, сборов за 1911-1912 гг. Ценности предъявлены настоятелем совещанию с пояснением, что в случае недостачи наличных сборов на содержание хора упомянутые акции могут быть реализованы на покрытие недостачи.

Примечание: для хранения вышепоименованных ценностей и им подобных желательно было бы иметь в церкви несгораемый шкаф за ключами настоятеля и церковного старосты или одного еще из членов причта.

IV. Капитал Ольги Николаевны Базилевской, скончавшейся 21 октября (2 ноября) 1912 г. в Виареджо. Из письма сына ее, предводителя дворянства Московского уезда, к настоятелю церкви можно почерпнуть уверенность, что «воля покойной его матушки об оставлении ею в пользу русской церкви во Флоренции 30 тыс. лир, за очисткой этой суммы от всех наследственных пошлин, будет свято исполнена, как только итальянский суд утвердит его в правах наследства».

При получении церковью этой суммы наиболее целесообразным представляется поместить оную в Русском Государственном банке в русской государственной 4% ренте, доход коей банк будет высылать церкви 4 раза в году, по истечении купонов.

V. Капитал егермейстера Алексея Захарьевича Хитрово, скончавшегося 21 сентября (2 октября) 1912 г. во Флоренции и завещавшего 21 июля 1912 г. десять тысяч рублей на содержание церковного хора. По утверждении сего завещания С.-Петербургским окружным судом и по получении церковью завещанной суммы целесообразнее всего было бы и оную поместить также в государственной 4% ренте — как выше показано.

VI. Капитал неизвестных благотворителей на поддержание храма: пятнадцать акций Meridionale, имеющий поступить в непродолжительном времени на удовлетворение нужд церкви, преимущественно по ремонту ризницы и здания.

При поступлении сего несомненно обещанного капитала хранить оный временно предстоит совместно с капиталами I, II и III, и расходовать доход оногo, 435 лир в год, согласно назначению.

Церковный староста в письме к настоятелю от 23 ноября (6 декабря) с. г. обратил внимание его последнего:

1. На некоторое несогласие записей прихода церковных сборов в книге, ведомой настоятелем, с записями самого старосты, а именно: настоятелем записано в приходе лишних 1 лира 05 центезимов. Такая неточность оказывается арифметической ошибкой, усматриваемой главнейше на странице 94 книги настоятеля (80 цент. начета).

2. На отсутствие в книге настоятеля записи на приход 300 лир, полученных на хор от наследников Базилевской. Но суммы, получаемые хором за заказные службы от частных лиц, в приход церкви не вносятся и раздаются певчим, как их особый доход (*casuelle* [казуальный]), как и было роздано в настоящем случае по 30 лир на человека.

3. На неотмеченность у настоятеля 30 лир, взятых им из церковного ящика 4 (17) апреля и составляющих церковную собственность, после передачи (якобы) со стороны старосты настоятелю всех церковных денег 26 марта (8 апреля). Но при отбытии г. церковного старосты из Флоренции им перс-

даны были настоятелю не все церковные деньги, старостой собранные, а именно: 380 лир 85 цент. вместо 410,85, — с поручением взять недодавшие 30 лир из конторки старосты, для чего и вручено настоятелю супругой старосты ключ от конторки старосты, остававшийся всё время на хранении в церкви до возвращения старосты в конце октября. Деньги 30 лир записаны в приход в свое время по записям старосты, и обстоятельство недодачи их также им же собственноручно отмечено.

4. Продажа свеч сторожем Марио Паньи, помимо или в отсутствие старосты, в приход вносится, и учет на руки выдаваемых сторожу свечам совершается после каждой службы.

5. По погребению А. З. Хитрово за свечи, катафалк и проч. ничего в приход церкви, как спрашивал староста, не записано по той причине, что за неутверждением завещания покойного, определившего на издержки похорон и памятник 10 тыс. рублей, в церковь доселе никаких взносов ни от кого не поступало.

Подлинник подписали: протоиерей Владимир Левицкий, церковный староста Н. Струков, псаломщик Василий Ярцев, псаломщик Адриан Харкевич.

Продолжении летописи ⁵⁸⁸

Настоятель церкви прот. Владимир Левицкий скончался в возрасте 80 лет в 1923 г. Его помощник иеромонах Андрей [Демьянович] переехал на жительство в другую страну, и настоятельское место занял прот. Михаил Стельмашенко. Нельзя сказать, чтобы его положение и его служба на приходе во Флоренции были легкими по достигнутым им результатам; и морально он немало страдал, не найдя общего языка с прихожанами, и материальная сторона жизни церкви при его настоятельстве очень неудовлетворительные дала результаты. Церковными старостами при нем были: кн. Владимир Андреевич Друцкой-Сокольнинский и потом Николай Владимирович Струков. В конце 1925 г. прот. Михаил Стельмашенко переведен был на приход в Тегель (Берлин). 1 февраля 1926 г. во Флоренцию назначен на его место настоятель русской православной церкви в Лондоне протоиерей Иоанн Захарьевич Лелюхин.

Приложение 2.

Адриан Харкевич

ДНЕВНИК РЕГЕНТА ХОРА 1903-1954*

Адриан Ксенофонович Харкевич прожил большую своей жизни в Италии, во Флоренции, став одним из тех эмигрантов, про которых можно сказать, что не они оставили Россию, а Россия «оставила» их (замечим, что сам мемуарист эмигрантом себя не считал). Он родился в семье священника 13(25) августа 1877 г. в селе Голыши Волынской губернии, и принадлежность к духовному сословию определила и его выбор профессии, и жизненный путь. После учебы в духовной семинарии в Кременце, в 1902 г. Харкевич заканчивает Санкт-Петербургскую духовную академию, со степенью кандидата богословия, и одновременно — Императорский Археологический институт. Талантливому выпускнику предложили место за границей, в Италии, и, получив согласие, в сентябре 1902 г. назначили псаломщиком при посольской церкви в Риме, а ровно через год перевели в церковь во Флоренции, как выяснилось позже — навсегда. В городе на Арно он обрел семью, женившись на Анне Левицкой, дочери настоятеля храма, маститого протоиерея о. Владимира. Свой талант Харкевич поставил на службу церкви, а точнее — ее хора (имея все данные для духовной карьеры, он не принял священнический сан, ясно отдавая себе отчет — как рассказывала его дочь Нина Адриановна³⁸⁹ — в крупных недостатках характера, в первую очередь в раздражительности и язвительности, что подтверждает и ряд пассажей из его дневника). Относительно спокойную жизнь общины перевернула революция: содержать псаломщиков стало роскошью, и в 1923 г. должность Харкевича (и его коллеги В. И. Ярцева) была упразднена (в 1925 г. его все-таки назначили «вольнорабочим регентом»). Нача-

* Рукопись хранится в архиве Г. С. Дозмаровой-Харкевич (Флоренция), которой публикатор выражает благодарность.

лись поиски «хлеба насущного»: Харкевич использует как свои профессиональные навыки, занимаясь концертной деятельностью и всевозможными приработками — вместе со своей семьей он устроил, например, русскую чайную. О возвращении в Россию, где начались гонения на Церковь, конечно, не могло быть и речи. Горечь тех лет, осознание нереализованности талантов, напряженность отношений среди обездоленных беженцев выплеснулись и на страницы дневника.

Страстный патриот, Харкевич — один из активнейших членов русского землячества. Он помогает деятельности новой организации «Русская колония в Тоскане»³⁹⁰, выступает с речами и докладами³⁹¹, публикует статьи в местной итальянской прессе, переписывается с видными деятелями эмиграции. Главнейшим его занятием остается духовная музыка, и не только ее исполнение, но и сочинение: его произведения, числом около трех десятков, исполняют во многих зарубежных храмах — наиболее известными стали «Херувимская № 3» и «Отче Наш» (последнее написано в память сына). Пробовал Харкевич силы и в светской музыке, сочинив несколько «малороссийских песен» и романсов на стихи Лермонтова, Пушкина, Шевченко.

Адриан Ксенофонтович скончался 17 декабря 1961 г. и был погребен на флорентийском некатолическом кладбище «Аллофи», рядом с супругой Анной Владимировной, на семейном участке Левицких. На его могильной плите стоит: «Псаломщик и регент хора при русской православной церкви с 1904 г. по 1991 г.»³⁹².

Вместо предисловия

Православный христианин, приступивший к причащению Св. Таин, обязательно слушает, а то и повторяет, слова: «Ты еси Сын Божий, пришедый в мир грешные спасти от них же первый есмь аз». Это утверждение, на этот раз незавидного первенства, вполне понятно: каждый кающийся знает и сознает прегрешения во всей их совокупности и, так сказать, всеобъемлемости потому, что если он оглянется на свое прошлое, на свои дела, при свете совести и с приложением к себе пятой главы (начиная с 21 стиха) Евангелия от Матфея, то не сможет уклониться от самообвинения во всех прегрешениях, как они и перечисляются в молитвах перед Причастием: «И с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклиная, и горько жалуюсь, и горько слезы лью, но строк печальных не смываю», так изобразил состояние кающегося грешника наш великий Пушкин, столь далекий для нас в своей гениальности и столь близкий каждому из нас своим сердцем. «Да, да! я воистину грешник, — чувствует кающийся — и недостоин ближних моих»,

так что самая мысль и житейская привычка судить и осуждать ближнего своего неприемлема и далека от кающегося сердца.

Но каждый из нас не только отдельное лицо, замкнутая в себе личность, но и часть общества, слуга общественных интересов и потребностей, сотрудник таких же слуг и вместе с ними несущий на себе ответственность за общее дело. Тут положение меняется. Общественный слуга уже не личность, он не может упускать и прощать до семидесяти семи и более раз, если видит брата, согрешающего не против него лично, а против общества, против Церкви и т. д.

Пишущему эти строки суждено было поступить на церковно-общественное (общественное по званию причта и члена приходского совета) служение со студенческой скамьи и оставаться в нем почти до конца дней своих. И если с 1903 по 1922 г. на его долю выпало редкое преимущество служить под руководством приснопамятного протоиерея Владимира Левицкого и в сотрудничестве с таким ценным во всех отношениях и достойным благодарной памяти, как его, ныне уже покойный, коллега по Санкт-Петербургской духовной академии, Василий Ильич Ярцев³⁹³, то с 1922 г. ему же пришлось служить в условиях диаметрально противоположных.

Среди нахлынувших беженцев, явившихся сюда в роли не столько прихожан, сколько «прохожан» («сегодня здесь, а завтра там»), создались настроения предвзятого недоверия к прежним порядкам, поддержанные группой прежних сторонников знаменитого расстриги, экс-монаха, экс-епископа Путяты, когда-то притеснявшего протоиерея В. Левицкого, пошли сплетни, клеветы на достойного пастыря, пошли бесхозяйственность, самоуправство, интриги (при содействии и потакательстве друзей из епархиального управления), постоянное разрушение хора и благолепия, упразднение доходных концертов, удаление, по заведомо ложным доводам, причетников (чтобы дать место своим человечкам), обиды и моральные, и материальные, особенно В. И. Ярцеву, периодические притеснения прекрасного сторожа Дзерины, с попытками ликвидировать и его — это только цветочки, ягоды же отличались таким уродством, что о них не приходится упоминать.

Тут уже не могло быть и речи об умолчаниях, прощениях, подставлениях другой щеки потому, что дело шло не о личном, а об общем, — надо было отстаивать от случайных вершителей судеб прихода, незнакомых с обстановкой и традициями, нередко подверженных капризным настроениям (сколько среди них было бар из мужиков и мужиков из бар!) — надо было отстаивать и хозяйство, и благолепие, и достоинство, и — увы! — даже просто приличие... Сколько лжи, сколько подвохов было пущено в ход, чтобы заставить замолчать тех, кто старался образумить, остановить «разрушителей», как их назвал незабвенный Н. Н. Лохов³⁹⁴, с грустью взиравший на

пагубные явления в приходе, хотя лично он в нем не числился. Приход наш небольшой, но пагуба иногда принимала очень широкие размеры, начиная с комического недомыслия и кончая проявлениями психопатологии. Думается, что ни один приход не пережил таких потрясений и уродств, как флорентийский, и чтобы изобразить их — надо было обладать кистью Гоголя и резцом Достоевского, а не обывательским пером пишущего эти строки.

«Дневник» не точное заглавие хроники описываемых событий: он составлен из разновременных заметок и не может претендовать ни на строго хронологическую последовательность, ни на прагматическую связь. Когда эти заметки приводились в порядок, ко многим отмеченным в них случаям по неволе пришлось прибавить такие же, случившиеся гораздо позже; многие факты, упомянутые без подробностей, потом описываются полнее, отсюда повторения; наконец, часто приходится говорить о вещах, лично касающихся автора этого дневника, но это неизбежно потому, что с ним, как с причетником и регентом хора, было связано многое, относящееся к благолепию богослужения и к столь важным для интересов прихода и беженцев концертам. (...)

Будь нечто подобное перед глазами пишущего в самом начале его служения, он знал бы, чего можно ожидать и на этом — священном! — пути, проявил бы меньше наивной доверчивости, непредусмотрительности и полемических волнений и ошибок. Не представляется возможным, чтобы повторились во Флоренции или в другом месте подобные описанным искушения, но... всё возможно, «возвращается ветер на круги своя», особенно ветер, вздымаемый врагом рода человеческого.

Еще два слова. Нередко при разговоре («о всех сих приключаящихся») слышишь: «да, да! всё это очень грустно, но, знаете, все эти деятели уже покойники и стоит ли об этом рассуждать?». Это прямо удивительно! Ведь говорится именно о «деятелях», а не о простых обывателях. Этак, пожалуй, надо бы всю историю зачеркнуть: ведь все деятели минувших времен уже покойники, но дела их — добрые, больше же недобрые — остались, отразились на жизни и продолжают так или иначе влиять на ее ход. В данном случае имеется еще один повод к изображению событий и характеристике лиц, а именно: эти лица не стеснялись осуждать покойного создателя флорентийского храма протоиерея Левицкого, даже записывали некоторые осуждения в протоколы приходских заседаний; затем, в тех же протоколах имеются архивздорные строки по адресу покойного В.И. Ярцева и нашего хорошего сторожа Дзерини; наконец, еще и теперь по приходу гуляют запоздалые сплетни, хотя авторы их давно отсутствуют, почти в полном составе, во Флоренции. Добрая слава лежит, а худая бежит; надо эту худую остановить, надо обо всем и обо всех сказать правду, особенно о тех, кто сеял неправду, дабы и другим неповадно было.

ДНЕВНИК МНОГИХ ЛЕТ
«УМА ХОЛОДНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ
И СЕРДЦА ГОРЕСТНЫХ ЗАМЕТ»
Годы 1903–1920

После года службы при римской посольской церкви, пишущий эти строки был переведен «для пользы благолепия» к церкви флорентийской. Вероятно, этот мотив к переводу надо понимать в том смысле, что переводили его во Флоренцию для изучения благолепия, а не для того, чтобы он сам способствовал еще большему благолепию флорентийской церковной службы: тут нечего было усиливать или добавлять, так как местное благолепие находилось на уровне самого высокого достижения. Придуман был этот нелепый термин «благолепия», по всей вероятности, самим римским архимандритом Владимиром Путятой (в поведении своем даже распутятой), который летом 1903 г. использовал все свои петербургские связи для того, чтобы освободиться от своих причетников Покровского и Харкевича. Оба они были кандидатами Санкт-Петербургской Императорской духовной академии, и соответственная осведомленность в богословских и церковных вопросах роняла, конечно, престиж настоятеля, недавно оставившего Преображенский полк и мало усвоившего из духовной мудрости за двухлетний срок пребывания в Казанской духовной академии. На место двух бывших причетников он привез в Рим целый табор «казанских сирот» из тамошних семинаристов. Некоторые из них попали даже в хронику римских газет, и в хронику весьма скандальную...

Не то было во Флоренции. Настоятельством митрофорный протоиерей Владимир Иванович Левицкий, магистр Санкт-Петербургской духовной академии, прослуживший 11 лет настоятелем ниццкой церкви, а с 1878 г. перешедший во Флоренцию. Чтобы дать представление об этом маститом священнослужителе, надо бы обладать даром Н. С. Лескова или составить целую монографию. Здесь приходится ограничиться общими чертами для обрисовки этого выдающегося представителя заграничного духовенства. Человек выдающихся дарований, высокообразованный, самостоятельный и властный, строгий и справедливый; замечательный писатель, изобразивший в своем труде «Современные стремления папства» политику Ватикана с исчерпывающим пониманием вопроса; вдохновенный и художественный оратор, удививший образностью своих проповедей такого «златоуста», как знаменитый А. Ф. Кони; благоговейный совершитель богослужений, соединявший с простотой и спокойствием редкостное величие, которому способствовали патриархальное благообразие и необычайный по тембру и диапазону голос (бас) — вот черты и подробности впечатления, которое оставалось у знавших покойного пастыря флорентийского прихода.

«По множеству болезней» своих и семейных горестей (из пяти чад осталась одна лишь дочь), о. Левицкий не мог проявить своих дарований в соответственном масштабе и остался навсегда во Флоренции, отказавшись от настойчиво предлагавшегося ему настоятельства в Париже. Удерживала его во Флоренции и заветная мечта построить православный храм в той именно Флоренции, где 500 лет назад был произведен соблазн так называемой Флорентийской Унии.

Двадцать пять лет, посвященных на усиленные старания по сбору средств на построение и на многолетнюю борьбу с бюрократическим саботажем построения со стороны наших дипломатов, закончились полной победой о. Левицкого, поддержанного, наконец, послом А. И. Нелидовым. Этот православный русский «болярин» сразу понял и оценил как самую идею построения, так и личность его инициаторов. Согласно намерению о. Левицкого и архитектора, академика Преображенского, решено было создать во Флоренции не столько приходской храм, сколько благолепный памятник Православия, хотя бы он и превышал потребности флорентийского прихода. Но прихожане из «вояжировавших» по заграницам бар находили и величие храма, и московский стиль ненужными и неподходящими для Флоренции. Решительная поддержка, оказанная о. Левицкому послом Нелидовым, опрокинула оппозицию разных «petits comités» [малые комитеты] местной колонии, и прекрасный храм во славу Православия красуется в одном из лучших районов Флоренции, привлекая многих туристов своим благолепием в невиданном ими стиле.

Благолепию храма соответствовало вполне благолепие службы при пении гармоничного хора, налаженного стараниями настоятеля и его дочери. Основание хора тоже не обошлось без противодействия.

Словом, каждое разумное начинание о. Левицкого подвергалось пересудам, критикам со стороны скучавшего барства, перед которым он держал себя без угодничества и лести. Он шел по раз избранному пути, не считаясь с «особами», в деле церковном малосведущими, а то и совершенно к нему равнодушными. Конечно, ему этого не прощали, и сплетни о его самовластии, неуживчивости, «заинтересованности» в построении храма⁵⁹⁵ и т. п. распространялись «надменными потомками известной подлостью прославленных отцов» (по словам Лермонтова, хорошо знавшего эту публику). Зато полное доверие оказывала о. Левицкому Е. П. Демидова, которая, по примеру своего безвременно скончавшегося мужа, щедро помогала построению храма и передала его создателю в разное время около 80 тысяч лир (8 миллионов по курсу 1947 г.).

Примеру своих родителей следовала и дочь их, княгиня М. П. Абамелек-Лазарева, всегда внимательно относившаяся к его ходатайствам. Правда,

что ходатайствовал он лишь в случаях, не вызывавших никакого сомнения. И не только тогда, когда речь шла о нуждах храма. Суровый и замкнутый по виду, о. Левицкий обладал отзывчивым сердцем, всякое горе и страдание находило в его душе христианский отклик, и, когда его личная помощь не могла покрыть нужды просителя, он писал в Пратолино ³⁹⁶: не было случая, чтобы на его призыв не ответили щедрым пожертвованием. (...)

На 36-м году служения во Флоренции о. Левицкий, сдавший посольству всю отчетность, до последнего чентезима, о построении храма — отчетность посольством проверенную и одобренную, на 36-м году подвергся инсинуациям, клевете и контролю авантюриста Путяты, который свое церковное хозяйство в Риме, по свидетельству преемника, довел до разорения. И посольство поддерживало его... потому что, как говорят малороссы: «чужее бачить (видит) пид лисом, а свого не бачить пид носом».

Надо сказать, что некоторые прихожане хорошо разбирались в личности и поведении Путяты, как, например, человек очень острого ума, соединенного с самой свободной откровенностью, гусарский генерал А. В. Олсуфьев. Однажды о. Левицкий, которого граф Олсуфьев весьма почитал, спросил по дружбе: «Скажите мне, граф, не знаете ли вы, что побудило преосвященного Владимира решиться на такой переворот в жизни: из гвардии под клобук?» — «Да очень просто, дорогой батюшка! В гвардии сколько лет он был бы еще капитаном, а в вашем ведомстве, как видите, он сразу стал генералом!» Любил иногда старый генерал и кольнуть владыку. Помнится, на обеде в честь владыки у Скаржинских, пользуясь всеобщей паузой, гр. А. В. Олсуфьев вдруг заметил своим голосом командира: «А знаете, владыка, вашему полку новую форму дали». Надо было видеть, с каким лицом Путята промолчал на эту шпильку.

Для Путяты, барина и гвардейца, о. Левицкий был чем-то вроде старого фельдфебеля. Этот «фельдфебель» осмелился уличить Путяту, духовного генерала, перед таким высоким чином, как посол Нелидов, в незнании церковного чина, даже больше: в его бесцеремонном изменении. Понятна обида и мстительность гордого гвардейца, лишь прикрывшего свои бесславные замашки монашеской рясой. Но как могли поверить его мстительной клевете даже чины посольства — это прямо загадка.

Впрочем, едва ли будет преувеличенным предположение, что в традициях высшего класса имелись элементы для такого легковерия. Кто же не знает, какие состояния наживались всякими железнодорожными концессиями, поставками, постройками? Так вот, если такие казусы встречались в истории благородного сословия, то почему было бы не допустить таких же поползновений со стороны людей, к благородному сословию не принадлежащих?

Когда скончался столь известный в свое время протоиерей Иосиф Васильев, настоятель парижского прихода и создатель храма на rue Daug, то его высокопоставленные поклонники никак понять не могли: почему так мало (всего 3 тысячи рублей) осталось архимногочисленной семье покойного, если «он строил парижский храм»? О. Левицкий (между прочим, зять о. Васильева) построил флорентийский храм... ergo [следовательно] вел дело с большой выгодой для себя лично... Какие же могли быть тут сомнения? (...)

«По плодам их познаете их»: когда в 1921 г. было введено, по упразднении посольства в Риме, приходское устройство, то о. Левицкий передал приходу 30 тысяч лир, им собранных, сбереженных, переданных ему в личное распоряжение на церковные нужды пожертвований от его почитателей: Юрия Нечаева-Мальцева, князя М. С. Волконского, графа А. В. Олсуфьева и др. Интересно отметить, что вышепоименованные жертвователи не имели особенного влечения к щедрости и, например, граф Олсуфьев, при обращении к нему о. Левицкого с просьбой подписать свою лепту на построение храма, откровенно заявил: «Я человек скупой, и скупость у меня с одной стороны наследственная, а с другой — тоже благоприобретенная»... А впоследствии, когда он узнал ближе флорентийского настоятеля, то сам же напоминал ему о подписке на церковные нужды: «Что же это, о. протоиерей? Мы собираемся уезжать, а вы нам подписного листа на хор не показываете? Этак, пожалуй, с нас ничего и не получите...»

Так вот, какой «порядок» был в хозяйстве церкви римской и какой «беспорядок» в церкви флорентийской; как отличался владыка Путята на первых же шагах своего, так позорно законченного архипастырства и с какими нравственными пигмеями пришлось о. Левицкому вести изнурительную и мелочную борьбу.

Действительно, вся эта путятова плеяда: Крупенский, Нарышкин, Струков, Скаржинский, Фитингоф и tutti quanti [все такие] — чем себя заявили они, что сделали для России или для Православия? Что им Церковь? Лишь молебнo-панихидное удобство! Не будем называть имени некоего 80-летнего члена Государственного совета, но нелишне привести его ответ о. Левицкому на его предложение (в случае, если бы флорентийскую церковь изъяли из ведомства Министерства иностранных дел) обратиться к Государю с просьбой принять ее, ввиду всем известной важности ее (Флорентийской Унии!) под свое покровительство. «На кой черт Государю ваша церковь!» — кричал престарелый вельможа... Можно ли идти дальше! Конечно, церковь это не клуб, не дворянское собрание и т. п. А вельможа сей притом еще был известен, как выдающийся специалист по христианской археологии³⁹⁷. (...)

Среди его [о. Левицкого] забот и стараний на пользу богослужебного благолепия особенное внимание было обращено на усовершенствование

хора. В 1913 г. начались выступления хора и в концертах, принесших столько пользы церкви, русским и итальянским инвалидам и беженцам.

Особенно блестяще было выступление хора в Венеции, куда он был вызван великой княгиней Марией Павловной на освящение русского павильона художественной выставки. После освящения, по желанию присутствовавших венецианцев, был дан концерт в покоях великой княгини.

Но если спокойный в церкви, то, с вступлением России в войну, одолевала старца-настоятеля всё более и более нараставшая тревога за судьбы Родины и Церкви. Настали роковые годы, которые, заодно с немощами преклонного возраста, потрясли ослабевший уже организм. В исполнении своих обязанностей он стал нередко обращаться за помощью к римскому собрату, достопочтенному архимандриту Симеону [Нарбекову], с которым его связывала зародившаяся с первой встречи сердечная дружба и взаимное уважение. Пришлось, наконец, подыскивать постоянного помощника, и такового обрели в лице беженца, иеромонаха Андрея (Демьяновича), дальнего родственника самого о. Левицкого и племянника его товарища по школьной скамье, знаменитого проф. А. Будиловича.

Сей монах приютился в Бари при Русском доме; служил там мало, бедствовал много, и архимандрит Симеон посоветовал о. Левицкому принять его к себе в помощники. Иеромонах Андрей слушал лекции в одном-другом заграничном университете, так как матушка его в заботах о здоровье единственного сына, всё время возила его по границам; два года перед войной он, однако, провел в Московской духовной академии. Прибыл он во Флоренцию в декабре 1919 г. Впечатление, им произведенное, было вполне благоприятное; в обращении чувствовались, быть может, преувеличенная мягкость и даже робость. Отец Левицкий обласкал его и как собрата, и как родственника; содержание было ему обеспечено в размере тогдашних 500 лир, плюс половина настоятельских доходов: в дешевой Флоренции можно было зажить с некоторым комфортом. Несколько иное впечатление произвела его матушка, вдова варшавского протоиерея, прежде всего своим униатофильством, а затем и своим тоталитарным режимом по отношению к всепокорнейшему сыну. Ни одного слова, ни одного движения, так сказать, *motu proprio* [собственного движения]. За столом он сидел, точно младенец и, при несколько хилом виде, похож был на цыпленка, только бородатого. Материнское униатофильство, конечно, отразилось и на нем; свидетельствовала об этом его переписка с шефом униатов, митрополитом львовским Андреем Шептицким. Матушка прямо афишировала свое униатофильство (и это перед о. Левицким, питомцем митрополита Иосифа Семашки!), афишировала настойчиво, бесцеремонно, почти гордилась им. Гордилась она еще одним обстоятельством: «целибатом» своего сына, о чем повторяла

кстати и совсем некстати, причем сын опускал стыдливый взор, и щеки его покрывались легким румянцем, подтверждающим то состояние невинности, которым едва ли мог похвастаться кто-нибудь из внимавших этим гимнам целомудрия. Это было, конечно, хорошо, необычно, весьма почтенно, хотя, может быть, не в меру откровенно. Что было менее почтенно, так это его оптимистическое отношение к большевизму, который он рассматривал с гегельянской точки зрения и утешался фатализмом диалектического процесса⁵⁹⁸. (...)

Такое бесчинство никогда не могло иметь места при о. Левицком, который строго призывал к порядку всех, пытавшихся обратить храм в светский салон. Нельзя не остановиться с особенным вниманием над этим фактом, столь не вяжущимся с тем религиозным пробуждением и чаяниями веры, о которых так много говорилось и говорится в русском рассеянии. Конечно, гром грянул и начали креститься, но до христианской церковности и возрождения веры, надо признаться, дистанция пока огромного размера. Красноречивейших примеров этому хоть отбавляй. Возьмем одну супружескую чету: он князь и экс-бюрократ высшего ранга, усерден к храму, она богомольна, и суетна по-светски; за службой в хроническом коленопреклонении, но тут же, в той же позе, смотришь, читают оба, на виду у всех, оставленное им кем-то из друзей «Общее дело» (газета Бурцева); многие практиковали некий дуализм: усердие к церкви и к кабаку; некоторые особенно усердно молились, но держали себя строго в стороне, знать никого не хотели и молились по образцу когда-то описанной А. А. Столыпиным «тети Мани»: «Господи, отними всё у всех и отдай моему Коленьке»; наконец, была группа из *biennès*⁵⁹⁹, куда доступа простым смертным не было, где говорили между собой только по-французски, так что хотелось сказать им: «здесь русский дух, здесь Русью пахнет et tout le monde у parle français (и весь свет говорит по-французски. — М. Т.)». Все почти жили в лихорадочном ожидании чуда на родине, где большинство из них так много напустили (некоторые особы даже в компании в Распутиным!), жили в припадке какой-то тавматомании⁴⁰⁰, в уверенности, что патрон св. Руси святой Николай, он-то и совершит это чудо: молебны все были обращены к его заступлению; «он тех поразит, а нас спасет». Были уже поразительные случаи: у одного беженца не было ни гроша, он помолился святому Николаю и на другой день нашел на улице 100 лир; одна беженка долго оставалась без известий о дочери, жившей в Париже, помолилась преподобному Серафиму Саровскому и на другой день письмо из Парижа! («так наши угодники спасут и нашу родину»). Когда умер Ленин, то кой-кому хотелось даже отслужить благодарственный молебен с чтением молитв «в путь (на родину) шествующим». И вот, при таких упованиях и настроениях поразительное

неуважение к святости храма и церковной службы, к духовным пастырям и даже архипастырям. (...)

Отец Левицкий, ввиду домогательств иеромонаха Андрея занять пост настоятеля, к чему у него не оказалось самых элементарных качеств и подготовки, счел необходимым осведомить об этом и преосвященного Евлогия, внявшего в свое время лестным отзывам об иеромонахе кн. Друцкого и К° и фантазиям о причиняемых ему угнетениях. Епископ ответил выражением сожаления по поводу такой характеристики, которая заставила его назначить иером. Андрея настоятелем в Биарриц, а не в Будапешт, куда он его прочил. Преосвященный Евлогий, с его знанием жизни и людей, всего через 5 лет получил от иером. Андрея пикантный сюрприз: в январе 1927 г. большевистский журнал «L'Humanité» опубликовал письмо биаррицкого настоятеля о том, что доктрина большевизма вполне соответствует евангельскому учению, что вся эмиграция должна переменить линию своего отношения к Совдепии, передать полпредам все заграничные храмы и т. п. Куда девался остроумный теоретик «православного большевизма» — неизвестно; вероятнее всего, возвратился в Совдепию и стал в ряды живоцерковников ⁴⁰¹. (...) Дореволюционное положение и соответственные условия для служивших в то время при флорентийской церкви, на основании штатов 1876 г. оставались в силе до сентября 1921 г., когда Российское посольство в Риме было вынуждено прекратить свою деятельность. Причт остался в прежнем штатном составе, Высочайше утвержденном в 1876 г. Содержание же его подвержено было неизбежным сокращениям. Вместо прежних 5000 р. золотом (3000 р. настоятелю и 2000 р. двум псаломщикам) плюс 3500 лир квартирных (2100 л. настоятелю и 1400 л. двум псаломщикам) было положено совещанием причта и прихожан (с А. Н. Волжиным во главе): 10 800 л. настоятелю и 7200 л. двум псаломщикам.

Штатными псаломщиками состояли кандидаты С.-Петербургской Императорской духовной академии, Харкевич с 1903 г. и Ярцев с 1907 г. — тенор и бас, как это требовалось установленным обычаем и элементарным музыкальным смыслом; оба с музыкально-вокальным и регентским стажем, оба награжденные орденами за службу во Флоренции, оба послужившие концертами как русским военнопленным во время войны (30 000 тогдашних лир), так и русским беженцам и приходу в годы разрухи (15 734 лиры только за 1920–1921 гг.); обоим им хор был обязан высоким музыкальным уровнем, благодаря которому хор получал щедрые пожертвования на его поддержку: 30 000 лир от О. Н. Базилевской, 30 000 лир от А. З. Хитрово (эти 60 000 л. были помещены душеприказчиками покойных в Министерство иностранных дел и присвоены в 1917 г. большевиками), 50 000 лир от графа А. Н. Платовой и с 1919 г. 3600 лир ежегодных от княгини М. П. Абамелек-

Лазаревой⁴⁰². С 1932 г. это пожертвование стало расходоваться приходским советом на общецерковные нужды, которые и поныне питаются из этого добытого хором источника.

Церковным старостой состоял приснопамятный А. Н. Волжин. Благодаря его энергичной деятельности, личной дружбе с настоятелем и умению пресекаать неподобающие инициативы и словеса в приходе, год его служения (1921–1922) был отмечен прекрасным материальным положением церкви и умиротворенным состоянием многих «загражденных устен».

Но то было лишь краткое затишье перед многообразными потрясениями. Как только отбыл из Флоренции А. Н. Волжин, новый староста кн. Друцкой на первом же приходском собрании в октябре 1921 г. произвел, совместно с тогдашним его приятелем Фоминым⁴⁰³, внушительное выступление в пользу иером. Андрея, предлагая зачислить его в штат причта. Этот *ex-abrupto* [внезапный ход] бывшего губернатора и правоведа оказался бомбой, грозившей взрывом всего приходского порядка, но нетрудно было подхватить ее и обезвредить, что и сделано было членом приходского совета Харкевичем, сославшись на ст. 48 приходского устава (вопросы, не доложенные совету, ни в коем случае не могут быть рассматриваемы в приходском собрании). Князь, однако, настаивал на срочности своего предложения, игнорируя заявление, основанное на законе, пока присутствовавший на собрании благочинный архимандрит Симеон не присоединился к заявлению Харкевича и не указал кн. Друцкому на незаконность его выступления. *Inde ira* [отсюда гнев], с этого началась *via crucis* [крестный путь] для псаломщика. (...)

За выходом на покой, по прошению настоятеля митрофорного протоиерея Владимира Левицкого на его место был назначен протоиерей Михаил Стельмашенко, один из экс-главарей Союза Русского Народа и «аггелов его». Через неделю после своего приезда, протоиерей Стельмашенко созвал приходской совет, которому кн. Друцкой доложил о необходимости увеличить новому настоятелю содержание на 3000 л. в год. Всем членам совета такое предложение церковного старосты показалось более чем странным: смета на 1922 г. была уже утверждена и во Флоренции, и в Париже — следовательно, стала законом; составитель ее Друцкой определил непоправимый дефицит в 7000 лир («одна надежда на концерты хора»). Но... председательствовал сам настоятель, все промолчали, и предложение о 3000 л. было признано принятым единогласно, и это было верно потому, что, в точности, голосовал за него один лишь кн. Друцкой. Настоятель и староста удовлетворились этой первой ступенью сметной процедуры и, не обращая ни к приходскому собранию, ни к епархиальной власти, сразу же стали один выдавать, а другой получать незаконную прибавку. (...)

Относительно хора замечалось некоторое колебание, что же касается псаломщиков, то, в видах беспристрастия (и сугубой выгоды), было решено удалить обоих. Действительно, оба псаломщика, привыкшие к здоровому управлению и бережливости настоятеля Левицкого, прочно осевшие во Флоренции и сроднившиеся с храмом и благолепным служением в нем, позволяли себе на правах членов приходского совета тормозить расточительные порывы в хозяйстве и беспорядочную суету в богослужении, увы! — весьма нетвердого в уставе протоиерея Стельмашенки ⁴⁰⁴.

Каждое слово псаломщика Харкевича о том, что раньше во флорентийском храме та или иная служба совершалась несколько иначе, что прихожане привыкли к такому-то порядку, принималось как лишний признак засилья Харкевича, допущенного его немощным уже тестем протоиереем Левицким. Ярцеву же ставилась в непростительную вину его постоянное отсутствие на заседаниях приходского совета (эти заседания по желанию ничем незанятых членов совета назначались в рабочие часы, когда Ярцев должен был трудиться на фабрике, дававшей ему средства к поддержанию семьи; вскоре по желанию семьи Скаржинских и М. Д. Кутури ⁴⁰⁵ и вечерние богослужения были перенесены с 6 часов вечера на 5 с половиной, что лишило Ярцева всякой возможности быть аккуратным по службе и на фабрике, и при церкви; для полноты картины остается добавить, что Скаржинские через четыре месяца уехали из Флоренции в Рим, а М. Д. Кутури перешла из православия в католичество...). Тем не менее, протоиерей Стельмашенко не сразу перешел на сторону Друцкого и К^о, требовавших сокращения псаломщиков. (...)

При таких печальных обстоятельствах «хищения и неправды» и церковно-богослуженческого бесчинства протекали последние дни прикованного к смертному одру протоиерея Владимира Левицкого, создавшего здесь храм и благолепие православной службы. Настоятель не удостоил его, после расправы с зятем, ни единым посещением. Мало того, была прекращена выдача ему из церковной библиотеки месячных миней, которыми больной утешался и которых имеется двойной комплект ⁴⁰⁶.

Наконец 19 июля, напутствованный вызванным из Рима духовником его архимандритом Симеоном, протоиерей Левицкий скончался. Это было первое погребение для [новых псаломщиков] Гека и Ширкевича, да еще и иерейское. Во избежание соблазна, архимандрит Симеон ходатайствовал, чтобы причетнические обязанности при погребении были поручены Харкевичу и Ярцеву и чтобы пел прежний, созданный протоиереем Левицким, хор. (...)

30 октября скончалась графиня А. Н. Платова, на погребение которой, ввиду ее знакомств и связей, ожидалась «вся Флоренция». Тростянский,

совершенно неподготовленный к обряду, просил поступить, как и при погребении о. Левицкого, но напрасно. К счастью, друзья покойной заявили о выраженном ею задолго до кончины желании, чтобы на ее похоронах пел прежний хор, которому она завещала в награду тысячу лир. Ее воля, конечно, была исполнена. Тростянский получил выговор от настоятеля за громко выраженные похвалы регенту Харкевичу. Дружественные отношения между прежним и новым регентами содействовали быстрому упорядочению пения в церкви, несмотря на навязанных Тростянскому двух совершенно несведущих певцов. (...)

Протоиерей Стельмашенко, ввиду очевидной нерасположенности к его действиям прихожан, а также в связи с тяжкими последствиями продажи церковного имущества Денисову ⁴⁰⁷, стал хлопотать о переводе в Берлин. В декабре он выехал к новому месту служения, но по дороге туда скончался, вследствие давнего и запущенного недомогания. Интересно, что провожал его на вокзал из всего прихода один лишь мужчина «и той же самарянин» — Харкевич.

Двадцать второго февраля 1926 г. прибыл новый настоятель протоиерей Иоанн Лелюхин. Подверженный тяжелому недугу, он, кроме того, по неосмотрительности своей, сразу простудился и на несколько дней слег в тяжелой форме воспаления легких. Весь уход, конечно, был принят на себя его сослуживцем, что создало сразу же дружественные отношения между настоятелем и псаломщиком, воспитанниками той же С.-Петербургской Академии.

Старостой состоял избранный по рекомендации кн. Абамелек-Лазаревой Ф. М. Галка, взявшийся с присущей ему энергией и опытностью в делах за исполнение своих обязанностей. Исполнять, впрочем, было нечего: настоятель служить не мог, переданные кн. Друцким от прежней администрации счета лежали неоплаченными, так как денег для оплаты передано не было, причту содержание не выдавалось по той же причине. Так что все функции старосты ограничивались пока уплатой жалованья (восстановленного в прежнем размере) сторожу.

Наконец настоятель восстал от одра болезни и прослужил первую обедню. Ему предстояло некоторое искушение: проверить, правда ли, что хор такой, что терпеть его нельзя, как это ему было сказано Струковым (во Флоренции легко устают от однообразия; можно сказать — на днях, одна богомолка заявила, что трио мужской неудовлетворителен: «поют все те же и всё то же» ⁴⁰⁸). После обедни, при целовании креста, настоятель во всеуслышание поблагодарил подошедшего регента «за прекрасное пение, особенно за исполнение Херувимской песни Бортнянского» (№ 7). Немедленно он разрешил регенту устроить концерт в пользу церкви. (...)

Положение ухудшилось с поездкой настоятеля в Париж на очередной епархиальный съезд. Не получив ассигновки от приходского совета, протоиерей Лелюхин все-таки, вследствие извещения из Парижа о «желательности» его присутствия, истолковал своим приближенным духовным дщерам «желательность» как обязательность, и уехал. На съезде он выступил на втором же заседании с речью о примирении с «карловцами»⁴⁰⁹; был иронически отчитан гр. Коковцевым и сразу отбыл в Женеву. После 10 дней отсутствия вернулся во Флоренцию, но служить не мог, так как парижская неудача причинила особый припадок недуга. Вместо литургии — обедница. Через две-три службы стал опять⁴¹⁰ поминать митрополита Евлогия. (...)

Несмотря, однако, на повышенную плату певчим, польза от хора продолжала иметь решающее значение для церковного бюджета с постоянным перевесом доходов над расходами, благодаря концертам, давшим за 1925, 26, 27 и 28 гг. чистой прибыли свыше двадцати тысяч (20 124) лир⁴¹¹. На такое состояние церковного хозяйства после режима «Друцкой-Струков» обратила внимание епархиальная власть, и в 1929 г. протоиерей Лелюхин был награжден «за отлично-усердную службу» палицей, а церковный староста Галка удостоился фотографии с милостивым отзывом. Но не прошло и года, как сей г-н Галка «удивил мир своей неблагодарностью»: в начале февраля 1930 г. приходской совет был уведомлен г-ном Галкой, что он не может далее исполнять обязанности ц. старосты при православной флорентийской церкви, так как перешел в католичество...⁴¹²

Здесь приходится сделать два-три замечания об отношении к церковному пению, установившемуся после протоиерея Владимира Левицкого, обладавшего поразительным слухом, музыкальным вкусом и замечательным голосом. Тогда считалось, что самая динамическая сторона церковного благолепия — это наше обычное, православное, русское народное пение; можно не только посеребрить, но даже позолотить все подсвечники, облачиться в блестящие ризы и стихари, возжигать множество свечей и лампад, служить соборно и с множеством прислужников (почти всегда неопытных и путающих), можно украсить всю церковь цветами, можно взывать и даже потрясать руками и т. п., но если нет приличного хоть пения, то нет главного, самого существенного, волнующего и умиляющего элемента в богослужбном благолепии.

Протоиерей Левицкий всегда ставил пение во главу угла, создал и всеми средствами поддерживал хор. И, надо сказать, результат его стараний был прекрасен: хор не только поддержал славу русского православного пения, но поддержал и приход (завещания в пользу церкви, на поддержание хора покойных Базилевской, Хитрово, гр. Платовой; многолетние жертвы на хор княгини Абамелек-Лазаревой, унаследованные теперь приходским сове-

том), поддержал и беженцев, поддержал в трудные годы и церковную кассу (30 000,47 лир за 1920–1931 гг.). У регента есть целая кипа писем, присланных и музыкантами и писателями, высшими представителями местной власти, инославными священниками и т. п. Есть письма преосвященного Владимира Ниццкого, знатока нашего пения, в которых владыка расхваливал музыкальность и умильность флорентийского хорового исполнения в то время, когда от прежнего хора не осталось и половины певчих ⁴¹³. Достаточно сказать, что частыми слушателями наших воскресных литургий были друзья очень музыкального барона Б. А. Фитингофа: знаменитый композитор Pizzotti и другой известный музыкант Gui; что Высочайшие особы, гостившие во Флоренции, поддерживали хор и похвалами, и щедрыми дарами. Но приходской совет решил изгнать Ярцева, упразднить хор и оставить лишь «первого певчего» Ширкевича с сохранением ему содержания (оно равняется половине всего хорового расхода). Хор заменялся дуэтом: Ширкевич-тенор и Харкевич на положении баса, т. е. вынужденный, насилуя голосовые связки, петь не своим голосом. (...)

В ноябре скончался последний могикан старого хора, феноменальный в свое время бас Мази Рафаелло, и на рождественские службы остался, вместо праздничного праздника, лишь обычный трио. Приходской совет решил ассигновать 100 лир в распоряжение регента с тем, чтобы он организовал пение смешанного квартета на все праздники. Видно, стосковались по пению, без которого для русских и праздник не в праздник. Квартет наладили: две русских певицы (Беата Мутти, Нина Харкевич), Ярцев, Харкевич и на помощь им Ширкевич. Достаточно сказать, что сам настоятель не смог удержать до конца всеобщей своей радости и восторга, устремился во время чтения шестопсалмия на клирос и закончил свои дифирамбы приказанием регенту выдать певцам, сверх платы, наградные. О прихожанах и говорить не приходится. Миновали праздники, но впечатление от удавшегося пения не улеглось: возжелали квартета и на воскресные службы — это было почти невозможно, потому что Ярцев по воле приходского рока и по мудрствованию безумных пел в церкви американской (и как там любили и ценили его пение!).

Потребовалось искать баса из итальянцев, а при теперешних регламентациях, синдикатах, контрактах, возмещениях убытков, да еще с теми, более чем скромными, грошами, которые были отпущены на поиски баса, нечего было и думать о певце профессиональном. Пришлось ограничиться неопытным двадцатилетним студентом — сыном покойного Мази, пришлось учить его всему, начиная с музыкальной азбуки; и несмотря на трудности пения и языка, молодой Мази начал петь сносно — «сам Струков» признал «успехи мальчишки». Но с «мальчишкой» что-то случилось в области горла, и он стал сдавать. Пение квартетом, когда каждый певец один отвечает за свою партию,

должен ловить дыхание в немногих паузах, не может ни откашляться, ни передохнуть, а только слышать от регента, наподобие Агасфера: «пой, пой!», и всё это без аккомпанемента, в течение часа, а то и двух, почти без передышки, да еще и без диакона, дающего тон — это работа чрезвычайно трудная, требующая многолетней практики, притом в несменяемом составе певцов, которым надо не только спеть, но буквально сдышаться⁴¹⁴. Это трудное дело подвигалось, так сказать, с переборами, за которые певчие от лиц, совершенно незнакомых с его техническими условиями и привычными в России к хорам, давно созданным и преемственно обновлявшимся частичными пополнениями, — так вот, от этих лиц приходилось выслушивать много неприятного за неизбежные на первых порах промахи. Две больших певицы, пользуясь тем или иным предлогом, ушли от дела, охоты к которому при таких условиях быть не могло (а тут еще все, в видах сокращения дефицита, сокращали их скромную — при многочисленных спевках — плату). Пришлось искать новых, начинать всё сначала, работать над непрерывным напором еще более резких и нетерпеливых осуждений, пока, наконец, терпение и труд маленького квартета, оплачиваемого грошами (речь идет, конечно, о тех, кто не состоит «первым певчим») не дали совершенно приличных результатов. (...)

Молитва есть благоговейное возношение души нашей к Богу

Вопрос о молитве, в сфере церковной, несомненно, есть самый важный вопрос. Вспоминается мне, как одна особенно усердная молитвенница «укротила» меня, когда я высказал ей мое негодование по поводу несправедливого отношения к нашему церковному сторожу со стороны приходского начальства: «все мы далеки от совершенства, все мы немощны, и самое доброе дело — это помочь человеку исправить свое дурное, а не возбуждать себя и других против»... Но, само собою понятно, что мы немощные — не способны без помощи Божией искоренить свои немощи и прегрешения, и одна лишь усердная молитва может испросить ниспослание Божией благодати для борьбы с лукавым врагом рода человеческого. Можно ли, однако, считать наши флорентийские моления за истинное и заповеданное Церковью «возношение души нашей к Богу»? Мне на основании опыта последних 25 лет представляется, что обыкновенно наши богослужения идут очень беспокойно, непоследовательно и, да будет признана за мною эта осведомленность, не по уставу церковному.

Молимся мы как-то странно, вперемежку с тем, что надо было оставить дома или, по крайней мере, в церковном саду. Уж слишком по светской

привычке мы любезны и покладисты, внимательны к неуместным мелочам и чуть ли не капризам своеобразных богомольцев, то пришедших в храм за деловыми и неделовыми справками, то не знающих, где им лучше поместиться в храме, то с ужасом взирающих на то, что их обычное место и сиденье уже заняты каким-то неделикатным и никому неизвестным лицом и т. д. Всем надо угодить, со всеми поговорить, расположить к храму, его нуждам, интересам прихода. Всё это прекрасно, но зачем же допускать такие отступления от молитвы, как раз в то время, когда все должны «иметь сердца горё», зачем нарушать «единение духа»?

Удивительно, что такие ущербы богослужению случаются сплошь и рядом не только за обыкновенными, привычными для всех чинопоследованиями. Увы! они нередки и в такие дни и минуты, когда, казалось бы, все ушли от «житейского попечения», особенно же те лица, которые взяли на себя подвиг быть примером и поучением для «меньшей братии». Достаточно, так сказать, «сфотографировать» одно-другое из таких непоучительных явлений.

Вот, например, служатся так называемые «царские часы» в великий пяток 19(6) апреля 1946 г., за которыми воспевается: «Вся тварь изменяешся страхом, зряще Тя на кресте висима, Христе; солнце омрачавшесе и земли основания сотрясахуся»... Так и чувствуется, что молящиеся как бы переносятся всеми чувствами и помышлениями на Голгофу, к подножию Креста. Да и молиться никто и ничто не мешает: за службой, о которой речь — народу только и есть, что священник, псаломщик, помощник старосты и я (в этом 1946 г. пришел волонтером на клирос, чтобы помочь, так как служба сложная). Читается Евангелие: «Слава страstem Твоим, Господи», отвечают с клироса. Потом опять чтение псалмов, пение стихир, апостол и Евангелие. Всё спокойно, почти неподвижно, нет входов, благословений, ектений. Молимся. Входит дама: не обращая внимания на чтение Евангелия, подходит к помощнице старосты и что-то ей говорит. Помощница старосты идет на клирос к стоящему там Ширкевичу и, вероятно, слушающему Евангелие; что-то шепчет ему на ухо, тот оставляет клирос, направляется к даме, оба уходят в притвор... Что случилось? Почему такой alarme [тревога], что даже псаломщик оставил свой пост, несмотря на то, что сейчас же предстоит опять пение и чтение? Оказывается, приехала г-жа Тасchi, родственница г-на Ширкевича, приехала не на один час, а, по крайней мере, на один день, но, приехав в церковь, потребовала и оторвала его от богослужебной обязанности вместо того, чтобы самой послушать слово Божие и помолиться или, во всяком случае, обуздать свое нетерпение. (...)

Но, Боже, какое непонимание, атрофия церковности во всем этом! Бедный флорентийский храм! во что превратили его нынешние заправилы

прихода! Возможно ли вообразить что-либо подобное при таких служителях алтаря, как покойный о. Владимир Левицкий, архимандрит Симеон или архимандрит Дионисий? Никому бы и мысль не пришла отвлекать служащих от чинопоследования, потому что эти пастыри были живым примером молитвы, а не внешних жестов, хотя бы и сопровождаемых декламационными зываниями. (...)

Конец литургии. Отпуст, целование Креста. Этот священный обряд — с 1935 г. особенно — превращается в некое подобие «театрального разъезда». «Вы меня узнаете, батюшка?» — «Да, вот, когда заговорили, догадался по голосу» — «Как здоровье ваших?» — «Как ваш новый адрес?» (сообщается адрес) — «Зайду на днях» — «Приходите прямо к обеду». И так далее. При затянувшемся с кем-нибудь разговоре получается довольно соблазнительная картина: крест в правой руке протянут в левую сторону для других целующих и уходящих, а глаза батюшки обращены в правую сторону к задержавшейся и продолжающей болтать особе. Надо помнить, что литургия еще не окончена, предстоит потребление Св. Даров. Но батюшка опять выходит из алтаря для беседы, вроде следующей: батюшка с клироса улыбается вглядывающемуся в иконостас польскому воину, воин подходит знакомиться. «Да благословит вас Господь» (благословляет) «Хе, хе, хе!» (скажу словами апостола Павла: «Бог вещь, яко не лгу»). Разговор идет в веселом тоне, спиной батюшки к алтарю. Потом следует, после светского *intermezzo*, потребление Св. Даров. В храме стоит гул галдящих прихожан. Ширкевич читает молитвы по причащении, но голос его еле слышен в шуме и гаме прихожан под священными сводами храма. (...)

Это всё факты; не личные чувства или капризы, повинуюсь коим, Харкевич «невзлюбил о. Иоанна [Куракина]» и стал «относиться к нему отрицательно». Пришлось долго колебаться и приноравливаться, прежде чем отойти окончательно в сторону и держаться подальше от о. Иоанна. По какому-то непреодолимому стечению обстоятельств его «высокие качества» в отношении служащих, как причетник и сторож, или беззащитных, как Е. И. Силуанова⁴¹⁵ и другие, сменялись систематическим недоверием, подозрительностью, инсинуациями, чтобы не сказать точнее. Лишь особам независимого положения или безграничного поклонения, со всеми признаками столь распространенной «батюшкomanии», эти высокие качества были являемы во всей привлекательности, уснащенной привычной светскою манерой обхождения (вместо гневных окриков на «меньшую братию»). Кажется, что о. Куракин имел то же придворное звание, что и покойный князь Л. И. Дондуков-Изъединов⁴¹⁶. Но какая разница между этими двумя (кажется) шталмейстерами в обращении с другими, а особенно с лицами другого сословия, звания и положения. Правда, что князь Лев Иванович был

исключением в том круге, к которому он принадлежал. Другие же: Струков, Нарышкин, Скаржинские, Фитингоф, Василий Олсуфьев, Друцкой, даже добрейший Мусин-Пушкин — все они, как и подобные им *tutti quanti*, нередко давали повод вспоминать знаменитую триаду из «Мертвых душ»: «Иной, например, даже человек в чинах — с благородной наружностью, со звездой на груди, будет вам жать руку, разговорится с вами о предметах глубоких, вызывающих на размышление, а потом, смотришь, тут же, перед вашими глазами, и нагадит вам...» (...)

Дополнение к «Дневнику»

Много лет прошло, «много воды утекло» с того дня, когда я закончил мой так называемый дневник. Из тех лиц, которые тогда творили многое и не всегда доброе в нашем приходе, почти никого не осталось; по-видимому, я один. Недаром, о. Андрей Насальский (ныне, как и его предшественник, покойный) говорил: «тут настоятели меняются, но на клиросе всё тот же несменяемый Харкевич пятьдесят лет воспевает славу Божию; кажется, к нему можно применить, перефразируя, изречение Ломоносова: можно храм отставить от Харкевича, но Харкевича от нашего храма едва ли»...

Остановился я на моем пребывании «в качестве бессменного причетника», которого о. Куракин весьма неохотно призывал править службу и управлять хором в Великие Праздники. Отец Куракин вскоре принял иночество с возведением в сан архимандрита. Затем намечено было посвящение его в епископы с перспективой сидеть между двух кафедр: одной во Флоренции и другой в Париже.

Дело в том, что глава юрисдикции Рю Дарю, митрополит Владимир, преклонный в летах (почему это в духовном мире не применяется правило о предельном возрасте? Как красноречивы, чтобы не сказать убийственны примеры старческой немощи и умственного размягчения в этом сословии, приведенные о. Георгием Шавельским в его «Воспоминаниях»): измлада немощный (однако хватило в свое время энергии на утеснения заключенного в одном из монастырей Гродненской епархии опального епископа Гермогена); без административного опыта, да еще в такой, состоящей из «оазисов»-приходов, вкрапленных во все стороны, как «западноевропейская митрополия», юрисдикции, посвятившей себя исключительно молитвенному «деланию» (знаменитый секретарь Рю Дарю, Аметистов, уверял, что, благодаря этим молениям владыки, была ниспослана возможность легализовать браки и разводы в Бельгии без обращения в Белград, «сдалище» соборян); не умудренный апостольским даром языков, мечтал и

наконец обрел «помощника» в лице о. Куракина, занимавшего всякие служебные места в России, владевшего языками (даже языком Мессинской епархии, ему предназначенной по указанию Константинопольской Патриархии) и неутомимого путешественника. Оставаясь настоятелем во Флоренции, о. Куракин предназначен был к периодическим наездам на Рю Дарю, для помощи митрополиту Владимиру, а заменять его во Флоренции должен был протоиерей Насальский, переведенный к нам из Бельгии. Как мог бы изворачиваться в таком изобилии прелатов нищий флорентийский приход — это была тайна о. Куракина, которую он унес в преждевременную могилу; это был его секрет и его несомненное умение, проявленное и здесь, и в Милане. Как я писал, после кончины о. Куракина митрополиту Владимиру для такого пиршества «одежда» флорентийского убогого прихода «несть брачна» и, может быть, этим и было предотвращено назначение сюда другого епископа. Еще до поездки о. Куракина в октябре 1950 г. для хиротонии, при сохранившемся рвении в пастырстве и благотворительности (он лично доставлял всякую помощь и продукты, до картошки включительно, нуждающимся — правда, тем из них, которые смели свои суждения иметь, он редко что носил и нередко их «разносил»; у всех свои слабости) здоровье его, поколебленное еще каким-то инцидентом на болонском вокзале, стало ему изменять; а тут и нога разболелась... Тем не менее, надо было спешить в Париж. Ночь в поезде. В Париже оживленная, и быть может, слишком оживленная, встреча со своими со знакомыми, с духовными и пр. и пр., где всё внимание уходило на шумные и весьма подчеркнутые приветствия, поздравления, ожидания, расспросы; всем надо отвечать, благодарить, принимать поздравления, давать обещания и т. д. Потом наречение. Тут надо поститься, непрестанно молиться, проводить ночь (если не ошибаюсь) в храме. Утром сонм духовенства, молящихся, речь важная и обязывающая (следовательно, труд ума и сердца), обряд длинный и очень утомительный даже для здорового человека. Но надо всё исполнить, и исполняет нарекаемый. Пожалеть его некому и некогда, надо всё по чину, иначе: Боже, сохрани... Но ведь, это лишь начало. Хиротония, архиерейская литургия, часа три, а то и больше. Потом поздравления без конца, трапеза тоже без конца, приглашения посетить, отслужить, благословить (ибо новая, только что ниспосланная благодать). Потом что ни день, то архиерейская литургия то в одном, то в другом приходе; всё продолжают приглашения, угощения... Пишущий эти строки, на 80-м году своей жизни пользующийся, по милости Божией и по доброй наследственности от приснопамятных родителей, еще крепким здоровьем, с ужасом перечисляет все эти перипетии возведения в епископы. Для человека, лета которого были ближе к 80-и, чем к 70-и, притом в состоянии клиническом, в состоянии крайнего переутомле-

ния, финал был один: «ложись и помирай»... О. Куракин даже не лег, а умер сидя, сердце не выдержало, не могло выдержать.

Так уходили пастыря свои же пастыри и пасомые своими неосторожными и неосновательными упованиями, своим усердием не по разуму и, скажем откровенно, своим легкомыслием. Конечно, и там в Париже, да и нам во Флоренции, было объявлено и проповедано в послании: «теперь он стоит перед престолом Всевышнего»... Это нам в утешение... Странно, что эти утешители, как только кому-нибудь из них покажется вероятной перспектива предстать перед престолом Всевышнего, зовут докторов, шлют экстренно в аптеку, принимают витамины, вспыскивания, едут в Ментон и т. д. Смерть о. Куракина — смерть трагическая. Можно было быть не в ладах с покойным, можно было смущаться некоторыми поспешными суждениями и действиями его, но... его кончина отзывается острой болью в сердце всякого сочувствующего человека.

Что же происходит во Флоренции в дни сих горестных происшествий? Надо сказать, что в последней литургии в нашем храме о. Куракина перед его отъездом... на смерть я решил (*motu proprio*) собрать хор и пропеть прилично вместо установившегося неприличного дуэта Ширкевич-Мельник. Этот дуэт, ставший по воле настоятеля на место прежнего хора, ухитрялся иногда заходить в такие дебри непролазных диссонансов, из которых не мог бы, думаю, вывести сам Римский-Корсаков. Но дуэтисты — вернее, дуэлянты, до того они шли не в лад — заключали свою какофонию взаимной улыбкой, всё хорошо, что кончается, особенно, когда оно нехорошо... Пропели «последнюю» литургию и напутствие. О. Куракин откровенно заявил нам при прощании, что многожды просил освободить его от предстоящего подвига, но... всё напрасно.

Вскоре прибыл о. Насальский. По желанию Ширкевича для первой литургии опять собрали хор. О. Насальский, большой любитель пения и музыкант, остался, так сказать, в умилении и заявил о необходимости такого пения за всеми богослужениями, по крайней мере, за литургиями. Это желание было поддержано и морально, и материально графиней Родоканаки. Начали готовить архиерейскую литургию ввиду предстоящего возвращения о. Куракина уже в сане епископа, но... пришла роковая весть. Возник неотложный вопрос о преемнике преосвященному Иоанну.

Из Парижа, всегда ставившего флорентийский приход в трудные, путанные, ложные и даже постыдные положения, приходили вести о вновь назначенном для нас епископе. Никому эта перспектива не приносила утешения; из Пратолино было послано нечто вроде ультиматума. Тем более, что откровенный, благодушный и скромный в своих требованиях о. Насальский вполне отвечал упованиям и запросам прихожан. Сам он, как человек

слабого здоровья, держался за южный климат. К общему благополучию, Рю Дарю на этот раз не отказало нам в здравом понимании нашего положения, и о. Насальский возглавил флорентийский приход. Еще в Бельгии он перенес серьезную операцию желудка с сокращением этого органа, и о. Насальский добродушно смеялся, когда ему было сказано, что настоятель с уменьшенным желудком и есть самый подходящий для такого маленького прихода, ибо для полного желудка у нас средства недостаточны. Важно было, что своею скромностью и простотой он приобрел искреннюю симпатию попечительницы прихода, княгини Марии Павловны, никогда не оставлявшей его своим вниманием и помощью, особенно в его последнюю и сведшую его в могилу болезнь, когда на одни расходы на клинику и операцию княгиня выдала почти полмиллиона лир. К сожалению, в приходском совете нашлось два персонажа, которым эта скромность и простота послужили искушением в обращении с новым настоятелем. После настоятеля-князя, с резкими проявлениями властности и охранением собственного престижа, о. Насальский, не обладавший к тому же внушительной внешностью своего предшественника, представлялся особам, подверженным микробу снобизма, лицом, в обращении с которым можно было не соблюдать положенных ограничений. (...)

Так что о. Насальскому священнодействовать здесь не так, чтобы безмятежно. Трудно было ему также по причине незнания языков, на изучение их он не уделял времени, которое уходило целиком на исторические опыты; интересовали его, главным образом, Церковь и Россия. Взгляд в прошлое был абсолютно патриотически-оптимистический. Россия — святая, Государь — все выше всякой критики и т. п. Надо сказать, что тут о. Андрея окружало почти полное непонимание. Первое время он по воскресеньям произносил поучения, но за наличностью среди молящихся многих греков, прекратил проповедничество. Видно было, что перенесенные им недомогания отозвались и на силах, и на памяти, которая иногда затрудняла его даже во время службы; служение же его было истовое и для всех умиленное. Мечтой его и основной задачей было приведение в настоящий вид церковной ограды и внутренней росписи храма. Для ограды он нашел необходимую и крупную сумму, что касается росписи, то ему, не жильцу на этом свете, не суждено было реставрировать ее, и она осталась в программе будущих времен. (...)

В настоятельство о. Насальского было совершенно поистине великое дело: постройка на пожертвования княгини Абамелек-Лазаревой и графини Родоканаки домика для настоятеля и причетника в церковном саду. Домик одноэтажный, и потому с осушкой его было трудно. Электрическое отопление для этой цели недостаточно. Поэтому бывало и сыровато, и хо-

лодновато, пользоваться общепринятой здесь грелкой-скальдино о. Андрей не пожелал; но все-таки его здоровье в южном климате улучшилось. Быть может, это обстоятельство способствовало менее осторожному обращению немощного батюшки с теми меню, которые ему подносились как прихожанами, так и друзьями-туристами. Быть может... трудно утверждать. Вдруг в конце августа 1952 г. о. Андрей себя почувствовал очень трудно. Лечиться он не любил, перешел на голодный режим, продолжал служить, страдая много, но не желал прерывать служб ввиду приближавшегося дня ангела княгини Марии Павловны. Крепился много, удалось уговорить его пить прекрасную минеральную воду «Уливетто», которую ему доставляли неутомимые в помощи Дзерини. Выдержал и одолел свой недуг. Прошло спокойно почти два года. В марте 1954 г. тот же припадок. То же свое героическое лечение, но пришлось обратиться к доктору, своему же русскому, пришлось лечь в клинику, консилиум, операция, некоторое облегчение, надежды отслужить хоть службы на Страстной и в Пасху. В Вербное воскресенье вечером спокойное самочувствие, в 10 часов эмболия и смерть...

Выросший в очень дружной и спаянной любовью семье, покойный о. Андрей нелегко переносил свое одиночество. Если жить одному трудно, как еще засвидетельствовал Гоголь своим восклицанием: «Но горе холостяку!», то болеть и тяжело болеть — это уже воистину горе. Надо признать, что в последней болезни, когда он уже не мог скрывать ее (по своему обыкновению), о. Андрей окружен такими заботами, таким уходом, с которыми не всякая семейная тревога могла бы соперничать. Все почти из наших прихожанок в особенности, кто не отягчен еще многими годами и немощами, несли в клинике дневные и ночные дежурства с христианским самоотвержением и усердием. (...)

По дороге в Святую Землю заехал во Флоренцию настоятель прихода в Льеже, о. [Валент] Роменский. Это, как говорится, настоящий прелат, благочинный в своем районе, член епархиального совета на Рю Дарю и пр. и пр. Почти архиерей, по собственному его замечанию, динамический евогианец. Отслужил у нас весьма благолепно. Отслужил всем приходом и молебствие о здравии уже прикованной к одру смерти нашей попечительницы (вызывали многолетнего духовника болящей о. Симеона). Состоялось знакомство между двумя юрисдикциями. О. Симеон очень понравился о. Роменскому, («но, — заметил он, — там у них такой только он один»... Однако ему совершенно не понравились наезды о. Симеона в Пратолино, да и вообще во Флоренцию. Поэтому ввиду близившейся кончины попечительницы (врачи не давали больше четырех дней жизни, так оно и случилось), о. Роменский энергично настаивал на приглашении о. Аполлона [Сморжевского] — на что у прихода средств не было — а относительно погребения

решительно потребовал вызова епископа из Парижа; всеми усилиями старался устранить «антониевца». Я докладывал ему с доступным спокойствием, что мы все глубокие почитатели о. Симеона и попечительница не менее нас, что все эти абсурдные расколы нас не касаются, что всякие церковные «перегородки», по выражению митрополита московского Филарета, до небес не доходят, что мы здесь молимся о соединении Церквей, а также юрисдикций и не можем идти по пути углубления бестолковых разделений. Что же касается приглашения епископа, то на это у нас нет и, пока болящая в житии, не может быть полномочий. Не понравилось. Была послана в Париж тревожная телеграмма, и к погребению попечительницы прибыл епископ Сильвестр [Харунс] в экстренном порядке. Погребение отличалось торжественностью, сослужили о. Симеон и о. Аполлон; хор был собран тоже в экстренном порядке и подкреплён вызванным из Рима В. Н. Дюкиным⁴¹⁷. Общественные и повторные одобрения и похвалы были вознаграждением хору. Слава Богу, что удалось проводить нашу попечительницу в место упокоения под хорошо исполненные напевы православного погребения: она была непрестанной покровительницей нашего хора и неустанной его помощницей. (...)

Приложение 3.

Анна Суханина

ПОСТРОЙКА РУССКОЙ ЦЕРКВИ В САН-РЕМО В ИТАЛИИ 1910-1954*

Анна Матвеевна Суханина, урожд. Зозулина, родилась 26 октября 1870 г. в Кишиневе, в семье бессарабских дворян. Выйдя замуж за полковника Владимира Владимировича Суханина, поселилась в Петербурге, где преподавала историю и географию на Высших педагогических курсах, а затем обосновалась на Итальянской Ривьере из-за слабого здоровья единственной дочери, Галины, на специально построенной «вилле Анюша». Последовательница Толстого, сдержанно относившаяся к «историческому» православию, она, тем не менее, стала одним из инициаторов постройки храма в Сан-Ремо (по обету, после выздоровления дочери) и привлекла к его проектированию своего двоюродного брата, архитектора А. В. Щусева. Во время революции оказалась в родном Кишиневе, где на рубеже 1910-1920-х гг. работала главным редактором газеты социал-демократического толка «Свободная Бессарабия». Участвовала в работе Французской миссии в Румынии по репатриации русских военнопленных. С 1924 г. — в эмиграции в Италии, с 1929 г. во Франции; преподавала в различных французских учебных заведениях, писала в эмигрантской прессе под псевдонимом Иван Иванов. Скончалась в Ницце 27 октября 1969 г.

Первое воззвание о построении русской церкви в Сан-Ремо или его окрестностях было составлено профессором Имп. СПб. университета Ильею Александровичем Шляпкиным⁴¹⁸ в таких выражениях:

«Итальянский Лазурный берег с давних времен представляет собой одно из наиболее посещаемых больными и туристами мест. Многие из них живут

Рукопись хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Coll. Anna Matveevna Sukhanina Papers); благодарю за помощь в ее публикации куратора архива Татьяну Чеботареву.

здесь подолгу, иные приобретают даже землю, и, вообще, православные люди составляют значительную часть приезжающих. Римские католики не нуждаются в особых церквях в странах католицизма; лютеране имеют свою церковь; англикане имеют свою церковь; у баптистов своя церковь; у вальденсов своя церковь. Между тем, у православных русских, сербов, болгар, греков, румын и т. д. для удовлетворения их духовных потребностей вовсе нет православного храма на всем протяжении Итальянской Ривьеры — ближайший находится в южной Франции (в Ментоне); имеется только небольшая часовня-склеп на кладбище в Сан-Ремо. Построение православной церкви представляется неотложным делом и устроить это нравственно обязаны русские православные люди, общее число которых на Лазурном берегу ежегодно достигает нескольких тысяч.

Всем желающим предлагается теперь же образовать в Сан-Ремо, как наиболее центральном пункте, попечительный комитет по постройке православной церкви в Сан-Ремо или окрестностях.

Предварительная запись в члены попечительного комитета принимается:

- 1) настоятеля ментонской православной церкви протоиерея о. Николая Аквилонова (Menton) ⁴¹⁹;
- 2) у жены полковника, начальника Архива Главного управления военно-учебных заведений Анны Матвеевны Суханиной (Ospedaletti);
- 3) у ординарного профессора Императорского СПб. университета, действ. ст. сов. Ильи Александровича Шляпкина (СПб.);
- 4) у присяжного поверенного Александра Николаевича Григорьева (Царское Село);

Денежные пожертвования принимаются только в Сан-Ремо:

- 1) English Bank Asquasciati Treves;
- 2) Società Bancaria Italiana.

Шнуровые книги (по одной в каждом банке) для записей пожертвований находятся в вышеназванных банках и состоят под контролем настоятеля ментонской православной церкви протоиерея о. Н. Аквилонова и членов комитета. По накоплению более крупных сумм (свыше 500 лир-франков) деньги передаются под тем же контролем в Credit Lyonnais.

Дальнейшее распоряжение делом постройки принадлежит комитету в лице избранных им поверенных. Постоянными членами комитета могут быть лица, вносящие ежегодно не менее 20 лир.

[Подписи:] И. Шляпкин, М. Черныш, Я. Гойлов, А. Суханина, А. Громов, А. Григорьев, А. Щусев».

Случилось всё очень просто. Когда мой муж после нашей волшебной поездки в Рим и принятого там нами почти фантастического решения постро-

ить церковь в Ospedaletti ⁴²⁰, уехал в Петербург — он там сразу нашел брата, Алексея Щусева. Тот ему обещал полное содействие. А в Hotel Metropole, находившемся в доме, принадлежавшем Credit Lyonnais, где я жила, приехал из Петербурга И. А. Шляпкин с женой: он каждый год жила здесь, и всегда в этом отеле. Близ моей квартиры помещалась почта, а над почтой жил Я. К. Гойлов, женатый на француженке и наш давний приятель — из Бельц в Бессарабии! И. А. Шляпкин был колосс, но излишняя полнота привела в беспорядок его сердце: ходил он мало, любил поесть вкусно и дома его избаловал стол его мастерицы жены, а в отеле Metropole экономно кормили и близко был берег моря. «У берега тает мой жир, — смеялся он, — а ходить много не могу, ногам тяжело». Узнав о наших с мужем планах и мечтах, о сооружении православной церкви в Ospedaletti, И. А. пришел в восхищение. Он сразу развел пары: поехал в Сан-Ремо, побывал в знакомых ему банках, повидал своего приятеля Григорьева из Царского Села и даже поехал к о. Аквилону в Ментон. Мы оказались благодаря ему в курсе неудачных попыток фрейлины вдовств. государыни Марии Феодоровны — А. И. Стрекаловой — основать подписку на построение церкви в Сан-Ремо и о крахе банка Рубино, который, кажется, даже был русским консулом ⁴²¹. А. И. Стрекалова имела и часовню на своей вилле, а потом перенесла ее в часовню-склеп на кладбище и туда изредка приезжал из Ментона о. Н. Аквилон служить панихиды... Вся многочисленная русская колония на большие праздники отъезжала в Ниццу, питая своими приношениями тамошнее русское духовенство.

Я написала в Ниццу С. И. Коротневой, урожд. Кристи ⁴²². Мы были друзья детства; в Ospedaletti лечился и часто бывал ее брат, Гр. Ив. Кристи, б. московский губернатор ⁴²³. Еще в первую же зиму моего пребывания здесь, с больной Галей, мы узнали, что в Hotel de la Reine жила Ал. Ив. Руссо, сестра С. И. Коротневой, с больной дочерью Асей... Имея возможность жить у сестры на Villa Christy (Boul. Carno) в Ницце — они спасали Асю от туберкулеза тоже в Ospedaletti — и спасли. С. И. Коротнева и ее муж (профессор, имевший свою зоологическую станцию в Villa Franche ⁴²⁴) отнеслись с большим сочувствием к нашему начинанию, ответив, что Гр. Ив. [Кристи] придет опять на зиму в Ospedaletti и будет нам полезен... А пока что И. А. Шляпкин, сидя за моим чайным столом, где кипел и шумел наш русский самовар, продиктовал мне это первое наше воззвание. К моему изумлению, проездом в Бари нагрянул к нам на два дня брат Алексей Щусев. Была «конференция» между всеми нами. Пригласили подрядчика Альмерини и получили предложение от мэрии Ospedaletti сделать дар земель для церкви, если она будет построена здесь, а не в Сан-Ремо.

Алексей Щусев обещал прислать эскиз церкви, планы, а Almerini сказал, что он составит *devis* [смету] по ценам, существующим на строительном рынке, и на конкурсе между подрядчиками отобьет своей ценой всех конкурентов: он не будет искать своей выгоды, а только чести построить в родной деревне русскую церковь и этим закончить свое строительство в Ospedaletti, которое он обстраивал уже 50 лет!

Нас было мало подписавших первое воззвание — и ни одного русского из Сан-Ремо. Я немедленно отдала его в печать и стала рассылать по адресам, данным мне Шляпкиным, и в Россию, ко всем моим родным и знакомым — в Кишинев, в Одессу, в Крым.

И. А. Шляпкин уехал, и с первым его письмом пришла большая новость: В. К. Саблер сам предложил свое участие как председатель строительного комитета. А тем временем наступила зима и приехал в лечебницу д-ра Остера Г. И. Кристи. Он сейчас же пришел ко мне. Он пошел со мною на горку и по дороге к часовне «*Madonna delle Porgine*» восхитился и видом, и местом, мною избранным. «Я тоже хочу построить тут виллу, — вдруг сказал он мне. — Вот тут, напротив вашего участка, восхитительная роща оливков. Это тоже продается?». И через час мы уже снова были там, но с нами были и мсье Амбур. Гр. Ив. обошел всю рощу, сказал, что ему надо 5000 кв. метров, даже выбрал место для будущей виллы. Амбур запросил по 4 лиры за кв. метр: земля представляла из себя ровную поверхность, точно созданную сразу для культуры роз и гвоздик... Будущий цветовод сказал Амбуру, что даст ответ, поговоривши с женой, по возвращении в Петербург. А тем временем Гр. Ив. сделал взнос и пожертвование в «*Bancaria Italiana*», записался в члены строительного комитета церкви во имя Христа Спасителя. Он обещал поговорить с Саблером и собрать деньги на построение церкви, привлечь своих друзей и знакомых. Я тоже получила от своей матери согласие вступить издали в члены комитета, от мужа сестры К. К. Саргани и от моей племянницы Анны Зозулиной из Севастополя. Мы были уже не одни, хотя русские обитатели Сан-Ремо посмеивались, говорили дирекции банков, открывших нам свое гостеприимство, что нас ждет крах, как было с консулом Rubino! И. А. Шляпкин в ответ на мое описание местных событий прислал новое воззвание и просил немедленно отпечатать и прислать небольшую толику для работы на родине.

Вот его текст: «(...) ⁴²⁵ В начале 1910 года образовался с благословения Его Преосвященства епископа Кронштадтского и заграничных церквей Владимира попечительный комитет по постройке православной церкви во имя Христа Спасителя в Сан-Ремо или его окрестностях из следующих лиц:

Председатель — член Государственного совета, сенатор, действительный тайный советник Владимир Карлович Саблер (СПб.);

Члены — настоятель ментонской православной церкви протоиерей Николай Аквилонов (Menton); сенатор, тайный советник Григорий Иванович Кристи (СПб.); ординарный профессор Императорского СПб. университета, действ. ст. сов. Илья Александрович Шляпкин (СПб.); жена полковника, начальника Архива Главного управления военно-учебных заведений Анна Матвеевна Суханина (Ospedaletti); художник-архитектор, член Академии художеств Алексей Викторович Шусев (СПб.); преподаватель СПб. коммерческого училища Александр Александрович Громов (СПб.); вдова действительного статского советника Александра Ивановна Зозулина (Кишинев); дочь полковника Анна Антоновна Зозулина (Севастополь); командир 7-го гусарского Белорусского полка Константин Константинович Саргани (Владимир-Волынский); дочь действ. ст. сов. Мария Васильевна Черныш (Полтава); присяжный поверенный Александр Николаевич Григорьев (Царское Село).

Денежные пожертвования принимаются в Сан-Ремо (...).

18 апреля 1910 г. День Светлого Воскресения».

Доброе начинание получило поддержку издавала... Но ни один русский из Сан-Ремо не откликнулся, не поинтересовался возникающим русским делом. Дело, прочно организованное, введенное твердой рукой бескорыстных и убежденных его основателей поставило моральный вопрос: а где же вы, многочисленные владельцы вилл-дворцов в Сан-Ремо, не позаботившиеся до сих пор по своей инициативе о построении православной церкви и имеющие на своем активе лишь крах церковного дела в банкротстве консула Рубино?

Ни одного имени русских православных людей, многолетних обитателей Сан-Ремо не стояло в числе членов комитета, образованного к 18 апреля 1910 г.

А наше единение понесло тяжкую моральную утрату: скоростижно скончался Григорий Иванович Кристи. Как сенатор он в середине зимы поехал на юбилейные торжества Сената в Петербург. По дороге он заехал из Ниццы в Ospedaletti, привез мне доверенность на покупку ему земли на 20 000 лир и несколько раз повторил: «Церковь должна быть построена в Ospedaletti, а не в Сан-Ремо... Я беру это на себя и не уступаю. А для нашей виллы моя жена пришлет эскиз. Берите вашего Almerini в строители».

«Вы не боитесь перемены климата в середине зимы?» — осторожно спросила я, поднимаясь с ним в Casino. — «Что мне бояться, ведь у меня здоровые легкие... Это сердце у меня не в порядке». И мы вошли в Casino. Он что-то поставил, проиграл, рассмеялся и уехал на автомобиле в Сан-Ремо, где его должен был подхватить прямой поезд из Ниццы в Петербург. Последние его слова были: «Так церковь — в Ospedaletti, а планы виллы Almerini сделает». (...)

Скончался Гр. Ив. от крупозного воспаления легких на 53 году. Недели через две я получила письмо от С. И. Коротневой, его сестры, глубоко меня взволновавшее. Она писала из Москвы, где на кладбище (кажется, на Воробьевых горах) его похоронили в семейном склепе его жены, кн. Трубецкой. Она писала по поручению Марии Николаевны, вдовы Гр. Ив., что он скончался, не приходя в сознание, и в бреду кричал: «Откройте дверь, это Анна Матвеевна привезла планы виллы, разве вы не слышите? Это она стучит...» Он бредил Ospedaletti... цветами... виллой... М. Н. с трудом останавливала его попытки вскочить с кровати открывать мне дверь на мой «стук», и на нее это тоже сделало невероятное впечатление. Она просила Софу [С. И. Коротневу] написать мне — сама не она не в силах еще — и просить ничего не задерживать в планах покойного Гр. Ив.: она исполнит его желания — и виллу построит на месте, им избранном, и поможет построить в Ospedaletti церковь во имя Христа Спасителя...

Ей не удалось осуществить постройку церкви в Ospedaletti. Но Villa Christy была построена в том же году, и на фасаде ее был помещен мраморный барельеф покойного Григория Ивановича... Его горячее предсмертное желание было осуществлено его любящей женой. Мир праху их! Мария Николаевна Кристи, урожденная княжна Трубецкая, была прямым потомком декабриста князя Трубецкого, сестрой Сергея Ник. Трубецкого, ректора Московского университета. Этим сказано все...

Вот текст 3-го воззвания, изданного уже после смерти Гр. Ив. Кристи, когда центр переместился в Сан-Ремо. По его содержанию можно судить о развитии этого дела и его постепенном осуществлении со всеми последующими перипетиями.

«(...) ⁴²⁶ В начале 1910 года образовался с благословения Его Преосвященства епископа Кронштадтского и заграничных церквей Владимира попечительный комитет по постройке православной церкви во имя Христа Спасителя в Сан-Ремо ⁴²⁷ из следующих лиц:

Председатель — член Государственного совета, сенатор, действительный тайный советник Владимир Карлович Саблер (СПб.);

Вице-председатель — Борис Сергеевич Шереметев, ктитор временной православной церкви (Сан-Ремо, Villa Ina);

Почетные члены ⁴²⁸ — бывший епископ Кронштадтский Преосвященный Владимир; графиня Е. Т. Олсуфьева (Сан-Ремо, Villa Roussalka) ⁴²⁹; sotto-prefetto [вице-префект] cav[aliere] Paolo Bodo; sindaco [мэр] di San Remo cav. Alfredo Natta-Saleri; direttore della Società Bancaria Italiana Teofilo Debraud;

Действительные члены — жена полковника, начальника Архива Главного управления военно-учебных заведений Анна Матвеевна Суханина

(Opsedaletti); ординарный профессор Императорского СПб. университета, действ. ст. сов. Илья Александрович Шляпкин (СПб.); художник-архитектор, член Академии художеств Алексей Викторович Щусев (СПб.); преподаватель СПб. коммерческого училища Александр Александрович Громов (СПб.); Наталья Михайловна Неплюева (San Remo, Villa Iris); Наталья Максимилиановна Капта (San Remo, Villa Ina); Елисавета Александровна Шереметева (San Remo, Villa Ina); отец Николай Остроумов (Копенгаген); Конрад Леопольдович Дорспрунг-Целлинца (San Remo, Villa Palme); граф Виктор Таллевици (San Remo, Villa Tallevici).

Денежные пожертвования принимаются (...). В случае распада комитета денежные суммы поступают под контроль русского генерального консула в Генуе или русского консула в Сан-Ремо, и на них какие другие цели, кроме приобретения земли для храма и постройки церкви в Сан-Ремо употреблены быть не могут. (...)

Из содержания 3-го воззвания видна эволюция церковного вопроса. Будущая церковь зафиксирована постройкой в Сан-Ремо, а не в Opsedaletti. Иностранцы, поддержавшие доброе начинание с первых дней его организации, избраны почетными членами. Принял участие генеральный консул в Генуе. Прислан временно священник. Нанято помещение для временной церкви. Знатные фамилии русской колонии объединились в общем желании принять участие в организации, созданной без их содействия и не по их инициативе. Особенно сильное влияние оказало на них то, что всё население Opsedaletti выразило желание не только подарить землю для постройки русской церкви в Opsedaletti, но и принять участие в расходах по постройке, а подрядчик Almerini предложил свои услуги безвозмездно, как и его сын, полuarхитектор, который привел представить мне своего друга архитектора [Pietro] Agosti (сына русской), готового тоже безвозмездно помочь предприятию Almerini. Молодой Agosti успешно закончил ту же архитектурную школу, где его товарищ Giovanni Almerini провалился на выпускных экзаменах. Они в работе помогали друг другу. Я обещала им полное содействие, как и проф. Шляпкин, если русская колония не откликнется и церковь останется за Opsedaletti.

Все эти воззвания редактировал проф. И. А. Шляпкин, приезжая к этому времени в Opsedaletti каждый год и активно работая для осуществления нашей общей мечты. А на общих заседаниях комитета у Б. С. Шереметева стали разгораться страсти «радостей бытия»: теперь они обиделись задним числом, что не они явились основателями этого доброго начинания и что они не могут изменить базы, на котором оно основано... А что всего хуже было, что священник отец Николай Аквилонов оказался горьким пьяницей... Он был в периоде пьянства, которое надо лечить в больнице, а не

показываться в торжественной обедне в церкви, да еще за границей. Как его могли держать в посольстве при Копенгагене и как решились его при-слать сюда на потеху иностранцам?

И. А. Шляпкин уехал в Петербург, увезя на доклад В. К. Саблеру богатый материал этих «радостей бытия». А дело наше шло вперед.

Вот текст 4-го и последнего воззвания, тоже проредактированного, уже в 1912 г., тем же И. А. Шляпкиным. На этот раз И. А. остановился уже у меня на моей виллетте: Villa Anucha выросла между 15 мая (день закладки) и 1 сентября (день переезда на новоселье). И Villa Christy кончилась постройкой. Наша «волшебная сказка» продолжалась. И приближалось выступление чародеев, змея Горыныча и прочих темных сил, без которых не обходятся волшебные сказки.

На этот раз воззвание было издано попечительным комитетом с его заголовком:

«(...) ⁴³⁰ В начале 1910 года образовался с благословения Его Преосвященства епископа Кронштадтского и заграничных церквей Владимира, под председательством члена Государственного совета, сенатора, действительного тайного советника Владимира Карловича Саблера попечительный комитет по постройке православной церкви во имя Христа Спасителя в г. Сан-Ремо, утв. Св. Синодом 11 июля 1912 г., № 983.

Денежные пожертвования принимаются (...).

Распоряжение приобретенной землей для церкви и постройкой церкви принадлежит строительному комитету под председательством графа Виктора Иосифовича Таллевица, состоящему из доверенных членов попечительного комитета, находящихся в Италии. (...)

В мае 1912 года на собранные комитетом 18 000 франков в центре Сан-Ремо приобретен участок земли в 1000 кв. метров для построения церкви по проекту академика архитектуры А. В. Щусева. В уверенности, что приезжие русские поддержат его начинание, комитет приступил к постройке церкви (...). Комитет убедительно просит соотечественников принести свою посильную жертву и отозваться на доброе дело. (...)

Председатель попечительного комитета — обер-прокурор Св. Синода Владимир Карлович Саблер

Вице-председатель — Борис Сергеевич Шереметев

Председатель строительного комитета — граф Виктор Иосифович Таллевиц

Члены строительного комитета — sign. ing. arch. Agosti; sign. Teofile Debraud; Анна Матвеевна Суханина; графиня Анна Лонгиновна Таллевиц; вице-консул в г. Сан-Ремо Георгий Эдуардович Тилло; sign. ing. sav. Tornatore; академик архитектуры Алексей Викторович Щусев

Почетные члены — епископ Омский Преосвященный Владимир; настоятель флорентийской православной церкви о. Владимир Левицкий; Императорский Российский посол в Риме Анатолий Николаевич Крупенский; Императорский Российский генеральный консул в Генуе князь А. А. Гагарин; Императорский Российский вице-консул в Сан-Ремо Г. Э. Тилло; графиня Е. Т. Олсуфьева; *sotto prefetto cav[aliere] Paolo Bodo*; *sindaco [мэр] di San Remo cav. Alfredo Natta-Saleri*; *direttore della Società Bancaria Italiana Teofilo Debraud*; граф Иосиф Таллевиц; Мария Николаевна Кристи; тайный сов. Петр Вас. Петров.

Пожизненные члены — о. Николай Аквилонов; А. А. Громов; Н. А. Григорьев; Я. К. Гойлов; А. И. Зозулина; В. К. Саблер; К. К. Саргани; С. М. Саргани; А. А. Зозулина; М. В. Черныш; И. А. Шляпкин; А. В. Щусев. (...) ⁴⁵¹)

Из содержания четвертого и последнего воззвания, вышедшего из-под пера того же И. А. Шляпкина, между прочим, уясняется, что Императорским Российским вице-консулом назначен, наконец, в Сан-Ремо вместо обанкротившегося консула Rubino г. Тилло. Мы, основатели постройки церкви, неоднократно напоминали В. К. Саблеру о необходимости для престижа доброго дела иметь снова здесь консула и уже не иностранца. В. К. Саблер исполнил свое обещание, разрешив напечатать и свое служебное звание — обер-прокурор Св. Синода. Теперь от единения членов комитета в совместной работе зависело успешное развитие дела.

Тем временем уже как год мы блаженствовали в своем крошечном домике, родном уголке на чужой стороне. Так как мы вошли в население Италии, то оказались освобожденными от таможенных пошлин. Все, что было нам дорого иметь здесь из воспоминаний, пересылалось сюда: книги, картины, ноты, даже мой мольберт и краски очутились на Villa Aniucha. План печей в стенах здания, наших голландских печей, прислал мне Алеша Щусев. (...)

Мария Николаевна Кристи приехала на закладку своей виллы и остановилась у меня. С ней была ее близкий друг Александра Павловна Сипягина ⁴⁵², вдова убитого революционерами министра вн. дел. Но им не удалось провести и двух недель, как их вызвали телеграммой в Москву — печальная и страшная катастрофа, всем известная, произошла в их семье ⁴⁵³. После скоростижной смерти мужа новый удар разразился над этой женщиной, полной глубокой любви и семейной добродетели. (...) Тем временем вилла Кристи была закончена и туда стекалась вся семья: и Григорий Григорьевич [Кристи] со своей женой Еленой Влад., урожд. Стахович, и их очаровательные детишки Володя и Гришенька — радость моей Галюши, и Володенька, сын Вл. Григ. [Кристи], и Коротневы. Жизнь кипела ключом... А над террасой — мраморный медальон, артистически исполненный, с портретом покойного Григория Ивановича. Его мечта была осуществлена.

И жизнь русской постройки шла своим чередом. Экипаж графини А. Л. Таллевиц почти каждый день останавливался подле нашей виллы. Она или делилась поручениями своего сына и комитета или увозила меня в Сан-Ремо и привозила обратно. Консул Тилло, немец по происхождению, с супругой посетили меня. Когда старый граф Иосиф Таллевиц пригласил меня на «пирог» в мою честь, как первого основателя церковной постройки, мадам Тилло, сидя перед горой сбитых сливок с земляникой и угощаясь, спокойненько заявила мне, что всё дело церкви было организовано ее мужем, честь принадлежит ему, как инициатору и исполнителю. Я улыбнулась и спросила: «А он подписывал первое воззвание в 1910 году? Он уже был здесь консулом? Я этого не знала!» «Я тоже этого не знаю — гордо ответила консульша — я знаю только, что он сделал всё и им всё держится!» Графиня Таллевиц поспешила сказать мне, что старый граф меня ждет в оранжерее и увела меня. Это мне открыло глаза на некоторые происшествия последних заседаний комитета.

Лето я провела с дочерью в Люцерне и там произошло «случайное» знакомство в мадам Савич, вдовой начальника III отделения Министерства внутренних дел, и ее дочерью, мадам Берзинковской, и внучкой лет 7-8. Они подошли ко мне сами на улице, услышав, что мы с Галей говорили по-русски. Обычный способ «знакомства» русских из охранки за границей. Они приехали из Парижа отдохнуть и мечтали приехать в Ospedaletti. Мадам Берзинковская была очень красива... Они всех и всё знали и дня не хотели больше обходиться без меня. Я же была далека от подозрений, что они из себя представляют (...)⁴³⁴

Здесь, в Люцерне, я получила официальное письмо от консула Тилло, написанное по поручению графа Виктора Таллевица, который не умел писать по-русски. Мне сообщалось, что постройка церкви сдана за 120 тысяч лир подрядчику, стоившему виллу Таллевица. Деньги на постройку одолжил старик граф Таллевиц. Ссуда без процентов и будет погашаться из церковных доходов. А архитектором приглашен тот же Agosti, которого мне представил Almerini — мой подрядчик. Постройка церкви — по плану и проекту архитектора Щусева.

Я была изумлена: devis, сделанный Алексеем, был на 40 тысяч лир, а не на 120! Я тут же написала об этом графу Виктору Таллевицу, послав копию письма консулу Тилло. К постройке церкви было приступлено немедленно: начались земляные работы — по проекту арх. Agosti, а не арх. Щусева. Между тем, А. Щусев, не зная о моем отсутствии, заехал в Ospedaletti проездом на свою постройку в Бари, где у св. Николая ему было поручено Государем Николаем II возведение дома для русских паломников. Его провели на место постройки церкви в Сан-Ремо и он оставил мне письмо, полное

негодования, что его проект не принят и заменен проектом Agosti. Конечно, по возвращении я обратилась к графу Таллевику за разъяснениями. Щусев прислал нам сначала проект храма, построенного им на Куликовом поле по заказу русского правительства. Но когда этот стиль старинной русской церкви XIII в. не пришелся по вкусу графине Таллевиц, он сделал эскиз со всеми чертежами и с devis, взявши за прототип храм на месте убиения Императора Александра II. Он написал при этом официальное письмо, что дарит мне этот проект и что я могу сделать из него подарок строительному комитету, которому он готов во всем помочь в осуществлении этого проекта в Сан-Ремо, как и предполагалось всегда, хотя они не приняли 1-ый проект. Если же проект принят и местный архитектор будет его осуществлять, то как он может выставлять себя автором, а не только строителем — это так элементарно! Но не для искателей орденов и отличий за счет настоящих организаторов доброго дела. Граф Таллевиц ответил мне и письменно, и на словах: «Agosti положил столько труда, чтобы приспособить чертежи Щусева к исполнению их, что вправе считать себя их автором; но, во всяком случае, на постройке будет написано — строитель Agosti по проекту Щусева». Конечно, это не только не было написано, но когда сделали первую почтовую карточку церкви Христа Спасителя, то подписали на ней автором Agosti. (...) ⁴⁵⁵

Закладка церкви в свое время состоялась при участии о. Аквилонова. Консул Тилло занимал почетное место впереди всех, как представитель русского правительства. Все итальянские высшие власти присутствовали — и все знали уже официально о разразившемся скандале и что консулу Тилло угрожает тюрьма. (...) И. А. Шляпкин был глубоко возмущен не только самим фактом, но и тем, что Саблер считал, что я должна смолчать на всё и ждать *его личного влиятельного разрешения этого «недоразумения»* ⁴⁵⁶. Мы в их глазах были таким ничтожеством, такой малой величиной, что нас можно втоптать в грязь для престижа вице-консула, хотя бы он был доносчик и лжец, желавший выслужиться за счет честных и невинных людей. Обыкновенная немецко-распутинская психология. (...) Надо было скомпрометировать честных и идейных людей в глазах правительства, выкинуть организаторов и захватить контроль в свои грязные руки. Так делалось в царской России, где не было граждан, а только обыватели и всемогущие чиновники, немецко-распутинские. Но они не рассчитали, что в Италии это им сорвется. Они измерили на свой аршин таких людей, как А. П. Сипягина и М. Н. Кристи. Они не сообразили, что эти русские женщины были прямыми потомками декабристов, тех князей Вяземских и Трубецких, совесть которых не мучит. Им показалось, что проф. И. А. Шляпкин, вышедший из народа, сын крепостного, освобожденного по воле императора Александра II — которому он поставил памятник в саду своей усадьбы

в Белоострове — их испугается и по традиции «умоет руки». А мы с мужем и академик Щусев были в их глазах ничтожества. (...)

Политикой я никогда не занималась. Но всегда желала, как все мои друзья и интеллигентные люди моего круга, счастья своему народу и осуществления его прав на образование, попросту — на права человека. Церковь в Ospedaletti во имя Христа Спасителя мы с мужем надумали по обету в благодарность за чудесное спасение нашей единственной дочери от смертельной болезни. Наши друзья поддержали нашу мысль, и мы стали приводить ее в исполнение. Но мы уступили свой проект в пользу Сан-Ремо, где жило очень много русских: легче было 10 лицам приехать из Ospedaletti в Сан-Ремо, чем сотням больных ездить в Ospedaletti. Мы честно и благородно сделали эту уступку, хотя в Ospedaletti коммуна предложила нам в подарок землю для постройки, а подрядчик Almerini составил смету на проект с планами, подаренными мне академиком архитектуры художником Алексеем Щусевым, всего за 40 тыс. лир. И мы могли бы обойтись без русской колонии в Сан-Ремо, которая увеличила смету на 120 тыс. лир, т. е. в три раза дороже, занявши эти деньги у графа Таллевица. А архитектор, академик Щусев, был гордостью России и по заказу императора строил церкви — исторические памятники. Как и подрядчик Almerini — один из самых известных по честности и умению на Итальянской Ривьере. (...)

Очень поддержал мою бодрость приезд опять из Бари на пути в Петербург моего брата Алексея Щусева. Он был в Генуе у [консула] кн. Гагарина по делам и хохотал от души, что кн. Гагарин в ярости: не может слышать моего имени; я, по его словам, непатриотично поступила и не люблю свою Родину, оскандаливши рус. дипломатический корпус. Алексей сказал ему, что семья не без уroda и Тилло не есть дипломатический корпус. Однако Алексей искренне возмущился, найдя на постройке церкви аншлаг, что это по проекту архитектора Agosti строится православная церковь.

Впоследствии после открытки с изображением церкви с подписью автором ее Agosti граф Таллевиц ответил, что на следующем издании открытки добавит: по эскизу академика Щусева. Но ни снаружи, ни изнутри не было никакого изменения, хотя уже в 1939 г. я увидела акварельные рисунки, подписанные Щусевым, для будущего иконостаса в целом и для всех образов — припиленные кнопками к стенам с мольбой о пожертвованиях для их исполнения. (...)

В ноябре [1913 г.] приступили к торжеству освящения церкви. Мы получили официальные приглашения. Мои друзья поехали — я не поехала, несмотря на все их уговоры. Как я могла присутствовать на торжестве осуществления моей разбитой мечты. Видеть зло и позор, выставляющим кощунственно святое дело? И, действительно, мои друзья вынесли тяжелое

чувство от этого торжества. Впереди всех на почетном месте стоял, гордо подняв голову, вице-консул Тилло (другие представители российского царского правительства не появились ⁴⁵⁷), принимавший затем поздравления (...). Церковь, основанная во имя Христа Спасителя и наименованная так при закладке, была освящена во имя великомученицы Екатерины и других двух святых, имеющих имя умерших детей графа Иосифа Таллевица ⁴⁵⁸. (...)

Весной 1914 мы с мужем вынуждены опять поехать в Россию: отставка всё не выходила, пенсия не была назначена, надо было всё привести в порядок и ликвидировать. Известие об объявлении войны застало его в пути, как и нас. Возвращение в Италию по железной дороге было отрезано. Вернуться морем мы не могли — мое сердце не вынесло бы морской болезни. Мы остались в России вместо двух месяцев — шесть долгих лет ⁴⁵⁹.

В 1924 г. мы жили в Милане, но в начале апреля собрались ехать в Бесарабию — моя мать была больна. Неожиданно пришло письмо в Милан от А. И. Стрекаловой, фрейлины имп. Марии Феодоровны. «Я очень была больна — писала она — но сегодня мне лучше и я только что причащалась Св. Таин. Пишу Вам, лежа в постели. Спасите церковь. Граф Таллевиц хочет продать ее итальянской королеве Елене Николаевне. Только Вы можете спасти церковь. 10 апреля 1924 года и подпись».

С А. И. Стрекаловой я виделась в последний раз в Opsedaletti в августе 1923 г. Она жила на Villa Christy со своей дочерью — их приютила М. Н. Кристи. Мадам Стрекалова меня, с больным малюткой внуком, нашла в гостинице, увела к себе и поведала печальную судьбу церкви. Война и революция остановили присылку священника по обещанию прежнего правительства. Церковь осталась в незаконченном виде внутри. В подвальном помещении сделали склеп с капличкой, где ит. королева Елена поместила своих покойников — Николая, черногорского короля с супругой — и платит за наем этого склепа по 5 тыс. лир в год за каждого. И на свой счет содержит священника для богослужения. А в доме священника, купленном вместе с землей за 18 тыс. лир, собранные нами, живет сам граф Виктор Иосифович Таллевиц с семьей, якобы получивший по разделу родными по смерти старика графа — эту церковь в наследство. Она, как и я, как и все, знала, что гр. Иосиф Таллевиц одолжил комитету 120 тыс. лир (вместо 40, по смете акад. Щусева), но без процентов и платежом из доходов — всё было оформлено официально. Конечно, граф Виктор Таллевиц не имел права продавать церковь, принадлежащую приходу, как свою собственную! Но ведь и виллу самой А. И. Стрекаловой никто не имел права продавать во время войны, когда она сама была в России — и она была разорена и ничего не могли сделать! А виллу М. Н. Кристи и мою спасло только мое неожиданное возвращение в июне 1919 г.: это я разогнала англичан и американцев, присылаемых адв. Pigati.

Я немедленно ответила старушке Стрекаловой, что напишу Ее Величеству в Рим. Впоследствии, уже в 1932 г., я случайно попала на Русское кладбище в Ницце и натолкнулась на памятник А. И. Стрекаловой. День ее смерти был 10 апреля 1924 г. — день ее последнего причастия и письма ко мне. Пути Господни неисповедимы.

Зная, что королева Елена, воспитывавшаяся на парадной половине Смольного института, прекрасно владеет русским языком, я написала самое почтительное верноподданное письмо Ее Величеству, изложивши очень кратко, по пунктам, сущность вопроса, приложивши *все* воззвания и выразивши благодарность за ее добрые пожертвования, помогающие приходу уплатить постепенно долг по закладной графу Таллевицу — хотя он до сих пор не закончил постройку и не сдал отчета в израсходованных им сумм в строительный комитет. Вывод из всего был один: тем более граф Виктор Таллевиц *не может продать церковь, которая ему не принадлежит*, и даже приход не имеет такого права без согласия пожизненных членов-основателей (по итальянским законам).

В Милане в эти дни была Интернациональная ярмарка и королева ее посетила. По отъезде Высших Особ я получила вызов к префекту. Когда я в назначенный день и час была проведена в приемную префекта и подала ему свою визитную карточку с его вызовом — он любезно раскланялся и сделал знак дежурному чиновнику. Ему подали парадный мундир, весь расшитый золотом и в орденах. Они при мне облачился и заявил, что уполномочен Ее Величеством королевой передать мне следующее: «Ее Величество благодарит меня за сделанное ей мною письменное сообщение. Она не знала, что православная церковь в Сан-Ремо не принадлежит графу Таллевицу, и она отказалась от этой покупки. Приход и попечительный комитет могут быть уверены, что она по-прежнему будет помогать этой церкви, охраняющей место упокоения ее родителей». Я выразила свою благодарность Ее Величеству за милостивый ответ и благодарность префекту за любезный прием и откланялась, а префект стал снимать свой парадный мундир. Конечно, я отписала об этом больной А. И. Стрекаловой. Через три дня мы с дочерью и двухлетним внуком уехали в Кишинев, и я так и не узнала никогда, кому попало в руки мое письмо вместо скончавшейся еще 10 апреля А. И. Стрекаловой.

Прошло много лет... В 1932 г. 26 февраля мой муж скоропостижно скончался в Ницце. (...) Приход отказал мне в погребении моего мужа на русском кладбище ⁴⁴⁰, и больше того, священнослужители отказались внести моего мужа в церковь и совершить обряд отпевания. Всё это было проделано с неслыханной жестокостью. Человеку безупречной чистоты и нравственности, основателю церкви во имя Христа Спасителя в Сан-Ремо, принесшему лепту на это святое начинание из своих скромных средств и бескорыстно

проведшему это общественное дело, причт ниццких церквей отказал в последнем отпевании в церкви и в месте для могилы на Русском кладбище! Мне казалось тогда, что это была месть мне за мою политическую работу во время революции как редактора «Свободной Бессарабии». Другие говорили, что это месть на религиозной почве: мой внук, сын итальянца и моей единственной дочери, был крещен по желанию отца католиком...

Мне пришлось побывать в Сан-Ремо в 1936 г. Во главе церковных дел был тот же граф Виктор Таллевиц и г-жа Есаулова, урожд. княжна Оболенская. Она жила на Villa Ina, быв. вилла А. И. Стрекаловой, где сохранился в салоне полный иконостас церкви, временно устроенной в давние времена покойной Стрекаловой. Граф Таллевиц жил в двухэтажном домике-сторожке при церкви. Отчета приходу он еще не дал; церковь не была закончена... Во время дождей весь пол бывал покрыт лужами — потолок так и не починался.

В 1939 г. я случайно узнала, что город Сан-Ремо *покупает* у графа Таллевица русскую церковь под исторический музей. Собравши свои крошечные экономии (я работала как *gouvernante*), я бросилась в Сан-Ремо воспрепятствовать продаже. Когда граф Таллевиц на мой звонок сам открыл дверь — он побелел! Конечно, он ни слова не сказал о своих планах продать церковь под музей, но жаловался на недостаток средств и доходов, так как, хотя королева Елена оплачивает священников, паства очень уменьшилась и требы ничего не приносят. Он сам мне предложил повидать священников — их было *два*, хотя паствы не было, — и я пошла.

Недалеко от церкви, в приятном домике, меня ввели в большую комнату: за столом сидел глубокий старик-священник, весь лысый, а за ним стоял высокий брюнет, монах пожилых лет ⁴⁴¹. Когда старый священник услышал, кто я, он вскочил, точно от электрического толчка: «Как, это Вы? Основательница церкви? Наконец-то я Вас вижу! Как Вы смели это сделать? Как Вы смели строить здесь церковь? Как Вы смогли отнять прихожан от прихода в Ницце?». Монах за спиной делал мне знаки не отвечать. После первого впечатления неожиданности я, спокойно улыбаясь, спросила его, не были ли он в те времена в приходах Ниццы пострадавшим от нашего доброго начинания? А где бы Ее Величество королева нашла бы место упокоения для своих дорогих родителей, если бы мы не основали бы здесь построение этой церкви? А что бы вы теперь кушали, если бы она не платила бы вам за богослужения в этой церкви? Я повернулась и ушла.

Так вот где была зарыта собака! Православные священники Французской Ривьеры считали себя обездоленными образованием отдельного прихода на Итальянской Ривьере. Вот почему благочестивые пастыри и прихожане ниццких церквей отказали в погребении и отпевании инициатору постройки, Владимиру Владимировичу Суханину.

Приложения

Я поехала в мэрию и сделала официальное заявление, что русская православная церковь не принадлежит графу Таллевичу и он не имеет права продавать ее городу под музей. Продажа рухнула снова.

Наступила новая мировая война и всем известные страшные исторические события.

Эти строки я пишу сейчас в 1954 г. (...)

«В Сан-Ремо у синьора Джизмонди⁴⁴², адвоката графа Таллевица (он [Таллевиц] бежал в Буэнос-Айрес со всей своей семьей⁴⁴³), оставлен архив церкви», — сказал мне один русский эмигрант в Ницце. Этот эмигрант, конечно, бывший офицер русской гвардии, и бывает, как принято, у кондитера Карпова, где я его и встретила. Он был в курсе всего, так как сестра адвоката Джизмонди — жена мэра г. Сан-Ремо: знал, что прихожан там всего 16 человек и некому было ни протестовать, ни требовать отчета за 30-летнее пользование доходами церкви [графом Таллевицем]. (...)

Во всяком случае, вот я жива и по сей день, а в 1940-х гг. жив был и академик архитектуры Алексей Шусев, хранитель Третьяковской галереи, строитель мавзолея Ленина волей большевиков. (...). Может быть, когда наша родина освободится из рабства от большевиков и в наш дом снова «свет вольется», русская православная церковь во имя Христа Спасителя будет возвращена приходу⁴⁴⁴...

Бог правду видит, да не скоро скажет — говорит русская пословица. Настал час узнать Правду Божию. По старости лет я скоро уйду в вечность. Но я твердо верю, что мои преемники в борьбе с «темными силами» вернут русскую церковь в Сан-Ремо ее законным владельцам, приходу, и на стене при входе будет, наконец, вделана плита с именами ее основателей и отделка церкви внутри будет закончена⁴⁴⁵.

Мир праху основателям церкви в Сан-Ремо, пожизненным членам, идейным и честным строителям храма во имя Христианской Любви и взаимопомощи!

Последний в живых пожизненный член⁴⁴⁶

Анна Суханина,
28 января 1954
Ницца, Франция

Приложение 4.

Князь Николай Жевахов

ПИСЬМА ИЗ БАРИ

1920-е гг.

Князь Николай Давидович Жевахов (Киев, 1880 — Закарпатье, 1946), один из участников строительства русского подворья в Бари, до революции 1917 г. — товарищ обер-прокурора Св. Синода, в эмиграции — заведующий подворьем. Во время тяжб вокруг подворья занимал экстремистскую позицию, будучи одержимым идеей жидо-масонского заговора и отвергая помощь русской Архиепископии в Париже. В 1937 г. самочинно «уступил» за крупный куш подворье городским властям Бари. Переехав в Австрию, скончался в своем бывшем поместье в Закарпатье на территории, вошедшей в состав СССР.

Публикуются его письма к княгине Марии Павловне Абамелек-Лазаревой, урожд. Демидовой княгине Сан-Дonato, и к ее управляющему Ф. М. Галке.

Письма хранятся в составе Демидовского фонда в Историческом архиве Провинции Флоренции.

Principe N. D. Gewakhow
Chiesa Russa, Carrassi
Bari (Italia)

Глубокоуважаемая
княгиня Мария Павловна,

Не хотел я огорчать Вас недобрыми вестями из Бари, но, с болью сердца, очутившись в положении совершенно безвыходном, вынужден это делать. А. К. Букналл⁴⁴⁷ оказалась совершенно неспособною ни вести сложное дело управления инвалидным приютом, ни подыскивать средств на его содержание и в результате в апреле прошлого года совершенно прекратила квартирные платежи, оставшись должной Барградскому подворью свыше

10 тыс. лир. Другой квартирант [диакон Владимир Каменский], занимающий 2-й и 3-й этажи здания, не платит с октября прошлого года, и с ним у меня идет судебный процесс. Подворье, лишившись своего единственного дохода, может продержаться только 1-2 месяца. Возникает срочная необходимость отыскать добрых людей, которые бы помогли Подворью продержаться, и мне советуют ехать в Милан, где много богатых русских. Но я боюсь ехать на риск, опасаясь затратить деньги на дорогу, и, мучаясь в поисках выхода из положения, решаюсь просить Вас, глубокоуважаемая княгиня Мария Павловна, пожертвовать хотя бы 1 тыс. лир для того, чтобы я мог без ущерба для интересов Подворья, съездить в Милан и повидаться там с русскими людьми. Может быть, кто-нибудь из них и откликнется на мои призывы. Очень, очень мне совестно просить Вас об этом, и, конечно, я бы никогда этого не сделал, если бы не угроза Подворью, какое я охранять смог, какое обязан охранять, как бы тяжела ни была моя миссия. Разрешите мне по пути в Милан заехать к Вам во Флоренцию и доложить Вам обо всем, что у нас делается.

Будьте хранимы Богом и благополучны и верьте всегда Вам преданному

Ник. Жевахов

13/26 Января 1927 г.⁴⁴⁸

Principe N. D. Gewakhov
Chiesa Russa, Carrassi
Bari (Italia)

Милостивый Государь

Федор Матвеевич [Галка],

В ответ на Ваше письмо от 6 декабря н. ст., сообщаю, что я уже давно слышу здесь, в Бари, о том, что на смену меня явится из *Флоренции* какой-то новый управляющий Барградским Подворьем, но я никак не мог предполагать, что таким моим заместителем желаете явиться Вы, как это, хотя и прикровенно, явствует из Вашего письма. Я не думаю, чтобы мог сказать Вам, что готов передать управление Подворьем «всякому», желающему спасти его, во-первых, потому, что передача управления Подворьем «в те или иные» руки зависит от г. председателя Православного Палестинского Общества [кн. А. А. Ширинского-Шихматова], а во-вторых, потому, что передача такого управления «всякому, желающему спасти Подворье», явилась бы абсурдом.

Говоря с Вами о способах спасения Подворья, я разумел сдачу его внаем каким-либо русским организациям, вроде Красного Креста, Православно-Миссионерского книгоиздательства, учебным заведениям и пр., ссылаясь

на то, что сдача внаем Подворья итальянцам сама по себе свидетельствует о равнодушии русских людей к Подворью, могущих бы его использовать для широких русских нужд. Но, беседуя с Вами на эту тему, я отнюдь не упоминчивал Вас вести переговоры с митрополитом Евлогием, ибо, если бы я желал спасти Подворье с помощью жидовских или масонских средств, то не имел бы нужды прибегать к посредничеству митрополита Евлогия, а обратился бы к тем людям, от которых он получал средства на содержание его организаций. Жидо-масоны давно уже целятся на Подворье, и последнее не испытывало бы никакой нужды, если бы моя совесть и сознание долга перед Россией не препятствовали бы мне не только обращаться к ним за помощью, но даже принимать ее. Но доколе я имею страх Божий, доколе Подворье не принимало и не примет никакого пожертвования от этих людей и их единомышленников. И ваше предложение я объясняю только Вашей полной неосведомленностью ни об источниках средств, находящихся в распоряжении митрополита Евлогия, ни о природе церковной распри, разделившей русских людей на сторонников митрополита Антония и митрополита Евлогия. Возможно, что Подворье накануне гибели, однако же оно предпочтет погибнуть, чем изменить долгу совести и чести.

Ваше письмо препровождено в Совет Православного Палестинского Общества, и придет час, когда оно обличит Вас.

Уполномоченный Православного Палестинского
Общества в Италии
Кн. Н. Жевахов

Бари, 28 Ноября (11 Декабря) 1928 г.

Р. S. Было бы полезнее и для Подворья и для Вашей души, если бы Вы, бывая в Париже, повидались бы с Председателем Прав. Пал. Общества князем А. А. Ширинским-Шихматовым, вместо того, чтобы обсуждать судьбы Подворья с митр. Евлогием.

[помета вверху] Получено 13/12.1928 ⁴⁴⁹

Глубокоуважаемая княгиня Мария Павловна,

Сознавая надвигающуюся гибель Барградского Подворья, не имеющего средств даже довести до конца судебный процесс с большевиками, Ф. М. Галка прислал мне письмо с предложением передать Подворье в управление митрополита Евлогия, ссылаясь при этом, что и Вы находите такую передачу желательной. Это письмо дало мне ключ к разгадке многого для меня необъяснимого. Я знал, что не только большевики, но и жида

и масоны, с их прислужниками давно целятся завладеть Подворьем, но я не знал, чем были вызваны слухи о том, что из *Флоренции* должен явиться какой-то новый управляющий Подворьем, который якобы сменит меня, я не знал и того, почему Вы, так близко принимавшая участие к нуждам Подворья, изменили свое отношение к нему и оставили без ответа и письмо князя А. А. Ширинского-Шихматова и мою телеграмму о помощи Подворью, посланные Вам в один из самых отчаянных моментов жизни Подворья.

Так как Ф. М. Галка в бытность свою в Бари сказал мне, что не решался даже докладывать Вам моих писем, до того они были тревожны, то я думал, что он не доложил Вам и моей телеграммы, а теперь из его письма я заключаю, что Вы предпочли бы, чтобы Подворье перешло в управление митрополита Евлогия.

Глубокоуважаемая княгиня, я убежден, что Вас ввели в заблуждение и скрыли от Вас те тонкие интриги, какие на протяжении всех 8 лет моего управления Подворьем допускались злонамеренными людьми с единственной целью, удалить меня из Бари и завладеть Подворьем. Сначала эти люди пробовали подкупить меня, заманивая в разные места, якобы за получением крупных пожертвований. Когда этого не удалось, они же создали в самих стенах Подворья такие ужасные, кошмарные условия жизни, какие должны были бы заставить меня добровольно покинуть Подворье. Когда же и этого они не достигли, тогда стали забрасывать меня всяческою клеветой и грязью с целью подорвать доверие ко мне и в конце концов добиться моего увольнения. Эту последнюю цель они отчасти достигли, ибо несомненно, что недоброжелательство ко мне лично стало отзываться и на уменьшении притока пожертвований. Но ведь дело не во мне, а в той конечной цели, какую преследуют эти люди, желая во что бы то ни стало завладеть Подворьем и созная, что для этого нужно сперва удалить меня отсюда.

Быть может даже бессознательно, но орудием в руках этих людей является и слабовольный и слабохарактерный митрополит Евлогий, несомненно, попавший в жидо-масонские сети. Митр. Евлогий давно уже имел в виду завладеть Подворьем и с этой целью даже лично приезжал в Бари, и, когда ему этого не удалось, тогда он буквально разорил Подворье, *запретив какие-либо пожертвования и церковные сборы в пользу Подворья, раньше существовавшего на эти пожертвования*. Разве такое распоряжение достойно православного иерарха, коему дорога Барградская святыня русского народа? Разве, разоряя Подворье, митр. Евлогий не знал, что помогал большевикам овладеть Подворьем, и притом в тот самый момент, когда Подворье вело судебный процесс с ними?! А теперь, желая взять Подворье в свое управление, разве митр. Евлогий не свидетельствует о том, что имеет средства для его спасения и *не желает* их дать Подворью, прежде чем не

овладеет им? Откуда же у него эти средства, если всё русское беженство за границую их не имеет, а имеют их только те, кто дал их митр. Евлогию для его многотысячных организаций, — еврей Гинзбург, неправославное Содружество христианской молодежи ⁴⁵⁰, Дж. Мотт и др. *Но из этого источника Барфадское Подворье св. Николая и не приняло бы никаких пожертвований* и, разумеется, предпочло бы погибнуть, но не пошло бы на компромисс с совестью.

[без даты, без подписи] ⁴⁵¹

Приложение 5.

ПРАВОСЛАВНЫЕ КЛАДБИЩА В ИТАЛИИ

В прошлом в Италии, как и в других странах, существовало строгое разделение захоронений согласно конфессиям, при этом для православных отводили участки совместно с представителями других некаатолических церквей — англиканами, реформатами, лютеранами и проч. Такие некрополи именовались общим термином «*cimiteri acattolici*», то есть некаатолические кладбища.

В ряде случаев — как, например, в Риме (кладбище Тестаччо) или во Флоренции (кладбища Англичан и Аллори) — эти некрополи имели свои собственные отдельные территории, хотя чаще всего для «некаатоликов» (а также для иудеев) отводили обособленные участки общего городского кладбища, считавшегося в главной своей части католическим.

Непосредственно православных кладбищ на территории Италии в новейшее время возникло три: это Греческий участок на острове Сан-Микеле в Венеции, Новое греческое кладбище в Ливорно и Греко-восточное кладбище в Триесте. Все три некрополя находятся в ведении Италийской митрополии Константинопольского Патриархата.

Ниже приводятся полные алфавитные списки российских могил на этих кладбищах — с транслитерацией имен и фамилий на латинице, если таковая существует. Переписаны полностью — выделенные курсивом — эпитафии и другие надписи (даны в современной орфографии; переведены на русский те фрагменты текстов на иностранных языках, которые отличаются от русских). Для женщин в списках первой ставится фамилия по мужу. При указании дат в скобках дается старый календарный стиль.

Публикуемые списки завершают работу автора по описанию русского некрополя в крупных городах Италии — ранее были опубликованы своды по Риму, Флоренции, Сан-Ремо, Милану, Неаполю и Капри ⁴⁵².

I. Венеция

Греческий участок кладбища Сан-Микеле *Riparto Greco del Cimitero di San Michele**

Остров Сан-Микеле, целиком занятый городским кладбищем, — интереснейшая достопримечательность Венеции. Возможно, наибольшей славой он пользуется именно в русской культуре, благодаря присутствию великих имен Стравинского и Дягилева, к которым не так давно прибавилось имя Бродского. Кажется, что кладбище и его характерные традиции, включая траурные навигации гондол, существуют испокон веков, настолько подходит этот «остров мертвых» общей венецианской атмосфере. Тем не менее, «Cimitero di San Michele» — учреждение относительно недавнее.

В средневековой Венеции умерших погребали обычно при церквях и капеллах, а также, из-за отсутствия свободных мест, в частных садах, в подвалах дворцов — везде, где было возможно. В начале XIX в. Наполеон, покорив Республику, упорядочил тут, в частности, и похоронное дело, запретив в 1807 г. погребения в жилых зонах города. Тогда же для кладбища был выделен остров Сан-Кристофоро⁴⁵³, соседний с Сан-Микеле. Вскоре, с 1825 г., захоронения начались и на острове Сан-Микеле, а в сентябре 1835 г. канал между двумя островами засыпали, и они были объединены. Двенадцатого августа 1839 г. городские власти провели торжественное открытие благоустроенного муниципального кладбища, получившего со временем общее название Сан-Микеле (топоним Сан-Кристофоро постепенно вышел из употребления)⁴⁵⁴.

Со времен вызрела идея придать новому некрополю монументальный вид. Работы были поручены архитектору А. Форчелини, спроектировавшему в 1858 г. общий план кладбища и его архитектурное оформление в неоготическом стиле. В ансамбль органично вошла старая венецианская церковь св. Михаила Архангела — Сан-Микеле-ин-Изола (XVI в.).

Благодаря многовековой, преимущественно воинской, службе православных греков в Венецианской республике, они пользовались рядом привилегий, в том числе религиозными: уже в XVI в. тут возник греческий квартал с Георгиевским собором, где изначально и погребали⁴⁵⁵. На острове Сан-Кристофоро первое православное (греческое) погребение относится к 1816 г. После благоустройства городского кладбища для православной

Дополненный и уточненный свод, первоначально опубликованный в составе нашей статьи: Российский некрополь в Неаполе, Венеции, Сан-Ремо // Русско-итальянский архив, № 2 / Под ред. А. Шишкина и Д. Рицци. Салерно (Италия), 2002. С. 407-440.

конфессии был выделен особый участок, названный «греческим» — *Reparto Greco* — и получивший номер XIV. Он разделен на четыре больших квадрата, между которыми распределены 265 пронумерованных могил; из них сейчас занято менее двухсот. По периметру стен участка устроены склепы (крипты). В 1884 г. в его восточной части была сооружена православная часовня во имя св. Николая Чудотворца ⁴⁵⁶.

Соседний участок, № XV, одинаково оформленный с № XIV, но меньшего размера, был отведен для «евангелической конфессии», как называют в Италии совокупность протестантских Церквей. Здесь находятся несколько могил выходцев из России, в т. ч. — поэта Иосифа Александровича Бродского, принявшего крещение в лоне Лютеранской Церкви ⁴⁵⁷. На участке городского колумбария погребен, согласно завещанию, кремированный в Праге прах писателя Петра Львовича Вайля (Рига 29.4.1949 — Прага 7.12.2009).

С Россией на кладбище Сан-Микеле связана также огромная мемориальная плита, установленная у входа в церковный дворик. Она посвящена венецианцам, погибшим и пропавшим без вести в России во время Второй мировой войны, о чем сообщает ее текст: *«Il tramonto degli / eroi non avrà mai sera / Venezia ai suoi / caduti dispersi / in terra di Russia / Accogli o Vergine / Santissima gli spiriti / immortale di quanti / non tornarono dal / la lontana Russia e / conforta coloro chi / attendono ancora»* [«Закат героев никогда не познает вечернего часа. Венеция — своим павшим и рассеянным по земле России. Прими, о Пресвятая Дева, бессмертные души тех, кто не вернулся из далекой России и утеши тех, кто еще ждет»].

Православных выходцев из России хоронили, в основном, именно на греческом участке коммунального кладбища. Всего их здесь погребено около пятидесяти. Многие могилы выделены восьмиконечным крестом, называемым в Европе «русским». Русские надписи имеют, однако, всего двенадцать надгробий: большинство эпитафий — на итальянском и французском языках.

В публикуемый список помимо выходцев из России включены также лица, состоявшие на российской службе, а также родственники российских подданных.

Александров Михаил / *Alexandroff Michel*, 30.9.1889 — 5.9.1966; № 242 (деревянный «русский» крест)

Анников Александр, 1863–1951; *Блаженни алчущие и / жаждающие правды / яко тии насытятся*, № 71 (семейная могила с надгробием «раковиной» и четырехконечным вертикальным крестом над стелой; вместе с сыном Вадимом и женой Софией)

Анников Вадим Александрович, 1905–1929; № 71

Анникова, урожд. Георгиевская, София, 1870–1953; № 71

- Апраксина София, графиня, младенец / родилась и скончалась / 27 октября 1851; № 34 (надгробие-«раковина», стела в форме «жертвенника» с равноконечным крестом)
- Багратион / *Bagratiön*, урожд. Мартынова / *Martinoff*, Анна, княгиня, † Венеция 4.9(23.8).1885; № 44 (надгробие-«раковина» с четырехконечным вертикальным крестом, надпись на надгробии только на франц.)
- Багратион / *Bagratiön* Екатерина, княгиня, † Венеция 2.6.1857; № 48 (склеп и стела в стене с рельефным княжеским гербом, надпись на надгробии только на франц.)
- Бакунин Модест Николаевич, 10.1.1825 — 21(9).2.1889; № 126 (вертикальный четырехконечный мраморный крест) [коллежский советник, владелец имения Михайловское Лужского уезда, консул в Венеции]
- Белозерский Лев, 28.2.1876 — 1930; № 198 (мраморный крест с надписью *profugo russo*) [русский беженец]
- Бем / *de Bem*, урожд. Мартынова / *Martinoff*, Мария, † Венеция 12.1.1896; № 42 (надгробие-«раковина» с четырехконечным вертикальным мраморным крестом и рельефным венком роз, надпись на надгробии только на франц.; рядом с зятем В. Неплюевым)
- Бембо / *Vembo* Николай, граф, 3.3.1828 — 19.2.1893; *Qui / la spoglia mortale / del / Conte Nicolo Com. Bembo / Console di Russia / per onestà ingegno cuore / impareggiabile* [Здесь «покоится» прах графа Николая командора Бембо, российского консула несравненной чести, ума, сердца]; № 130 (вертикальный мраморный крест)
- Берович / *Berovich* Владимир, 19.6.1900 — 9.4.1903; *i genitori inconsolabili* [от безутешных родителей]; № 161
- Вейс де Вейсенгоф / *Weyss de Weysenhof*, урожд. Вырубова / *de Wyrouboff*, Мария, 25(13).8.1850 — 15(3).8.1899; № 51 (склеп, высокий вертикальный мраморный крест, оплетенный рельефной лилией, надпись на надгробии только на франц.)
- Викулин / *Wiculine* Иван, 21 год, † 11.5.1851; № 106 (четыреконечный вертикальный крест на мраморном пьедестале)
- Волков Гавриил, 5.12.1879 — 30.10.1966; № 73 (надгробие-«раковина» с крестом)
- Волков-Муромцев / *Wolkoff Mourontzoff* Александр Николаевич, С.-Петербург 3.2.1844 — Венеция 21(8).5.1928; № 75 (стела с гербом) [акварелист, пейзажист, работал под псевдонимом А. Н. Руссов, опубликовал воспоминания на англ.: *Memoirs of Alexander Wolkoff-Mourontzoff* (A. N. Roussoff) / Transl. by H. Jackson. London, 1928; в Венеции проживал в квартале Дорсодуро, № 351; чин погребения совершил 25.5.1928 ст. ст. протоиерей Иоанн Лелюхин]

- Гейкинг / *Geiking* Олег, † 15.6.1926; № 193 (четырёхконечный вертикальный крест, надпись только на латинице)
- Дягилев / *Diaghilew* Сергей Павлович, Новгородская губ. 31(19).3.1872 — Венеция 19.8.1929; *Венеция / постоянная вдохновительница / наших успокоений*; № 76 (памятник типа «жертвенник», с рельефным равноконечным крестом) [чин погребения совершил 20.8.1929 архимандрит Ириней (Келадис)]
- Иванов / *Ivanoff* Николай Николаевич, С.-Петербург 24(11).3.1901 — Венеция 21.12.1977; *In Te Domini / speravi* [В Тебя, Боже, верил]; № 86 (высокий четырёхконечный крест на пьедестале, надпись только на итал.) [искусствовед, профессор венецианского университета, проживал в Дорсодуро, № 112; погребение 23.12.1977 совершил архимандрит Венедикт (Никитас)]
- Иванова, урожд. Тониоло / *Toniolo*, Анна, 1891-1969; *Expecto / resurrectionem mortuorum* [Чаю воскресения мертвых]; № 85 (мраморный крест на пьедестале; рядом с мужем, Н. Н. Ивановым)
- Иванова, урожд. Катеринич, Надежда Васильевна, Полтава 2.2.1870 — Венеция 16.6.1944; *Чаю воскресения мертвых*; № 81 (высокий четырёхконечный крест с надписью, на мраморном пьедестале) [вдова генерала Николая Максимовича, мать Николая Иванова, проживала у Понте-делла-Салюте, № 112; чин погребения совершил 17.6.1944 архимандрит Ириней (Келадис)]
- Калачов Николай, † 22.5.1882; № 158 (постамент-колонна, крест отбит)
- Капанская София (*Sonia*), Забомжевка (Россия) 20.2.1885 — Венеция 6.2.1907; № 57 (семейная усыпальница с надписью *склеп фамилии Капанских*, памятник в стиле модерн: бронзовая скульптура покойной с тремя высеченными фигурами плакальщиц, несущих саркофаг, подписано *E. Butti*, т. е. Энрико Бутти (1847-1932) — известный скульптор, работавший преимущественно в мемориальном жанре)
- Квитка / *Kvitka* Вера, 1862-1943; № 108 (надпись на надгробии только на латинице, на плите стоит также имя *Alessandra van der Hoeven, 1855-1952*)
- Кёне / *Köhene* Надежда Борисовна, *баронесса, младенец*, Венеция 13.9.1875 — Венеция 2.3(19.2).1876; № 159 (крест на цилиндрическом постаменте) [мать — Ольга Кёне, урожд. Котляревская]
- Кинареев / *Kinareew* Борис Александрович, 1881-1954, № 22 (крест с надписью только на латинице)
- Ковалевский / *Kowalewsky* Владимир, Рим 12.1.1856 — Венеция 15.9.1858; *Прощай друг Вовочка!*; № 35 (могила с мраморным крестом и металлической оградой, настенная плита с надписью на итал.)

- Кристианович Сергей Филиппович, 14.4.1837 — 27.9.1884; *Да будет воля Твоя*; № 132 (вертикальный крест над «гогофой» с горельефом херувима, плита с траурным венком)
- Маруцци / Maruzzi Константин Панагиотович, маркиз † 20.2.1846, 61 год; *Constantino march. Maruzzi / del fu Pano / di pronto e culto ingegno / cav. ciambellano di S. M. / L'Imperatore di tutte le Russie / commendatore / dell'Ord. di S. Gio. di Gerusalemme / ultimo superstito del suo nome / la march. Alessandrina Sumarokoff / sorella amarose e dolente / fece* [Константин Панагиотович маркиз Маруцци, быстрый и образованный ум, кавалер-камергер Е. В. Императора России, командор ордена св. Иоанна Иерусалимского, последний представитель своей фамилии, от любящей и скорбящей сестры маркизы Александры Сумароковой]; № 3 (склеп с плитой с надписью и гербом в стене на мраморном пьедестале с колоннами и фризом) [грек из Эпира на российской службе; иное написание фамилии — Маруччи]
- Митропан / Mitropan, урожд. Волкова / Wolkoff, Вера Александровна, Вюрцбург 3.5.1872 — Венеция 8.7.1950, № 74 (могила с ограждением, вертикальный мраморный крест, (рядом с А. Н. Волковым-Муромцевым) [проживала в квартале Сан-Грегорио, № 351, чин погребения совершил 10.7.1950 архимандрит Ириней Келадис]
- Митропан, урожд. Хвоцинская-Голицына, Елизавета Николаевна, Пенза 1879 — Венеция 16.10.1929; *Боже благослови в Царствии Твоем / светлую душу незабвенной моей жены и друга / Елизаветы Ник. Митропан / рожд. Хвоцинской / родившейся в / Пензе (Россия) 1879 г. / сконч. в Венеции 16 окт. 1929 / после тяжелой операции / вечная тебе память милая Лилинька / забывающий тебя Сашок*; № 77 (могила с ограждением) [чин погребения совершил 19.10.1929 архимандрит Ириней (Келадис)]
- Неплюев / de Neplyueff Василий, † Венеция 3.9(22.8.).1895; № 43 (надгробие-«раковина» с вертикальным мраморным крестом, надпись на надгробии только на франц.; рядом с тещей Марией Бем) [строитель православной часовни св. Николая на городском кладбище Сан-Ремо, где погребены его супруга Наталья, урожд. Бем († 10.10.1921), и сын Иван († 20.2.1905)]
- Пашутина Евгения Гавриловна, 7.12.1895 — 23.5.1925; № 189 (мраморный «русский» крест)
- Поляков Александр, 18.10.1855 — 18.10.1872; *Господи, упокой душу его*; № 21 (склеп с плитой)
- Потемкина / Potiemkine Екатерина Владимировна, С.-Петербург 20.11.1875 — Венеция 7.1.1930 (25.12.1929); *Amava Dio il prossimo la*

- poesia / era un angelo di dolcezza* [любила Господа, ближнего, поэзию, была нежным ангелом]; № 80 (высокий четырехконечный крест, на пьедестале, с надписью) [проживала в квартале Дорсодуро, № 1397; чин погребения совершил 9.1.1930 архимандрит Ириней (Келадис)]
- Слущкая / *Sloutzky* Анна Яковлевна (Нина) 27, † Венеция 28.1.1886, *дочь генерала от инфантерии, nata in Siberia / morta in Venezia* [Родилась в Сибири, умерла в Венеции] *До свидания, Нина!*; № 39 (высокий мраморный четырехконечный крест с венком роз на пьедестале)
- Стравинская / *Stravinsky* Вера Артуровна, С.-Петербург — Нью-Йорк 17.9.1982; № 87
- Стравинский / *Stravinsky* Игорь, Ораниенбаум 5.6.1882 — Нью-Йорк 6.4.1971; № 87; (надгробия супругов, строгие беломраморные плиты, в рамах из красного гранита, исполнил скульптор Джакомо Манцу)
- Сунди / *de Soundi* Илья Анастасьевич, 1830–1910; *cons. d'etat / actuel / consul Imp. / de Russie / a Venise* [действительный статский советник, императорский консул России]; № 59 (склеп и памятник в стиле модерн с майоликой и бронзовыми рельефами, надпись *склеп Ильи Анастасьевича Сунди*)
- Трубецкая / *Troubetzkoy* Екатерина Петровна, урожд. графиня Мусина-Пушкина / *Moussine Pouchkine*, княгиня, 1816–1897; № 79 (вместе с Энне, высокий вертикальный крест на постаменте с двумя рельефными гербами — князей Трубецких и графов Мусиных-Пушкиных) [супруга кн. Сергея Васильевича Трубецкого, фаворитка Николая I, от которого имела дочь Софию]
- Фролова Анна, 20 лет, † 6.7.1885; № 129
- Шаповаленко / *Chapowalenko* Георгий, р. 1908; № 84 (стела с баронской короной и мальтийским крестом)
- Шаповаленко, урожд. де Бремзе / *Bremzay*, Маргит, 1914–1981; № 84 (вместе с Г. Шаповаленко)
- Шпигельберг, фон / *Spiegelberg* Геннадий Гаврилович, 20.7.1849 — 6.5.1911; № 61 (склеп, плита с надписью на латинице, на настенной стеле — надпись на русском)
- Энгельмейер / *Engelmeyer* Александр, † 19.6.1890; № 36 (фамильная могила, с настенной плитой с надписью *Семейство Энгельмейер* и перечнем имен на итал. и с крестом над могилой с надписью *Боже, помилуй!*)
- Энгельмейер Аполлоний, † 7.5.1872; № 36
- Энгельмейер Мария Григорьевна, 75 лет, † 3.4.1899; № 36 [чин погребения совершил протоиерей Владимир Левицкий, оставивший запись в метриках церкви во Флоренции: «вдова гвардии полковника»]

Энгельмейер Марк, † 9.2.1867; № 36

Энне Луи-Мартэн, 1812-1855; № 79 (вместе с кн. Трубецкой и Марией Энне)

Энне Мария, 1816-1897; № 79 (мраморный крест, на плите — герб)

Энне Мария (Маруся) / *Ennes Maroussia*, † 5.1.1932; № 78 (надгробие-«раковина», вертикальный крест, оплетенный рельефными цветами)

Энне Элеонора, † 5.1.1977; № 78 (вместе с Марусей Энне)

II. Ливорно*

Со Средних веков в тосканском порту Ливорно, благодаря морской торговле, сдвинувшейся сюда из утратившей свое значение Пизанской морской республики, существовали крупные колонии иностранных купцов — греков, англичан, армян, евреев, турок и других. Разрешив им жить и торговать, тосканские власти разрешили им достойно умирать и хоронить усопших.

В 1774 г. ливорнийские греки купили участок земли на *страда дей Кондотти*, который на многие годы стал местом последнего пристанища их русских единоверцев, умиравших в Риме, Флоренции, Пизе (в самом Ливорно русской колонии не существовало). Еще ранее, в 1757-1760-х гг. греки построили приходскую церковь во имя Св. Троицы, в притворе которой позднее были также погребены многие видные россияне — дипломаты А. Я. Италинский и Н. Ф. Хитрово, герой Отечественной войны 1812 г. Г. Ф. Орлов и другие. Именно греческие священники из Троицкой церкви первоначально окормляли русскую знать, осевшую во Флоренции.

В 1840 г., когда «старое» кладбище оказалось переполненным, греки устроили «новое», на *виа Эрбоза* (совр. *виа Мастакки*) с Успенской церковью.

На «старом» Греческом кладбище самой известной стала могила Николая Корсакова (1800-1820), лицейского друга Пушкина. Когда директор Лицея Е. А. Энгельгардт получил от князя А. М. Горчакова, служившего тогда в Тоскане, рисунок надгробного памятника, он написал в письме бывшему лицеисту В. Д. Вольховскому от 30 августа 1835 г.: «Вчера я имел от Горчакова письмо и рисунок маленького памятника, который поставил он бедному нашему трубадур Корсакову, под густым кипарисом близ церковной ограды во Флоренции [ошибка: в Ливорно. — М. Т.]. Этот печальный

* Исследование некрополя в Ливорно осуществлено совместно с Анной Марией Канепа-Мордаччи; см.: *Talalay M., Canepa A. M. I sepolcri dei russi a Livorno* [Русские могилы в Ливорно] // *Nuovi Studi Livornesi* (Livorno). Vol. II. 1994. P. 233-258.

подарок меня очень обрадовал» (цит. по: *Гастфрейд Н.* Товарищи Пушкина по Царскосельскому Лицею: Материалы для словаря лицеистов Первого курса 1811–1817. СПб., 1912. Т. 1. С. 78). Могилу в Ливорно навестила сестра В. К. Кюхельбекера, пославшая брату в ссылку листок с кладбищенского дерева, который тот хранил, как реликвию. В Государственном архиве Ливорно сохранилась переписка брата Корсакова, князя М. А. Дондукова-Корсакова, вице-президента Академии Наук, который переслал в греческую общину вклад на вечное поминовение брата и на «посадку по углам могилы плакучих ив» (ни то, ни другое не было исполнено).

В 1908 г. городские власти Ливорно в процессе урбанизации ряда кварталов вынудили греческую общину продать «старое» кладбище с уступкой, что надгробные памятники с эпитафиями будут перенесены на «новое», однако из русских перенесли только три — Н. Корсакова, А. Львова и А. Романовича (см. ниже список). При этом были утрачены захоронения следующих лиц: Донауров († Пиза 1833); князь Михаил Иванович Долгорукий († Флоренция 1.10.1826); Мария Григорьевна Кушникова († Флоренция 1826); крепостной графа М. Ю. Виельгорского Степан Михайлов († 1.4.1835); слуга Демидовых Василий Олифанов († Бани-ди-Лукка 1827); супруга и дочь псаломщика флорентийской церкви Елизавета П. Смирнова, урожд. Левицкая († Флоренция 16.2.1831) и Мария Григорьевна Смирнова († Флоренция 30.7.1831); слуга графов Бутурлиных Клим Сушенко († 1831). Погибла, к сожалению, и могила с памятником Александры Андреевны Воейковой, урожд. Протасовой (1797–1829), племянницы и крестницы В. А. Жуковского, которой тот посвятил свою «Светлану».

Сейчас на месте «старого» кладбища стоит нелюбимое горожанами здание Налогового управления.

В Ливорно существует и главное городское кладбище (Camposanto della Misericordia; via dell'Ardenza, 5). Здесь похоронен известный в эмиграции поэт и художник граф Василий Александрович Сумбатов (С.-Петербург 1893 — Ливорно 8.7.1977), деятельный член православной общины г. Рима, где он прожил большую часть жизни.

Новое Греческое кладбище via Mastacchi, 227

Алябьев Александр Иванович, † Виареджо 29(17).6.1863; *здесь погребено тело / Александра Ивановича / Алябьева / скончавшегося в Виареджо 17/29 июня / 1863 года на 33 году жизни // Жив Бог, жива душа моя!* (высокий обелиск)

- Афендульев (Афендулов) Комнено Михаил, † Флоренция 21(9).6.1855; *здесь покоится / Михаил Комнено / Афендульев / сконч. во Флоренции / на 84-м году от рождения / 9/21 июня 1855 // Помолитесь за его душу; (плита с вертикальным крестом) [российский грек из Бесарабии, вождь восстания на Крите против турок в 1821 г., провозглашенный повстанцами «гегемоном Крита», с самочинным присвоением себе византийской императорской фамилии династии Комнинов (итал.: Комнено); в его честь в старой столице острова, г. Ханья, названа морская набережная]* ⁴⁵⁸
- Балашёв / *Balachoff* Александр Александрович, С.-Петербург 19(7).4.1812 — Флоренция 14(2).4.1854; *под сим камнем был погребен / Александр Александрович / Балашев / скончавшийся во Флоренции после / тяжелой болезни 2-го/14 апреля 1854-го года / на 42-м году от рождения // ICI FUT ENTERRÉ / ALEXANDRE DE BALACHOFF / NÉ A St PETERSBOURG LE 7/19 AVRIL 1812 / MORT A FLORENCE LE 2/14 AVRIL 1854 / Il succomba à une pénible maladie / supportée avec rare résignation / il fut ami fidèle, excellent fils / le plus tendre des époux, le meilleur des pères / d'une bienfaisance inépuisable, / d'une modestie peu commune à un / homme profondément instruit. / Il aimait et protégeait les beaux-arts / il mit constamment en pratique sa / devise favorite: LE DEVOIR EST SA SUPRÊME LOI // Puissent ses enfants lui ressembler un jour! / Ses restes ont été transportés en Russie, / et reposent dans son domaine de Chapki* [жертва тяжелой болезни, переносимой с редкой силой воли, был верным другом, прекрасным сыном, нежнейшим супругом, лучшим из отцов, неиссякаемой доброты, скромности, редкой для человека глубокого образования. Поклонник и покровитель изящных искусств, постоянно в деле воплощал любимый девиз: «долг есть высший закон». Пусть когда-нибудь дети будут на него походить! Его останки перенесены в Россию и покоятся в его имени Шапки] (плита в полу церкви, в центре первого ряда) [капитан, коллежский асессор, жена — Левашова Александра Васильевна (1822–1880), дочь видного государственного деятеля и полководца графа Вас. Вас. Левашова; на римском кладбище похоронен брат Петр Александрович Балашёв, 34 лет, † 18.01.1845, и его жена Александра Ивановна, урожд. графиня Паскевич, 23 лет, † 5.06.1844]
- Барановский Федор, † Флоренция 15.9.1855; *здесь покоится / Федор Барановский / сконч. во Флоренции / на 77-м году от рождения / 15 сентября 1855 // помолитесь за его душу* (плита с вертикальным крестом)
- Барков / *Barhoff* Дмитрий Николаевич, 1796 — Пиза 15(3).12.1855; *на сем месте погребено тело / русского дворянина камер-юнкера Его / Вели-*

чества Императора / Всероссийского / Дмитрия Николаевича / Баркова / скончавшегося в Пизе 3/15 декабря / 1855 года // *QUI È SEPOLTA LA SALMA / DEL NOBILE RUSSO DEMETRIO FIGLIO / DI NICCOLA BARKOFF GENTILUOMO / DI CAMERA DI S. M. L'IMPERATORE DI TUTTE LE RUSSIE / MORTO / A PISA LI 3/15 DECEMBRE 1855 // Придите ко мне все труждающиеся / и обремененные и Аз успокою Вы / Иоанн XI (надгробие типа «жертвенник» с неоготическим декором) [драматург, переводчик, член общества «Зеленая лампа»]*

Бутурлин Дмитрий Петрович, граф, 14.12.1763 — Флоренция 13.12(30.11).1829, *DEMETRIO. PETRI. FILIO. COMITI. BVTVRLINIO. / DOMO. MOSCVA. VIRO. SENATORI. / LITER. ET. BON. ARTIUM. PATRONO. / VIXIT. ANN. LXVII / ОВІІТ. XIII. KAL. DECEMB. AN. MDCCCXXIX / UXOR. ET. FILII. CVM LACRYMIS / BENEMERENTI / P. P.* [Дмитрий, сын Петров, граф Бутурлин, родом из Москвы, сенатор, покровитель литературы и изящных искусств, прожил 67 лет, скончался 13-го декабря календ, 1829 года, плачущие жена и дети, с благодарением] (две вертикальные плиты с «русским» крестом и эпитафией, вмонтированные во внутреннюю правую стену церкви; первоначально надгробие находилось на паперти снесенной позднее Троицкой греческой церкви) [знаменитый библиофил и эрудит, тайный советник, сенатор, директор музея «Эрмитаж», дипломат, с 1817 г. проживал во Флоренции]⁴⁵⁹

Валуева, урожд. Ладыженская, Александра Петровна, 2.3.1801 — Неаполь 24.6.1832, *под сим камнем / погребено тело / супруги / действительного статского советника / Александры Петровны Валуевой* (вертикальная плита, вмонтированная во внутреннюю правую стену церкви; первоначально надгробие находилось на паперти снесенной позднее Троицкой греческой церкви) [дочь Петра Ильича Ладыженского и Анны Сергеевны, урожд. княжны Мещерской; муж — камергер Степан Петрович Валуев († 1844); погребение совершил настоятель церкви в Риме иеромонах Герасим]

Виннер / *de Winner* Виктор Иванович, Ревель — Ливорно 4.12(22.11).1895, 61 год, *ICI REPOSE / VICTOR DE WINNER / GENERAL D'ARTILLERIE DE L'ARMÉE RUSSE / DÉCÉDÉ A LIVOURNE LE 22 NOV/4 DEC 1895 // PRIEZ POUR LUI* [молитесь за него] (горизонтальная плита) [генерал от артиллерии]

Галлиано / *Galliano*, урожд. Скарятин, Ольга Николаевна, Смоленск 1850 — Ливорно 10.12.1935; *в руке Твои, Господи / предала дух свой* (надгробие-«раковина» с вертикальным крестом) [сестра Александры Скарятиной (см.)]

Голицына / *Galitzin*, урожд. Тимофеева / *Timoféeff*, Аделаида Александровна, † Пиза 22(10).6.1847, 28 лет; княгиня; *CI GIT / LA PRINCESSE*

/ ADELAIDE GALITZIN / NÉE DE TIMOFÉEFF / DÉCÉDÉE À PISE LE 22/10 JUIN 1847 / À L'AGE DE 28 ANS (плита в полу церкви, самая крайняя в первом ряду; под надписью княжеский герб с княжеской короной и горностаевой мантией) [жена князя Николая Григорьевича Голицына (1817-1855)]

Девьер / *Devier* Анна, графиня, † 1.7.1842, 32 года, COMTESSE ANNETTE DEVIÈRE / MORTE LE 1er JUILLET 1842 / A 7 HEURES DU MATIN / A L'AGE DE 32 ANS / LOIN DE SES PARENTS / ET DE SA PATRIE LA RUSSIE [графиня Аннетт Девьер, скончавшаяся 1-го июля 1842 г. в 7 часов утра вдали от своих родителей и своей родины России] (надгробие с высоким пьедесталом, акротериями, гербом и статуей коленопреклоненного ангела) [из рода графов Девьеров, основанного сподвижником Петра I, Антоном Девьером, выходцем из Португалии, первым генерал-полицмейстером Петербурга и мужем сестры А. Д. Меншикова]

Италинский / *d'Italinsky* Андрей Яковлевич, Киев 27(15).5.1743 — Рим 9.7(27.6).1827, CI GÎT / LA DÉPOUILLE MORTELLE / DU / CONSEILLER PRIVÉ ACTUEL ET CHEVALIER / D'ITALINSKY / ENVOYÉ EXTRAORDINAIRE / ET MINISTRE PLÉNIPOTENTIAIRE DE RUSSIE / PRÈS LE S. SIÈGE / ET LA COUR GRAND-DUCALE DE TOSCANE / MORT À ROME LE 27 JUIN 1827 / AGÉ DE 84 ANS [здесь покоится прах действительного статского советника и кавалера де Италинского, чрезвычайного посланника и полномочного министра России при Св. Престоле и при Великогерцогском дворе Тосканы, скончавшегося в Риме 27 июня 1827, в возрасте 84 лет] (вертикальная плиты, вмонтированная во внутреннюю правую стену церкви; первоначально надгробие находилось на паперти снесенной позднее Троицкой греческой церкви) [почетный член Российской Академии художеств, дипломат, посол в Неаполе, Константинополе и Риме]

Корсаков / *Karsakoff* Николай Александрович, 1800 — Флоренция 8.10(26.9).1820, *прохожий!* / *поспеши к стране / родной своей / ах! / грустно умереть / далеко от друзей* ⁴⁶⁰ // CI GIT LA DEPOUILLE MORTELLE / DE NIKOLAS KARSAKOFF / DÉCÈDÈ À FLORENCE LE 8 OCTOBRE 1820 (жертвенник с акротериями и рельефом бабочки, первоначально могила находилась на старом Греческом кладбище, при упразднении которого на Новое кладбище в 1908 г. было перенесено надгробие) [выпускник Царскосельского лицея, дипломат, друг Пушкина, которому тот посвящал строки из стихотворения «19 октября»: «Под мифтами Италии прекрасной / он тихо спит...»]

Кушникова, урожд. Балтина, София Дмитриевна, † Флоренция 27(15).8.1878, 82 года, *от искренне любящей ее внучки / Зинаиды*

- Засецкой* (наклонная плита) [вдова статского советника Григория Кушника и мать первого старосты русской церкви во Флоренции Григория Кушника; ее дочь Мария Григорьевна († 1826) была погребена на старом Греческом кладбище (могила не сохранилась)]
- Лаговский Александр Ефимович, † 26(14).11.1884 (надгробная плита; крест утрачен) [дипломат, в 1862-1866 гг. генеральный консул в Египте]
- Ломоносов / *Lomonossoff* Сергей Григорьевич, † имение Сан-Дonato, близ Флоренции 25(13).10.1857, 60 лет; *здесь погребен тайный советник / Сергей Григорьевич / Ломоносов / чрезвычайный посланник / при Нидерландском Дворе / скончавшийся во Флоренции / 13/25 октября 1857 года // CI GIT / LA DEPOUILLE MORTELLE / DE SERGE FILS DE GRÉGOIRE / LOMONOSSOFF / MINISTRE PLÉNIPOTENTIAIRE / DE RUSSIE À LA HAYE / DÉCÉDÉ À FLORENCE LE 13/25 OCTOBRE 1857* (плита в полу церкви, пятая слева в четвертом ряду) [выпускник Царкосельского лицея, тайный советник, дипломат на службе в Испании, Португалии, Бразилии, Франции, Англии, Голландии]
- Львов / *Lwoff* Андрей Дмитриевич, князь, 28(16).10.1804 — Пиза 24(12).08.1833; *под камнем сим погребено / тело лейб-гвардии конного / полка ротмистра князя / Андрея Дмитриевича Львова / родился в 1804-м году 16/28 октября / скончался в Пизе в 1833 году // покойся, нежный друг, до радостного воскресения // CI GIT SOUS CETTE PIERRE LA DEPOUILLE / MORTELLE DU PRINCE ANDRE LWOFF / CAPITAINE DE LA GARDE / À CHEVAL DE S. M. L'EMPEREUR / DE TOUTES LES RUSSIES / NÈ EN 1804 16/28 OCTOBRE/ DÈCÈDÈ À PISE EN 1833 / 12/24 NOVEMBRE // REPOSEZ EN PAIX TENDRE / AMI JUSQUE À L'HEURE / DE NOTRE JOYEUSE / RESURRECTION* (пирамида с рельефами на «лапах»)
- Минина, урожд. Пушкарева, Вера Матвеевна, † 6.02.1939, 49 лет, *Волей Божией сконч. 6-II-1939 49 лет / Царствие тебе Небесное! / спи спокойно, моя любимая жена / друг и безгранично сердечный человек / Господи, упокой душу ея!* (плита с фотографией и вертикальным «русским» крестом)
- Орлов / *Orloff* Григорий Федорович, Москва 19.4.1790 — Флоренция 27.9.1850; *памяти гвардии полковника / Григория Феодоровича / Орлова / родившегося 19 апреля 1790 года в Москве / скончавшегося 27 сентября 1850 года во Флоренции / от брата [Алексея] и дочери [Антонины] // он умер как умирает христианин / как умирать должны мудрец и воин // он хоронил моего отца / его — я хоронил / А. Д. [Анатолий Демидов] // Господи, да внидет он в Царствие Твое // IL A ENSEVELI MON PERE JE L'AI ENSEVELI / A. D. // À LA MEMOIRE*

/ DU COLONEL / GREGOIRE FILS DE THEODORE / ORLOFF / NÉ EN RUSSIE LE 19 AVRIL 1790 / DÉCÉDÉ À FLORENCE LE 27 SEPTEMBRE / 1850 / SON FRERE ET SA FILLE UNIQUE // IL EST MORT COMME UN CHRÉTIEN DOIT MOURIR / COMME UN SAGE ET UN SOLDAT SAVENT MOURIR / PRIEZ DIEU POUR SON AME (две вертикальные плиты с «русским» крестом, эпитафией и барельефом [подписан: *Emilio Santarelli*], вмонтированные во внутреннюю левую стену церкви; первоначально надгробие находилось на паперти снесенной позднее Троицкой греческой церкви) [участник Прусского похода 1807 г. (лишился ноги) и Отечественной войны 1812 г., с 1825 г. в отставке, жена — французская актриса Виргиния Венцель (*Virginia Wenzel Orloff*), имя которой стоит на мемориальной табличке в притворе флорентийской церкви Сан Марко]

Палибина Антонина Александровна, † Пиза 17(5).5.1878, во имя Отца и Сына и Святого Духа / Аминь (надгробие типа «валун», крест утрачен)

Писарев / *Pissareff* Николай Александрович, 3.10.1804 — 23.12.1883; GÉNÉRAL NICOLAS PISSAREFF / NÉ LE 3 OCTOBRE 1804 / DÉCÉDÉ LE 23 DÉCEMBRE 1883 / PRIEZ POUR LUI [молитесь за него] (наклонная плита) [генерал, сын Александра Александровича Писарева, командира эпохи наполеоновских войн, литератора и историка, и Агриппины Михайловны, урожд. Дурасовой]

Резанова Надежда / *Rezanow Nadine*, 1.9.1857 — 3.01.1859 NADINE REZANOW / NÉE LE 1er SEPTEMBRE 1857 / DECEDEE LE 3 JANVIER 1859 (горизонтальная плита)

Романович / *Romanovitz* Адольф, С.-Петербург 1796 — Ливорно 12.1.1830; PAUL ET ANATOLE DÉMIDOFF / À LA MEMOIRE / D. ADOLPHE ROMANOVITZ / NE À S. PETERSBOURG EN 1796 ET / DÉCÉDÉ A LIVOURNE LE 12 JANVIER 1830 (саркофаг в классическом стиле с барельефом и надписью, перенесен со старого Греческого кладбища) [внебрачный сын Николая Никитича Демидова, сводный брат Павла и Анатолия Демидовых]

Румбольд / *Rumbold*, урожд. княжна Лобанова-Ростовская / *Lobanow de Rostow*, Надежда, † Флоренция 30.11.1889, 68 лет; NADINE RUMBOLD / PRINCESSE LOBANOW DE ROSTOW / / MY DARLING / GOD IN HIS INFINITE MERCY / ALLOWED THY CRUEL SUFFERINGS / TO CEASE WHEN HE CALLED / THEE TO HIM / WILLIE / / FLORENCE 11 NOVEMBER 1889 [Моя дорогая, Господь в Его бесконечной милости позволил тебе испытать жестокие страдания, когда он позвал тебя к Себе. Вилли (Румбольд)] (саркофаг с гербом) [почетный член С.-Петербургского филармонического общества, дочь князя Алексея

Александровича Лобанова-Ростовского (1786–1848) и Александры Григорьевны, урожд. графини Кушелевой; с 1853 замужем за офицером английской гвардии Вильямом Румбольдом]

Сарачага / *Sarachaga*, урожд. княжна Лобанова-Ростовская / *Lobanoff de Rostow*, Екатерина Алексеевна, баронесса, † Флоренция 27.5.1847; *CATHERINE SARACHAGA / NÉE PRINCESSE / ALEXIS LOBANOFF / DE ROSTOFF MORTE / A FLORENCE LE / 27 MAI 1847* (наклонная плита) [сын — известный католический деятель-эзотерик Алексис де Сарачага-и-Лобанофф-де-Ростофф (1840–1918)]

Скарятинна Александра Николаевна, Смоленск 1850–1925; *в руце Твои, Господи / предала дух свой* (надгробие-«раковина» с вертикальным крестом) [сестра Ольги Галиано (см.)]

Уварова Александра Александровна, княжна, 14.4.1860 — 25.4.1862 (могила не сохранилась) [дочь А. Ф. и Н. П. Уваровых (см. ниже)]

Уварова / *Ouvaroff*, урожд. княжна Горчакова / *Gortchakoff*, Наталья Петровна, † 3.05.1900; *ICI REPOSE / NATHALIE OUVAROFF / NÉE / PRINCESSE GORTCHAKOFF / DÉCÉDÉE LE 3 MAI 1900 // me voilà avec les enfants / que tu m'as donnés // heureux les miséricordieux / car ils obtiendront miséricorde / Matthieu V verset 7* [Вот я вместе с детьми, что ты дала мне // Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут, Матфей V, ст. 7] (надгробие со статуей ангела в неоготической нише) [дочь князя Петра Дмитриевича Горчакова (1785–1868), участника покорения Кавказа и Крымской войны; муж — Александр Федорович Уваров (1816–1869), полковник гусарского вел. кн. Константина Николаевича полка]

Урусова / *Urussoff*, рожд. графиня Уварова / *Uvaroff*, Александра Сергеевна, княгиня, Москва 27(15).11.1815 — Милан 25(13).1.1866; *PRINCIPESSA / ALESSANDRA URUSSOFF / NATA UVAROFF / NACQUE A MOSCA / IL 27 NOVEMBRE 1815 / MORÌ A MILANO / IL 25 GENNAIO 1866* (надгробие-«раковина» с вертикальным крестом) [дочь гр. Сергея Семеновича Уварова (1786–1855), президента Академии Наук; муж — кн. Павел Александрович Урусов (1807–1886), генерал, участник Крымской войны]

Френкель Савватий Павлович, † 27.11.1872, 58 лет, *здесь покоится прах русского подданного / гражданина города Киева / Савватия Павловича Френкеля // CI GIT / ICI REPOSENT LES RESTES / DE LA VILLE DE KIEW / SABBATEY PAVLOVITCH FRENKEL / MORT L'AN 1872 LE 9 DECEMBRE* (саркофаг с гирляндами и изображением чаек)

Хитрово / *Hitroff* Николай Федорович, 1771 — Флоренция 19(7).5.1819; *ICI REPOSENT LES RESTES DU / GENERAL HITROFF CI-DEVANT /*

MINISTRE DE RUSSIE EN TOSCANE / DÉCÉDÉ À FLORENCE LE 19 MAI 1819 [здесь покоится прах генерала Хитрово, посланника Российского в Тоскане, скончавшегося во Флоренции 19 мая 1819 г.] (две вертикальные плиты с «русским» крестом и эпитафией, вмонтированные во внутреннюю левую стену церкви; первоначально надгробие находилось на паперти снесенной позднее Троицкой греческой церкви) [генерал-майор, жена — Елизавета Михайловна Голенищева-Кутузова, дочь полководца; падчерицы — Дарья Тизенгаузен, в замужестве Финкельмон, и Екатерина Тизенгаузен; с 1815 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Великом герцогстве Тосканском]

Чевати / *Tschevati* Константин Степанович, Ливорно 10.7(28.6).1862; здесь покоится / *статский советник / Константин Степанович / Чевати / Русский Генеральный Консул в Тоскане / скончавшийся 28 июля / 10 июля 1862 года в г. Ливорно // упокой Господи душу его // ICI REPOSE / CONSTANTIN TSCHEVATI / CONSEILLER D'ETAT / ET CONSUL GÉNÉRAL DE RUSSIE EN TOSCANE / MORT LE 10 JUILLET 1862 À LIVOURNE / DIEU VEUILLE AVOIR SON ÂME* (плита в полу церкви, четвертая слева в четвертом ряду; под надписью — два перевернутых факела) [выпускник Царскосельского лицея, на дипломатической службе в Польше, Пруссии, Австрии, Тоскане]

Безымянный кенотаф у внутренней стены церкви: *OMAGGIO A TE / ANIMA SÌ DOLCE / E COSÌ RASSEGNA TA // MORTA A PISA / SEPPELLITA IN RUSSIA / 1866* [дань тебе, нежная душа и столь смиренная, скончавшаяся в Пизе, погребенная в России] (портик с иконой и фотографическим портретом)

III. Триест
Греко-восточное кладбище
Cimitero Greco-Orientale
Via della Pace, 3

В 1781 г. император Австро-Венгерской империи Иосиф II даровал свободу вероисповедания своим некаатолическим подданным, и уже в следующем году в Триесте учредилась православная греческая община. Она приобрела участок земли в районе современной площади Гольдони, где возникли Никольская церковь (освящена в 1787 г.) и кладбище, позднее упраздненное. В 1817 г., когда указом губернатора Триеста все внутригородские кладбища были закрыты, православная община приобрела новый участок для захоронений на современной виа дела Паче, получивший название Греко-восточное

Приложения

кладбище. Тут была освящена церковь во имя Двенадцати Апостолов; сам некрополь объявлен в Италии «памятником национального значения».

Метрические книги русских православных церквей сохранили лишь одно имя прихожанина, там погребенного — «отставной майор русской службы Иван Георгиевич Коста-Ходжи», скончавшийся в возрасте 60 лет в Триесте 10 декабря ст. стиля 1877 г. (метрики церкви в Риме). Позднее в его могиле нашли упокоение его две дочери, Елизавета и Александра.

Другая могила — епископа Амвросия (Паппа-Георгополи), тоже грека по происхождению, получила широкую известность, так как Владыка являлся основателем т. н. Белокриницкого старообрядческого согласия и его первым митрополитом. Сосланный в 1848 г. австрийскими властями, под давлением российского правительства, в город Цилли (совр. Целье в Словении), он там и скончался в 1863 г. Родные похоронили его в тогда австрийском Триесте, так как в Цилли все кладбища были католическими. В 1996 г. на Всемирном старообрядческом соборе в Белой Кринице (Зап. Украина) еп. Амвросий был причислен к лику святых Русской Православной Старообрядческой Церкви как «великий угодник Божий и исповедник православной веры». В 2000 г. его останки были перенесены в Покровский собор румынского города Брэила (традиц.: Браилов, иначе Браила), где ныне размещается резиденция Белокриницкого митрополита.

В Италии на рубеже XX–XXI вв. сформировалась, преимущественно в Турине, крупнейшая для Западной Европы община русских старообрядцев, выходцев из Румынии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи (Москва)
АПРЦ КП — Архиепископия православных русских цеквей, Константинопольский Патриархат
АПРЦР — Архив православной русской церкви на via Palestro в Риме
АПРЦСР — Архив православной русской церкви в Сан-Ремо
АПРЦФ — Архив православной русской церкви во Флоренции
АРДМ — Архив Русского Дома им. Н. И. Бородиной в Мерано
ВСЦ — Всемирный Совет Церквей
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ИППО — Императорское Православное Палестинское общество
РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)
РПЦз — Русская Православная Церковь за границей
РПЦ МП — Русская Православная Церковь, Московский Патриархат
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга
- ASF — Archivio Statale di Firenze [Государственный архив Флоренции]
ASL — Archivio Statale di Livorno [Государственный архив Ливорно]
ASPF — Archivio Storico della Provincia di Firenze [Исторический архив Провинции Флоренции]

ХРОНОЛОГИЯ

1784 — открытие посольской церкви в Венеции в доме графа С. Р. Воронцова; закрыта в 1799 г.

1791 — указ (не осуществленный) Св. Синода об учреждении посольской церкви в Турине

1799 — указ (не осуществленный) Св. Синода об учреждении посольской церкви в Неаполе

1803 — указ (не осуществленный) Св. Синода об учреждении посольской церкви в Риме

1818 — домовая церковь графов Бутурлиных во Флоренции

1819 — домовая церковь маркизы Е. М. Терци, ур. княж. Голицыной, в Бергамо; первый постоянный священник в Италии, архимандрит Иринарх (Попов)

нач. 1820-х — домовая церковь Демидовых во Флоренции, затем в Сан-Дonato

1823 — открытие церкви при дипломатической миссии в Риме; закрыта в 1830 г.

1836 — новое освящение церкви при дипломатической миссии в Риме; закрыта в 1866 г.

1844 — открытие посольской церкви в Неаполе; закрыта в 1866 г.

1845 — открытие домово́й церкви в Палермо на Villa Olivuzza; закрыта в 1870 г.

1859 — освящение церкви в Ницце, на Итальянской (до 1860 г.) Ривьере

1866 — перенесение посольской церкви из Неаполя во Флоренцию

1871 — новое освящение церкви при посольстве в Риме

1879 — упразднение церкви Демидовых в Сан-Дonato

1880 — учреждение Строительного комитета во Флоренции

1884 — освящение домово́й церкви в Мерано

1889 — освящение домово́й церкви Новицких во Флоренции

1897 — освящение храма в Мерано, Южный Тиро́ль (до 1918 г. — в составе Австрии)

1898 — освящение домово́й церкви св. Екатерины на Villa Gloria в Сан-Ремо

1899 — закладка храма во Флоренции

1903 — освящение храма во Флоренции

- 1906 — учреждение Строительного комитета в Риме
1910 — учреждение Попечительного (позднее — Строительного) комитета в Сан-Ремо
1911 — учреждение Барградского комитета в рамках Императорского Православного Палестинского общества
1912, 21 (8) дек. — закладка храма в Сан-Ремо
1913, 22 (9) мая — закладка подворья в Бари
1914, 6 янв. (24 дек. 1913 г. ст. ст.) — освящение временной церкви в Бари
1921 — похороны короля Николы Черногорского к крипте храма в Сан-Ремо
1914, 5 янв. (23 дек. 1913) — освящение храма в Сан-Ремо
1915 — закладка храма в Риме
1924 — учреждение общины св. Николая в Милане
1932 — начало постоянных богослужений в храме на виа Палестро в Риме
1955, 21 мая — освящение верхнего храма подворья в Бари
1987, 16 мая — освящение церкви Свв. Сергия Радонежского и Серафима Саровского в Милане
1989, 29 сент. — отправка праха Николы Черногорского и членов его семьи из храма в Сан-Ремо на родину
1993 — учреждение прихода святителя Максима в Турине
1996 — передача в Милане исторической капеллы св. Викентия общине свв. Сергия Радонежского и Серафима Саровского
1997 — строительство русскими плотниками деревянной церкви св. Анастасии в Мальяно-Альфьери
1997, декабрь — торжества в Мерано в честь 100-летия Русского Дома
2000 — учреждение общины Преображения Господня в Генуе
2001, февраль — закладка посольской церкви в Риме
2001 — передача туринскому приходу католического храма Христа Икупителя; основание прихода в Брешии
2002 — учреждение общины св. Андрея Первозванного в Неаполе
2003 — учреждение общины свв. Жен Мироносиц в Венеции
2003, октябрь — торжества во Флоренции в честь 100-летия русской церкви
2004, 18 дек. — великое освящение верхнего храма подворья в Бари
2006 — учреждение в Турине общины старообрядцев-липован во имя св. Николы Чудотворца
2009, 1 марта — официальное возвращение подворья в Бари российскому государству
2009, 25 мая — полное освящение посольской церкви св. Екатерины в Риме
2009, 31 мая — поднятие колоколов на колокольню храма в Сан-Ремо

ТОПОГРАФИЯ

Бафи: 1913–1914 гг. — строительство подворья, архитектор А. В. Щусев; 1955 г. — освящение верхнего храма св. Николая Чудотворца (РПЦ МП).

Брешия: с 2001 г. — приход в честь Божией Матери «Всех Скорбящих Радости» (АПРЦ КП).

Венеция: с 1784 г. — церковь Свв. апостолов Петра и Павла (существовала до 1799 г.); с 2003 г. — община свв. Жен Мироносиц (РПЦ МП).

Генуя: 1920-е — 1960-е гг. — эмигрантская община (АПРЦ КП), с 2000 г. — новая Спасо-Преображенская община (РПЦ МП).

Мерано: с 1884 г. — домовая церковь Св. Николая Чудотворца при курортном Русском Комитете, с 1897 г. — храм при Русском Доме им. Н. И. Бородиной, архитектор Т. Бреннер (РПЦ МП).

Милан: 1924 г. — учреждение общины св. Николая Чудотворца (существовала до 1970-х гг. в составе АПРЦ КП); с 1987 г. — община свв. Сергия Радонежского и Серафима Саровского (РПЦ МП); с 2007 г. — община св. Амвросия Медиоланского (РПЦ МП).

Неаполь: 1799 г. — указ Св. Синода об учреждении штата посольской церкви (не осуществлен); с 1844 г. — посольская церковь Рождества Христова (до 1866); с 2003 г. — община Св. апостола Андрея Первозванного (РПЦ МП).

Рим: 1803 г. — указ Св. Синода об учреждении (не осуществлен); с 1823 г. — посольская церковь Свв. апостолов Петра и Павла (действовала до 1830 г.); с 1836 г. — посольская церковь Св. Николая Чудотворца, перерыв в 1866–1871 гг., с 1929 г. — приходская, с 1932 г. — в особняке на виа Палестро, церковный зал — архитектор В. А. Волконский (РПЦ МП).

2001–2009 гг. — возведение храма Св. Екатерины на Вилле Абамелек (РПЦ МП), архитектор А. Н. Оболенский.

Сан-Ремо: с 1898 г. — домовая церковь Св. Екатерины при Вилле Глория; 1912–1913 гг. — возведение храма Христа Спасителя, Свв. Екатерины и Серафима Саровского, архитектор Пьетро Агости, при участии А. В. Щусева (АПРЦ КП).

Турин: 1791 г. — указ Св. Синода об учреждении (не осуществлен); с 1993 г. — община Св. Максима Туринского (РПЦ МП).

Флоренция: нач. 1820-х гг. — церковь Св. Николая Чудотворца при особняке Демидовых (с 1840-х гг. в Сан-Дonato; упразднена в 1879 г.; убранство передано в посольскую церковь); с 1866 г. — посольская церковь Рождества Христова; 1899–1903 гг. — возведение храма Рождества Христова и Св. Николая Чудотворца, архитектор М. Т. Преображенский (АПРЦ КП).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Другое дело — современность, в особенности 1970-е — 1980-е гг., когда возникло целое движение итальянцев, перешедших в православие, которое они рассматривают, как веру отцов, не замутненную ошибками папства. Определенную роль в этом новом явлении сыграло их знакомство с православными храмами.
- 2 См.: *Шаркова И. С.* Россия и Италия. Торговые отношения XV — первой четверти XVIII века. Л., 1984; *Venturi F.* I rapporti italo-russi dalla seconda metà del 1800 al 1860 // *Rassegna sovietica.* Roma, 1968. Vol. II. P. 6-59.
- 3 *Вентури Ф.* Итало-русские отношения с 1750 до 1825 г. // Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968.
- 4 Самые первые подобного рода храмы при дипломатических представительствах России появились в начале XVII в. в приграничных странах — Китае, Швеции, Германии.
- 5 Постановления отложились в Синодальном фонде РГИА (Ф. 468).
- 6 К примеру, архимандрит Иринарх (Попов), начавший свою заграничную деятельность в 1819 г. в домово́й церкви Е. М. Голицыной-Терци в Бергамо, а затем командированный в Грецию, представил в Св. Синод емкий меморандум «Общее замечание о состоянии Церкви в Греческом королевстве», который изучал сам Николай I.
- 7 Флорентийский священник Михаил Орлов в 1870 г. допрашивал в письменном виде жену своего псаломщика Татьяну Березкину по вопроснику, присланному из III отделения МВД (АПРЦФ).
- 8 Указом № 17 от 7 января 1875 г. С.-Петербургская Духовная консистория велела заграничным священникам сдать сведения о крещенных в 1854 г. — таким образом искали лиц, уклонявшихся от очередного воинского призыва (АПРЦФ).
- 9 В Государственном архиве г. Флоренции сохранилась, к примеру, переписка князя А. М. Горчакова, тогдашнего посланника в Тоскане, по поводу отпеваний и похорон российских подданных; см.: ASF, Esteri, F. 2566 (a. 1834).
- 10 Общий обзор отношений России и Папского государства (с католической точки зрения) см.: *Pierling P.* La Russie et la Saint-Siege. Paris, 1912; *Boudou A.* La Saint Siege et la Russie. Paris, 1924; *Tamborra A.* Russia e Santa Sede // *Studi storici sull'Europa orientale.* Roma, 1986. P. 161-197; *Тамборра А.* Католическая Церковь и русское православие. М.: ББИ, 2007.
- 11 Яркий пример логического конфликта между двумя монархиями относится к периоду царствования Екатерины II: государыня не приняла к исполнению повеление папы римского в 1773 г. о роспуске иезуитского ордена, и тот продолжал существовать на территории Российской империи, будучи упраздненным в других странах.

Примечания

- 12 *Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento. Torino, 1957. P. 170-173.*
- 13 В литературе принято титуловать Л. Литту нунцием, хотя в действительности таковых прерогатив он не имел; см.: *Rouët de Journal M.-J. Nunciatures de Russie d'après les documents authentiques. Roma, 1922.*
- 14 Граф Дмитрий Петрович Бутурлин (1763-1829), библиофил, масон, один из образованнейших людей своего времени; см. о нем подробные воспоминания его сына: *Записки графа М. Д. Бутурлина // Русский архив, 1897; итал. изд.: Boutourline M. Ricordi / Trad. di M. Olsufieva, a cura di V. Gasperowitz e M. Talalay. Lucca, 2001.*
- 15 РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Д. 287; Ф. 565. Оп. 4. Д. 17061.
- 16 Дополнительное посвящение св. апостолу Павлу было необходимым, т. к. православный календарь празднует память двух первоверховных апостолов совместно: отдельное храмовое титулование св. Петру не практикуется.
- 17 В русской традиции: Федор Васильевич Тейль фон Сероскеркен (1771-1826); после Рима служил императорским посланником в Бразилии и в США.
- 18 Андрей Яковлевич Италинский (1743-1827), видный дипломат и меценат. Хотя он скончался в Риме, был погребен во избежание обрядовых стеснений в соседнем государстве, Великом герцогстве Тосканском, на православном кладбище в Ливорно; см.: *Talalay M., Canepa A. M. I sepolcri dei russi a Livorno // Nuovi Studi Livornese. 1994. Vol. II. P. 250-251, а также стр. 345 наст. изд.*
- 19 *Berti. Op. cit. P. 564.*
- 20 Князь Григорий Иванович Гагарин (1782-1837), литератор, дипломат; после Папского государства получил назначение в Баварское королевство.
- 21 ЦГИА СПб. Ф. 49. Оп. 113. Д. 1159.
- 22 Николай Александрович Кокошкин (1791-1873), с 1856 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр при Неаполитанском дворе.
- 23 Николай Дмитриевич Гурьев (1789-1849); служил также посланником в Гааге и в Неаполе.
- 24 Иван Алексеевич Потемкин (1780-1849), совмещал пост посланника при Римском и Тосканском дворах; выйдя в отставку, поселился в Неаполе, где и скончался.
- 25 *Бочаров И., Глушакова Ю. Карл Брюллов. Итальянские находки. М., 1977. С. 53.*
- 26 Алексей Тарасович Марков (1802-1878), заслуженный профессор (1865) Академии художеств; пенсионерскую поездку в Италию получил как награду в 1830 г. за конкурсную картину «Сократ перед кончиною беседует с учениками о бессмертии души».
- 27 Яков Федосеевич Яненко (1800-1852), выпускник Академии художеств, автор нескольких образов для ее домово́й церкви; с 1827 г. жил в Италии, преимущественно в Риме, где писал копии с картин знаменитых итальянских мастеров.
- 28 Иван Степанович Ксенофонтов (1817-1875), академик исторической живописи, автор многих картин религиозного содержания, с 1855 г. подолгу жил в Италии. Павел Федорович Плешанов (1829-1882), профессор Академии художеств, по-

Примечания

- мимо религиозной, портретной, исторической живописи, работал над мозаичным декором Исаакиевского собора.
- 29 РГИА. Ф. 796. Оп. 84. Д. 733 и Оп. 161. Д. 794.
- 30 См.: *Попов А. Н.* Сношения России с Римом с 1845 по 1850 год. СПб., 1871.
- 31 Граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785-1864), на рубеже 1820-1830 гг. начальник Управления делами иностранных вероисповеданий, затем министр внутренних дел, председатель Департамента законов, президент Академии наук.
- 32 См.: *Талалай М. Г.* Российский некрополь в Неаполе, Венеции, Сан-Ремо // Русско-итальянский архив № 2 / Под ред. А. Шишкина и Д. Рицци. Салерно, 2002. С. 415.
- 33 См. о нем: *Иконников В. С.* Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. университета св. Владимира. Киев, 1884. С. 6-11.
- 34 См. о нем: Церковные ведомости. 1896. № 6. С. 212-214; Исторический вестник. 1897. Кн. 8. С. 465-466.
- 35 Официальным поводом к войне стал конфликт между православными греческими монахами и монахами-францисканцами из-за привилегий на святые места в Вифлееме.
- 36 АПРЦР.
- 37 РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Д. 7177.
- 38 *Guette V.* La Papauté schismatique. Paris, 1863; *Idem.* La Papauté herétique. Paris, 1874.
- 39 АПРЦФ.
- 40 *Сироткин В. Г.* Римский вопрос 1870 г. в донесениях русских дипломатов // Объединение Италии в оценках русских современников. М., 1961.
- 41 *Н-ий С. [о. Стефан Никольский].* Римский вопрос и единство Италии. СПб., 1872.
- 42 См.: Дело об открытии православной церкви в Риме, упраздненной в 1866 г. // АВПРИ. Ф. 159. Оп. 337/1. Д. 103, 103А.
- 43 Пресвященный Александр (Кульчицкий), закончив С.-Петербургскую духовную академию в 1857 г. со степенью кандидата богословия, был зачислен в том же году в Пекинскую духовную миссию, в 1866 г. назначен инспектором Полоцкой духовной семинарии, а 20 апреля 1869 г. возведен в сан архимандрита; после возвращения из Рима, был хиротонисан в Петербурге 12 марта 1878 г. в епископа Туркестанского; 6 августа 1883 г. перемещен на костромскую кафедру, где и скончался.
- 44 После Рима, с 1884 г. — настоятель Мелецкого Св.-Николаевского монастыря, в 1888 г. хиротонисан во епископа Сарапульского, викария Вятской епархии, с 1889 г. епископ Глазовский, викарий Вятской епархии, с 1893 г. епископ Угличский, викарий Ярославской епархии, с 1895 г. епископ Туркестанский и Ташкентский.
- 45 См. также: *Талалай М. Г.* Монах, историк, поэт // Русская мысль. 1997.11.09. С. 16; *Он же.* Римский пастырь // Православный Санкт-Петербург. 1997. № 11 (65). С. 7.

- 46 До назначения в Рим служил ректором Московской духовной семинарии, по возвращении в Россию в 1902 г. хиротонисан во епископа Уфимского и Мензелинского, с 1903 г. епископ Подольский и Брацлавский, с 1904 г. уволен на покой с титулом епископа Винницкого.
- 47 О русских захоронениях на кладбище Верано см.: *Гасперович В., Шумков А.* Российские могилы на римском кладбище Verano. СПб., 1996.
- 48 РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 220.
- 49 Карл Петрович Иксуль фон Гилленбандт (1818-1894).
- 50 РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 220.
- 51 АПРЦР.
- 52 ЦГИА СПб. Ф. 49. Оп. 113. Д. 4317.
- 53 Александр-Эдуард Юльевич Ягн (Пенза, 1848 — Белоречица, бывш. Вейсбаховка, Черниговской губ., 1922), вольнопрактиковавший архитектор, построил музыкальное училище (совр. консерватория) в Саратове, комплекс усадьбы с мемориальной церковью в имени Вороньки князей Волконских в Черниговской губ. (разрушен в 1941 г.); за эту постройку Ягн получил прозвание одного из отцов «украинского модерна». Изготовил майоликовый иконостас для храма-памятника на Шипке; с 1893 г. постоянно жил в Италии в качестве гражданского супруга Е. С. Рахмановой, урожд. княжны Волконской, выполняя заказы состоятельных соотечественников. Лето супруги проводили в имении Вороньки. Среди детей Елены Сергеевны была дочь от Ягна, носившая, однако, фамилию Рахманова.
- 54 РГИА. Ф. 797. Оп. 83. Отд. 2. Ст. 3. Д. 416 (1913 г.; «О разрешении сбора пожертвований в России на строительство церкви в Риме»); РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1155 (1914 г.; «О разрешении производства в некоторых учреждениях Министерства финансов подписки и сбора пожертвований на сооружение православного храма в Риме»).
- 55 АПРЦР.
- 56 Некролог // Журнал Московской Патриархии. 1960. № 5.
- 57 См. о нем: *Кириков Б. М.* Академик архитектуры В. А. Покровский // Вестник ЛГУ. 1972. № 2. Вып. 1. С. 149-152; *Абросимова Е.* Архитектор высочайшего двора Владимир Александрович Покровский // Марьино. 1998. № 4. С. 32-62.
- 58 В 1920 г. хиротонисан во епископа Ейского, викария Ставропольской епархии; неоднократно подвергался арестам, умер (возм., казнен) в 1936 г. в тюрьме г. Иваново; причислен к лику новомучеников и исповедников Российских.
- 59 *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. Воспоминания. Париж, 1947. С. 434.
- 60 О продаже церковного участка см.: ГАРФ. Ф. Р. 5674. Оп. 1. Д. 169; вырученные средства были официально переведены в фонд Совета труда и обороны при Совете Народных комиссаров СССР.

Примечания

- 61 Щербатов А., Криворучкина-Щербатова Л. Право на прошлое. М., 2005. С. 136.
- 62 Вече. 2000. № 65. С. 54–64 / Публ. Е. А. Вашина.
- 63 Иванова Л. В. Воспоминания: Книга об отце. Париж, 1990. С. 67.
- 64 Galitzine I. Dalla Russia alla Russia. Milano, 1996. P. 34; см. русс. пер.: Голицына И. Б. Из России в Россию. Воспоминания. М.: Международные отношения, 2001.
- 65 Там же.
- 66 Письмо архим. Симеона к преосв. Анастасию от 19 марта 1946 г.; цит. по: Шкаровский М. В. История русской церковной эмиграции. СПб.: Алетейя, 2009. С. 213.
- 67 Основную часть текстов см.: Памятники литературы Древней Руси. М., 1981.
- 68 Дневники В. Григоровича-Барского, ходившие по Руси в списках, впервые были напечатаны в 1778 г., а затем не раз переизданы.
- 69 [Толстой П.А.] Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе (1697–1699). М., 1992.
- 70 Муравьев А. Н. Римские письма. М., 1846. С. 2.
- 71 Он же. Правда Вселенской Церкви о Римской и прочих кафедрах. М., 1841.
- 72 Он же. Римские письма. С. 3.
- 73 Адлербергер В. Ф. Из Рима в Иерусалим. М., 1853. С. 6.
- 74 Там же. С. 12.
- 75 Софония, епископ Туркестанский и Ташкентский. Из дневника по службе на Востоке и на Западе. СПб., 1874. С. 249.
- 76 Порфирий (Успенский), епископ. Святыни земли италийской. М., 1996 (книга представляет собой «итальянские» главы из воспоминаний еп. Порфирия: Книга бытия моего. Т. I–VIII. СПб., 1894–1902).
- 77 Мордвинов В. В. Путеводитель православных поклонников по городу Риму и его окрестностям. СПб., 1887.
- 78 Александр Георгиевич Влангали (1823–1908) в марте 1891 г. сменил К. П. Икскуля фон Гиллебанда, препятствовавшего делу постройки православных храмов в Риме и Флоренции.
- 79 Известия ИППО. 1912. Т. 23. С. 71.
- 80 Поездка в Иерусалим, Палестину, Синай, Барград и Рим. СПб., 1897.
- 81 Святые места и святыни на Востоке, в Риме и на Западе / Сост. П. Петрушевский. М., 1903.
- 82 Книга переиздана, см.: Архимандрит Дионисий (Валединский). Спутник русского православного богомольца в Риме / Под ред., с коммент., и доп. главами М. Г. Талалая. Рим, 1999.
- 83 Волошина (Сабашникова) М. В. Зеленая змея. М., 1993. С. 166–167.
- 84 Там же. С. 167.
- 85 Эрн В. Письма о христианском Риме / Публ. В. Кейдана и В. Зелинского // Наше наследие. 1995. № 2. С. 120.
- 86 Trotta G. Luoghi di culto non cattolici nella Toscana dell'800. Firenze, 1997. P. 11.

- 87 *Panessa G. Le comunità greche a Livorno. Livorno, 1991. P. 40.*
- 88 О греческом храме доложил, вероятно, А. Г. Орлов, командовавший средиземноморской экспедицией: ему церковь была хорошо знакома, т. к. он побывал инкогнито в Ливорно (и в других итальянских городах) еще в 1767 г.; именно предложением обвенчаться в греческой церкви позднее он выманил из Пизы в Ливорно претендовавшую на российский престол авантюристку княжну Тараканову.
- 89 Первые сведения о православной греческой церкви во имя св. Анны в адриатическом порту Анкона относятся к 1520-м гг., но уже в 1584 г. ее передали униатам. В 1823 г. греки вновь открыли храм, теперь во имя св. Спиридона. В 1845 г. эту домовую церковь посетила великая княгиня Мария Николаевна, которая, как пишет преосвященный Порфирий (Успенский), «сжалилась бедностью церкви и выпросила у своего державного родителя [Николая I] 450 талеров на ежегодное содержание» («Книга бытия моего»). В знак благодарности в церкви повесили портрет царя: когда в 1849 г. австрийцы бомбардировали Анкону, одна бомба попала в церковь и повредила все, кроме этого портрета. В настоящее время от православной церкви следов не осталось.
- 90 Дары Екатерины разделены теперь на две части: первая хранится в Городском музее Ливорно, вторая — в Византийском музее в Афинах (в 2000 г. в Византийском музее состоялась их выставка); см. *Panessa G. Op. cit. P. 84, nota 21; Popova Dell'Agata D. Le icone della chiesa greco-ortodossa della SS. Trinità di Livorno // Le icone greche del Museo G. Fattori di Livorno, un restauro. Livorno, 1993. P. 9-11.*
- 91 Еще ранее, в 1760-х гг., греческий священник в Ливорно начал было служить на церковно-славянском, но ему это было запрещено патриархом Константинопольским; см.: *Panessa G. Op. cit. P. 43-44.*
- 92 Стратегическое значение ливорнийский порт продолжал иметь еще в первой трети XIX в.: Россия, например, испрашивала разрешение у тосканского правительства на прием в Ливорно русского флота во время русско-персидской войны 1826-1828 гг.; см.: *Risaliti R. Russia e Toscana nel Risorgimento. Pistoia, 1982. P. 29-30.*
- 93 О начале коммерческих отношений Ливорно и России см.: *Venturi F. Op. cit. P. 7-9;* российский дипломат барон П. Ган, бывший в 1810-х гг. представителем России в Великом герцогстве Тосканском, написал целый трактат о торговле через Ливорно: *Hahn P. Livourne et son commerce dans l'annee 1818. Roma, 1819;* о русской торговле через ливорнийский порт см. также: *Cantini P. Le comunità acattoliche a Livorno dalle Patenti Livornine al 1880 (tesi di laurea Magistero di Firenze). 1982/83.*
- 94 ASL. Chiesa greca orientale. F. 168 (copialettere).
- 95 [Бутурлин М. Д.] Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // Русский архив. 1897. Кн. 1.
- 96 Цит. по: *Panessa G. Op. cit. P. 46.*
- 97 О русских захоронениях в Ливорно см.: *Talalay M., Canepa A. M. I sepolcri dei russi a Livorno // Nuovi Studi Livornese. 1994. Vol. II. P. 233-258, а также приложение 5.II.*

Примечания

- 98 Свято-Троицкий храм разобран при строительстве местного муниципалитета в 1930-х гг.; не сохранилось и старое греческое кладбище, упраздненное в конце XIX в. Часть надгробий из церкви и из кладбища перенесена на новое греческое кладбище, в том числе надгробия графа Д. П. Бутурина, посла в Риме А. Я. Италинского, сотрудника дипломатической миссии во Флоренции Н. А. Корсакова (лицейского друга Пушкина) и др.; см.: *Талалай М. Г.* «Под миртами Италии прекрасной» // Христианская культура. Пушкинская эпоха. № 8. 1995. С. 117–120.
- 99 Цит. по: *Мальцев А. П., протоиерей.* Православные церкви и русские учреждения за границею. Берлин, 1906. С. 175.
- 100 Il protettorato russo sui greci scismatici // *Civiltà Cattolica*, III (1853). P. 481–520 (гл. «De l'Orient par un Oriental»).
- 101 Супруг дочери М. И. Кутузова, Елизаветы Михайловны, в первом браке — Тизенгаузен.
- 102 См.: *Risaliti R.* Op. cit.
- 103 Описание этой церемонии см.: *А. Н. [о. Андрей Насальский]* Православная русская церковь во Флоренции // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. 1953. № 6 (45). С. 22.
- 104 [*Бутурлин М. Д.*] Указ. соч. С. 55; монсеньор Себастьяно Чампи сегодня считается одним из основателей итальянской славистики: его перу, в частности, принадлежит капитальное исследование «*Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell'Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali*» (Firenze, 1834–1842), где он привел, в частности, русские эпитафии на различных кладбищах Центральной Италии, а также текст памятной доски в память Александра I в русской церкви во Флоренции.
- 105 См.: *Жмакин В., священник.* Основание Русской духовной миссии в Афинах // Христианское чтение. 1893. № 3. С. 342–351; *Талалай М. Г.* Русская община в Афинах // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 98–101.
- 106 См. его биографию: *Крестелев М. А.* Архиепископ Иринарх (Попов). Рига, 2004.
- 107 ASF. Esteri, filza 2572.
- 108 [*Бутурлин М. Д.*] Указ. соч. С. 85.
- 109 Там же. С. 48.
- 110 Там же. С. 58.
- 111 О ней и о семействе Терци см.: *Бочаров И., Глушакова Ю.* Итальянская пушкиниана. М., 1991. С. 79–139.
- 112 О резиденции Бутуриных см.: *La Firenze dei Russi.* Firenze, 2000. P. 14–15.
- 113 [*Бутурлин М. Д.*] Указ. соч. С. 606–607.
- 114 Переписка по поводу православных похорон Д. П. Бутурина в Ливорно сохранилась в Государственном архиве Ливорно: ASL, Chiesa greca orientale, F.80 (a. 1829). Позднее греческая церковь, где был погребен граф, была разрушена, но надгробную плиту перенесли в новую кладбищенскую церковь. Текст ее эпитафии

приведен на стр. 344 наст. изд.: DEMETRIO. PETRI. FILIO. COMITI. BUTURLINIO. / DOMO. MOSCVA. VIRO. SENATORI. / LITER. ET. BON. ARTIUM. PATRONO. / VIXIT. ANN. LXVII / ОБИТ. XIII. KAL. DECEMB. AN. MDCCCXXIX / UXOR. ET. FILII. CUM LACRYMIS / BENEMERENTI / P. P.

- 115 [Бутурлин М. Д.] Указ. соч. С. 622–625.
- 116 Там же. С. 625.
- 117 Одновременно Павел и Анатолий Демидовы выстроили церковь и в Нижнем Тагиле, во имя свв. Николая, Павла и Анатолия, т. е. во имя небесных покровителей Николая Никитича и своих собственных; в 1930-х гг. нижнетагильская церковь была разрушена.
- 118 *Da Prato C.* Firenze ai Demidoff. Pratolino e S. Donato. Relazione storica e descrittiva. Firenze, 1886. P. 79 (книга посвящена Е. П. Демидовой, княгине Сан-Дonato).
- 119 *Meloni Trkulja S.* I Demidoff e la chiesa russa di Firenze // I Demidoff a Firenze e in Toscana, a cura di L. Tonini. Firenze, 1996. P. 252. Ill. 93. Высказанное автором мнение, что акварель изображает православный храм на демидовской вилле Кварто, представляется малоубедительным: во-первых, такой храм в известных исторических источниках не упоминается, во-вторых, вила Кварто в 1841 г. принадлежала не Анатолию Демидову, а его тестю, экс-королю Вестфалии и католику, Иерониму (Жерому) Бонапарту, вряд ли бы позволившему у себя устраивать «схизматическую» капеллу, в-третьих, автор строит свою атрибуцию исключительно на несоответствии акварели с известным убранством церкви, но это убранство появилось лишь в 1850-х гг., спустя более чем десять лет после создания акварели.
- 120 В прошлом католики называли православие «греческой верой».
- 121 [*De' Vandoni B.*] Le meraviglie di S. Donato. Firenze, 1858. P. 8.
- 122 *Tinti M.* Il gusto dell'Ottocento e gl'intagliatori in legno Barbetti // Illustrazione Toscana. 1929. VII. № 2. P. 4–5.
- 123 О «демидовских» дверях см.: *Fioretti S.* Porta interna della capella russa a S. Donato presso Firenze // L'Esposizione Italiana del 1861. Firenze, 1861. P. 19–21; *Ferrigni P.* Viaggio attraverso L'Esposizione Italiana del 1861. Firenze, 1861. P. 48–50; *Frozini D.* Barbetti, Rinaldo // Dizionario biografico degli Italiani. 1964. Vol. VI. P. 186–188.
- 124 Catalogo ufficiale della esposizione italiana Agraria, Industriale e Artistica tenuta in Firenze nel 1861. Firenze, 1861. Cat. № 5989. P. 241.
- 125 *Dandolo T.* Panorama di Firenze. La esposizione Nazionale del 1861 e la Villa Demidoff a San Donato. Milano, 1863. P. 313.
- 126 Ibid. P. 314.
- 127 Ibid. P. 315. Граф Дандоло, таким образом, более чем на век опередил знаменитую формулу эпохи холодной войны.
- 128 Ibid. P. 321.
- 129 Неточно: панно и Гиберти, и Барбетти посвящены исключительно Ветхому Завету.
- 130 На самом деле, это иконы двенадцати апостолов.

- 131 *Da Prato C.* Op. cit. P. 85.
- 132 *Ibid.* P. 391.
- 133 Интересно, что в письмах из России титул князей Сан-Донато вначале не фигурировал: Анатолий Николаевич именовался только «камергером, действительным статским советником»; лишь с 1870-х гг. его племянника и наследника Павла Павловича титулуют князем.
- 134 В письмах 1857 г. церковь именовалась не Св.-Никольской, а Св.-Александринской, в честь св. царицы Александры; может быть, таковым было ее первоначальное посвящение, скорей всего, в память о скончавшейся в младенчестве Александре Николаевне Демидовой.
- 135 Это имя прежде было ошибочно прочитано как Ануссий; см.: *Vezzosi A. Repertorio iconografico // Il giardino d'Europa. Pratolino. Pratolino come modello nella cultura europea. Milano, 1986. P. 130.*
- 136 Схема иконостаса приведена в издании: *La chiesa ortodossa russa di Firenze. Livorno, 1998. P. 143.*
- 137 См. алфавтный список захоронений в приложении 5.II.
- 138 Указ С.-Петербургской духовной консистории № 1661 от 3 мая 1865 г. // АПРЦФ.
- 139 О плачевном положении сандонатского имения в этот период см.: *Андреев А. Н. Сан Донато // Московский вестник. 1859. № 47. С. 596–597.*
- 140 Павел Павлович Демидов князь Сан-Донато (1839–1885).
- 141 См.: *Формулярный список о службе иеромонаха Киево-Злато-Верхо-Михайловского монастыря о. Владимира Терлецкого за 1873 г. // АПРЦФ.*
- 142 См.: *Список лиц, приступающих к св. Таинствам Покаяния и Причащения в церкви Сан-Донато Святителя Николая // АПРЦФ.*
- 143 Метрические книги церкви в Сан-Донато за 1874 г. // АПРЦФ. Подобная формула свидетельствует о том, что развод Матильды Бонапарт с Анатолием Демидовым (1845 г.) не был оформлен церковно.
- 144 К сожалению, часть утвари из демидовской церкви, как и многие другие ценности, была украдена из строившегося флорентийского храма в ночь с 29 на 30 декабря 1899 г.
- 145 о. *Владимир Левицкий*. Журнал сооружения русской православной церкви во Флоренции; см. Приложения к наст. изд., стр. 193.
- 146 Архив церкви в Сан-Донато // АПРЦФ.
- 147 Некогда загородная местность теперь находится на городской периферии, в квартале Новоли.
- 148 Любопытное совпадение: Акинфий Демидов в 1730-х гг. построил в Туле двухэтажный храм с такими же посвящениями, как во Флоренции — Рождеству Христову вверху и св. Николаю Чудотворцу внизу; см. о ней: *Юркин И. Н., Заидов О. Н. Археологическое исследование погребений Демидовых в Туле // Демидовский временник. Кн. I. Екатеринбург, 1994. С. 131.*

- 149 Михаил Тимофеевич Преображенский (1854–1930) принадлежал к плеяде архитекторов, успешно возрождавших традиции древнерусского зодчества. Выпускник Академии художеств, а затем ее профессор, он много строил в России и за ее пределами; см. о нем: *Лисовский В. Г.* Архитектор М. Т. Преображенский // Архитектурное наследие конца XIX — начала XX вв. и его роль в современном градостроительстве. Таллин, 1983.
- 150 о. *Владимир Левицкий*. Указ. соч.
- 151 Биографический очерк о кн. Марии Павловне см.: *Signorini S.* Pratolino: il giardino d'Europa nell'archivio Demidoff // Il giardino d'Europa. Pratolino come modello nella cultura europea. Milano, 1986. P. 147–152; см. также: *La corrispondenza della principessa Demidova. Lettere e documenti / A cura di S. Merendoni e con saggio di R. Risaliti.* Firenze, 2000, и сборник «Последняя из Сан-Донато» (М., 2010).
- 152 См. переписку Д. В. Друцкого-Соколинского со Св. Синодом: РГИА. Ф. 797. Оп. 360. Отд. 2. Ед. хр. 224. (1886 г.).
- 153 Их могилы не сохранились; капеллу эту разыскивал, но не нашел (точнее — ошибочно нашел другую) журналист и исследователь Прожогин; см.: *Прожогин Н.* Под миртами Италии прекрасной. М., 1988.
- 154 См. переписку со Св. Синодом: РГИА. Ф. 796. Отд. 6. Ст. 1. Оп. 169. Д. 2293.
- 155 Мы не касаемся здесь всегда интенсивных отношений русской культуры со столицей Ренессанса.
- 156 Великая княгиня Мария Николаевна (1819–1876), дочь Николая I, в 1862 г. приобрела виллу в местечке Кварто под Флоренцией.
- 157 ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1159 (клировые ведомости церкви во Флоренции).
- 158 РГИА. Ф. 76. Оп. 156. Д. 989 (1875 г.).
- 159 Таковым первоначально был русский храм в Ницце, построенный в 1857–1859 гг., однако с передачей Ниццы к Франции этот «приоритет» был утрачен.
- 160 Униональный акт с подписями представителей Русской Православной Церкви — митрополита Исидора и епископа Авраамия Суздальского — хранится во флорентийской библиотеке Лауренциана; см.: *La Firenze dei Russi...* P. 10–11.
- 161 РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Д. 222.
- 162 *Мальцев А. П., протоиерей*. Указ. соч. С. 409.
- 163 Впервые полностью публикуется в настоящем издании, см. Приложение 1.
- 164 *Долгова Е.* Флоренция и ее окрестности. М., 1911.
- 165 *Olsojjeva M.* La chiesa ortodossa russa di Firenze. Firenze, 1981 (на правах рукописи).
- 166 Похоже, это было для них формальным актом: когда через несколько лет великие князья вновь посетили Флоренцию, они даже не заинтересовались ходом строительства, что с горечью отметил в «Журнале» о. Владимир.
- 167 Позднее егермейстер Алексей Захарьевич Хитрово († 1912) оставил церкви капитал в 10 тыс. рублей на содержание церковного хора.
- 168 Здесь и далее — цитаты из «Журнала» о. Владимира Левицкого.

- 169 Giuseppe Voccini (1840–1900), автор ряда сооружений во Флоренции и ее окрестностях — палатцо на совр. piazza della Repubblica, застройки via Roma, астрономической обсерватории в Арчетри, виллы Франкетти в Пьедилуко, некатолического кладбища «Аллори» и проч. Впоследствии сыграл огромную роль в строительстве русского храма, став главным исполнителем работ; см.: *Cresti C., Zangheri L. Architetti e Ingegneri nella Toscana dell'800. Firenze, 1978.* Его брат, Джованни Боччини, также был близок к делу — через него, например, осуществлялась покупка участка на viale in Curva.
- 170 Елена Сергеевна Рахманова, урожд. княжна Волконская, дочь князя Сергея Григорьевича (декабриста); см. также прим. 53.
- 171 Вилла затем была завещана Базилевской городу Флоренции, и на ней был устроен действующий и сейчас госпиталь, носящий ее имя; заметим также, что она завещала церкви крупный капитал, 30 тыс. лир.
- 172 Николай Александрович Краснокутский (1819–1891), первый староста русской церкви во Флоренции. Владел многими языками, занимался живописью и музыкой; сослуживец Лермонтова по Гродненскому гусарскому полку (с подстрочного перевода, им сделанного, Лермонтов написал переложение сонета А. Мицкевича «Вид гор из степей Козлова»).
- 173 Фонд М. Т. Преображенского // Государственный научно-исследовательский музей им. А. В. Щусева (фонд учрежден согласно акту № 121 от 28 августа 1936 г.).
- 174 Впоследствии кн. Голицын возглавил Строительный комитет Никольского собора в Ницце, но когда он приехал в 1909 г. во Флоренцию за консультацией, о. Левицкий решительно отказал ему в помощи.
- 175 Александр Иванович Нелидов (1835–1910), дипломат и историк, с 1855 г. на службе в МИД, с 1875 г. — советник посольства в Константинополе (готовил Сан-Стефанский мирный договор); с 1879 г. посланник в Дрездене, с 1883 г. посол в Константинополе, с 1897 г. в Риме, с 1903 г. в Париже; действительный тайный советник, сотрудник «Исторического вестника».
- 176 См. о нем: *Аксененко М. Б. Русский художник Ф. Рейман // Введение в храм. Языки русской культуры / Под ред. Л. И. Акимовой. М., 1997.*
- 177 О Лолли см.: *Панкратова Л. Н. «Российские Медичи» и Италия // Италия и русская культура. М., 2000. С. 98.*
- 178 Об истории несостоявшегося визита царя см.: *Яхимович З. П. Русско-итальянские отношения в начале XX в. // Россия и Италия. 1972. С. 117–118;* роль посла Нелидова в этом фиаско российской дипломатии была двойственной — по Италии, действительно, прокатились сильные волны выступлений социалистов против царя, но Нелидов при этом считал ненужным в тот момент сближение Италии и России (от отставки его спас министр иностранных дел В. Н. Ламсдорф).
- 179 О ходе строительства с архитектурной точки зрения см. также исследования студентов факультета архитектуры Флорентийского университета: дипломную работу *Notaristefano D. La Chiesa Russa Ortodossa di Firenze. Firenze, 1986,* и курсовую

- работы: *Naseddu A. Le vicende costruttive della chiesa ortodossa russa di Firenze. Firenze, 1998.*
- 180 Переписка с Н. В. Покровским // АПРЦФ.
- 181 Иконостас предназначался для экспозиции вновь учрежденного Музея Александра III, председателем которого был Георгий Михайлович, однако Николай II пожелал установить его в домовую церковь Александровского дворца в Царском Селе; после революции он попал в собрание Государственного Эрмитажа.
- 182 Этот же мастер прежде изваял иконостас для храма Воскресения Христова (Спаса-на-крови) в Петербурге: тогда он и познакомился с Преображенским, порекомендовавшим его для исполнения флорентийского проекта.
- 183 *Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. С. 457.*
- 184 Здесь и далее приведены цитаты и данные из протоколов приходских собраний, хранящихся в АПРЦФ.
- 185 Ошибка: иконостас принадлежал домово́й Сретенской церкви Анны Новицкой; Павел Григорьевич фон Дервиз имел виллу с Христорождественской церковью в Лугано (Швейцария), которую иногда числили как приписанную к церкви во Флоренции.
- 186 Митрополит не называет его имени: это был Илья Васильевич Денисов (1893–1971), впоследствии видный деятель католичества восточного обряда, историк, богослов, автор важного труда о преп. Максиме Греке «*Maxime le Grec et l'Occident*» [«Максим Грек и Запад», Louvain, 1943].
- 187 *Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. С. 432–433.*
- 188 В том же 1930 г. положение радикально изменилось: владыка Евлогий, признававший до тех пор духовную власть митрополита Сергия (Страгородского), отказался от принятия декларации лояльности Советскому государству и в 1931 г. вместе со своей паствой покинул лоно Русской Церкви ради Церкви Константинопольской.
- 189 *Colonia Russa in Firenze. G1.B.79F.394.S/30 // ASF.*
- 190 О М. В. Олсуфьевой см.: *Талалай М. Г. Олсуфьевы в эмиграции // Из глубины времен. 1998. № 10. С. 275–280; Он же. Наследие Марии Олсуфьевой // Слово. 2003. № 2. С. 22–24.*
- 191 О развитии межгосударственных отношений в этот период см.: *Сибирева Г. А. Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981.*
- 192 О пребывании Серракаприолы в Петербурге см.: *Андрейченко Е. Ф. Из истории Невского района Санкт-Петербурга: о Мурзинке и ее владельцах // История Петербурга. 2008. № 4 (44). С. 3–10.*
- 193 Полномочный посланник граф Андрей Кириллович Разумовский (1752–1836), позднее светлейший князь, стал первым русским дипломатом, постоянно аккредитованным на итальянской земле.
- 194 Граф Павел Мартынович Скавронский (1757–1793), внучатный племянник Екатерины I, известный меломан; с его смертью в Италии оборвалась мужская линия семейства.

Примечания

- 195 Граф Федор Гаврилович Головкин († 1823), дипломат, мемуарист, литератор.
- 196 Архив посольской церкви в Неаполе // АПРЦФ.
- 197 Там же.
- 198 Позднее для Палермо был изготовлен специальный иконостас по проекту Р. И. Кузьмина.
- 199 ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1159 (клировые ведомости).
- 200 В 1860-х гг., после вхождения королевства Обеих Сицилий в состав объединенной Италии, греческая церковь в Неаполе была, после нескольких судебных процессов, возвращена православной общине — не без участия русских дипломатов и священников; см.: *Вегютис Г.* Православные общины на итальянском полуострове. Иерусалим, 1992 (на греч. яз.).
- 201 Архив посольской церкви в Неаполе // АПРЦФ.
- 202 Характерный эпизод: когда греческая Петропавловская церковь была повреждена землетрясением, Св. Синод объявил об общероссийском сборе пожертвований; см. РГИА. Ф. 797. Оп. 67. Д. 6 (1897 г.).
- 203 Формулярный список о. Михаила Орлова см. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 755.
- 204 В рамках визита в Неаполь Николай I подарил Фердинанду II знаменитых укротителей коней, изваянных петербургским скульптором П. К. Клодтом. Водруженные у одного из входов в королевский дворец, они и поныне украшают город.
- 205 О визите царской четы на Сицилию см.: *Turriss-Colonna E.* L'Olivuzza — Ricordo del soggiorno della corte imperiale russa in Palermo nell'inverno 1845-1846. Palermo, 1878; *Моптиларо В.* Leggende storiche siciliane dal XIII al XIX secolo. Palermo, 1876. P. 212-216 (гл. XXXIX: La corte russa); *Maniscalco Basile L.* Il soggiorno della famiglia Imperiale Russa in Palermo, all'Olivuzza, nell'inverno 1845-1846 // *Cronache parlamentari siciliane.* 1974. №№ 1-2. P. 3-45; *Monacella Tourov V.* Gli Zar a Palermo: cronaca di un soggiorno // *Kalos.* Anno XIV. 2002. № 1. P. 11.
- 206 См. о Вилле Оливуцца: *La Duca R.* La città perduta. Vol. I. Napoli, 1978. P. 84-87.
- 207 [*Ольга Николаевна, Вел. кнж.*] Сон юности. Записки дочери императора Николая I великой княжны Ольги Николаевны королевы Вюртембергской. Париж, 1963. С. 98.
- 208 Там же. С. 99.
- 209 *Grézine I.* Les Orthodoxes russe en Suisse romande. Genève, 1999. P. 66.
- 210 О деятельности кн. Белосельского в Турине см.: *Mazon A.* Deux russes écrivains français. Paris, 1964; *Cazzola P.* Viaggiatori russi a Torino nell'Ottocento. Torino, 1996. P. 5-13.
- 211 В 1999 г., к 200-летию похода Суворова итальянская историография обогатилась публикациями: *Suvorov A. V.* La corrispondenza dalla Campagna d'Italia (marzo-agosto 1799). Torino, 1999; *Ruggiero M.* «L'anno del fuoco» (1799). I Cosacchi e la Massa Cristiana in Piemonte. Pinerolo, 1999; *Baratto M., Galandra M.* 1799. Le baionette sagge. La campagna di Suvorov in Italia e la «Prima Restaurazione» in Lombardia. Pavia, 1999.
- 212 См. о нем: *Струве Г.* Русский европеец (П. Б. Козловский). Сан-Франциско, 1950.

- 213 Граф Эрнест Густавович Штакельберг (1813-1870), участник Кавказских войн, выйдя в отставку, сделал дипломатическую карьеру: в 1856-1861 гг. занимал пост чрезвычайного посланника и полномочного министра при дворе короля Сардинского в Турине, в 1861 г. назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Мадриде, в 1862 г. при дворе короля Италии, в 1864 г. перемещен с тем же званием в Вену, в 1868 г. в Париж, где и скончался. Его отец граф Густав Оттонович Штакельберг (1766-1850) служил в 1818-1835 гг. чрезвычайным посланником и полномочным министром в Неаполе при Бурбонском дворе.
- 214 Инструкции Горчакова опубликованы полностью см.: *Berti G. Op. cit. P. 681-682.*
- 215 *Nevler V. La Russia e il Risorgimento. Catania, 1976. P. 142-143.*
- 216 Александр Семенович Кудинов, синодальный архитектор, строитель Митрофаньевского синодального подворья на Кабинетской улице, Духовно-учебного управления на Невском пр. (№ 59) и проч.
- 217 См. о строительстве: *Дуброво И. В. Русская православная приходская церковь в Ницце. Ницца, 1959.*
- 218 Александр Яковлевич Скарятин (†1884), действительный статский советник, гофмейстер двора.
- 219 Иван Иванович Горностаев (1821-1874), искусствовед, профессор Академии художеств, работал при перестройках Публичной библиотеки и Университета; племянник более известного зодчего Алексея Максимовича Горностаева.
- 220 Василий Васильевич Васильев (1829-1894), автор иконостасов для Спасской церкви на петербургском Митрофаньевском кладбище (снесена), храма Происхождения Честных древ Честного и Животворящего креста в Лисином-Корпусе и проч.; его главная работа — роспись Успенского собора в Почаевской лавре.
- 221 В связи с этим часто возникает путаница, так как слово «капелла» обычно переводят на русский как «часовня», что порой не соответствует действительному статусу, ибо в часовнях литургия не совершается.
- 222 См. *Ястребов Алексей, свящ. Православные святыни Венеции. Падуя, 2010.*
- 223 Подробнее о формировании и жизни русского общества в Южном Тироле см.: *Марабини-Цёлелер Б., Талалай М. Г. Русская колония в Мерано. Больцано, 1997 (на ит., нем., русск.).*
- 224 РГИА. Ф. 796. Отд. VI. Ст. 1. Оп. 165. Д. 2513 (1884 г.).
- 225 О церкви в Вене см.: *Денисова М. Д., Овчинников К. В., Талалай М. Г. Никольский храм в Вене: Материалы для исследования // Петербургские чтения-99. СПб., 1999. С. 190-193.*
- 226 См. прим. 216.
- 227 «Декабрь 1884: (...) на вилле Стефани служат русскую церковную службу»; см.: *Pokorni V. Aus Meran Werdezeit 1870-1900. Meran, 1929. S. 127.*
- 228 Устав православной во имя св. Николая Чудотворца церкви в Меране. Будапешт, 1885. С. 5.

- 229 Там же. С. 3.
- 230 АРДМ.
- 231 *Mazzegger B. Chronik von Mais, seiner Edelsitz, Schlosser und Kirchen. Meran, 1905. S. 162.*
- 232 ЦГИА СПб. Ф. 17. Оп. 85. Д. 15.
- 233 АРДМ.
- 234 *Евлоий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. С. 476.*
- 235 См. о ней: *Достоевская Л. Ф. С.-Петербург—Большано / Под ред. Б. Марабини-Цёггелер и М. Г. Талалая. Флоренция, 1999 (на ит., нем., русск.).*
- 236 АРДМ.
- 237 Там же.
- 238 Там же.
- 239 Там же.
- 240 Там же.
- 241 Там же.
- 242 Тогда родилась горькая шутка: «меранская церковь — единственная, которую не обворовывали, ее украли целиком» (сообщено о. Михаилом Осоргиным).
- 243 АРДМ.
- 244 См. о ней: *Марабини-Цёггелер Б., Талалай М. Г. Музыка в изгнании: Наталья Правосудович, ученица Шёнберга. Большано—Вена: Folio Verlag, 2003 (на ит., нем., русск.).*
- 245 С 1991 г. решением местного муниципалитета постановлено употреблять написание Sanremo (Санремо), однако мы будем придерживаться русской топонимической традиции.
- 246 *Герцен А. И. Поврежденный // сб. Проза. М., 1985. С. 375.*
- 247 О русских курортниках в Сан-Ремо см.: *Immagini di San Remo nel mondo. San Remo, 1998. P. 34.*
- 248 Погребен в петербургском Петропавловском соборе.
- 249 О русской жизни в Сан-Ремо на рубеже XIX—XX вв. см.: *Cazzola P. I Russi a San Remo tra Ottocento e Novecento. San Remo, 1990 (в этой книге есть и глава, посвященная православной церкви: capitolo VIII, «La chiesa russa», p. 51–56); см. также и расширенную двуязычную версию книги: Каццола П., Моретти М. Русские в Санремо в период XIX—XX веков. Санремо: Муниципалитет Санремо, 2005.*
- 250 Походная церковь в Ментоне прежде принадлежала вюртембергской королеве Ольге Николаевне и была подарена ею русскому приходу в Ницце.
- 251 ЦГИА СПб. Ф. 17. Оп. 90. Д. 17 («о разрешении на приписку домово́й православной церкви в Сан-Ремо госпожи А. М. Стрекаловой к церкви в Ницце и на приобретение особого антими́на и освящение престола»).
- 252 Подробнее см. в записках А. М. Суханиной, публикуемых в Приложении.
- 253 Переписка со Св. Синодом // АПРЦСР.

Примечания

- 254 Там же.
- 255 РГИА. Ф. 797. Отд. 2. Ст. 3. Оп. 82. Д. 328.
- 256 Внук В. И. Таллевица, туринский кинематографист Влади Оренго, написал о семье Таллевичей в книге «Il colore dei ricordi» [«Цвет воспоминаний»] (Bergamo: P. Lubrina, 1989). В свою очередь, его сын, известный современный литератор Нико Оренго († 2009), оставил пространное описание склепа Таллевичей в романе «Hotel d'Angleterre» (Torino: Einaudi, 2007).
- 257 La Riviera (San Remo). 23 nov. 1912. P. 7.
- 258 Переписка со Св. Синодом // АПРЦСР.
- 259 Конфликтная ситуация отразилась в ряде документов в АПРЦСР; см. также ниже воспоминания Суханиной.
- 260 Несколько проектных эскизов Агости опубликовано, см.: *Duretto Conti E., Migliorini M., Verda Scajola M.* Sanremo tra due secoli. Genova, 1986. P. 118-119.
- 261 *Ferrari G.* Chiese antiche di San Remo. San Remo, 1965. P. 273.
- 262 См. о нем: *Battistelli Zaoli A.* Aleksandr Sergeevic Botkin. San Remo, 1996.
- 263 Брат Анны Николаевны Сведомской (1871-1925) и Александры Кутуковой (1875-1951).
- 264 АПРЦСР. После смерти М. Ефремовой-Стенсфильд обязанности старосты в 1974-1991 гг. стала исполнять Наталья Бурмазович, в замужестве Сперлари, сербка родом.
- 265 См.: *Talalaj M.* Assia Noris // *Immagini di San Remo nel mondo.* San Remo, 1998. P. 177-178; некрологи: *Rombi R.* Addio Assia Noris, la fidanzata d'Italia // *La Repubblica.* 1998.28.01; *Kezich T.* Addio Assia Noris, diva del mistero del cinema dei «telefoni bianchi» // *La Stampa.* 1998.28.01; *Талалай М.* Памяти Анастасии Николаевны фон Герцфельд // *Русская Мысль.* 1998.28.02. С. 22. Архив Аси Норис хранился у ее мужа, Антуана Хабиба, египтянина по происхождению, скончавшегося в 2001 г.
- 266 Векшинский Александр Николаевич (1859-1908), академик архитектуры; см. о нем: *Гинзбург А. М., Кириков Б. М.* Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века. СПб., 1996. С. 71.
- 267 Подробнее о кладбище Фоче и о русских захоронениях см.: *Талалай М. Г.* Российский некрополь в Неаполе, Венеции, Сан-Ремо... С. 426-435 (на кладбище Фоче указано 131 имя).
- 268 АПРЦСР.
- 269 См.: *Талалай М. Г.* Пьетро Каноника и Петербург // *Невский архив.* 2003. № 6. С. 556-570.
- 270 АПРЦСР.
- 271 Праздник отмечен еще в русском месяцеслове при Евангелии 1144 г. (*преосв. Макарий, еп. Винницкий.* История Русской Церкви. СПб., 1857. Т. 2. С. 191); полагают, что перенесение мощей праздновалось на Руси уже через несколько лет после самого события (*архимандрит Сергий.* Полный месяцеслов Востока. М., 1879. Т. 2.

Примечания

- С. 129). Высказывались и редкие протесты против этого празднования, как мало подходящего для православных (см.: *Радонежский А. А.* Град Барский и его святые. СПб., 1895).
- 272 *Cioffari G.* Storia della chiesa russa di Bari // Nicolaus. Studi storici, а. XII. 2001. Р. 14-15.
- 273 Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697-1699. М., 1992. С. 120.
- 274 Журнал путешествия на остров Мальту боярина Б. П. Шереметева в 1697-1699 годах // Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранных. СПб., 1871.
- 275 *Костомаров Н. И.* Царевич Алексей Петрович // Собрание сочинений. СПб., 1904. Кн. 5, XIV. С. 670.
- 276 Странствования Василья Григоровича-Барского по Святым местам Востока с 1723 по 1743 г. СПб., 1886. Ч. 1. С. 83.
- 277 См.: *Стасов В. В.* Русские путешественники из Сибири в Неаполь на тележке // Исторический вестник. 1890. Июнь.
- 278 См.: Путешествие архимандрита Иакова, настоятеля Кирилло-Новозерского монастыря в Барград на поклонение святым мощам Святителя Христова и Чудотворца Николая. СПб., 1889; Путешествие иркутянина в Барград для поклонения мощам Святителя Николая. СПб., 1864; *Мордвинов В. В.* Воспоминания о Барграде. СПб., 1874; Старый и Новый Рим, Лорето, Бар. Коломыя, 1904; *Жевахов Н. Д.* Бари. Путевые заметки. СПб., 1910; *протоиерей Иоани Восторгов.* Барградская святыня. М., [1911] и др.; см. также общий обзор русского паломничества в Бари: *Cioffari G.* Viaggiatori russi in Puglia dal'600 al primo'900. Bari, 1990.
- 279 *Мордвинов В. В.* Воспоминания... С. 11.
- 280 *Кусмарцев П. И.* В землю Завета Вечного. Саратов, 1904. С. 23.
- 281 *Фоменко К. И.* Беседа в день Святителя Николая Мирликийского Чудотворца. Киев, 1901. С. 9.
- 282 *Дмитриевский А. А.* Православное русское паломничество на Запад (в Барград и Рим) и его насущные нужды. Киев, 1897. С. 37.
- 283 Путеводитель по Святым местам Востока... С. 109.
- 284 Высказывались необычные идеи перенесения в Бари русской церкви из Флоренции, как там пустующую и ненужную — см.: *Радонежский А. А.* Указ. соч. С. 15; тот же автор мечтал: «О, если бы Великий Угодник почивал у нас в России, среди родной семьи православного народа!» (*Радонежский А. А.* Град Барский // Прибавление к Церковным ведомостям. 1895. № 48. С. 1722).
- 285 *Боровиковский М.* Поездка в город Бари, где почивают мощи Святого Николая Чудотворца (впечатления и заметки русского туриста). Одесса, 1893. С. 23.
- 286 Там же. С. 25.
- 287 *Муравьев А. Н.* Мирликийская церковь и гробница святителя Николая Чудотворца. М., 1850. С. 13; имеется ввиду Ново-Сионский монастырь у гробницы св. Николая.

- 288 Там же. С. 9; самому Муравьеву во время итальянского путешествия из-за бюрократических затруднений не удалось побывать в Бари, который, заметим, находится в регионе Апулия, а не в Калабрии.
- 289 О так называемом Мирликийском, позднее Барградском храме см.: Краткое описание Бар-градского Николо-Александровского храма в Петрограде. Пг., 1916; Освящение Бар-градского храма в Петрограде. Пг., 1917.
- 290 Здесь и далее: РГИА. Ф. 797. Отд. 2. Ст. 3. Оп. 81.
- 291 Казнен в Москве в 1918 г.; причислен Русской Православной Церковью к лику святых новомучеников.
- 292 О нем см.: *Стрижев А.* Князь Николай Давидович Жевахов (краткий биографический очерк) // Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода кн. Н. Д. Жевахова. М., 1993. С. 328-331; *De Michelis C.* Il principe N. D. Zevahov // *Studi storici.* 1996. № 4.
- 293 Личный архив А. В. Щусева принадлежит его московским потомкам; часть чертежей хранится в Научно-исследовательском музее Академии художеств и в Государственном музее истории религии. См. также публикации его эскизов для Бари: От Александра Брюллова до Ивана Фомина: Каталог выставки / Сост. В. Г. Лисовский. Л., 1981. С. 82 (боковой фасад подворья); *Афанасьев К. Н.* А. В. Щусев. М., 1978. С. 37 (общий вид подворья).
- 294 Святая Русь и Италия у мироточивой гробницы Святителя Николая Мирликийского в Бар-граде / Сост. А. Дмитриевский, В. Юшманов. Пг., 1915.
- 295 ЦГИА СПб. Ф. 49. Оп. 105. Д. 28 («По жалобе настоятеля строящейся в городе Бари русской церкви Николая Федотова на притеснения со стороны католического духовенства; 1 марта 1913 г. — 23 февраля 1914 г.»).
- 296 *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч. С. 476; падре Джерардо Чоффари полагает, что барийские клирики отказали преосвящ. Евлогию в результате прорисков Жевахова, который хотел отвадить епископа от Бари; см.: *Cioffari G.* Storia della chiesa russa di Bari... P. 43-44.
- 297 ASPF. Fondo Demidoff. D. 296: Письмо от 24 января ст. ст. 1929 г.
- 298 Цит. по: *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 212.
- 299 Там же. С. 213.
- 300 L'Epifania dei profughi russi nella chiesa anglicana [Крещенский праздник русских беженцев в англиканской церкви] // *Corriere della Sera.* 21.01.1924.
- 301 Там же.
- 302 Там же.
- 303 Там же.
- 304 *Евлогий, митрополит.* Указ. соч. С. 465-466.
- 305 «Сегодня» от 24 июля 1930 г. (сообщено Л. И. Петрушевой).
- 306 *Евлогий, митрополит.* Указ. соч. С. 466.
- 307 ASPF. Fondo Demidoff. D. 81: Письмо кн. Жевахова к кн. Абамелек-Лазаревой [б. д.].

- 308 Там же. D. 165: Письмо офицера Демидова к кн. Абамелек-Лазаревой, 30.03.1931.
- 309 Там же. D. 538: Письмо артистки Императорской московской оперы Е. М. Воронцовой к кн. Абамелек-Лазаревой, 4.05.1929.
- 310 Там же. D. 2114: Письмо инвалида войны, художника П. Кромалицкого к кн. Абамелек-Лазаревой, 14.11.1930.
- 311 *Евлоий, митрополит*. Указ. соч. С. 466.
- 312 *Марiani П.* Письма из Италии // Для вас (Рига). 1940.11.02.
- 313 *Спасский Н.* Петр Васильевич Спасский (1896–1968) // Русская мысль. 1999.14–20.01. С. 19.
- 314 *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995. М., 2007. Выражаю признательность автору и за ряд ценных сведений.
- 315 Будучи старообрядцем, Рябушинский все-таки считал возможным участвовать в жизни прихода.
- 316 Метрические книги общины за 1940–1971 гг. хранятся в архиве Ассоциации «Russia Christiana», возглавляемой католическим священником восточного обряда иеромонахом Романо (Скальфи). Обработанные данные метрик опубликованы, см.: *Талалай М. Г.* Русские в Милане // Берега. 2008. Вып. 9. С. 84–96.
- 317 После некоторой паузы православная община в Милане возродилась в начале 1970-х гг.
- 318 *Вейцман Ф. М.* Без отечества. Тель-Авив, 1981. Т. 3. С. 72. В метриках флорентийской церкви о Л. И. Лиштване записано: «смерть от несчастного случая». О его жизни до эмиграции в Италию см.: *Голенищев-Кутузов-Толстой М. П.* История моей жизни (отрывки из воспоминаний) / Пер. с англ. М. Г. Талалая // Новая юность. 1997. № 4 (25). С. 180.
- 319 Греческая церковь св. Николая Чудотворца, возникшая в Генуе в 1929 г., устроена на нижнем этаже одного жилого дома в историческом центре, на via Giuseppe Casaregis, № 50. На православном участке городского кладбища существует и греческая Всехсвятская церковь (1832).
- 320 Вот что Коропцов пишет в другом письме о Stansfield, урожд. Ефремовой, старосте общины Сан-Ремо: «С Марией Алексеевной нелегко работать, хотя у нее есть религиозность и многолетняя связь с Церковью и доброта, за что я ей прощаю некоторые дамские выходки» (письмо к о. Валенту Роменскому от 19 апр. 1963 г., АРПЦСР).
- 321 АРПЦСР.
- 322 *Deotto P.* Stanitsa Terskaj. L'illusione cossacca di una terra. Udine: Gaspari, 2005.
- 323 *Литворния А.* Казачьи станицы во Фриули // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX в. М., 2003. С. 105.
- 324 Цит. по: *Шкафовский М. В.* Казачий стан в Северной Италии и его церковная жизнь // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции. М.: Русский путь, 2006. С. 146–159.

- 325 Небольшой городок под Неаполем, где на рубеже 1940-х-1950-х гг. в лагере Ди-Пи проживал Ширяев с семьей.
- 326 *Ширяев Б. Н.* Ди-Пи в Италии / Под ред. М. Г. Талалая. СПб.: Алетейя, 2007. С. 190; Б. Н. Ширяеву принадлежит также книга о Соловках «Неугасимая лампада».
- 327 Там же. С. 57-58.
- 328 См. о нем: *Herman, abbot.* Father Spyridon, Sotainnik of Blessed John // *The Orthodox World.* 1988. Vol. 4 (141). July-August. P. 196-222.
- 329 Текст передан настоятелем русской церкви в г. Турине игуменом Амвросием (Кассинаско).
- 330 Вальденсы установили на вилле бюст Александра I, изваянный каррарским скульптором Паоло Трискорни; бюст находился прежде в их больнице, устроенной на пожертвования царя, в настоящее время — в музее Вальденской Церкви в Торре-Пеличе.
- 331 Il Pellice. 1954, maggio.
- 332 Русист Пьеро Каццола, посетивший в тот период приют, рассказывал, что беженцы высадили в огороде огурцы — как некий символический русский овощ; см.: *Талалай М.* Пьеро Каццола — адвокат русской культуры // *Россия и Италия.* Вып. 4. Встреча культур. М., 2000. С. 325.
- 333 Фонд Виллы Оланда. Газетная статья 1986 г.
- 334 Фонд Виллы Оланда (Архив Вальденского Стола в г. Торре-Пеличе). Газетная статья 1986 г. Огромную помощь в работе в Архиве оказала его заведующая Габриэлла Баллезио.
- 335 Там же.
- 336 Газетная статья 1982 г. // Фонд Виллы Оланда.
- 337 Фонд Виллы Оланда.
- 338 Там же.
- 339 Там же.
- 340 С 1920-х по 1986 г. приход русской церкви в Риме входил в юрисдикцию РПЦз.
- 341 Сообщение Энрики Малан, дочери директора Виллы Оланда. Интервью у членов Вальденской Церкви взяли в процессе написания дипломных работ студентки Туринского университета Стефания Мерчи и Элизабетта Валетти; см.: *Мерчи С., Валетти Э.* Островок русских белоэмигрантов в Вал-Пелличе / Пер. М. Г. Талалая // *Россия и Италия.* Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX в. М.: Наука, 2003. С. 52-60.
- 342 Фонд Виллы Оланда.
- 343 Фонд Виллы Оланда. Газетная статья 1986 г.
- 344 Рукопись «Журнала...» хранится в архиве русской церкви во Флоренции; выражаю благодарность настоятелю церкви протоиерею Георгию Блатинскому и Г. С. Дозмаровой-Харкевич за помощь в ее публикации. Публикуется без сокращений. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам.
- См. об о. Левицком также в главе III. 3-4.

- 345 См. прим. 156.
- 346 О П. П. Демидове князе Сан-Донато (1839–1885) см. на стр. 54 сл.
- 347 Исидор (в миру Яков Сергеевич Никольский; 1799–1892), с 1860 г. митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский.
- 348 Алексей Алексеевич Зубов (1838–1904), государственный и общественный деятель, в 1881–1887 гг. саратовский губернатор, с 1890 г. статс-секретарь канцелярии Его Императорского Величества; уйдя в отставку, обосновался в Италии; Елена Петровна Демидова (1852–1917) княгиня Сан-Донато, урожд. кнж. Трубецкая, вторая жена Павла Павловича Демидова.
- 349 См. прим. 169.
- 350 В действительности, русские флорентийцы были возмущены «неблагозвучным» названием улицы, где предполагалось построить храм — виале ин Курва.
- 351 Исидор (ок. 1380–1463), по происхождению грек или болгарин, с 1437 г. митрополит Киевский и всея Руси (часто титулуется неформально как митрополит Московский, по местопребыванию кафедры), участник Ферраро-Флорентийского собора 1438–1439 гг., где с целью воссоединения Церквей для сближения Византии и Запада перед лицом общей турецкой угрозы была принята упоминаемая о Владимиром уния. Вселенский православный мир так никогда этот собор и не признал. Исидор же по возвращении в Москву в 1441 г. был арестован, бежал в Италию, где в 1458 г. провозглашен латинским патриархом Константинопольским.
- 352 См. прим. 172.
- 353 В то время — Александр Георгиевич Влангали; см. прим. 78.
- 354 Николай Антонович Скалон (1832–1903), управляющий двором великого князя Владимира Александровича, по выходе в отставку проживал во Флоренции; Константин Карлович Гельцке, представитель ИППО в Бари; Аристарх Челебидаки, грек по происхождению, бессарабский дворянин, дипломат; Дмитрий Николаевич Бережков (1869–1961), после окончания С.-Петербургской духовной академии шесть лет исполнял во Флоренции обязанности псаломщика, собирая при этом материалы о Савонароле; в 1913 г. в СПб. вышел его перевод монографии П. Виллари «Джироламо Савонарола и его время», в 1918 г. эмигрировал из Италии в США.
- 355 В записке выражено мнение о желательности: 1) совместного подряда на фундамент и кладку; 2) начале работ по фундаменту в начале апреля с дальнейшим перерывом; 3) разделении подряда с каменотесами на два этапа; 4) убранства кокошников и барабанов не из камня, а из цемента; 5) покрытия куполов медью; 6) первого регистра из *pietra forte*, а не *pietra serena*; 7) выставлении проектов в студии арх. Боччини и проведении торгов на подряд в российском консульстве.
- 356 Перечислены замечания: 1) необходим отдельный проект по сооружению сводов, как центрального купола, так и пяти боковых; 2) не предусмотрен дымоход для калориферов; 3) лестница для калориферов слишком узка; 4) существуют разночтения в размерах лестницы, ведущей из подвала к боковой части алтаря; 5) нуж-

Примечания

- ны сразу точные размеры всех лестниц; 6) на разрезах не проставлены размеры по высоте.
- 357 Протокол торгов (тендера) на строительные работы, в результате которых предпочтение было отдано подрядчикам Энрико Камби и Джузеппе Риччи.
- 358 А. П. Исакова, урожд. Лопухина († 1910), вдова видного генерала Николая Васильевича Исакова (1821-1891) и теща государственного деятеля, губернатора Пскова и Петербурга, Александра Васильевича Адлерберга (1860-1915).
- 359 Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский; 1846-1912), с 1898 г. вплоть до кончины — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.
- 360 Т. е. барак, временная постройка; здесь — явный итальянизм: *baracca*.
- 361 С 1897 по 1902 г. настоятель посольской церкви в Риме; см. о нем прим. 46.
- 362 Георгий Михайлович (1863-1919), сын вел. кн. Михаила Николаевича и вел. кн. Ольги Федоровны, меценат, искусствовед, нумизмат. Расстрелян в Петропавловской крепости.
- 363 Александр Александрович Киреев (1838-1910), известный публицист-славянофил, генерал от кавалерии.
- 364 Надежда Ивановна Левицкая (1897-1899), дочь о. Иоанна Левицкого.
- 365 Протестантские общины Флоренции: реформатская (швейцарская франкоязычная), вальденская и лютеранская.
- 366 Владимир Карлович Саблер (1847-1929), известный государственный деятель; в описываемое время — товарищ обер-прокурора Св. Синода.
- 367 Т. е. мэр; итал. *indico*.
- 368 Ресторан, содержавшийся англичанами на *via Tornabuone*, ныне не существующий.
- 369 *Fiasca* — большая оплетенная бутылка.
- 370 Потомки графа Д. П. Бутурлина, обосновавшегося в 1817 г. в Италии, и перешедшие в католичество; в местечке Латерина близ Ареццо владели кирпичным заводом.
- 371 Домовая церковь Демидовых в имени Сан-Донато; см. стр. 52 сл.
- 372 Александр Никанорович Новоскольцев (1853-1919), академик живописи.
- 373 См. о нем прим. 175.
- 374 О чете Новицких см. главу III. 2.
- 375 По проекту М. Т. Преображенского в Ницце в 1903-1912 гг. был возведен Никольский собор.
- 376 Paolo Triscornia, сын Фердинандо Трискорниа, из потомственного рода каррарских мраморщиков, среди которых и более известный Паоло Трискорниа, иначе Трискорни (1757-1833).
- 377 Русская Св.-Георгиевская церковь в местечке Сан-Стефано, совр. Эшилькёй, где были погребены останки солдат, павших в русско-турецкую войну 1877-1878; возведена в 1892-1898 гг., взорвана турками в 1916 г.

Примечания

- 378 Giovanni Paciarelli (1862–1929), автор палаццо Пола-э-Годескан и других флорентийских особняков, преимущественно в стиле модерн, а также неоготического оформления кладбища в Софффиано.
- 379 Отец одного из самых видных итальянских архитекторов XX в., Джованни Микелуччи.
- 380 Giuseppe Lolli; см. о нем прим. 172.
- 381 Итальянизм, от *elettricista*, электрик.
- 382 Парафраз из Послания к Евреям (11. 40): «Бог предусмотрел о нас нечто лучшее».
- 383 О еп. Владимире (Путяте) см. гл. I.3.
- 384 Отец Христофор Александрович Флеров (1846–1927), с 1874 г. диакон посольской церкви в Риме, священник (1907), настоятель церкви в Бари.
- 385 С. Д. Шереметев (1844–1918), почетный член Академии наук, член Государственного совета, председатель Археологической комиссии и Общества любителей древней письменности; А. С. Долгорукий, член Государственного совета и Думы (1905); Б. П. Мансуров (1828–1910), государственный и церковный деятель; Н. М. Муравьев (1875–1934); София Николаевна Бярятинская, урожд. Каханова (1868–1938) и ее три дочери: Ольга Викторовна (1865–1932), Мария Викторовна (1859–1942), Леонила Викторовна (1862–1947), в замужестве Голицына; Анна Платова, урожд. Левина (1845–1923); Пуччи-Ридольфи-Нарышкина Ридольфи, урожд. Нарышкина, Зинаида Дмитриевна Ридольфи, урожд. Нарышкина (1851–1929); Елизавета Алексеевна Нарышкина, урожд. кнж. Куракина (р. 1840); сестры Анна Филипповна (1854–1935) и Ольга Филипповна Левдик (1857–1917); Екатерина Владимировна Цукелли, урожд. кнж. Друцкая-Соколинская (1838–1913).
- 386 См. прим. 53.
- 387 Князь Сергей Михайлович Голицын († Лозанна, 1915), шталмейстер Высочайшего двора, обосновавшийся в 1890-х гг. на Лазурном берегу, стал после герцога Лейхтенбергского и посла Нелидова третьим по счету, и последним, председателем строительного комитета храма-памятника в Ницце, сооруженного к 1912 г. по проекту М. Т. Преображенского. В 1906 г. строительство было временно оставлено из-за отсутствия средств, но в 1909 г. возобновлено благодаря финансовой поддержке царя; см.: Э. Фричеро. Русский православный Свято-Николаевский собор в Ницце / Под. ред. М. Г. Талалая. Флоренция: Wopeshi, 1997.
- 388 Написано рукою о. Иоанна Лелюхина.
- 389 О Н. А. Харкевич см.: Талалай М. Г. «Здесь родилась я, но родина там, далеко...» Поэзия Нины Харкевич // Русская мысль. 1994.28.04. С. 14; *Он же*. Памяти Нины Адриановны Харкевич // Русская мысль. 1999.5.08. С. 24; Комолова Н. П. С. Италия в русской культуре Серебряного века. М., 2005. С. 117–125.
- 390 См.: Талалай М. Г. Организации русских эмигрантов во Флоренции // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX в. М.: Наука, 2003. С. 32–39.

- 391 Основную часть доклада, прочитанного на собрании «Русской колонии» в Британском институте в 1937 г. к 100-летней годовщине со дня смерти поэта см.: Харкевич А. К. Пушкинская речь // Христианская культура. Пушкинская эпоха. 1997. № 14. С. 46–50.
- 392 См.: Ильина Т. Памяти Адриана Ксенофонтовича Харкевича: Некролог // Новое Русское слово. 1962.4.01. С. 4; *Она же*. Россия // Новое Русское слово. 1963.30.04. С. 5; см. также о нем стр. 288–289 наст. изд.
- 393 Василий Ильич Ярцев (1878–1946), причетник русской церкви во Флоренции, затем в Риме.
- 394 О художнике Н. Н. Лохове см. стр. 84.
- 395 Еще недавно (в 1947 г.) некий Хлестаков местной колонии повторял эту ложь, приправляя еще и другой и более бесстыжей о том, что будто бы его покойному родителю было поручено произвести расследование по построению храма! Жалкие людишки! Контролировали это построение сотрудники о. Левицкого: посол А. И. Нелидов и разумный член прихода, благородный статс-секретарь А. А. Зубов, знавшие, что кроме неустанных трудов и хлопот по построению, он приложил к нему и личное крупное пожертвование (*прим. авт.*).
- 396 В Пратолино, близ Флоренции, находится вилла Демидовых [Villa Demidoff], в настоящее время обращенная в музей-парк; там и проживала кн. Абамелек-Лазарева, в девичестве Демидова кнж. Сан-Донато.
- 397 Вероятно, речь идет о Б. П. Мансурове, члене Госсовета и авторе многих церковно-исторических трудов.
- 398 Митр. Евлогий (Георгиевский) пишет так: «глубокий старец протоиерей о. Левицкий неудачно выбрал себе помощника — иеромонаха Андрея, которого я затем перевел в Биарриц» («Путь моей жизни». С. 432.).
- 399 Возможно, от фр. *lesbiennès*, «лесбияне», гомосексуалисты.
- 400 Неологизм автора: маниакальное желание чуда (греч.).
- 401 Интуиция не обманула мемуариста: после публичного заявления во французской коммунистической газете «Юманите» с признанием советской власти (28 дек. 1926 г.), иеромонах Андрей стал вести просоветскую пропаганду среди эмигрантов, снят с должности и запрещен в священнослужении указом митр. Евлогия (1927), в том же году вернулся в СССР, где состоял в клире обновленческой т. н. Живой Церкви.
- 402 До 1942 г. от кн. М. П. Абамелек-Лазаревой поступило таким путем 79 200 лир; в 1932 г. хор, давший за предыдущий год концертами, несмотря на мировой кризис, 1500 л. чистого дохода, был упразднен приходским советом в составе прот. Лелюхина и других членов совета, между прочим, А. С. Гаусманн, Е. Г. Егизаровой и Ширкевича (*прим. авт.*).
- 403 Александр Александрович Фомин (ум. во Флоренции в 1968 г.).
- 404 До чего неожиданно было слышать, например, возглас на панихиде: «яко ты еси воскресение и живот и покой усопшую рабу твою...». Чтобы не ошибиться, прот.

- Стельмашенко испещрил прекрасные богослужебные книги всякими заметками и приписками (*нрм. авт.*).
- 405 Мария Кутури, урожд. кнж. Друцкая-Соколинская (1860–1940).
- 406 Зато они очень легко и просто были проданы ренегату Денисову, и спасло их лишь вмешательство княг. Аб[амелек]-Лазаревой, потребовавшей чтобы иконы и книги, принесенные в дар ее родителями, не поступали в продажу. Ей было отвечено, что этот дар остался в храме, но в то же время командировали псаломщика Тростянского в контору Gondrand, где дар был изъят из упакованных уже ящиков (*нрм. авт.*).
- 407 Тайному католику. Продажа с непрерывным, можно сказать, нарушением приходского устава, начиная с quogum'a приходского собрания. Настоятель заручился одобрением свыше, но когда пришлось нести ответственность за скандал, «ближние его отдалече его сташа» (*нрм. авт.*). О продаже иконостаса Илье Денисову см. стр. 81.
- 408 Сия богомолка, как подверженная киномании, конечно, страдает вполне искренне от несменяемого трио; то ли дело на экране: сегодня Garbo, завтра March, а послезавтра сам Taylor (*нрм. авт.*). (Мемуарист называет кинозвезд 1930-х гг. Грету Гарбо, Фредрика Марча и Роберта Тейлора.)
- 409 Так Харкевич называет эмигрантов, приверженных Архиерейскому Собору, проходившему в Сремских Карловцах под председательством митр. Антония Волинского (позднее Русская Православная Церковь за границей).
- 410 Надо сказать, что на получении карловацкого послания о предании суду митр. Евлогия, флорентийский приход был отчислен настоятелем от парижской юрисдикции, и по его же распоряжению стали поминать в последнем многолетствовании митр. Антония и архиеп. Серафима. Вскоре, вследствие писем Е. И. Ковалевского и страха ради пратолинского (там не одобряли измены Парижу), поминовение владыки в алтаре было прекращено без замены прежним. Положение стало более чем ненормальным. После восстановления status quo ante на вопрос г-жи Галки: «Зачем вы это делали?» было отвечено: «Хотел посмотреть, что из этого выйдет». За затянувшееся, после прекращения его в алтаре, поминовение владык Антония и Серафима в поемом многолетствовании Харкевич был объявлен настоятелем как «антониевец» и здесь, и в Париже (*нрм. авт.*).
- 411 Интересно подсчитать, что осталось бы к настоящему времени от церковных капиталов без этого вклада в церковную кассу! (*нрм. авт.*).
- 412 «Главную роль [в общине] играет прихожанка, попечительница храма княгиня М. П. Абамелек-Лазарева, миллионерша, владелица чудесного поместья Pratolino. Ее управляющий, по фамилии Галка, тип московского приказчика, был церковным старостой; потом он принял католичество, сбрил седую бороду и вынужден был должность старосты оставить; однако нашими церковными делами он продолжал интересоваться и всячески старался воздействовать на княгиню, чтобы она взяла о. Лелюхина под свою защиту» (*митр. Евлогий. Указ. соч. С. 433*).

Примечания

- 413 Приходится слышать похвалы за рождественские службы, но это лишь подобие прежнего хора и ансамбля (*прим. авт.*).
- 414 Легко вообразить, что выпадает на долю бедного квартета, когда кто-нибудь из певцов простужен! Строгие критики сейчас же обрушиваются с осуждениями, жалобами и т. п. Был такой случай: на первой воскресной великопостной литургии квартет был в добром здравьи, и пение заслужило похвалы настоятеля Куракина. Ко второй все простудились, и тогда оказалось, что «невозможно молиться; лучше без них!» Попробовали «без них» — тоже не молитвенно. Как нам не достает духа смиренномудрия и терпения (*прим. авт.*).
- 415 Евфалия Ивановна Силуанова (1864–1944).
- 416 Князь Лев Иванович Дондуков-Изъединов (1864–1939).
- 417 Василий Николаевич Дюкин (1901–1985), поручик, статист в кино, регент хора и староста русской православной церкви в Риме, в 1970-х гг. председатель правления Русской библиотеки имени Н. В. Гоголя в Риме.
- 418 И. А. Шляпкин (1858–1918), филолог, специалист по древнерусской литературе.
- 419 Отец Николай Петрович Аквилонов († 1929), сын священника, командирован в Ментон в 1891 г.; живя на Лазурном берегу, с 1926 г. и до кончины окурмлял и церковь в Сан-Ремо.
- 420 Курортный поселок близ Сан-Ремо.
- 421 Антонио Рубино, банкир из Сан-Ремо, действительно являлся российским вице-консулом, а также одним из организаторов пребывания в городе в 1874–1875 гг. императрицы Марии Александровны.
- 422 София Ивановна Коротнева, урожд. Кристи, жена известного зоолога Алексея Алексеевича Коротнева (1852–1915).
- 423 Григорий Иванович Кристи (1857–1910), бессарабский дворянин, сенатор, гражданский губернатор Московской губернии в 1902–1905 гг.
- 424 В 1886 г. А. А. Коротнев основал как частное предприятие в Виллафранко русскую зоологическую станцию, которой руководил до своей смерти. В 1914 г. станция была передана в Министерство народного образования России.
- 425 Начальная часть и окончание повторяют первое воззвание.
- 426 См. прим. 425.
- 427 Как видно, из текста исключено упоминание об «окрестностях» Сан-Ремо, то есть об Оспедалетти.
- 428 Категория «почетных членов» была образована, согласно выражению Саблера, «для придания делу постройки нравственной устойчивости» (РГИА. Ф. 797. Отд. 2. Ст. 3. Оп. 82. Д. 328).
- 429 Графиня Елизавета Олсуфьева, урожд. кнж. Абамелек-Лазарева (1866–1934).
- 430 См. прим. 425 и 426.
- 431 Опущен список действительных членов попечительного комитета в 48 имен.

Примечания

- 432 А. П. Сипягина, урожд. кнж. Вяземская (1855–1928), фрейлина, в замужестве, с 1894 г., за Дмитрием Сергеевичем Сипягиным (1853–1902).
- 433 Т. е. убийство П. А. Столыпина (5 сент. 1911 г.), находившегося в родстве с Сипягиными.
- 434 В ряде опущенных пассажей мемуаристка выражает мнение, что эти дамы являлись информаторами правительства.
- 435 Опущен пространный рассказ о том, как консул Тилло якобы отстранил от проведения чина закладки о. Николая Аквилонова, представив мемуаристку в глазах русских властей как виновницу конфликта строительного комитета со священником и как автора телеграммы-доноса в Св. Синод. Суханина в итоге подала на консула Тилло иск в итальянский суд, который, однако, уклонился от осуждения иностранного дипломата, признав ее обвинение недостаточно обоснованным. Как полагает мемуаристка, «вся гнусная история была проделана Тилло и К^о, чтобы скомпрометировать меня и моих сотрудников с целью принять невероятный заем в 120 тысяч лир на постройку церкви, которая была оценена компетентным академиком архитектором в 40 тысяч и постройку которой незаконно сдали — без конкурса других подрядчиков — личному подрядчику графа Таллевица, как и наблюдение за постройкой проекта А. Щусева дали Agosti, оказавшемуся, со своей матерью (из русской бедноты), нахлебниками старой графини Таллевиц».
- 436 Здесь и далее курсивом выделены слова, подчеркнутые автором.
- 437 На открытии, однако, присутствовали императорский посол в Риме А. Н. Крупенский и генеральный консул в Генуе князь А. А. Гагарин.
- 438 Имеется в виду его дочь, Екатерина Иосифовна Таллевиц, хотя в действительности новый храм сохранил посвящение предыдущей домово́й церкви в Сан-Ремо.
- 439 См. «Тени прошлого» Ив. Иванова [псевдоним А. Суханиной] (*прим. авт.*); воспоминания о революции, также переданные мемуаристкой в Бахметевский архив Колумбийского университета.
- 440 Отказ был мотивирован экономическими причинами: вдова не могла заплатить сразу всю сумму за кладбищенский участок.
- 441 Архимандрит Каллист и иеромонах Зосима.
- 442 Адвокат Паоло Мануэль-Джизмонди († 1968) был женат на петербурженке Анне Александровне Сведомской (1898–1973), дочери художника Александра Александровича Сведомского (1848–1914) и певицы Анны Николаевны Кутуковой (1871–1925).
- 443 Скончался в Аргентине в 1967 г. в возрасте 90 лет.
- 444 С 1952 г. шел долгий процесс между приходом и графом В. И. Таллевицем за право на церковную собственность: в итоге процесс выиграл приход.
- 445 В 1990 г. в притворе храма была вывешена плита с текстом: «ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ воздвигнут жертвенными усилиями православных города Сан-Ремо и окрестностей в 1913 году, старанием Попечительного и Строительного комитета

во главе со следующими лицами: В. К. Саблером, Б. С. Шереметевым, В. И. Талле-вичем, Т. Дебро, А. М. Суханиной, Г. Э. Тилло, инж. Торнаторэ, по чертежам архитектора А. В. Щусева и под руководством архитектора Агости. Послевоенному восстановлению и продолжающемуся свидетельству о православии храм обязан городскому правлению города Сан-Ремо, адвокату Фузаро, А. Н. Власову, старостам М. А. Стансфильд-Ефремовой, Н. Сперлари-Бурмазович и настоятелю протоиерею Иоанну Янкину». На рубеже XX-XXI вв. закончен иконостас храма (иконописец Александр Молчанов).

- 446 В 1913 г. Суханина по собственному желанию вышла из состава строительного комитета.
- 447 Английская благотворительница А. К. Букналл, иначе Букналь (Bucknall), жившая в Бари, устроила в 1924 г. в пустовавшем барийском подворье инвалидный дом для ветеранов Гражданской войны, куда поместила 15 беженцев-инвалидов. По финансовым причинам этот инвалидный дом просуществовал всего три года.
- 448 ASPF. Fondo Demidoff. D. 72: от руки.
- 449 Там же D. 78: машинопись.
- 450 Имеется в виду ИМКА (YMCA — Young Men Christian Association) — международная Ассоциация христианской молодежи, занимающаяся разного рода гуманитарными проектами.
- 451 ASPF. Fondo Demidoff. D. 70: машинопись.
- 452 См. публикации автора по российскому некрополю в Италии, в хронологическом порядке: Pisa come ultima tappa del «turismo della salute» di personaggi dell'aristocrazia russa [Пиза как последний этап путешествий русских аристократов-курортников] // *Bollettino storico pisano*. N. LXV. 1996. P. 253-264; Тестаччо: Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений (совместно с В. Гасперович, М. Ю. Катиным-Ярцевым, А. А. Шумковым). СПб.: ВИРД, 1999; Российский некрополь в Неаполе, Венеции, Сан-Ремо // *Русско-итальянский архив*, № 2 / Под ред. А. Шишкина и Д. Рицци. Салерно, 2002. С. 407-440; Русские могилы на Английских кладбищах в Италии // *Философский век*. Вып. 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения. Ч. 1. СПб., 2002. С. 219-223; *Forestieri dell'Est a Capri. Testimonianze malinconiche* [Иностранцы с Востока на Капри. Меланхолические свидетельства] // *Capri: mito e realtà nelle culture dell'Europa centrale e orientale* / A cura di M. Böhmig. Salerno-Napoli, 2005. P. 329-346; *Il cimitero del Testaccio e I Russi* [Кладбище Тестаччо и русские] // *Strenna dei Romanisti*, Roma: Editrice Roma Amor, 1980; 2006. P. 627-646; Русские мемории на «Английском» кладбище во Флоренции // *Диаспора. Новые материалы*. № 8. Париж — СПб., 2007. С. 678-686; Русские в Милане // *Берега*. Вып. 9. 2008. С. 84-96; Российский некрополь во Флоренции // *Русско-итальянский архив*. № 5 / Под ред. А. Шишкина и Д. Рицци. Салерно (в печати).

- 453 О погребениях на острове Сан-Кристофоро см.: Arciconfraternita di S. Cristoforo della pace e Compagnia della Misericordia. Cenni storici. Venezia, 1959.
- 454 Подробнее историю кладбища Сан-Микеле см.: *Meneghin V. S. Michele in isola a Venezia. Venezia, 1962. Vol. II. P. 57-175.*
- 455 О греко-православном соборе св. Георгия Победоносца в Венеции см.: *Banderea Viani M. C. Museo delle icone bizantine e post bizantine e Chiesa di San Giorgio dei Greci. Bologna, 1988.*
- Внутри собора у левого клироса, в склепе, погребена жена российского посланника в Венецианской республике графа С. Р. Воронцова, дочь адмирала А. Н. Сенявина, графиня Екатерина Алексеевна Воронцова (1761 — Пиза, 25 августа 1784).
- В стене напротив апсиды собора установлена доска с надписью: *Колошин Сергей Петрович / Москва 18(6) марта 1823 — Венеция 24(8) января 1841, сын / действительного статского советника / Петра Ивановича Колошина и / Марии Сергеевны, урожд. Мальцовой / студент / С.-Петербургского Университета / Я первый / прибыл к вам / и первый / вас оставил / не плачьте / мне здесь хорошо / я дома.*
- 456 Подробное описание Греческого участка опубликовал Г. Папаянис, на греч. яз., в бюллетене Венецианского Элладского института византийских и поствизантийских исследований; см: *Theusaurismata. Bollettino dell'Itituto Ellenico di studi bizantini e postbizantini. Venezia. Vol. 19. 1982. P. 247-317.*
- 457 На Евангелическом участке также погребены: филолог-славист, академик и дипломат Василий (Вильгельм) Фрейганг (С.-Петербург 18.6.1783 — Венеция 31.19.3.1849); Август-Карл Крон (С.-Петербург 28.7.1834 — Венеция 11.5.1855); Владимир фон Паткуль (С.-Петербург 8.11(26.10).1826 — Венеция 20.8.1847); баронесса Луиза Таубе (С.-Петербург 26.8.1822 — Венеция 10.3.1901); Анна Штиглиц, в замужестве Щербинина (1818 — 30.10.1842); Зоя (Алиса) Аллан (22.9.1874 — 20.6.1959).
- 458 «Сегодня обедал у нас человек, весьма примечательный своими приключениями. Это был господин Афендулов, которого жители острова Кандии [Крита. — М. Т.] избрали королем в одном возмущении против турок. 14 месяцев управлял он островом, но когда англичане донесли о сем русскому правительству, то император Александр I осудил его на изгнание из России, не ограничив притом продолжительность сего изгнания; и так господин Афендулов живет во Флоренции, не решаясь возвратиться в отечество». (Дневник А. К. Толстого, запись от 24 апреля 1830 г. // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. М., 2001. С. 236)
- 459 Сын графа Дмитрия Петровича Бутурлина, Михаил, в своих записках сообщал: «В Ливорне, при посещении тамошней Греческой церкви, где почивают останки моего родителя, князь [Д. В. Голицын] выразил мне упрек, что я и мой брат не перевезли их в Россию. Отчасти я заслужил, может быть, таковой упрек, но, судя

ныне по результатам и отсутствию семейного гнезда, решить не берусь, хуже или лучше, что отцовский прах остался на чужбине» (Записки графа М. Д. Бутурлина. М., 2006. Т. 1. С. 162).

- 460 Е. А. Энгельгардт, директор Императорского Царскосельского лицея, сообщал: «...За час до смерти он сочинил следующую надпись для своего памятника, и когда ему сказали, что во Флоренции не сумеют вырезать русские буквы, он сам начертал ее крупными буквами и велел скопировать ее на камень» (цит. по: *Руденская М. П., Руденская С. Д. Они учились с Пушкиным. Л., 1976. С. 186*).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абамелек-Лазаревы, князья 126
Абамелек-Лазарев С. С., князь 30, 31
Абамелек-Лазарева Е. Т. см. Олсуфьева Е. Т.
Абамелек-Лазарева М. П., княгиня 58, 60, 82, 83, 84, 119, 120, 160, 266, 293, 298, 301, 302, 310, 329
Аблер В. 119
Абрамова Е. А. 159
Авраамий, епископ Суздальский 39, 364
Агости П. 129, 131, 354
Адлерберг А., графиня см. Новицкая А.
Адлерберг В. Ф., граф 40
Аквилонов Н. П., протоиерей 128, 136, 314, 315, 317, 319, 321, 323
Актон Дж. Ф., лорд 88
Александр (Кульчицкий), архимандрит, позже епископ 26
Александров М. 336
Алексеев А. 151
Алексий, иеромонах 116
Алексий (Симанский), патриарх 35, 176, 181
Аллан Зоя (Алиса) 383
Алябьев А. И. 342
Амвросий (Кассинаско), игумен 171, 186
Амвросий (Паппа-Георгополи), митрополит 350
Амвросий (Погодин), архимандрит 167, 173, 180
Анников А. 336
Анников В. А. 336
Анникова С. 336
Антоний (Бартошевич), архиепископ 36, 173, 180, 279
Антоний, иеромонах 116
Антоний (Вацковский), митрополит 128, 212, 216, 331
Антонова К. 121
Апраксина С., графиня 337
Апраксины, графы 126
Аракин Евгений, иерей 132, 162
Арецо Т. 16
Арлетти Георгий (Джорджо), протоиерей 184
Арсений, святитель, архиепископ Суздальский, 103
Афанасий (Мартос), епископ 164
Афендульев (Афендулов) Комнено М. 343
Багговут П., фон 111
Багратион А., княгиня 337
Багратион-Мухранские, князья 126
Базилевская О. Н. 67, 274, 275, 286, 298, 302
Байков Алексей, протоиерей 187
Бакунин М. А. 10
Бакунин М. Н. 337
Балашёв А. А. 343
Балашёв П. А. 343
Балашёва А. И. 343
Барайя 101
Барановский Ф. 343
Барбетти А. 52
Барбетти О. 52

* Лица в монашеском сане (архимандриты, епископы, митрополиты и др.) указаны согласно их иноческому имени, мирские фамилии приводятся в скобках.

- Барбетти Рафаэло 52
Барбетти Ринальдо 52, 53, 59
Барбетти Э. 52
Барков Д. Н. 343
Барятинская С. Н., княгиня 34, 260
Баумгартены 117
 Баумгартен А. 111
Белавин И. С. 111
Белозерский Л. 337
Белосельский А. М. 97
Бем М. 337
Бембо Н. 337
Бенуа А. А. 155
Бенуа М. А. 155
Березкина Т. 355
Берзинковская 322
Берович В. 337
Блазнов А. П. 77, 248, 251, 262, 263, 264
Блатинский Георгий, протоиерей 84, 187
Блейхер 168
Блудов Д. Н., граф 21
Бобринский А. А., граф 28
Бойцов Андрей, иерей 185
Бокач Феодор, протоиерей 84
Бонапарт Иероним (Жером), король
 Вестфальский 362
Бонапарте Матильда, принцесса 52, 54, 58
Бородина Н. И. 110, 112, 116, 117
Боссе Г. Э. 94
Боткины 132, 136
 Боткин А. С. 132
 Боткин С. П. 132
Боцо А. 180
Боччини Дж. 65, 67, 71, 194, 199, 200, 201,
 203, 205, 206, 207, 212, 213, 214,
 215, 216, 220, 221, 226, 227, 228,
 230, 231, 234, 236, 238, 242, 243,
 244, 245, 252, 274, 277
Бранчифорти-Бутера К., княгиня см. Уил-
 динг К.
Бреннер Т. 110, 111, 354
Бродский И. А. 104, 335, 336
Бруни Ф. А. 20
Брюмлов К. П. 19, 20, 52
Брянчанинов Игнатий, святитель 116
Букнал А. К. 329
Буксгевден К. К., барон 79, 283, 284
Бурбоны, династия 62, 87, 88, 91, 98
Бурмазович Н. см. Сперлари Н.
Бутера В. П., княгиня см. Шаховская В. П.
Буткова Н. В. 166
Бутти Э. 338
Бутурлины, графы 10, 14, 47, 50, 61, 222
 Бутурлин Д. П., граф 16, 46, 48, 50, 51,
 189, 344
 Бутурлин М. Д., граф 46, 48, 49, 50, 51,
 383
Вайль П. Л. 336
Валуев С. П. 344
Валуева А. П. 344
Варлаам, монах 142
Варсонофий, иеромонах 131
Васильев Иосиф, протоиерей 193
Васильев В. В. 60, 101, 102
Васильев М. 77, 248, 251, 258, 261, 262
Вейс де Вейсенгоф М. 337
Вейцман Ф. М. 161
Векшинский А. Н. 136
Венедикт (Никитас), архимандрит 338
Вениамин, иеромонах 113, 115, 116
Вернег 16
Викулин И. 337
Виннер В. И. 344
Владимир (князь Путята), епископ 28, 29,
 79, 129, 279, 290, 292, 294, 295
Владимир (Гетте), архимандрит 23, 24
Владимир (Терлецкий), иеромонах 56, 57,
 58, 59
Владимир (Тихоницкий), епископ 133

- Влангали А. Г. 27, 42, 136, 275, 276
Власов Б. А. 161
Власов А. Н. 133, 162
Восйкова А. А. 342
Волков Г. 337
Волков-Муромцев А. Н. 337
Волконские, князья 10
Волконская Е. С., княжна см. Рахманова Е. С.
Волконская З. А., княгиня 40
Волконский М. С., князь 295
Волконский В. А., князь 32, 354
Волошина М. В. 44
Воронцов С. Р., граф 13, 102, 103, 189
Воронцова Е. А., графиня 103, 383
Восторгов Иоани, протоиерей 146
Вяземские, князья 323
Вяземская А. П., княжна см. Сипягина А. П.
Габерцетель И. И. 20
Гавриил (Севир), митрополит 103
Гагарин А. А., князь 128, 321, 324
Гагарин Г. И., князь 18
Гагарин И. С., князь 40
Галка Ф. М. 82, 83, 301, 302, 329, 330
Галлиано О. Н. 344
Гарибальди Дж. 102
Гвидичини Дж. 139
Гейкинг О. 338
Георгий (Вагнер), архиепископ 121
Герасим, иеромонах 19, 20, 21, 48, 344
Герцен А. И. 8, 125
Герцфельд А. Н. фон см. Норис А.
Герцфельд Н. К., фон 134
Гехт И. К. 58
Гиберти Л. 52, 53
Гинзбург 333
Годяев Алексей, диакон 160
Гойлов Я. К. 314, 315, 321
Голенищева-Кутузова Е. М., графиня см. Хитрово Е. М.
Голицын Н. Г., князь 345
Голицын С. М., князь 68, 275, 276
Голицын Ф. А., князь 40
Голицына А. А., княгиня 344
Голицына И. Б., княгиня, (формально княжна), 35
Голицына Е. М. см. Терци Е. М., маркиза
Головин А. И. 159
Головкин Ф. Г. 87
Горностаев И. И. 101, 102
Горчаков А. М., светлейший князь 48, 98, 99, 341, 355
Горький М. 10
Гофман 20
Грабарь Э. И. 58
Грезе, пастор 119
Грек Максим, преподобный 366
Григорий XVI, папа римский 21
Григорович-Барский В. Г. 39, 142
Григорьев Василий, протоиерей 165
Григорьев А. Н. 314, 315, 317
Гримм Ф.-М. 87
Громов А. А. 314, 317, 319, 321
Гурий (Карпов), архимандрит 24, 25, 92
Гурий (Шалимов), епископ 179, 181, 182
Гурина В. 126
Гурьев Н. Д., граф 19
Дандоло Т. 11, 53
Дебро Т. 382
Девьер А., графиня 345
Демидовы 11, 14, 47, 51, 53, 56, 57, 59, 61, 74, 76, 126, 212, 220, 352
Демидов князь Сан-Донатто А. Н. 49, 52, 54, 56, 58, 62, 92
Демидов Акинфий 54
Демидов князь Сан-Донатто Е. П. 266
Демидов Н. Н. 51, 54, 58, 189, 347

Указатель имен

- Демидов князь Сан-Дonato П. Н. 52
Демидов князь Сан-Дonato П. П. 51, 56,
58, 59, 60, 194
Демидова князь Сан-Дonato А. Н. 54
Демидова княгиня Сан-Дonato Е. П. 59,
60, 64, 194, 195, 264, 265, 266,
267, 274, 276, 293, 340
Демидова княжна Сан-Дonato М. П. см.
Абамелек-Лазарева М. П.
- Денисов И. В. 301, 366
Дервиз П. Г., фон 81
Джонсон Ф. 139
Джулиани А. 82
Ди Берголо К. 139
Димитрий (Фантини), игумен 181, 182, 183
Дионисий (Валединский), архимандрит,
позже митрополит 29, 43, 44, 306
Дозмарова-Харкевич Г. С. 288
Долгова Е. 64
Долгорукий М. И., князь 342
Долгорукий А. С., князь
Доманов Т. И. 163
Донауров 342
Дондуков-Корсаков М. А., князь 342
Дорспрунг-Целинца К. Л. 319
Достоевская Л. Ф. 119
Друцкой-Соколинский Д. В., князь 60,
287, 299, 300, 301, 307
Дюкин В. Н. 312
Дягилев С. П. 104, 335, 338
- Евлогий (Георгиевский), митрополит 32,
82, 83, 84, 85, 119, 122, 154, 155,
160, 161, 163, 164, 300, 304, 333,
334, 335
Евлогий (Хесслер), иеромонах, позже
«митрополит» 121, 177, 178, 180,
182
Евреинова О. 79, 190
Елизавета, королева Бельгийская 121
Елизавета («Сисси»), императрица
Австро-Венгерская 106
Есаулова 327
Ефремова-Стенсфильд М. А. 132, 133
Жевахов Н. Д., князь 147, 151, 153, 154,
160, 329, 330, 331
Жигина О. 169, 172, 173
- Забелло Н. Е. 161
Зайцева М. 155
Зайцев-Лукомский В. 34
Закревские, графы
Закревская А. Ф. 60
Закревская Л. А., графиня см. Нессель-
роде Л. А.
Закревский А. А., граф 60
Засецкие 58
Засецкая В. М. 63, 65, 274
Зерво Н. С. 90
Значковский Игорь, протоиерей 156
Зозулина А. М. см. Суханина А. М.
Зозулина А. А. 317, 321
Зозулина А. И. 317, 321
Зубов А. А. 64, 69, 194, 199, 200, 201, 202,
203, 220, 260, 265, 275, 276, 277
- Иаков (Поспелов), архимандрит, позже
игумен 21, 22
Иванов И. 141
Иванов И. С. 176
Иванов Ив. см. Суханина А. М.
Иванов Н. Н. 338
Иванова А. 338
Иванова Н. В. 338
Иванова Л. В. 35
Игнатий, патриарх Антиохийский 37
Игнатъев Н. П. 144
Иеремия II., патриарх Константинополь-
ский 103

- Икскуль фон Гилленбандт К. П., барон 27, 68, 275
Икскуль Б. Я., барон 125
Ильенко Виктор, протоиерей 36, 122, 173
Иннокентий (Васильев), архиепископ Корсунский 176
Иоанн (Максимович), святитель 166
Иоахим (Валламонте), иеромонах 50
Иосиф II, император Австро-Венгерский 349
Иосиф (Габсбургский), палатин Австро-Венгерский 109
Ирина, принцесса Румынская 85
Иринарх (Попов), архимандрит, позже архиепископ 48, 50, 352
Иринея (Келадис), архимандрит 338, 339, 340
Исидор (Никольский), митрополит Санкт-Петербургский 58, 63, 107, 108, 194
Исидор, митрополит Киевский («Московский»), позже кардинал 63, 67, 195
Италинский А. Я. 17, 341, 345
Иулиан (Остромов), иеромонах 42, 43
Иустин (Федоров), иеромонах, позже архимандрит 102, 103

Кавур К. Б. 98, 99
Калачов Н. 338
Каллист (Подолов), архимандрит 36, 443
Калошина М. 104
Каменский Владимир, диакон 151, 330
Камышев Д. 149
Каноника П. 138
Капанская С. 338
Капта Н. М. 319
Каравогеоргас В. 34
Карагеоргиевич П., князь Югославский 83
Карачоло ди Белла К., маркиз 89
Карачоло ди Сарно, граф 220
Кардасевич Феофил, протоиерей 109, 110, 111, 126, 281
Карпов Г. Г. 155
Карпонов И. М. 161
Кауфман А. Б. 134
Кашперский В. 56
Квитка В. 338
Кёне Н. Б. 338
Кёне О. 338
Кинарев Б. А. 338
Киплик Д. О. 77, 261, 262, 263, 264
Клапас Д. М. 56
Климент (Верниковский), архимандрит, позже епископ 27, 28, 217, 219
Клодт П. К. 367
Клыков В. М. 156
Князев В. А. 159
Ковалевский В. 338
Ковальская Е. 27
Ковальский 27
Коган Н. см. Русская Н.
Козакевич П. М. 159
Козловский П. Б. 97, 98
Кокоскин Н. А. 18, 48
Колуччи С., пастор 174
Комба, пастор 173, 219
Консальви Э. 17
Константин I, король Греческий 82
Копецкий Андрей, диакон 154, 155, 156
Коропцов П. В. 162, 163
Коротневы 321
Коротнев А. А. 380
Коротнева С. И. 315, 318
Корсаков Н. А. 341, 345
Коста-Ходжи И. Г. 350
Котеневы 136
Котенев Н. К. 134
Котенева О. П. 134, 136
Кочубей Е. П., княгиня 58
Кочубей С., князь 84
Краснов П. Н. 163, 164, 165
Краснокутская А. Г. 260

- Краснокутский Н. А. 67
Кристи Г. Г. 321
Кристи Г. И. 315, 316, 317, 318
Кристи Е. В. 321
Кристи М. Н. 318, 321, 323, 325
Кристи С. И. см. Коротнева С. И.
Кристианович С. Ф. 339
Кричинский С. С. 147
Крон А.-К. 383
Крупенский А. Н. 128, 277, 280, 281, 284, 295, 321
Крутьев Б. 170, 172, 174
Ксенофонтов И. С. 20
Кудинов А. С. 101
Кузьмин Р. И. 94, 367
Кузьминский 77
Кулаков Василий, иерей 150, 151, 155
Кулишова А. 8, 157
Куракин Иоанн, протоиерей, позже епископ 83, 120, 159, 160, 306, 307, 308, 309
Кутуков Л. Н. 133
Кучумов Владимир, протоиерей 156, 177
Кушников Г. Г. 64, 273
Кушникова М. Г. 342
Кушникова М. Г. 342, 346
Кушникова М. Г. 346
Кушникова С. Д. 345
Кушникова С. Д. 345-346

Ла Мичела, Иоанн (Джованни), иерей 180
Лаговский А. Е. 346
Ламсдорф В. Н. 365
Лев XII, папа римский 17
Левашова А. В. 343
Левицкая Н. И. 218
Левицкая А. см. Харкевич А.
Левицкий Иоанн, иерей 71, 78, 212, 219, 246, 255, 259
Левицкий С. 278

Левицкий А. 48
Левицкий Владимир, протоиерей 8, 27, 58, 59, 60, 63, 64, 65, 67, 68, 69, 71, 74, 75, 77, 78, 79, 80, 83, 94, 128, 193, 194, 199, 200, 201, 202, 203, 205, 206, 207, 208, 210, 213, 216, 226, 228, 231, 232, 233, 238, 239, 240, 250, 258, 259, 260, 266, 276, 287, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 298, 299, 300, 301, 302, 306, 321, 340
Лелюхин Иоанн, протоиерей 81, 82, 119, 120, 162, 287, 301, 302, 337, 377
Лермонтов М. Ю. 56, 365
Литта Л. 15
Лиштван Е. И. 161
Лиштван Л. И. 161
Лобанова-Ростовская А. И., княжна 240
Лобанов-Ростовский А. Б., князь 107, 108
Логинова А. И. 89
Лолли Дж. 71, 257, 258, 261, 263, 264
Ломоносов С. Г. 54, 56, 346
Лотти Антонио (Антонио), протоиерей 184, 186
Лохов Н. Н. 84, 290
Лохова М. 84
Львов А. Д. 342, 346

Майнольди Сергей (Серджо), иерей 187, 188
Макар Николай, протоиерей 184
Маклаков Михаил, иерей 37
Максимов И. А. 161
Малакрида Ф. 128
Мальшев И. 33
Мануэль-Джизмонди П. 328
Манцу Дж. 340
Маргани П. Д. 160
Мариотти Л. 49
Мария-Каролина, королева Обеих Сицилий 88

- Марк (Давитти), архимандрит 122, 178,
179, 180, 185
- Марков А. Т. 20
- Маруцис П. 104
- Маруцци К. П. 339
- Медичи 45
- Фердинанд I 45
- Фердинанд II 92
- Фердинанд IV 88
- Франциск (Франческо) II 45
- Мейендорф Иоанн, протопресвитер 37
- Мелетий (Типальдос), митрополит 104
- Мельников П. С. 124
- Мессинги, фон 108, 117, 119
- Мессинг Д. М., фон 119
- Мессинг М. И., фон 107, 109, 110, 111, 119
- Мессинг Ф. И., фон 111, 113, 117, 120, 121
- Местр Ж., де 16, 97
- Минина В. М. 346
- Митропан В. А. 339
- Митропан Е. Н. 339
- Митрофан, архимандрит 26
- Михайлов С. 342
- Молчанов А. 130, 382
- Монти Э. 139
- Моральди В. 30
- Мордвинов В. В. 41, 42, 43, 371
- Мотт Дж. 333
- Муравьев Н. В. 280, 281
- Муравьев Н. М., граф 260
- Муравьев А. Н. 39, 40, 41, 43, 144
- Мусин-Пушкин А. А., граф 136, 307
- Муссолини Б. 131, 134
- Мутояни Н. Г. 25, 90, 92
- Мюрат И. 88
- Нагорнов М. И. 159
- Наполеон Бонапарт 16, 103, 178, 335
- Насальский Андрей, протоиерей 84, 307,
308, 309, 310
- Нелидов И. А. 269
- Нелидов А. И. 69, 71, 73, 77, 79, 193, 198,
202, 203, 205, 210, 211, 212, 218,
219, 220, 221, 231, 232, 234, 235,
237, 239, 245, 246, 250, 253, 259,
267, 270, 273, 276, 280, 281, 282,
284, 293, 294, 378
- Неплюев В. 337, 339
- Неплюев В. 339
- Неплюев И. В. 339
- Неплюева Н. 339
- Неплюева Н. М. 319
- Нессельроде К. В., граф 98
- Нессельроде Л. А., графиня 60
- Николаев Г. Н. 58
- Николаевский Александр, протоиерей
111, 112
- Николай, архимандрит 26
- Никольский И. Д. 149
- Никольский Стефан, протоиерей 26
- Никон (Богоявленский), архимандрит,
 позже епископ 26
- Ноаров Сергей, протоиерей 153
- Нови Дж. 77
- Новицкие 61
- Новицкая А. 60, 81
- Норис А. 134
- Оболенские, князья 126, 169
- Оболенский А. Д., князь 281
- Оболенский А. Н. 177, 354
- Оболенский Н., князь 170
- Олифанов В. 342
- Олсуфьевы, графы 126
- Олсуфьев А. В., граф 294, 295
- Олсуфьев В., граф 307
- Олсуфьев А. А., граф 84, 136
- Олсуфьев Е. С., граф 136
- Олсуфьева Е. Т., графиня 318, 321
- Олсуфьева М. В., графиня 64, 84, 85
- Оренго В. 370

- Оренго Н. 370
Орлов Г. Ф., граф 341, 346
Орлов Михаил, протоиерей 25, 56, 62, 63, 92
Орлов А. Г., граф Чесменский 11, 360
Орлова В. П., графиня 96
Осоргин Г. М. 37
Осоргин Михаил, протоиерей 37, 369
Осоргина А. М. 37
Остроумов Николай, протоиерей 128, 319
- Павел (Фокин), архимандрит 176
Палибина А. А. 347
Палладий (Кафаров), архимандрит 22, 23, 56
Палладий (Раев), митрополит С.-Петербургский 111, 112
Паткуль В., фон 383
Пачиарелли 71
Пашутина Е. Г. 339
Пейро Ж.-Д. 168
Пейронель Ф. 170, 172, 174
Пернверт В., фон 111
Петров-Водкин К. С. 147, 151
Пётровичи-Негоши 140
 Анастасия, принцесса Черногорская 137
 Вера, принцесса Черногорская 139
 Данила, принц Черногорский 138
 Елена, принцесса Черногорская см.
 Елена Савойская, королева Итальянская
 Иоланда, принцесса Черногорская 139
 Ксения, принцесса Черногорская 139
 Милена, королева Черногорская 137, 138, 139
 Милица, принцесса Черногорская 137
 Мирко, принц Черногорский 138
 Никола I, король Черногорский 137, 138, 139, 140
 Пётр (Петар), принц Черногорский 138
- Петрушевский П. 43
Пий IX, папа римский 22, 24, 41
Пимен (Благово), архимандрит 26, 27, 42, 104
Писарев Н. А. 347
Платов М., граф 64, 273, 274
Платова А. Н., графиня 260, 298, 300, 302, 377
Плехановы 125
Плешанов П. Ф. 20
Победоносцев К. П. 104
Поджи Ф. 32
Покровский В. А. 29, 147
Покровский Н. В. 74
Поляков А. 339
Полянский П. А. 58
Пономарев 155
Порфирий (Попов), архимандрит 23
Порфирий (Успенский), епископ 22, 41
Потемкин В. 274
Потемкин И. А. 19, 49
Потемкина Е. В. 339
Потемкина Е. В. 339
Правосудович Н. М. 124
Преображенский М. Т. 28, 65, 67, 68, 71, 74, 75, 77, 147, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 213, 214, 215, 216, 222, 223, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 252, 253, 257, 261, 262, 263, 264, 274, 277, 293, 354
Продьяко М. 134
Протасов Н. Я. 64, 273, 274
Протопопов Н. А. 28
Пустоткина Е. Ф. 58
Равазо В. 132

- Равазо Лидия 132
Равазо Людовико 132
Разумовский А. К., граф, позже светлей-
ший князь 87
Раскович Савва 34
Раскович Спиро 34
Рахманова Е. С. 67, 274
Резанова Н. 347
Рейман Ф. П. 71, 230, 235, 249, 250
Рикко Н. 149
Родионова Л. 34
Родоконаки, графиня 83
Рокотов Ф. С. 48
Романович А. 342, 347
Романовы
Александр I 16, 17, 20, 47, 48, 49, 76, 77,
89, 100, 104
Александр II 18, 24, 25, 58, 104, 107, 145
Александр III 33, 115, 143
Александра Иосифовна 101, 107
Александра Павловна 109, 110
Александра Федоровна 93, 95, 99, 101
Алексей Михайлович 103, 125
Вячеслав Константинович 143
Георгий Михайлович 77
Екатерина II 87, 102, 104
Екатерина Михайловна 101, 108
Елена Павловна 20
Елизавета Федоровна 145, 147, 149
Константин Николаевич 101, 107, 142, 143
Мария Александровна 125
Мария Николаевна 22, 56, 62, 63, 92, 101
Мария Федоровна 104
Михаил Николаевич 28, 126
Михаил Павлович 50
Михаил Федорович 103
Николай Александрович 142, 143
Николай Николаевич (старший) 138
Николай I 20, 21, 24, 40, 89, 92, 93, 94,
98, 101, 102
Николай II 28, 29, 73, 128, 132, 145, 147,
156
Олег Константинович 150
Ольга Константиновна 34, 82
Ольга Николаевна 95
Павел I 15, 46, 88, 97, 103, 104
Павел Александрович 64
Петр I 104, 177
Сергей Александрович 28, 64, 145
Сергей Михайлович 125, 126
Филарет (Федор Никитич), патриарх
Московский 103
Роменский Валент, протоиерей 133, 163,
311
Ростан Э. 172
Рубино А. 315, 317
Румбольд В. 348
Румбольд Н. 347
Русская (Коган) Н. 82
Руссо А. И. 315
Руссо Ася 315
Рыжов А. П. 159
Рябушинский С. П. 161
Сабашникова М. В. см. Волошина М. В.
Саблер В. К. 126, 128, 129, 220, 316, 318,
320, 321, 323
Савойя
Виктор-Эммануил (Савойский) II, король
Итальянский 24, 26, 61, 98, 99
Виктор-Эммануил (Савойский) III, ко-
роль Итальянский 28, 137, 139
Гумберт (Савойский) II, король Ита-
льянский 139
Елена (Савойская), королева Итальян-
ская 29, 85, 137, 138, 139, 325
Карл-Альберт (Савойский), король Сар-
динский 98
Савва (Шимкевич), архимандрит 84, 86
Сазонов С. Д. 79, 285

- Сарачага Е. А. 348
Саргани К. К. 316, 317, 321
Саргани С. М. 321
Сведомская А. А. 381
Семкова Г. 170, 174
Серафим (Родионов), епископ 182, 184
Серафим, иеромонах 46
Сергий (Страгородский), митрополит,
 позже патриарх 366
Серединский Тарасий, протоиерей 90, 91
Серракаприола А., герцог 87, 88
Сильвестр (Харунс), епископ 133, 155,
 162, 163, 312
Симеон, иеромонах 39
Симеон (Нарбеков), архимандрит 30, 34, 35,
 36, 81, 296, 299, 300, 306, 311, 312
Синявина (Сенявина) Е. А. см. Воронцо-
 ва Е. А.
Сипягин Д. С. 381
Сипягина А. П. 321, 323
Скавронский П. М., граф 87
Скарятин А. Я. 401
Скарятина А. Н. 348
Скотти М. И. 94
Скроцкий В. 170
Слуцкая А. Я. 340
Слуцкая Л. 104
Смирнов Г. 48
Смирнова Е. П. 342
Смирнова М. Г. 342
Сморжевский Аполлон, протоиерей 124,
 133, 160, 161, 162, 311
Соколов Ф. 84
София, королева Греческая 82
Софония (Сокольский), архимандрит,
 позже епископ 22, 41
Софронов П. 34
Спасский П. В. 160
Сперанский Петр, протоиерей 89, 93, 95,
 99, 101
Сперлари-Бурмазович Н. 370, 382
Спиридон (Ефимов), иеромонах 166
Спиридов И. С. 124
Стансфильд-Ефремова М. А. 163, 370, 382
Стахович Е. В. см. Кристи Е. В.
Стельмашенко Михаил, протоиерей 80,
 81, 117, 118, 157, 158, 159, 287,
 299, 300, 301
Столыпин А. А. 56, 297
Столыпин П. А. 381
Стравинская В. А. 340
Стравинская В. А. 340
Стравинский И. Ф. 104, 335, 340
Стрекалова А. И. 315, 325, 326, 327
Стрекалова А. М. 126
Строганов Г. И., граф 58, 280
Стуре В., фон 124
Субботин Вс. А. 30, 149
Суворов А. В. 88, 97
Сумарокова А. 339
Сумбатов В. А. 342
Сунди И. А. 340
Суханины 128
 Суханин В. В. 126, 328
 Суханина А. М. 126, 129, 313-327, 382
Сушенко К. 342
Тайнер 122, 124
Таллевици, графы 136, 370
 Таллевиц Е. И., графиня 381
 Таллевиц А. Л., графиня 320, 322, 323
 Таллевиц В. И., граф 128, 133, 138, 320,
 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328
 Таллевиц И. В., граф 321, 322
Тарковский А. А. 85
Таубе Л., баронесса 383
Тейль ван Сероскеркен Т. см. Тейль фон
 Сероскеркен Ф. В.
Тейль фон Сероскеркен Ф. В. 17
Терци Дж., маркиз 50

- Терци Е. М., маркиза 14, 50, 189, 352
Тизенгаузен Д. Ф., графиня см. Финкель-
мон Д. Ф.
Тизенгаузен Е. Ф., графиня 349
Тило Г. Э. 128, 129, 320, 321, 322, 323,
324, 325, 382
Тило К. (Екатерина) 134
Толстой А. К., граф 125
Толстой П. А., стольник, позже граф 39, 142
Томский-Понов С. 169, 173, 174
Тон К. А. 19, 33
Торнатори А. 129, 382
Тортон Ч.-Дж. 111
Травлинская А. 56
Травлинская А. М. 56
Травлинский Платон, иерей 56
Травлинский А. 56
Травлинский Е. 56
Третьякова М. П. 132
Троянов Игорь, протоиерей 173, 174
Трубецкие, князя 58
Трубецкая Е. П., княжна см. Демидо-
ва Е. П.
Трубецкая М. Н., княжна см. Кри-
сти М. Н.
Уваровы, князя 58
Уваров А. Ф., князь 348
Уварова А. А., княжна 348
Уварова Н. П., княгиня 348
Уилдинг Дж. 93
Уилдинг К. 94
Урусовы, князя 58
Урусов Л. П., князь 277, 280
Урусов П. А., князь 348
Урусов Н. В., князь 136
Урусова А. С., княгиня 348
Фави А. 71, 243, 244, 245, 252
Фамилский К. Н. 149
Фарапанов Г. П. 58
Федоров Демид (Диомид) 103
Федоров Т. 102, 103
Федотов Николай, о. 149, 150
Феофан (Авсенеv), архимандрит 21
Феофан (Быстров), архиепископ 159
Филарет (Вознесенский), митрополит
173, 182,
Филарет (Вахромеев), митрополит 186
Филипп (Гумилевский С. Н.), архиман-
дрит 30
Филипп (Васильцев), игумен 177
Финкельмон Д. Ф., графиня 349
Флеров Христофор, диакон 149, 219, 259,
260
Фомин А. 82, 299
Фортуна-де-Фурнье Ж.-Б. 52
Форчеллини А. 101, 335
Фрейганг Василий (Вильгельм) 383
Френкель С. П. 348
Фролова А. 340
Фузаро 382
Фузек Борис, иерей 188
Халкидиотис В. 184
Харкевич А. К. 78, 80, 83, 85, 120, 284,
285, 287, 288-312
Харкевич Н. А. 83, 288
Хитрово А. З. 64, 273, 286, 287, 298
Хитрово Е. М. 349
Хитрово Н. Ф. 47, 341, 348-349
Христофор Георгиевич, королевич Грече-
ский 34
Хубер 111
Цветаев И. В. 84
Чайковский П. И. 125
Чампи С., аббат 48
Чарыков Н. В. 145

Указатель имен

- Чевати К. С. 348
Челищева Е. А. 126
Чемоданов И. 103
Чепцов Е. М. 77, 261, 262, 264, 268
Черкасские, князья 58
Черный К. К. 159
Черныш М. В. 314, 317, 321
Чернышев З. Г., князь 31
Чернышева М. А., княжна 31, 32, 34
Чоффари Д., отец 12, 372
- Шаповаленко Г. 340
Шаповаленко М. 340
Шарварок П. С. 77, 251, 261, 262, 264, 268
Шаховская В. П., княжна см. Шувалова-Полье В. П.
Шебуев В. К. 47, 218
Шереметевы, графы 126
 Шереметев Б. П., граф 42, 184
 Шереметев Б. С., граф 128, 318, 319, 320
 Шереметева Е. А. 319
Шиалес Павел, иерей 182
Ширинский-Шихматов А. А. 145, 147, 151, 330, 331, 332
Ширяев Б. Н. 165
Шкуро А. Г. 163
Шляпкин И. А. 313
Шмеман Александр, протопресвитер 37
Шпигельберг Г. Г., фон 69, 275, 340
Штакельберг Г. О., граф 368
Штакельберг Э. Г., граф 98, 99
Штакеншнайдер А. И. 95
Шувалов Г. П., граф 40
Шувалов П. П., граф 96
Шувалова Б., графиня 32
Шувалова В. П. см. Орлова В. П.
- Шувалова-Полье В. П., графиня 93, 94, 95, 96
- Щербатовы, князья 58
 Щербатов А. П., князь 31
Щербинина А. 383
Щусев А. В. 129, 146, 147, 149, 177, 313, 314, 315, 316, 317, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 328, 354
- Эйхенвальд А. А. 161
Энгельбах 46
Энгельгардт Е. А. 341
Энгельмейер А. 340
Энгельмейер Апполоний 340
Энгельмейер М. Г. 340
Энгельмейер Марк 341
Энне Л.-М. 341
Энне М. (Маруся) 341
Энне М. 341
Энне Э. 341
Эристов (Эристави) А. К., князь 159
Эркерт К.-Х. 122
Эрн В. 44
- Юркевич П. М. 162, 163
- Ягн А. Ю. 28, 67, 274, 275
Яковлева М. 120
Якшич Антоний, иерей 138
Яненко Я. Ф. 20
Янкин Иоанн, протоиерей 84, 121, 122, 124, 134, 139
Ярцев В. И. 120, 287, 288, 290, 291, 298, 300, 303
Ясинский И. М. 57
Ястребов Алексей, иерей 176, 180

Научное издание

Талалай Михаил Григорьевич

РУССКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ
И ХРАМОСТРОИТЕЛЬСТВО В ИТАЛИИ

Редактор

Н. Р. Либерман

Младший редактор

Л. А. Козлова

Художественный редактор

С. А. Булачева

Корректор

С. К. Бабинская

Макет и подготовка иллюстраций

С. Гавриловой и Н. Вознесенского

9 785901 841648 >

Подписано в печать 01.12.10. Формат 70×100 в 1/16. Гарнитура Кузаняна.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 24. Уч.-изд. л. 26,0. Тираж 1200. Зак. 5537

Отпечатано с диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие „Искусство России“»
198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., 38, к. 2

Книга историка Михаила Талалая — итог его пятнадцатилетней работы в архивах и библиотеках Италии и России. Она представляет собой уникальную «энциклопедию» русской церковной жизни на Апеннингах во всех ее аспектах — историческом, политическом, художественном, биографическом, бытовом. Церковное присутствие России представлено с его истоков, с учреждения посольских и миссийных храмов в конце XVIII в., через инициативы оседлых представителей дореволюционной элиты, а также курортников и паломников, и до деятельности эмигрантов, включая их самую последнюю волну на рубеже XX–XXI веков.

